НА ЛИНИИ ФРОНТА

ПРАВДА О ВОЙНЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ И БИОГРАФИИ

Юрий Рипенко

МАРШАЛ ВАРЕНЦОВ

ПУТЬ К ВЕРШИНАМ СЛАВЫ
И ДОЛГОЕ ЗАБВЕНИЕ

1901—1971

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга полковника, кандидата военных наук Ю.Б. Рипенко посвящена яркой судьбе Главного маршала артиллерии, Героя Советского Союза Сергея Сергеевича Варенцова, несправедливо забытого ныне. Его жизнь вобрала в себя и триумфальное восхождение по служебной лестнице, и вершины искусства управления большими массами артиллерии в годы Великой Отечественной войны, и весомый вклад в послевоенное становление ракетных войск и артиллерии, оснащенных ядерным оружием, и драматическое время незаслуженной опалы. В 1963 году за личные связи с предателем О. Пеньковским и «утерю бдительности» С.С. Варенцов был снят с должности командующего ракетными войсками и артиллерией Сухопутных войск, понижен в звании, лишен звания Героя Советского Союза и всех орденов. Почти три десятка лет имя этого видного военачальника с огромным фронтовым опытом было предано забвению, а подлинные обстоятельства его отставки оставались неясными для современников. Автор первой биографической работы о С.С. Варенцове на большом документальном материале, в том числе семейном архиве маршала, восполняет этот пробел и вносит вклад в восстановление его честного имени, сосредоточив основное внимание в данной книге на деятельности военачальника в годы Великой Отечественной войны и послевоенное время.

- От автора
- Пролог
- Глава 1. Золотые часы наркома
- Глава 2. Суровые испытания
- Глава 3. Командующий артиллерией фронта
  -
  - Первые наступательные операции
  - «Огневой щит и меч» на Курской дуге
  - Операция «Полководец Румянцев»
  - На Киевском направлении
  - «Артиллерийский огонь был страшен»
  - Корсунь-Шевченковский котел
  - Под командованием Г.К. Жукова
  - «В бою кто упредил — тот и победил»
  - Победа в Прикарпатье
  - «Горная война прежде и теперь»
  - Артиллерийский гром за Вислой

- От Одера до Нейсе
- Берлинская операция
- Пражская операция

- Глава 4. «Должности Командующего ракетными Войсками и артиллерией соответствует вполне»
- Глава 5. Предписанное забвение
- Приложения
  - Приложение 1
  - Приложение 2
  - Приложение 3
  - Приложение 4
  - Приложение 5
  - Приложение 6
  - Приложение 7
  - Приложение 8
  - Приложение 9
  - Приложение 10
- Литература
- Иллюстрации
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24

- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68

- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112

- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156

- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200

- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244

- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282

От автора

Человек, проливавший кровь за свою страну, вправе рассчитывать на справедливое отношение к себе. Никто не имеет права на большее, но никто не должен получить меньше.

Президент Теодор Рузвельт,
7 декабря 1903 г.

Эта книга о бывшем Главном маршале артиллерии, Герое Советского Союза Сергее Сергеевиче Варенцове, чья жизнь вобрала в себя и триумфальное восхождение по служебной лестнице, и вершины искусства управления большими массами артиллерии в годы Великой Отечественной войны, и весомый вклад в послевоенное становление ракетных войск и артиллерии, оснащенных ядерным оружием, и драматическое время незаслуженной опалы.

В 1963 году С.С. Варенцов был снят с должности командующего ракетными войсками и артиллерией сухопутных войск, понижен в звании, лишен звания Героя Советского Союза и всех орденов. Почти три десятка лет имя этого видного военачальника с огромным фронтовым опытом было предано забвению, а подлинные обстоятельства его отставки оставались неясными для современников. Люди старшего поколения его фамилию, пожалуй, вспомнят, но обязательно в связи с нашумевшим в свое время делом О. Пеньковского. Остальные же и этого не знают. Неоткуда. Только в начале 90-х годов о С.С. Варенцове, посвятившем всю свою жизнь служению отечеству, изредка стали появляться очерки и статьи, однако в большинстве своем мало отражающие его вклад в нашу Победу над фашистской Германией.

Известно, что предпринимались попытки родственников и соратников Сергея Сергеевича, ряда журналистов, юристов восстановить славное имя С.С. Варенцова. Пока сделано немного. И результаты на текущий день таковы, что создается впечатление незыблемости ранее принятых несправедливых решений в отношении Сергея Сергеевича, так как его имя появляется в публикациях не иначе как при упоминании имени О. Пеньковского.

Нужна реабилитация. А для этого, на мой взгляд, необходимо больше освещать деятельность Сергея Сергеевича в годы Великой

Отечественной войны и его вклад в развитие ракетных войск и артиллерии в послевоенное время, тем самым расширяя информационное поле вокруг имени С.С. Варенцова.

К сожалению, маршалы А.М. Василевский, Ф.И. Голиков, Г.К. Жуков, И.С. Конев, К.С. Москаленко и другие военачальники, хорошо знавшие Сергея Сергеевича, по понятным причинам не смогли в своих воспоминаниях рассказать о деятельности С.С. Варенцова на посту командующего артиллерией одного из самых мощных фронтов Красной армии.

С другой стороны, сокровищница боевого опыта наших вооруженных сил многое потеряла, не пополнившись воспоминаниями С.С. Варенцова и артиллерийских военачальников, воевавших под его командованием, об управлении большими массами артиллерии. Вышли только воспоминания командующего артиллерией 1-го Белорусского фронта В.И. Казакова и его начальника штаба Г.С. Надысева.

В 1992 году в «Военно-историческом журнале» были опубликованы материалы подполковника Ю.А. Прыткова под названием «…И свергнут властною рукой» в том объеме, какой позволял формат журнала. В них был кратко изложен весь служебный путь С.С. Варенцова от начала военной службы и до драматической отставки. В данной книге этот материал был положен в основу первой главы «Золотые часы наркома».

В 2001 году С. Павленко в газете «Красная звезда» опубликовал статью «Виражи судьбы маршала Варенцова», которая представлена частично в главе «Предписанное забвение».

Публикаций, посвященных непосредственно деятельности С.С. Варенцова в должностях начальника артиллерии корпуса (армии) и командующего артиллерией фронта, в настоящее время нет. Отсутствуют они и в ресурсах Интернета.

Автор надеется в какой-то степени ликвидировать этот пробел и таким образом внести определенный вклад в восстановление честного имени С.С. Варенцова, сосредоточив основное внимание в данной книге на его деятельности в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время.

Автор не претендует на исчерпывающее изложение деятельности С.С. Варенцова в военное и мирное время, а выражает надежду на дальнейшее изучение и освещение героического жизненного пути Сергея Сергеевича военными историками и писателями. Только тогда можно быть убежденным в том, что не за горами тот день, когда проникновенные слова *«Никто не забыт и ничто не забыто»* будут иметь самое непосредственное отношение и к С.С. Варенцову — мастеру маневра «огнем и колесами», убедительно доказавшему это своей

деятельностью в годы Великой Отечественной войны.

Автор выражает искреннюю признательность Эрлене Сергеевне Гончаровой (Варенцовой), Наталии Сергеевне Варенцовой, Александру Леонидовичу и Сергею Леонидовичу Гончаровым, а также Людмиле Владимировне Шмелевой за помощь, оказанную при написании настоящей книги.

Юрий Рипенко

Пролог

…Работник управления кадров полковник В.И. Тюленев с тяжелым сердцем поднимался по лестнице дома № 68/70, что на Фрунзенской набережной. Ему предстояло выполнить неприятную миссию: вручить для ознакомления командующему ракетными войсками и артиллерией сухопутных войск С.С. Варенцову документы о его увольнении в отставку и понижении в воинском звании до генерал-майора. Виктор Иванович хорошо знал командующего. Кандидат в члены ЦК КПСС, Герой Советского Союза, Главный маршал артиллерии С.С. Варенцов был известным и авторитетным военачальником. Подкупали его широкие военные знания, организаторские способности, умение работать с людьми, смелость в отстаивании принципиальных вопросов перед самыми высокими инстанциями. Поэтому последние события — нашумевшее дело американского шпиона О. Пеньковского, обвинение С.С. Варенцова в утрате политической бдительности и связи с предателем Родины, увольнение командующего в отставку, лишение воинского звания, наград — все это с трудом укладывалось в голове опытного офицера-кадровика. Виктор Иванович размышлял: как обратиться к командующему, по старому воинскому званию или как к генерал-майору артиллерии? Впрочем, для раздумывания уже не оставалось времени. Вслед за коротким звонком открылась дверь квартиры, и полковника Тюленева встретил напряженный взгляд ее хозяина.

— Товарищ командующий, мне приказано довести до вас Указ Президиума Верховного Совета СССР о понижении вас в воинском звании до генерал-майора артиллерии и приказ министра обороны СССР об увольнении вас в отставку.

Тюленев с трудом перевел глаза с принесенных документов на того, кому они адресовались. Виктору Ивановичу показалось, что на глаза командующего навернулись скупые мужские слезы. Было это в один из дней 1963 года[1].

Глава 1. Золотые часы наркома

…Всего в 50 километрах от Москвы находится город Дмитров. Основан он был в середине XII века князем Юрием Долгоруким.

Важную роль в истории Дмитрова сыграло его месторасположение на берегу реки Яхромы, которая впадает в реку Сестру, Сестра — в Дубну, Дубна — в Волгу. Таким образом, город был связан водным путем со многими территориями Древней Руси: Тверью, Нижним Новгородом, южными и северными землями. Кроме того, он стоял на границе трех соперничавших княжеств: Переславского, Тверского и Московского, между которыми шла непрерывная борьба за расширение своих земель, усиление влияния.

За свою историю Дмитров неоднократно подвергался разрушению от междоусобных княжеских войн, шесть раз его сжигали татаро-монгольские завоеватели, но каждый раз город возрождался из пепла, восстанавливались крепостные стены, просуществовавшие вплоть до начала XVII века. Любопытно, что визитной карточкой города, как и в Туле, были пряники, а также баранки. В частности, во время визита в 1858 году Александра II вместо традиционных хлеба-соли гостю поднесли печатный пряник.

Во второй половине XIX века после строительства Николаевской железной дороги Москва — Санкт-Петербург через Клин (1851) и Ярославской железной дороги через Сергиев Посад (1869) Дмитров, оставаясь административным центром, оказывается в относительно невыгодном экономическом положении. Значение старой речной торговли сходит на нет, население сокращается, хотя уезд в целом считается одним из наиболее промышленно развитых в губернии наряду с Богородским и Московским.

Из этого состояния город отчасти вывело строительство железной дороги Москва — Савелов (1900). Ко времени Первой мировой войны в Дмитрове начинается рост населения и промышленности.

В этом уездном городке 15 сентября 1901 года родился будущий военачальник Сергей Сергеевич Варенцов.

Семья Варенцовых жила в тесном деревянном доме, построенном еще после войны 1812 года. Отец, Сергей Александрович, работал чернорабочим, грузчиком на пристани, продавцом в купеческой лавке. Мать, Васса Васильевна, вела домашнее хозяйство. Детей было много, одни оставались живы,

другие умирали. Выжили пятеро детей: две дочери и трое сыновей. Сергей был старшим, любимым ребенком. Познавший сполна тяжелый физический труд, отец стремился дать мальчику хорошее образование. После окончания Дмитровского высшего городского начального училища Сергей учился на курсах бухгалтеров, затем начал работать счетоводом.

Октябрьская революция изменила уклад жизни Варенцовых, как и миллионов других семей. Началась Гражданская война. Сергей Александрович с тревогой наблюдал за поведением сына.

— Не пущу! — заявил отец накануне предстоящего отъезда сына и спрятал единственные сапоги. — Воевать захотелось! А чем бухгалтер хуже солдата?!

Зимою и без того узкие улочки старинного Дмитрова кажутся совсем непреодолимыми. Сугробы и горы снега, да тропки меж ними, словно ходы сообщений в окопах. Тусклые фонари и предутренний мороз. Открылась калитка. Из нее выбрался юноша и зашагал меж сугробов истоптанной стежкой. Уходил в Красную армию ее будущий воин и военачальник.

10 марта 1919 года Сергей Варенцов начал военную службу и вскоре оказался на самом горячем участке Гражданской войны — на Южном фронте. Красноармейцем перевязочного взвода 5-го Курского революционного полка М.Е. Трунова участвовал в боях с деникинцами, чудом избежал плена в острых схватках с кавалерией Мамонтова. Судьба благоволила молодому пареньку, уберегла его от пули, но не спасла от тифа. Только по письму сына из госпиталя семья узнала, куда увела Сергея мартовская ночная дорога. А вскоре Варенцов-младший, оправившийся от болезни, предстал перед родительскими очами: после госпиталя его перевели в Дмитров для несения гарнизонной службы.

В те годы служба рядом с родительским домом была редким везением для военного человека. Смышленому, грамотному красноармейцу Варенцову предложили поехать учиться на красного командира. Он согласился. Попросился в артиллерию, наверное, потому, что с детства любил лошадей, а артиллерия была в то время исключительно на конной тяге, да к тому же, как дипломированный бухгалтер, был хорошо знаком с математикой. Вероятно, это и сыграло значительную роль в выборе военной профессии. Примечательно, что Сергей Сергеевич всю жизнь собирал статуэтки лошадей. Со временем любовь к лошадям переросла в настоящее влечение, «нержавеющую» любовь к славному роду войск — артиллерии, развитию которой он посвятит всю свою жизнь.

Так Сергей Варенцов оказался под Петроградом, в Царском Селе, на командных курсах тяжелой артиллерии. Учился

прилежно. Как один из лучших выпускников, был направлен на должность взводного командира в Высшую артиллерийскую школу комсостава в городе Луге. Служба ладилась, хотя и пришлось участвовать в подавлении мятежа в марте 1921 года.

За несколько дней до открытия X съезда РКП (б) моряки во главе с бывшим генералом Козловским подняли мятеж в Кронштадте — главной базе Балтийского флота, выдвинув лозунг «Советы без коммунистов». На подавление мятежа были брошены и курсанты Высшей артиллерийской школы.

17 марта, в 5 часов утра, после скрытного выдвижения войск на исходные рубежи и артиллерийской подготовки, продолжавшейся с полудня 16 марта, штурмовые отряды атаковали мятежников и ворвались в Кронштадт. Руководители мятежа и около восьми тысяч мятежников отступили в Финляндию, остальные сложили оружие. Никто не знает, что творилось в душе молодого краскома, но домой Сергей Варенцов вернулся с первой сединой, подолгу молчал, много курил, а затем попросился служить на Украину.

Характеристики, написанные командирами и начальниками С.С. Варенцова в те годы, скупо и точно характеризуют его деловые качества. Вот отдельные выдержки из них[2].

«1924 г.

Начальник связи батареи дивизиона ТАОН[3] Высшей артшколы.

Хороший работник, исполнителен. Дисциплинирован и требователен. Имеет любовь к хозяйственной работе. Политически развит достаточно. Требователен к себе и к подчиненным. Здоров. Занимаемой должности соответствует. Может быть выдвинут на должность начальника связи дивизиона.

1925 г.

Начальник связи и разведки батареи, учебный артполк АКУКС[4].

Энергичный, достаточно выдержан, хорошо дисциплинирован. Общее развитие вполне удовлетворительное. Здоров. Занимаемой должности соответствует. Вполне заслуживает выдвижения на должность командира батареи в очередном порядке.

1926 г.

Начальник разведки дивизиона, учебный артполк АКУКС.

Энергичен, инициативен, решителен. Дисциплинирован, к подчиненным требователен, политически развит, морально устойчив. Заслуживает выдвижения на должность командира

батареи во внеочередном порядке».

Комментировать эти строки официальных служебных аттестаций вряд ли есть необходимость. Остается только подчеркнуть, что уже в те годы напряженной строевой службы Сергей Варенцов практически познал, насколько важна роль организации артиллерийской разведки и организации связи для управления артиллерией в бою, так как без разведки артиллерия слепа, а без связи — орудия молчат.

Появилась возможность продолжить образование, и в 1926 году С. Варенцов экстерном сдает экзамены за полный курс Первой артиллерийской школы. Командир взвода, помощник командира батареи, начальник связи дивизиона, командир батареи — эти ступени профессионального роста стали для С. Варенцова хорошей школой, позволили ему приобрести большой практический опыт. В 1927 году Сергей Варенцов был назначен начальником полковой артиллерийской школы, в том же году получил свою первую награду — именной револьвер от Кременчугского облисполкома.

Командиры Сергея Варенцова продолжают в характеристиках отмечать его сильную волю, энергию и хорошую подготовку и, видя в нем перспективного командира, рекомендуют послать на курсы для повышения знаний.

«1928 г.

Начальник полковой школы 25-го артполка.[5]

Сильная воля, решительный, бурная энергия, прям, требователен к себе и к подчиненным, военная и общая подготовка, специальная артиллерийская, знания других родов войск вполне удовлетворительные.

Во всех отношениях подготовленный командир для занимаемой должности. Занимаемой должности вполне соответствует. Необходимо послать на основное отделение АКУКС для повышения знаний.

1930 г.

Слушатель 2-го отделения среднего комсостава АКУКС.

Активно и добросовестно относится к работе. Тактически подготовлен. Уставы знает хорошо. По стрельбе подготовлен хорошо. Подготовлен на должность дивизиона К-7.

1931 г.

Начальник полковой школы 25 ап.

Дисциплинирован, требователен. Проявляет разумную

инициативу, решителен, находчив. Состояние здоровья хорошее. Во всех отношениях подготовленный командир. Может быть продвинут на должность начальника штаба полка или помощника командира полка по строевой части во внеочередном порядке…»

В аттестации на начальника полковой школы С. Варенцова в 1932 году отмечалось: «…показал образец работы во всех отношениях. Отлично дисциплинирован. Подготовлен как тактически, так и политически хорошо. Требователен к себе и подчиненным, пользуется большим авторитетом… Заслуживает во внеочередном порядке назначения на должность помощника командира артиллерийского полка по строевой части»[6]. В 1934 году С. Варенцов становится помощником командира 41-го артиллерийского полка 41-й стрелковой дивизии. И на этой должности С. Варенцов характеризуется положительно.

«1935 г.
Помощник командира 41 ап по строевой части.
Обладает силой воли. Специальная подготовка хорошая, общая — удовлетворительная, хороший стрелок. Настойчив, решительный, но вспыльчив. Политически подготовлен хорошо. Здоров. Должности помощника командира полка по строевой части вполне соответствует, может быть выдвинут на должность командира артполка во внеочередном порядке.
П.п. Командир в/ч 4332
Комбриг ВОРОНЦОВ
Военный комиссар
полковой комиссар
(подпись)».

Только перечисление всех этих данных позволяет нам, с одной стороны, представить себе прекрасные организаторские способности С. Варенцова, целеустремленность и требовательность, а с другой — увидеть, как последовательно он, не перескакивая служебных ступеней, настойчиво осваивал низовые должности артиллерийских командиров и начальников, что впоследствии положительно сказалось на его дальнейшем росте.

Командиром-комиссаром 41-го артиллерийского полка был М.Ф. Сидорук, сыгравший в жизни С. Варенцова неблаговидную роль, о чем речь впереди. Жизненный путь Сидорука мало чем отличался от военной судьбы сотен и тысяч других красных командиров: грузчик до революции, красноармеец, участник Гражданской войны, слушатель курсов, командир подразделения.

Отличала Сидорука разве что особая жилка партийного активиста. Она была замечена политработниками, и после окончания Зиновьевской школы Сидорук, как заслуживший особое доверие, получил назначение на должность командира-комиссара полка.

Поначалу, рьяно взявшись за командование частью, Сидорук одновременно с этим обнаружил недюжинные способности устраивать свое материальное благополучие за счет полка. Вот что говорят об этом материалы закрытого заседания комиссии по чистке партийной организации 41-й стрелковой дивизии от 16 ноября 1934 года, на котором рассматривалась деятельность помкомандира 41-го артиллерийского полка по хозяйственной части Подорожко:

«Слушали: дополнительный разбор по чистке тов. Подорожко, чл. ВКП(б) с 1919 г., п/б № 0425919, рабочий, в других партиях не состоял, помкомполка.

Председатель комиссии тов. Маневич говорит, что тов. Подорожко проходит чистку очень тяжело. Выступило до 20 человек, где ругали его крепко за плохое руководство хозяйством, неактивную партработу. В своем выступлении он указал, в частности, на свои ненормальные взаимоотношения с командиром полка… После замечания обвинил систему работы Сидорука.

Подорожко. В отношении пьянок. Они были часто на полигоне, последняя выпивка была в лагерях в штабе с представителями районных работников, когда тов. Сидорук, будучи пьяным, там и спал на диване. Очень часто приезд шефов сопровождался большими выпивками… Характер Сидорука мне был знаком по совместной службе ранее. В первые дни при указании по работе он меня предупредил, что работа в хозяйстве сложная, и намекнул кое о чем… Конкретно это вылилось уже в неправильном учете поголовья…

Вопрос. Что за поддельные счета?

Ответ. Купля лошади, принадлежащей командиру полка, а счета получили от какой-то организации.

Вопрос. Какие еще были случаи?

Ответ. Я приказал за растрату арестовать одного подчиненного. Но мои приказания были отменены без моего на это согласия…»[7]

Вышестоящие начальники знали о злоупотреблениях командира-комиссара артиллерийского полка, но закрывали на них глаза. Благополучно Сидорук прошел партийную чистку. Много лестных слов о нем сказал сам помполит корпуса Кавалерс. А вот Подорожко комиссия по чистке обвинила в

измышлениях и собирании фактов и слухов, предупредила о строжайшей партийной ответственности в случае, если ему не удастся перестроить свою работу.

Задобренные гостеприимным комполка начальники прощали Сидоруку и его нередкие грубые служебные промахи. Уверовавший в свою всесильность, командир-комиссар позволил себе и некоторые политические высказывания, идущие вразрез с официальной пропагандой. Вот этого уже «компетентные органы» Сидоруку простить никак не могли.

37-й год мог стать последним в жизни Сергея Сергеевича Варенцова. Командир-комиссар 41-го артиллерийского полка невзлюбил своего помощника за его независимость, способности, авторитет среди подчиненных. Отметим, что у С.С. Варенцова всегда было обостренное чувство служебного долга, он не хотел быть «гибким», никогда не подстраивался под своих начальников, а имел свое мнение по решению различных проблем. Поэтому Сергей Сергеевич своей несгибаемостью и непреклонностью попросту раздражал всех нерадивых, карьеристов и просто нечистоплотных людей как до войны, так и после Великой Отечественной войны,

К таким людям можно отнести и командира-комиссара полка М.Ф. Сидорука. Не утруждая себя в должном исполнении служебных обязанностей, все более устраняясь от руководства частью из-за многочисленных пьянок, Сидорук, однако, приложил немало усилий к тому, чтобы разделаться с непокладистым майором Варенцовым. И способ выбрал для этого самый верный: оговор, донос в «компетентные органы». Желая ускорить развязку, командир полка собранный на своего помощника «компромат вручил в опечатанном конверте… самому Варенцову и приказал ему доставить «документы» в Москву, в НКВД»[8].

«Отец прибыл домой, — вспоминает дочь С.С. Варенцова Эрлена Сергеевна, — быстро собрался и сказал маме, что его Сидорук направляет в Москву к наркому Ежову. Я видела, как он сложил в маленькую военную сумку полотенце, мыло и бритвенный прибор. А большой конверт с печатями он положил под гимнастерку. Папа уехал. А мама и моя старшая сестра Нина плакали (Нина была дочерью С. Варенцова и его рано умершей первой жены. — *Ю. Р.*). И только повторяли, что отец погибнет и нас лишат квартиры. Действительно, поздно вечером, а иногда в начале ночи приходили какие-то люди по команде Сидорука (так они говорили). Я только просыпалась и слышала фразы: «Подходит?» или «Не подходит!». Квартира состояла из двух небольших комнат, но желающих ее занять было более чем достаточно.

В наркомат Сергей Сергеевич попал в «неудобное время», которое оказалось, впрочем, очень удачным. Была очень большая очередь к Ежову, длинный коридор был полностью заполнен военными. Терять время попусту строевой офицер не хотел, да и характер требовал действия. И отправился он к заместителю главного чекиста страны.

— Вы хоть читали, что здесь написано?! — задал вопрос вскрывший пакет. — Здесь рапорт на ваш арест как врага народа.

Открылась потайная дверь в стене кабинета, и Варенцов очутился в другой комнате.

— Пишите обо всем, что творится в полку, — последовал приказ.

Отец врать не умел, — продолжает Эрлена Сергеевна, — и он написал (я знаю это от мамы), что у Сидорука были частые пьянки, в ходе которых высказывались недовольства некоторыми законами Советской власти, обсуждались вопросы воровства сена и его продажи. Артиллерия тогда была на конной тяге, и лошадей надо было хорошо кормить, Я помню, как по этому поводу переживал отец и часто по ночам лично проверял конюшни на наличие сена для лошадей. К Сидоруку на пьянки он не ходил. Хотя один раз мама уговорила папу, чтобы он сходил, дабы ничего не случилось (так мама думала). Но вскоре отец вернулся в гневе, поссорился с мамой и сказал, что в такую компанию ни он, ни она ходить не будут».

Трудно сказать, что конкретно повлияло на дальнейшие события и судьбу Варенцова: подозрительное отношение «органов» к необычному способу расправы командира со своим подчиненным или начавшаяся опала Ежова и его подчиненных. Но факт остается фактом: посланного на верную смерть Варенцова отпустили, и он вернулся в свой полк.

Вскоре арестовали Сидорука. Такой же участи каждый день ожидал и Варенцов. Тревога за семью и товарищей по оружию сменялась чувством безысходности. В частях дивизии не прекращались аресты командиров. 17 октября 1937 года был арестован и менее чем через месяц расстрелян отец жены Варенцова — старый большевик, ленинградский рабочий Карп Григорьевич Селюненок. Это были страшные дни. Они на долгие годы запечатлелись в сознании Сергея Сергеевича[9].

По делу Сидорука Варенцов как свидетель был допрошен помощником начальника особого отдела 41-й стрелковой дивизии младшим лейтенантом госбезопасности Башкировым. Содержание протокола допроса дало основание генерал-лейтенанту юстиции в отставке Б.А. Викторову обвинить С. Варенцова в доносительстве и клевете. Однако столь суровый и

категоричный вердикт вряд ли серьезно обоснован. Варенцов, в отличие от Сидорука, никогда ни на кого не писал доносов. Свои показания он давал как свидетель по делу. То, что Варенцов сообщил о Сидоруке следователю, в основном касалось дел в полку (самоустранение командира от тактической подготовки подчиненных, плохое содержание материальной части, избыток жеребых лошадей и т. д.). Факты эти были очевидными. Варенцов характеризовал разговоры Сидорука о колхозном строе, деятельности обкома партии как антисоветские. И в этом нисколько не кривил душой, всецело разделяя официальные политические установки, с большим доверием относясь к политике ВКП(б). А имеющиеся в протоколе, не составленном собственноручно, а только подписанном Варенцовым, слова о «проводимой контрреволюционной деятельности», «непримиримо враждебном отношении», «большой диверсионной, вредительской работе» Сидорука являлись дежурными клише, тиражируемыми сотрудниками НКВД. Осуждать С. Варенцова, подписавшего протокол, можно только при одном условии — оказаться на его месте и поступить иначе.

По большому счету все эти и многие другие объяснения сводятся к одному — к суровости и неоднозначности тех времен. Более того, сложно дать объективную оценку событий тех лет уже в наше время. С одной стороны, можно рассуждать о волне массовых репрессий, прокатившейся по СССР в 1936–1938 годах. С другой — нельзя отрицать, что верхушка командного состава Красной армии делилась на группы, враждовавшие друг с другом и даже с политическим руководством страны.

Таким образом, Красную армию в 1937–1938 годах затронули два параллельных процесса: борьба за власть в ее высших эшелонах и «предмобилизационный» превентивный удар по потенциальной «пятой колонне». Сталин не мог допустить «разброда и шатания» в армии, поэтому целеустремленно по-своему провел в жизнь один из основных принципов управления войсками — единство государственного и военного управления. Как известно, провел с жесткой решительностью. В результате даже тот командный и начальствующий состав, что продолжал службу в Красной армии, в психологическом плане был потрясен. Осложнились отношения между начальниками и подчиненными, возникло чувство всеобщей подозрительности, недоверия. Всякого рода проходимцы пользовались этой обстановкой всеобщего подозрения. Поэтому, с одной стороны, ситуация в армии была такова, что очищение ее было объективно необходимо, с другой — было допущено много ошибок и злоупотреблений, и, кроме того, оно было проведено с излишней

жестокостью. Разумеется, не был застрахован от ошибок и злоупотреблений органов НКВД и С.С. Варенцов.

Есть предположения, что С.С. Варенцову в какой-то степени повезло. Якобы помогла ему не подпись под протоколом показаний о Сидоруке, а спасла тяжелая болезнь и сложная операция по поводу прободной язвы. Конечно, причиной обострения болезни были тяжелые психические переживания и переутомление.

«У отца была язвенная болезнь желудка, — вспоминает Эрлена Сергеевна, — и его увезли в госпиталь, удалили часть желудка. Но он все равно через 12 дней после операции прибыл в полк. Дела полка важнее жизни! — так всегда считал отец».

В 1947 году бывший врач 41-го артполка М.Д. Мартыненко писал С. Варенцову: «Он (период службы в полку. — *Ю. Р.*) был, собственно для меня первой военной школой, находясь непосредственно под Вашим руководством. Я очень хорошо помню дату 19 ноября 1937 г… Под этой датой я имею в виду Ваше внезапное заболевание и немедленное оперативное вмешательство. Последнее было сделано непосредственно под моим наблюдением… Благодаря быстрому, своевременному и правильному вмешательству все мы счастливы иметь в Вашем лице крупнейшего руководителя фронта»[10].

Вряд ли в 1937 году С. Варенцов даже мог подумать о подобных служебных вершинах. Голова его была занята другим. Варенцов знал, что сотрудники госбезопасности собирают данные о нем, его работе, поведении, высказываниях. Не чувствуя за собой никакой вины, он с мучительной тревогой ждал ареста. Но опасения были напрасны, не было ничего компрометирующего у органов НКВД на С.С. Варенцова. Не было никаких признаков «непримиримо враждебного отношения» к власти и причастности Сергея Сергеевича к «диверсионной и вредительской деятельности». Поэтому вслед за арестом Сидорука С. Варенцову разрешили исполнять обязанности командира полка. Однако интерес «компетентных органов» к личности С. Варенцова не прекращался и не мог остаться бесследным. После всего происшедшего еще недавно благожелательное отношение к Варенцову со стороны командования дивизии резко изменилось.

Исполнявшие обязанности командира и комиссара 41-й стрелковой дивизии майор Соколов и старший политрук Тарасов, видимо, под чью-то диктовку составили такую служебно-политическую характеристику на С.С. Варенцова, что об учебе в академии ему можно было уже и не думать.

«Политическая и служебная характеристика на пом.

командира, командира 41 ап Варенцова С.С.[11]

Политически развит удовлетворительно, над повышением идейно-политического уровня не работает.

Как специалист подготовлен хорошо. Недостаточно требователен к подчиненным, допускает искривления в дисциплинарной практике, непродуманно дает взыскания.

Авторитетом пользуется. Будучи пом. ком. полка, допускал заискивания перед старшими начальниками, в практической работе допускал ошибки, созывал большое количество совещаний начсостава. В период командования полком с сентября 1937 г. в полку имело место ухудшение состояния конского состава, сгнило до 20 тонн сена, состояние войскового хозяйства неудовлетворительное. На работоспособности сказывается операция язвы желудка.

Грамотный командир, но болезнь подорвала трудоспособность, необходимо использовать на другой работе.

Врид командира 41 сд *Майор СОКОЛОВ*

Военный комиссар

Старший политрук ТАРАСОВ

Без даты».

Нетрудно заметить в этой характеристике ключевые слова: «как специалист подготовлен хорошо», «авторитетом пользуется», «грамотный командир». По-видимому, это было настолько очевидным, что майор Соколов и старший политрук Тарасов не могли их исказить и выразиться иначе.

Столь тенденциозная, противоречивая характеристика не помешала после выздоровления Сергею Сергеевичу со всей его энергией и добросовестностью взяться за командование полком. В 1938 и 1939 годах полк стал лучшим в дивизии, корпусе, в 1938 году вышел на первое место в Харьковском военном округе по боевой подготовке. К концу своего командования полком С.С. Варенцов имел три взыскания, около сорока поощрений и блестящую характеристику[12]. В марте 1939 года С.С. Варенцов назначается начальником артиллерий 41-й стрелковой дивизии. Как видно из предыдущей служебной деятельности, это не случайное стечение обстоятельств или просто банальное везение, а определенная закономерность.

Следует отметить, что в вопросах применения артиллерии в бою лозунги вроде «Даешь!» или «Любой ценой!» без соответствующей основы попросту смешны и несостоятельны. Поэтому на должности начальников артиллерии дивизий выдвигались, как правило, самые подготовленные артиллеристы. И старшие начальники знали, кого назначали командиром 41-й

стрелковой дивизии, если С.С. Варенцов, несмотря на все перипетии его непросто складывающейся судьбы, все-таки был по достоинству оценен и назначен на вышестоящую и очень ответственную должность.

Это можно подтвердить той ролью, которую должен был играть начальник артиллерии в современном бою.

Во-первых, быстрое развитие науки и техники и авиации, артиллерии и других родов войск, наблюдавшееся в 1930-х годах в нашей стране, вызвало к жизни множество идей, теорий и в области тактики артиллерии. Последние переносились на полигоны, на поля тактических учении, тщательно проверялись на практике, в условиях, приближенных к боевым, и в конечном счете одни из них отвергались, другие получали право на жизнь. В результате тактика артиллерии получила существенное развитие. Выражением этого явились многочисленные уставы, наставления, инструкции и специальные работы, изданные в этот период.

Во-вторых, прежде всего существенно изменился взгляд в отношении подчинения артиллерии. Рост численности, повышение роли артиллерии на поле боя привели к тому, что поднялась роль артиллерийского начальника. Это также нашло свое отражение в наших уставах. Если в предшествующий период артиллерийский начальник считался только инспектором по артиллерийской части и располагал административно-инспекторскими правами, то теперь он был признан боевым помощником общевойскового командира и наделен командными правами по отношению ко всей подчиненной ему артиллерии[13]. Он был обязан осуществлять непосредственное руководство артиллерией и ее огнем, нес полную ответственность за состояние артиллерии и за правильность ее боевого применения. Общевойсковой командир теперь получил возможность и должен был управлять артиллерией не непосредственно, а только через своего артиллерийского начальника, который ему был подчинен.

Таким образом, установление четкого взгляда на роль артиллерийского начальника, а также на его взаимоотношения с общевойсковым командиром имело большое практическое значение. Тем самым был положен конец всяким недоразумениям в практической работе артиллерийских и общевойсковых командиров, заложены прочные основы для правильного управления артиллерией и ее огнем. Нельзя сказать, что все проблемы в одночасье были решены, но было положено начало серьезной и кропотливой работе по привитию артиллерийским начальникам и командирам практических навыков по управлению крупными массами артиллерии. Полностью они были решены уже

в годы Великой Отечественной войны. Это только еще раз подтверждает, насколько сложны эти вопросы в плане их практической реализации. Смело можно утверждать, что нет в сухопутных войсках сложнее проблемы, чем управление артиллерией (в послевоенное время — управление ракетными войсками и артиллерией) в ходе боевых действий. Решение этой проблемы и совершенствование управления артиллерией стали делом жизни С.С. Варенцова как в годы войны, так и в послевоенное время.

Для того чтобы представить масштаб работы начальника артиллерии дивизии, в первую очередь целесообразно ознакомиться с организационно-штатной структурой артиллерии дивизии того времени.

В 1939 году стрелковая дивизия имела два полка — легкий артиллерийский и гаубичный. Легкий артиллерийский полк включал два дивизиона в составе двух батарей 76-мм пушек и одной батареи 122-мм гаубиц каждый и третий дивизион — в составе одной батареи 76-мм пушек и двух батарей 122-мм гаубиц. Гаубичный полк состоял из двух дивизионов — один трехбатарейный дивизион 122-мм гаубиц и один трехбатарейный дивизион 152-мм гаубиц; все батареи полков были четырехорудийные. Кроме того, стрелковая дивизия получила отдельный противотанковый и отдельный зенитный артиллерийские дивизионы[14]. В общей сложности в составе стрелковой дивизии насчитывалось 78 орудий (без зенитной артиллерии).

В июне 1940 года после советско-финляндской войны огневая мощь артиллерийских полков стрелковых дивизий была усилена за счет увеличения удельного веса гаубиц в полках. Легкий артиллерийский полк переформировывался из трехдивизионного в двухдивизионный — по две батареи 76-мм пушек и по одной батарее 122-мм гаубиц в каждом дивизионе. Всего в полку стало 24 орудия вместо 36. Зато двухдивизионный гаубичный полк развернулся в трехдивизионный и вместо 24 получил 36 гаубиц (два дивизиона 122-мм и один дивизион 152-мм гаубиц). Таким образом, общее число орудий в двух артиллерийских полках стрелковой дивизии осталось то же — 60, но количество гаубиц увеличилось с 40 до 44, а количество пушек уменьшилось с 20 до 16. Гаубицы теперь составляли почти три четверти всех орудий этих полков, и лишь одна четверть приходилась на долю пушек.

В состав полковой артиллерии входили батарея 76-мм полковых пушек (6 орудий), противотанковая батарея 45-мм пушек (6 орудий) и минометная батарея (четыре 120-мм миномета).

Батальонная артиллерия состояла из взвода 45-мм пушек (2 орудия) и роты 82-мм минометов (6 минометов). В каждой стрелковой роте находился взвод 50-мм минометов (3 миномета).

Как уже упоминалось, в соответствии со своими обязанностями начальник артиллерии дивизии нес личную ответственность за боевую и мобилизационную готовность, подготовку непосредственно подчиненных командиру дивизии артиллерийских частей (подразделений), правильное их применение и выполнение ими задач в установленные сроки. Кроме того, он отвечал в те времена и за зенитные артиллерийские части (подразделения). Чтобы со знанием дела руководить артиллерией дивизии, начальнику артиллерии необходимо быть всесторонне подготовленным как в тактическом отношении, так и в вопросах управления огнем артиллерии дивизии.

Сергея Сергеевича, что характерно, всегда отличало умение видеть главное в своей работе. Определив главные вопросы, от решения которых в конечном счете зависело выполнение конкретной задачи, С.С. Варенцов с присущей ему энергией брался за дело. Так и тогда, в далеком 39-м году, перед ним стояла главная задача — умело управлять артиллерией дивизии в любой обстановке. Поэтому Сергей Сергеевич для себя определил, что эффективно управлять артиллерией дивизии в бою он сможет лишь в том случае, если будут хорошо организованы артиллерийская разведка, тесное взаимодействие с пехотой и непрерывное управление артиллерией в ходе боя. Это позволит ему по приказу командира дивизии вести массированный, сосредоточенный или заградительный огонь, при необходимости осуществлять маневр огнем и колесами на любое угрожаемое направление.

Артиллерийской разведкой в дивизии занимались штатные средства артиллерийских полков всех типов и предназначений, а также отдельных артиллерийских подразделений дивизии. В штабах артиллерии стрелковых дивизий имелись штабные батареи. В состав штабной батареи входили отделение разведки (8 человек) и измерительно-пристрелочный взвод (18 человек). В штабных батареях дивизионных артиллерийских полков по штату числились взвод разведки и топографический взвод. По одному отделению разведки и топовычислительному взводу было в дивизионах артиллерийского полка. Отделения разведки также имелись во всех батареях, включая и батареи отдельного противотанкового дивизиона, батареи стрелковых полков, а также в противотанковом дивизионе дивизии.

До войны в обучении подразделений артиллерийской

разведки основное внимание сосредоточивалось на овладении техническими приемами ведения разведки (техника наблюдения, засечка целей и т. п.). Методике обнаружения целей, активному добыванию разведывательных данных о противнике и ведению целеустремленной разведки в условиях определенного вида боя конкретно не учили, а если пытались что-либо сделать, то лишь формально, на основе сплошных упрощений и ограничений. Даже при обслуживании стрельб органы артиллерийской разведки «натаскивались» обычно по готовым данным о противнике, сообщавшимся заблаговременно руководителями стрельб. Полигоны и поля учений не оборудовались, и «жизнь» противника на них представлялась мертвой схемой заблаговременно расставленных и плохо замаскированных мишеней, слабо напоминающих подобие какого-то боевого порядка вероятного противника. Наращивание разведывательных данных о противнике по ходу учения, вопреки зрительному впечатлению и без какого-либо содействия разведывательных подразделений, производилось вводными данными посредников или руководителя учений устно и часто неквалифицированно, без ясного представления о том, где, когда и что именно мог бы делать противник. На совместных с другими родами войск учениях (командно-штабных, войсковых) времени для проигрыша на местности деятельности всех органов разведки не отводилось. Даже на двухсторонних учениях сведения о противной стороне «добывались» от посредников или руководства учений.

Так командный состав годами приучался получать разведывательные данные о противнике в готовом виде, ничего не делая для их добывания. В результате наши командиры неплохо знали технику разведки, принципы ее работы и возможности, но не имели навыков в организации всего комплекса разведывательной работы в интересах боя, особенно в систематизации и анализе поступающих разведывательных данных о противнике. Этому делу фактически учились уже на войне, дорого расплачиваясь за утерянное время и неиспользованные возможности.

Это был серьезный пробел в боевой подготовке артиллерии, и его следовало устранять не простой констатацией самих недостатков, а поисками средств и способов устранения их в условиях обучения войск и штабов в мирное время. Пользуясь поддержкой командира дивизии, С.С. Варенцов начал ломать укоренившиеся «традиции» в обучении сил и средств артиллерийской разведки. При проведении учений со стрелковыми полками, батальонами, артиллерийскими дивизионами и батареями создавались условия, при которых

соответствующие командиры и штабы должны были проявлять инициативу и настойчивость в добывании данных о противнике, систематизировать и анализировать данные о противнике, проверять их достоверность и т. д.

Не менее сложным и трудным в системе боевой подготовки являлся также вопрос о взаимодействии артиллерии с другими родами войск. Основной недостаток здесь заключался в раздельном обучении. Артиллерийские подразделения со стрелковыми и танковыми подразделениями встречались лишь на совместных учениях, которые проводились редко и носили больше проверочный, нежели учебный характер. Во многих случаях раздельное обучение обусловливалось дислокацией частей и организацией лагерных сборов в различных районах под флагом проведения так называемых специальных сборов на специально оборудованных полигонах.

При раздельном обучении подразделения (части) других родов войск «участвовали» в занятиях условно, что практически означало подмену взаимодействия приспособлением условно действующих подразделений (частей) к интересам реально действующего. Отсюда командиры-артиллеристы не учились понимать реальные действия пехоты и чувствовать себя ответственными за своевременную и разумную огневую поддержку ее. Командиры же стрелковых подразделений (частей) не учились понимать повседневные нужды и заботы боевой деятельности артиллерии. Ее боевые возможности они изучали по книжным источникам, а не на деле. Словом, вывод прост: как организация, так и методика обучения не закладывали прочных основ для тесного взаимодействия артиллерии с пехотой в боевых условиях.

В этом можно убедиться на примере организации боевой подготовки в Западном Особом военном округе (ЗапОВО) летом и осенью 1940 года. «До осени 1940 года, — вспоминал генерал Л.М. Сандалов, — в тактической подготовке войск, как и в предыдущие годы, преобладали условности. Наступление стрелковых подразделений и частей обычно условно поддерживалось батальонной, редко полковой артиллерией, *обозначенной одним орудием, а иногда и указками* (выделено мной. — *Ю. Р.*). Дивизионные артиллерийские полки и зенитно-артиллерийские дивизионы дислоцировались отдельно от стрелковых полков, весной убывали в специальные лагеря и поэтому в совместных действиях со стрелковыми войсками не тренировались»[15].

Командование 41-й стрелковой дивизии полностью отдавало себе отчет в том, что в случае войны дивизии придется

участвовать в приграничных сражениях. Поэтому практиковались учения стрелковых полков с обязательным привлечением одного из артиллерийских полков. На этих учениях практически отрабатывались вопросы взаимодействия стрелкового полка с приданным артиллерийским полком. Командир дивизии и начальник артиллерии добивались самостоятельности в действиях командиров стрелковых полков, прививали им практические навыки в выполнении боевых задач с привлечением артиллерии. Для командиров артиллерийских полков тем самым создавался тактический фон, который позволял им понимать характер современного боя, приобретать навыки выполнения огневых задач в динамике боевых действий, а не заниматься «голым стрелкачеством». От таких учений выигрывали все, хотя они и требовали определенных материальных, физических и временных затрат.

Как и любой, уважающий себя начальник артиллерии, С.С. Варенцов стремился к тому, чтобы по его команде артиллерия дивизии могла вести массированный (привлекается вся или большая часть артиллерии дивизии) или сосредоточенный огонь (огонь, ведущийся несколькими дивизионами по одной цели) на любом угрожаемом направлении. Однако перед войной были определенные трудности в приобретении таких навыков артиллерийскими командирами и начальниками такого уровня.

К примеру, немцы в то время совершенно справедливо считали, что «гибкое и тактически правильное управление огнем дивизиона, полка и артиллерийской группы являлось «высшей школой артиллерии»[16]. Правда, приоритетными средствами поражения у немцев все-таки были авиация и танковые войска.

В Красной армии перед Великой Отечественной войной значение массированного (сосредоточенного) огня артиллерии понимали все, но как организовать его и сохранять управление артиллерией при ведении его в ходе боевых действий, практических навыков артиллерийским штабам не прививалось. Не было разработано каких-либо методических указаний по обучению начальников артиллерии дивизии, корпусов и армий, как и командиров артиллерийских групп, управлению артиллерией при ведении этого вида огня в соответствии с требованиями общевойскового боя (операции).

Для каждого, мало-мальски уважающего себя советского артиллериста индивидуально выполнить любую огневую задачу с привлечением батареи было делом чести. А вот организовать управление огнем дивизиона, полка, артиллерийской группы, артиллерии дивизии (корпуса, армии) было проблемой.

Поэтому «высшую школу артиллерии» необходимо было

проходить в первую очередь артиллерийским командирам и начальникам от командира дивизиона и выше. Справедливости ради нужно также сказать, что проблема подготовки и ведения массированного (сосредоточенного) огня артиллерии дивизии в динамике боевых действий долго оставалась нерешенной во многих дивизиях не только до войны, а практически и весь первый период войны[17].

Поэтому вполне закономерно на совещании высшего руководящего состава РККА в декабре 1940 года генерал-инспектор артиллерии Красной армии, генерал-лейтенант М.А. Парсегов в своем выступлении отметил: «Огневая подготовка артиллерии в этом году не получила достаточного усовершенствования. *Основной недостаток заключается в том, что управление массированным огнем еще не достигнуто* (выделено мной. — *Ю.* Р.)»[18].

Планированию массированного (сосредоточенного) огня обучались только на начальный момент боевых действий, и хорошо сколоченные штабы с этой задачей справлялись. Управлению артиллерией при ведении массированного (сосредоточенного) огня в ходе боя обучались редко, так как войсковые или командно-штабные учения обычно завершались сбором принятых решений, без проигрыша их на местности или на картах. Разумеется, на одном учении (поездке) трудно было проработать все этапы боевых действий, а учение с какого-то последующего этапа, после уже проведенного ранее, не практиковали. Вообще штабных учений со средствами разведки и связи проводилось мало[19].

Недооценка этой области боевой подготовки являлась одной из существенных причин недостаточной подготовленности артиллерийских штабов к управлению артиллерией всех уровней при ведении массированного (сосредоточенного) огня и осуществлении маневра в сложных условиях боевых действий.

Кроме того, не все артиллерийские начальники и штабы могли организовать как централизованное, так и децентрализованное управление артиллерией.

Автор просит прощения у читателя, что приходится отвлекаться от основной линии повествования, но, на его взгляд, без этого не прочувствовать масштабности личности С.С. Варенцова.

Итак, в артиллерии уже многие годы применялись два способа управления — централизованное, то есть объединенное в руках старшего артиллерийского начальника, и децентрализованное (то есть с меньшей степенью централизации), когда функции управления передавались в

нижестоящие инстанции, например в стрелковой дивизии — командирам полков, батальонов и даже рот.

Преимущество централизованного способа управления заключается в том, что оно обеспечивает в наибольшей степени возможность массирования артиллерийского огня на решающем участке боя, децентрализованное управление создает условия для более тесного взаимодействия в звене мелких подразделений. Исходя из этого рекомендовалось управление артиллерией централизовать на период артиллерийской подготовки и борьбы за передний край обороны противника. При развитии же боя в глубине обороны, когда отдельные подразделения атакующих частей будут решать самостоятельные задачи, считалось целесообразнее применять способ децентрализованного управления, гарантирующего более тесное взаимодействие артиллерии с этими подразделениями.

Основными средствами технической связи в артиллерии дивизии являлись телефон и радио. Все командиры, от командира батареи до начальника артиллерии стрелкового корпуса, за исключением начальника артиллерии стрелкового полка, по штату имели свои средства связи, но с укомплектованностью ими были проблемы. Об этом несколько ниже.

Безусловно, такой сложный организм, как артиллерия дивизии, сможет обеспечить своим огнем выполнение боевых задач, поставленных стрелковой дивизии, только в том случае, если будут обучены все без исключения специалисты — от орудийных номеров до командиров артиллерийских полков и офицеров штаба артиллерии дивизии.

У С.С. Варенцова за плечами почти двадцатилетний опыт службы в артиллерии, что позволяет ему безошибочно определить основные направления его работы. Обладая хорошими организаторскими способностями, он за относительно короткое время поднял уровень боевой подготовки артиллерии дивизии на должную высоту. Вскоре целенаправленная деятельность начальника артиллерии сказалась в плане готовности артиллерии обеспечить выполнение любых поставленных задач стрелковой дивизии.

Так, в 1940 году на тактическом учении дивизии в присутствии наркома обороны С.К. Тимошенко артиллерия дивизии в ходе учений с боевой стрельбой показала высокую боевую выучку, за что начальник артиллерии С.С. Варенцов был награжден золотыми часами с дарственной надписью наркома.

В то время, чтобы удивить наркома обороны С.К. Тимошенко в вопросах применения артиллерии, надо было действительно

совершить что-то неординарное или сверхъестественное. Надо было прыгнуть выше себя в прямом и переносном смысле.

Заметим, что эти учения проводились после известного приказа наркома обороны № 120 от 16 мая 1940 года «О боевой подготовке войск на летний период», в котором был отмечен ряд недостатков по боевому применению артиллерии в советско-финляндской войне и даны строгие указания на их устранение.

Так, в ходе советско-финляндской войны командующий Северо-Западным фронтом С.К. Тимошенко в конце февраля 1940 года в своей директиве отметил: «Начарткоры и начартдивы зачастую сидят без связи с артгруппами и не могут руководить их огнем. В силу этого в нужных случаях не применяется маневр огнем, огонь всей артиллерии корпуса не сосредоточивается на важных тактических или опасных участках — обычно каждая артгруппа поддерживает только свою часть»[20].

Далее командующий войсками фронта обращает внимание общевойсковых и артиллерийских командиров на то, что «одним из средств влияния на ход боя в руках командира корпуса и командиров дивизий является мощный сосредоточенный огонь артиллерии. Организация артиллерийского огня должна предусматривать возможность сосредоточения огня всей или большей части артиллерии корпуса (дивизии) на участках главного удара».

Нельзя не отметить, что в подготовке артиллерии многое зависело и от командира дивизии. В этом плане С.С. Варенцову должны были по-доброму завидовать другие начальники артиллерии дивизий. Командиром 41-й дивизии был генерал-майор Г.Н. Микушев. «Широко эрудированный в военной области, — вспоминал бывший начальник штаба дивизии генерал-майор Н. Егоров, — с чудесным даром чувства нового, он, безусловно, являлся одним из подготовленных и передовых командиров. В его лице я видел военачальника с большим жизненным опытом и боевой практикой Первой мировой и Гражданской войн. До назначения в дивизию он несколько лет командовал полком в Чапаевской дивизии. Принципиальность и требовательность в сочетании с большой силой воли составляли основу его характера. Начальствующий состав относился к комдиву с должным уважением, ценя в нем подлинно заслуженный авторитет и положительные качества, пусть строгого, но всегда справедливого командира. Лично я восхищался его горячей любовью к военному делу и той неподдельной привязанностью, которую он проявлял к своей дивизии»[21].

Г.Н. Микушев хорошо знал характер современного боя, роль

артиллерии в этом бою и был прекрасным организатором боевой подготовки частей и подразделений дивизии. И что надо особенно отметить, с первых дней войны командир 41-й дивизии показал образец уверенного управления частями дивизии в сложных условиях приграничного сражения.

В период совместной службы С.С. Варенцову под командованием Г.Н. Микушева, с одной стороны, было нелегко, но с другой — интересно и познавательно, ведь самые трудные задачи были по плечу при полном взаимопонимании командира дивизии и начальника артиллерии. Командир дивизии никогда не оставался безразличным к проблемам начальника артиллерии дивизии, при необходимости всегда оказывал ему реальную помощь.

К сожалению, в отечественной историографии недостаточно внимания уделялось военачальникам тактического звена, которые воевали умело и жестко с первых дней войны. Одним из таких командиров был генерал-майор Г.Н. Микушев.

Вся последующая деятельность генерал-майора Г.Н. Микушева и полковника С.С. Варенцова позволяет с уверенностью утверждать, что командир дивизии и его начальник артиллерии целенаправленно и настойчиво работали над искоренением недостатков в боевой подготовке артиллерии и не случайно добились высоких результатов в управлении артиллерией дивизии.

И то, что после советско-финляндской войны боевая подготовка артиллерии 41-й стрелковой дивизии была удостоена высокой оценки наркома обороны С.К. Тимошенко, ярко свидетельствовало об отношении С.С. Варенцова к исполнению своих служебных обязанностей, о его любви к своему роду войск и о его высоком потенциале будущего крупного артиллерийского военачальника. Такие, как С.С. Варенцов, В.И. Казаков и другие артиллерийские военачальники — будущие командующие артиллерией фронтов (армий, корпусов, дивизий), командиры артиллерийских корпусов (дивизий) прорыва, — были призваны искоренить недостатки в устоявшейся системе подготовки артиллерии. И они это сделали, хотя и не сразу, и артиллерия во время Великой Отечественной войны по праву была «богом войны».

Работу С.С. Варенцова в должности начальника артиллерии 41-й стрелковой дивизии объективно оценили его непосредственные и прямые начальники в аттестации, написанной 29 ноября 1940 года (приложение 1).

В ноябре 1940 года С.С. Варенцов назначается заместителем начальника артиллерии 6-й армии. Новый уровень, новые задачи

и… новые проблемы, которые надо было решать.

Командовал 6-й армией генерал-лейтенант И.Н. Музыченко. В свое время он был командиром полка в 4-й кавалерийской дивизии, которой командовал Т.К. Жуков. В советско-финляндской войне И.Н. Музыченко командовал стрелковой дивизией. В августе 1941 года под Уманью был тяжело ранен, попал в плен, где вел себя достойно и мужественно. Лишь через много лет американский историк Даллин в своей книге «Немецкое правление в России 1941–1945 гг.» опубликует найденный им в немецких архивах доклад о допросе командующего 6-й армией 9 августа.

Вот, оказывается, что сказал генерал И.Н. Музыченко только что схватившим его врагам: «Русские будут сражаться до последней капли крови даже в Сибири, потому что, когда речь идет о судьбе родины, ошибки, совершенные режимом, не имеют значения».

Надо иметь в виду, что это не стенограмма, а немецкое штабное изложение его слов, записанное каким-то военным переводчиком, потом включенное в некий сводный доклад, а теперь переведенное с немецкого на английский и уже с английского — на русский. «Уверен, — пишет известный поэт Е. Долматовский, — что слово «режим» Музыченко не мог употребить, такого слова не было в его словаре, вообще в нашем словесном обиходе тех времен. Но позиция командарма ясна и определенна!»[22]

Когда предложили генералу И.Н. Музыченко стать изменником, то он, в отличие от предателя А. Власова, выразил свое отношение к предлагавшим настолько определенно, да так по-русски крепко и забористо, что больше с ним на эту тему разговоров не заводили. «Человек он был гордый и непреклонный: китель генерал-лейтенанта со знаками различия он не позволил с себя снять, так и ходил до самого освобождения в нем, а сверху арестантская роба. И генеральскую фуражку с головы не снимал, во всяком случае, из рук не выпускал. Там под околышем были спрятаны два ордена Красного Знамени и медаль «XX лет РККА». Так что вернулся из плена И.Н. Музыченко при орденах и по форме, которая давно была заменена новой — с погонами»[23].

Вот таким патриотом был командарм И.Н. Музыченко. Общение с этим военачальником до войны многое дало С.С. Варенцову в плане поддержания боевой готовности и организации боевой подготовки артиллерии в армии.

Безусловно, тон и направления сосредоточения основных усилий в боевой подготовке войск должны были задавать

командующие войсками военных округов. Однако многие из них, получив высокие должности, не оправдали возлагаемых на них надежд.

Сослуживец С.С. Варенцова по округу К.К. Рокоссовский еще до начала войны отмечал слабую подготовку командующего Киевским Особым округом генерала М.П. Кирпоноса. «Надежда на то, что полевая поездка (май 1941 года. — *Ю. Р.*) явится началом мероприятий по приведению войск в состояние боевой готовности, а их расположения — в соответствие с боевой обстановкой вероятного нападения немцев, не оправдалась.

Разбор полевой поездки, произведенный командующим округом, был весьма бледным, не дающим возможности определить, что преследовалось этим мероприятием. У меня лично, да и у многих генералов сложилось весьма невыгодное впечатление о командующем округом генерале М.П. Кирпоносе. Не по плечу ему была ответственная должность[24].

На совещании высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 года недостатки в боевой подготовке все выступающие военачальники видели в низкой квалификации большинства командного состава Красной армии. А какую оценку можно дать командованию округов, если командующий войсками Московского военного округа генерал армии И.В. Тюленев в основном докладе на тему «Характер современной оборонительной операции» отметил: «Ни в нашей, ни в заграничной военной литературе нет полного изданного труда, в котором были бы изложены основы оборонительных действий, теория обороны в оперативном масштабе, в масштабе, скажем, армейской операции. Таким образом, мы не имеем современной обоснованной теории обороны, которую могли бы противопоставить современной теории и практике глубокой армейской наступательной операции».

Но ведь принципы организации и ведения оборонительной операции, правильность которых подтвердилась в ходе Второй мировой войны, были подробно изложены в работе А.И. Егорова «Основы операции и боя», переведенной, кстати, на немецкий и французский языки[25].

Правомерен вопрос: какая «теория обороны» нужна командующему войсками округа — участнику ряда войн и написавшему после Великой Отечественной войны мемуары под названием «Через три войны»? Военачальнику такого уровня самому необходимо принимать активное участие в военно-научной работе, как это делали, например, немецкие генералы Гудериан, Лееб, Роммель и др., а не ждать указаний и рекомендаций сверху.

К сожалению, и начальник штаба Прибалтийского Особого военного округа (ПрибОВО) генерал-лейтенант П.С. Кленов, принимая участие в обсуждении доклада И.В. Тюленева, самым важным в основном докладе определил: «Ценное для нас в докладе генерала армии т. Тюленева заключается в том, что вопрос оборонительной армейской операции на сегодня, как и в прошлом, является вопросом наименее освещенным. Это во-первых. Во-вторых, мы, в частности в том округе, где я работаю, проводя такую же оборонительную армейскую операцию, принуждены изыскивать эти формы и, естественно, в известной степени кустарничать в этом вопросе. Трудность исследования этого вопроса заключается в том, что опыт современных войн, хотя бы тех, что мы наблюдаем за последние годы, если исключить из этого войну в Испании, не дает нам ярких примеров оборонительных действий, подвергшихся воздействию крупных масс танков и оказавших им сопротивление на всю глубину».

По выступлениям на декабрьском совещании 1940 года можно уверенно судить, что обороной в округах серьезно не занимались, раз командование округов плохо себе представляло армейскую оборонительную операцию и занималось «кустарничеством». К сожалению, опыт ведения боевых действий вермахтом в Западной Европе плохо изучался командованием военных округов, и поэтому он не нашел должного отражения в боевой подготовке наших войск перед Великой Отечественной войной. В связи с этим на тактических учениях не создавалась соответствующая оперативно-тактическая обстановка, в которой артиллерийские начальники и командиры могли готовить артиллерию к ведению боевых действий в оборонительных операциях, особенно при «блицкриговском» развитии событий.

Правомерен вопрос: какие же еще нужны войны, когда полыхала вся Западная Европа, чтобы командование округов, особенно приграничных, разобралось в тенденциях развития современных оборонительных и наступательных операций? А между тем немцы признавали, что «именно русские впервые выдвинули идею массирования подвижных соединений»[26]. В то время, когда немцы учились у Красной армии массированию подвижных соединений, наши военачальники не знали, как этому противостоять. В связи с этим появлялись проблемы у начальников родов войск, специальных войск и служб. Если неизвестно, как будут обороняться в условиях маневренной войны общевойсковые объединения, соединения, части и подразделения (на учениях такие вопросы вообще не отрабатывались), то как тогда организовывать применение артиллерии, ПВО, тыловое обеспечение и т. д.?!

Основная функция органов управления артиллерией армий перед войной заключалась в осуществлении контроля боевой готовности и подготовки артиллерии корпусов и дивизий. В состав 6-й армии входили: 6-й и 37-й стрелковые корпуса, 5-й кавалерийский корпус, 4-й и 15-й механизированные корпуса. Полгода пребывания С.С. Варенцова в должности заместителя начальника артиллерии армии ушли как раз на поездки в стрелковые корпуса для ознакомления с состоянием боевой подготовки артиллерии соединений.

Сергей Сергеевич добросовестно поделился с начальниками артиллерии корпусов и дивизий своим опытом в поддержании артиллерии дивизии в постоянной боевой готовности, подготовке ее к боевым действиям и управлении ею в ходе боевых действий. Такие поездки в войска позволили С.С. Варенцову не только распространить свой опыт, но и изучить опыт других артиллерийских начальников и командиров. Сергей Сергеевич по своему складу характера не ограничивался поверхностным изучением проблемы, он старался выявить причины появления того или иного недостатка и определить пути его устранения. Вышестоящее командование по достоинству оценило его вклад в повышение уровня боевой подготовки артиллерии 6-й армии за это короткое время и решило его назначить на более самостоятельную должность.

В марте 1941 года С.С. Варенцов возглавил артиллерию 6-го стрелкового корпуса этой же армии. До начала войны оставалось три месяца.

6-й стрелковый корпус включал в себя 41, 97 и 159-ю стрелковые дивизии, корпусной артиллерийский полк первого типа, корпусной артиллерийский полк второго типа и зенитный артиллерийский дивизион.

Корпусной артиллерийский полк первого типа состоял из двух дивизионов 107-мм, 122-мм пушек (24 орудия), дивизиона 152-мм гаубиц-пушек (12 орудий) и разведывательного артиллерийского дивизиона.

Корпусной артиллерийский полк второго типа имел три дивизиона 152-мм гаубиц-пушек (36 орудий).

Все дивизионы этих полков были трехбатарейного состава, по 4 орудия в батарее.

В отдельный зенитный артиллерийский дивизион корпуса входили три батареи 76-мм зенитных пушек.

Как военного человека, С.С. Варенцова не могло обмануть предчувствие надвигающейся беды. Для него, как и для тысяч других командиров, было ясно, что вот-вот грянет война. В июне 1941 года артиллерия 6-го стрелкового корпуса находилась в

лагерях Львовского полигона. В воскресенье 15 июня 1941 года на полигон прибыл начальник артиллерии Киевского Особого военного округа Н.Д. Яковлев. В своих воспоминаниях он писал: «Помнится, все находившиеся в тот день на полигоне старшие артиллерийские начальники единодушно высказали опасения о возможном нападении фашистской Германии на нашу страну. Такое их мнение разделял и я»[27]. Одним из этих безымянных начальников был С.С. Варенцов, и, вероятно, он не ограничился только высказыванием своего мнения о возможном нападении врага. Вся его последующая военная деятельность убеждает нас в том, что Сергей Сергеевич не мог не предложить вернуть артиллерию корпуса в пункты постоянной дислокации, так как это вполне соответствовало здравому смыслу. «Поразмыслив, — вспоминал будущий маршал артиллерии Н.Д. Яковлев, — я под свою личную ответственность приказал поставить на дежурство (естественно, в «учебных» целях) один дивизион 85-мм и дивизион 37-мм пушек. Остальные артиллерийские парки потребовал убрать с поля на опушку леса, а затем проверить их маскировку с воздуха. Большего я предпринять тогда не мог».

20 июня 1941 года командующий 6-й армией генерал-лейтенант И.Н. Музыченко издал короткий приказ: «Штабам корпусов, дивизий, полков находиться на месте. Из района дислокации никуда не убывать. На всякие учения, связанные с отрывом от районов дислокации, испрашивать разрешения Военного совета армии. Батальоны с оборонительного строительства не снимать»[28].

Через некоторое время командир корпуса вызвал С.С. Варенцова в штаб корпуса, чтобы все начальники родов войск и служб находились под рукой, а артиллерия 6-го корпуса осталась на полигоне.

Для прикрытия с воздуха мест постоянной дислокации войск 6-й армии вечером 20 июня в соединения поступил приказ об отзыве с лагерных сборов зенитных дивизионов дивизий и развертывании их на огневых позициях в состоянии повышенной готовности. Каждой зенитной батарее на огневых позициях было приказано иметь окончательно снаряженными 9,25 боекомплекта снарядов. Но сигнал для открытия огня определен не был. Сергею Сергеевичу в это непростое время необходимо было проконтролировать выполнение данного приказа подразделениями зенитной артиллерии, поскольку они подчинялись начальнику артиллерии корпуса.

Глава 2. Суровые испытания

Война для С.С. Варенцова началась 22 июня 1941 года в третьем часу ночи, когда в штабе 6-го стрелкового корпуса была получена директива наркома обороны о приведении войск приграничных округов в полную боевую готовность.

«Находясь в артиллерийских лагерях, — вспоминал маршал артиллерии К.П. Казаков, — дивизионные и корпусные полки были оторваны от своих соединений и удалены от них на весьма значительные расстояния. Да и в самих лагерях далеко не все полки находились в полном составе: в это время их дивизионы поочередно проводили боевые стрельбы на артиллерийских полигонах.

Для того чтобы во всеоружии вступить в войну, артполки должны были сначала вернуться на зимние квартиры, где оставалось много боевого имущества, транспортных средств и НЗ, хранившихся на складах на случай войны. И вот с началом военных действий в условиях господства в воздухе вражеской авиации, а порой и под артиллерийским обстрелом наши артиллерийские части спешно возвращались в места своего расположения, совершая тяжелые марши»[29].

Артиллерийские полки, возвращавшиеся к своим соединениям из лагерей и полигонов, долго не могли отыскать свои дивизии и установить с ними связь. Так, например, 229-й тяжелый артиллерийский полк 6-го стрелкового корпуса, поднятый по тревоге на Львовском полигоне, выступил на фронт, когда война уже началась. По плану полк должен был поддерживать части 159-й стрелковой дивизии. Один батальон этой дивизии командир полка Ф.В. Винарский нашел только к четырнадцати часам. Связь же с начальником артиллерии корпуса полковником С.С. Варенцовым он установил лишь на четвертые сутки…

Гаубичный артиллерийский полк 159-й стрелковой дивизии 6-го стрелкового корпуса был использован как пехота, не было средств тяги[30].

Так что в создавшейся обстановке начальнику артиллерии 6-го корпуса стоило немалого труда подтянуть некоторые артиллерийские части к району боевого предназначения.

Тем не менее благодаря высоким организаторским способностям С.С. Варенцова, его быстрой реакции на происходящие события большая часть артиллерии корпуса начала боевые действия организованно и умело, обеспечивая оборонительные бои и отход стрелковых частей в направлении

Львова.

Первым действительно неприятным сюрпризом для немцев стали действия родной для Сергея Сергеевича 41-й стрелковой дивизии 6-го стрелкового корпуса, находившейся южнее направления главного удара немецких войск.

Так как командир 41-й стрелковой дивизии генерал-майор Г.Н. Микушев имел самое непосредственное отношение к становлению С.С. Варенцова как начальника артиллерии дивизии, нелишне рассмотреть более подробно действия этой дивизии в приграничных сражениях.

В соответствии с планом прикрытия государственной границы 41-я стрелковая дивизия должна была совместно с частями укрепленного района оборонять заблаговременно оборудованную у границы полосу и не допускать прорыва противника на территорию СССР.

Передний край обороны частей дивизии проходил в 10 километрах от границы. Перед фронтом обороны дивизии создавалось предполье (в современной терминологии — полоса обеспечения). Его должны были оборонять передовые отряды, выделенные от каждого полка первого эшелона в составе усиленного стрелкового батальона.

Частям 41-й стрелковой дивизии удалось занять назначенные планом участки обороны. Несмотря на то что распоряжение военного совета 6-й армии на вскрытие пакетов с планом действий на случай войны было получено штабом дивизии только 22 июня в пять часов тридцать минут, подъем ее частей по тревоге начался значительно раньше по решению начальника штаба дивизии полковника Н.В. Еремина, находившегося в лагере и получившего около 4 часов сообщение от комендантов пограничных участков о том, что противник крупными силами перешел государственную границу во всей полосе дивизии. Прибывший вскоре командир дивизии генерал-майор Г.Н. Микушев приказал частям выдвигаться на свои участки обороны.

Части 41-й дивизии, побатальонно выдвигаясь к границе, занимали свои участки, чему способствовало в первую очередь наличие полосы обеспечения, на преодоление которой противнику потребовалось 1,5–2 часа[31].

Натолкнувшись на организованное сопротивление, противник превосходящими силами стремился расчленить дивизию и одновременно искал пути ее обхода. Перед генералом Г.Н. Микушевым встала задача противодействия расчленению и окружению.

Избегать расчленения удавалось благодаря высокой активности обороны, которая проявлялась в первую очередь в

нанесении контратак по группировкам противника, вклинившимся в оборону, а также перед передним краем обороны. В ходе отражения атак противника командир дивизии использовал широкий маневр силами и средствами, а также огонь артиллерии по изготовившемуся к наступлению противнику. Командир корпуса по предложению начальника артиллерии корпуса полковника С.С. Варенцова усилил 41-ю дивизию корпусным артиллерийским полком. Поддерживаемые огнем 152-мм гаубиц, воины дивизии за первый день боя уничтожили сотни гитлеровцев, подбили 30 танков[32].

Контратака в полосе обороны 41-й стрелковой дивизии была проведена двумя полками первого эшелона 23 июня после того, как противник понес значительные потери от проведенных огневых налетов артиллерии и вынужден был временно перейти к обороне. Удар наших частей оказался внезапным, и гитлеровцы начали отходить. Преследуя их, 102-й стрелковый полк подполковника Г.Г. Чумакова вышел к государственной границе на участке около восьми километров и углубился на вражескую территорию (точнее, оккупированную Германией территорию Польши. — *Ю. Р.*)[33]. По некоторым данным, вклинение было осуществлено на глубину более чем 3 километра[34].

К исходу 23 июня противник, угрожая прорывом на участке левофлангового 139-го полка, потеснил его подразделения. Командир дивизии, не имея резервов, отвел 102-й полк в исходное положение, чтобы увеличить плотность войск за счет сокращения ширины полосы обороны и выделить силы для оказания помощи левофланговому полку, который был усилен артполком и, осуществив перегруппировку, перешел в контратаку, отбросив противника за линию укрепленного района.

В полдень артиллерия 41-й стрелковой дивизии провела несколько огневых налетов по главной группировке противника, действовавшей на направлении Томашув, Рава-Русская. В результате немецкое командование было вынуждено на несколько часов отложить намеченное на утро наступление.

В полосе 41-й стрелковой дивизии наносила главный удар 17-я армия противника. Еще 22 июня командующий группой армий «Юг» фельдмаршал Рундштедт решил ввести здесь в сражение после захвата пехотой Равы-Русской 14-й моторизованный корпус. По его расчетам, это должно было произойти к утру 23 июня. Планы Рундштедта сорвала 41-я дивизия. Несмотря на яростный огонь немецкой артиллерии, массированные удары бомбардировщиков, полки дивизии совместно с батальонами Рава-Русского укрепрайона и 91-го погранотряда пять суток держали оборону против пяти пехотных дивизий немцев. Успеху

обороны способствовала 8-я танковая дивизия 4-го мехкорпуса: в ночь на 26 июня она с тыла атаковала 97-ю легкую пехотную дивизию противника, пытавшуюся, в свою очередь, с юга выйти в тыл дивизии Г.Н. Микушева. 41-я стрелковая дивизия только по приказу командующего 6-й армией в ночь на 27 июня отошла на рубеж восточнее Равы-Русской[35].

Сергей Сергеевич знал, что ранним утром немцы бомбили Львов. Болела душа за семью: живы ли, успели ли эвакуироваться?

Первые часы и дни войны надолго остались в памяти Эрлены Сергеевны. «21 июня 1941 года, — рассказывает Эрлена Сергеевна, — она с матерью Екатериной Карловной готовились завтра, в воскресенье, выехать из Львова в пограничный городок Яворов в гости к отцу. В хлопотах незаметно промелькнула короткая ночь. Едва они прилегли на диван вздремнуть перед дорогой, как на город посыпались бомбы. Началась война. Когда началась вражеская бомбежка, мама произнесла: «Как отец был прав: он говорил, вот-вот начнется война, но мы победим!» Наскоро одевшись и захватив с собой самое дорогое, что было в их квартире, — золотые часы, подаренные папе наркомом обороны за отличную боевую подготовку артиллерии 41-й стрелковой дивизии, они с трудом добрались до вокзала, откуда отправлялся эшелон с эвакуированными.

Нина, побегав, нашла в одном из вагонов одно свободное верхнее место. Так втроем мы и разместились на одном верхнем месте. Людям на нижней полке Нина сказала, что мы семья военных, но нас на нее не пустили. Мама и сестра были в платьях, а я как была в пижаме, так и осталась в ней.

Вагон проверили, и поезд тронулся. Куда? Неизвестно! Я не буду описывать, сколько этот эшелон останавливался, так как часто налетала немецкая авиация и бомбила без конца. Я через узкое окошко без стекла устанавливала по звуку мотора, какой самолет летит — немецкий или наш. При налетах авиации эшелон останавливался и все разбегались по укрытиям. Если у немцев заканчивались бомбы, они начинали обстреливать из пулеметов всех подряд: детей, женщин, стариков. В течение полутора месяцев мы добирались до Куйбышева. Надо отметить, что на станциях-остановках нас ждали. Были развернуты кухни с питанием, подготовлена одежда, одеяла, полотенца. Это было почти счастье! Но вскоре мы услышали, что поезд в Куйбышеве останавливаться не будет, а пойдет в город Ош (Киргизия. — *Ю. Р.*) и там нас оставят. Мы были расстроены, поскольку в Куйбышеве жили родственники жены папиного брата Николая. Тогда мы приняли решение: как только эшелон будет проходить

мимо вокзала, он пойдет медленнее, а мы за это время должны покинуть вагон.

Так мы и сделали. И оказались в городе Куйбышеве.

Нашли комнату на первом этаже в том же доме, где жила бывшая жена брата Николая (спасибо ей), у какого-то старика. Поселились в пристройке к дому с окном и двумя кроватями без матрасов. Но мы и этому были очень рады — не бомбят, не стреляют. Но где же папа, наш любимый, родной?»

Сергей Сергеевич нашел свою семью только в начале 1942 года.

«Мы слышали, — продолжает дочь полководца Эрлена Сергеевна, — что папу наградили орденом и присвоили звание генерала… Нина пошла работать на завод артиллерийских снарядов, мама — на почту, а я — во второй класс.

Отапливать с осени комнату решили так: купили две керосинки и почти каждый день стояли в очереди за керосином. Уходя, все выключали, приходили — все включали и нагревали комнату. Мне сестра принесла из госпиталя (где тоже подрабатывала) выброшенную сломанную кровать.

Аттестата, пайка мы не получали. От папы не было никаких известий. Он не знал, живы все мы или нет. От холода и голода у меня начались ячмени на глазах, но я все равно ходила учиться!

Мы хотели сообщить о себе отцу. Но как это сделать? Адреса его мы не знали, да и нахождение отца, по всей видимости, менялось с изменением линии фронта. Способ оповестить придумали простой и даже наивный: на заводе в каждый снарядный ящик закладывать записку с нашим адресом.

И вот, это было в начале 1942 года, мы входим в комнату хозяина с керосиновыми бутылками (проход к нам был через его комнату), а в ней — папа! Шинель на нем расстегнута, на груди виден орден Ленина. Я, как всегда с раннего детства, кидаюсь ему на шею. Наконец-то мы увидели своего родного, любимого живого папу!

Папа уехал быстро, забрал Нину на фронт. Мы стали получать паек, жили там же, пока не пришло разрешение в начале мая 1942 года выехать в Дмитров Московской области к матери моего отца. А там нас ждало разрешение Верховного Главнокомандующего выехать к папе на фронт».

Бои подо Львовом продолжались с большим ожесточением. Но силы были не равны. Немецкие войска ворвались во Львов 30 июня.

Общий отход войск Юго-Западного фронта продолжался и 3 июля и проходил в условиях острого недостатка боеприпасов, ГСМ, продовольствия. Потеря большого количества складов,

сосредоточенных к началу боевых действий у границы, лишила войска фронта заранее созданных запасов. Поспешно отходя, наши войска не успевали эвакуировать или уничтожить большие запасы вооружения, горючего, боеприпасов, продовольствия и другого снаряжения.

6-й стрелковый корпус, избежав окружения подо Львовом, отходил на восток. В трудное положение попали 97-я и 159-я стрелковые дивизии, которые, понеся в приграничном сражении большие потери, разрозненными частями и группами отходили по разным дорогам в восточном и юго-восточном направлениях, предпринимая попытки оторваться от преследовавшего их противника.

Остатки 6-го стрелкового корпуса сосредоточились в районе Черный Остров. 99-я стрелковая дивизия после кровопролитного боя в районе Бережаны разрозненными частями отошла в направлении Сатанова. Штабу 6-й армии было известно, что один ее стрелковый полк закрепился на рубеже Тарногруда — Бубновка, но никаких данных о местонахождении штаба дивизии и двух других полков так и не поступило[36].

Утром 15 июля генерал Кирпонос приказал командованию 26-й армии подчинить себе 6-й стрелковый и 5-й кавалерийский корпуса, группу генерала Ф.Н. Матыкина и, нанеся удар с юга, овладеть районами Фастов, Брусилов, Попельня.

Наступление 26-й армии в тот день организовать не удалось. В соприкосновении с противником оказались лишь 6-й стрелковый корпус и сводный погранотряд. Да и им было не до атак: они сдерживали превосходящие силы врага на очень широком фронте. А возможности их были невелики. Ведь 6-й стрелковый корпус генерала И.И. Алексеева, так и не успев пополниться, вновь оказался в тяжелых боях[37].

16 июля части 14-го моторизованного корпуса вермахта, обойдя правый фланг войск 6-й армии Юго-Западного фронта, заняли Белую Церковь. Оборонявшиеся в этом районе части 6-го стрелкового корпуса отошли на восток и закрепились на рубеже река Протока, Песчаное, разъезд Роток, река Рось (у села Шкаровка).

Дальше этого рубежа противник продвинуться в этот день не смог. Командир 6-го стрелкового корпуса генерал И.И. Алексеев перегруппировал свои силы и организовал контрудар, в результате которого части противника были отброшены за дорогу Васильков — Белая Церковь.

К исходу 31 июля 6-й стрелковый корпус отошел на рубеж хутор Макаровский — Казимировка — Кагарлык. В дальнейшем корпус, упорно обороняясь, на ходу пополняясь людьми, техникой

и вооружением, занял оборону за Днепром в районе Канев — Золотоноша.

Следует отметить, что в начале войны начальники артиллерии корпусов (дивизий), в том числе и начальник артиллерии 6-го стрелкового корпуса полковник С.С. Ва-ренцов, по причинам, изложенным выше, не массировали огонь артиллерии на опасных направлениях. Это был общий недостаток для всех артиллерийских начальников такого уровня. Недостатки в организации массированных, сосредоточенных и заградительных огней, отмечавшиеся еще накануне Великой Отечественной войны, в полной мере и с негативными последствиями выявились уже в ходе боевых действий. В докладе командующего артиллерией Юго-Западного фронта отмечено: «Массированный огонь артиллерии применялся весьма ограниченно; командующие артиллерией стрелковых корпусов (дивизий) и их штабы этим вопросом занимались мало. Управление артиллерийским огнем осуществлялось командиром дивизиона и иногда командиром артиллерийского полка. Связь и взаимодействие артиллерии с пехотой и танками были явно недостаточными, а порой отсутствовали. Командиры артиллерийских и стрелковых подразделений (частей) с первых же часов боя теряли друг друга, и каждый действовал по своему разумению, что приводило и к неорганизованности и в конечном счете к неуспеху боя. Артиллерийские штабы полков, стрелковых дивизий и корпусов проявляли недостаточную гибкость и настойчивость в своевременной организации разведки, не стремились при первой же возможности управлять артиллерийским огнем. В результате артиллерия действовала, как правило, побатарейно, в лучшем случае в составе дивизиона. Массированный огонь в масштабе одной или нескольких артиллерийских групп применялся редко. Основным тормозом в использовании массированного огня артиллерии являлось явно недостаточное количество средств связи. Во многих артиллерийских полках средств связи было или очень мало (10–15 % к штатному количеству), или они отсутствовали. В результате этого усложнялось, а иногда становилось невозможным управление огнем артиллерии, происходило запаздывание с открытием огня, и нередко приходилось вести огонь с открытых или полузакрытых огневых позиций вне зависимости от тактической целесообразности»[38].

Обратим внимание, что в конце 1940 года был проведен специальный сбор начальников артиллерии округов и армий, на котором изучались вопросы боевого применения артиллерии в наступательной операции с прорывом укрепленного района и

методы работы начальника артиллерии армии и его штаба по управлению крупными артиллерийскими массами. В свою очередь, в округах были проведены сборы начальников артиллерии стрелковых корпусов и дивизий.

К сожалению, аналогичный сбор артиллерийских начальников всех степеней по изучению вопросов боевого применения артиллерии в оборонительной операции перед войной не проводился.

Заметим, что начальники артиллерии армий, так же как и фронтов, своих штатных средств связи не имели. Предполагалось, что они будут обеспечиваться общевойсковыми средствами связи. Первые же дни войны во всей полноте показали ошибочность такого решения. Кроме того, оснащение войск, в том числе и артиллерии, средствами связи было на низком уровне. В связи с этим командиры всех степеней имели слабые навыки в управлении войсками с помощью радиосвязи.

Данная проблема была обусловлена тем, что Наркомат обороны и Генеральный штаб Красной армии не проявили должной настойчивости в деле улучшения оснащения войск средствами связи как материальной основы управления войсками.

Между тем потребности Красной армии в средствах связи были так велики, что существующие мощности радиопромышленности не могли удовлетворить их. Это были серьезные просчеты руководства страны и Наркомата обороны в определении приоритетов в оборонной промышленности.

По этому поводу маршал войск связи И.Т. Пересыпкин в последующем сетовал, что он «не может, к сожалению, привести ни одного случая, когда вопросы связи во всем комплексе рассматривались в высших инстанциях». Видимо, «связь считали второстепенным делом», поскольку и в Госплане, и в Наркомате обороны, и в Генеральном штабе «вопросы связи недооценивались». Именно «вследствие этого, — заключал маршал, — наша страна и Вооруженные силы оказались недостаточно подготовленными к войне в отношении связи»[39].

Поэтому уже в советско-финляндской войне взаимодействие общевойсковых и артиллерийских командиров осложнялось отсутствием средств связи. «Слабая оснащенность командиров полевыми радиостанциями не позволяла командирам поддерживать оперативную связь»[40]. Но что говорить о командирах частей и подразделений, если даже командующий 7-й армией не имел личной радиостанции[41]. Устранить этот серьезный недостаток в оснащении войск современными средствами связи до Великой Отечественной войны не удалось.

Даже психологически командиры всех степеней не были подготовлены управлять войсками с использованием радиосредств и рассчитывали в большинстве своем на связь по проводам, которая легко выводилась из строя противником. К вопросу оснащения артиллерийских штабов современными средствами связи мы еще вернемся.

Тяжелые бои на Украине принесли С.С. Варенцову боевой опыт, заставили переосмыслить, казалось бы, незыблемые каноны боевых уставов и наставлений, по-иному взглянуть на особенности боевого применения артиллерии в обороне. У командования сложилось о нем мнение как о мужественном, способном артиллерийском начальнике. В конце августа С.С. Варенцов был назначен начальником артиллерии 40-й армии, сформированной из части сил 37-й, 26-й армий и незначительного количества артиллерии. Командующим армией был назначен генерал-майор К.П. Подлас, а начальником штаба — генерал-майор З.З. Рогозный.

Противник тем временем продолжал продвигаться на Конотопском направлении. В начале сентября его передовые части прорвались к Десне. 28 августа командующий 40-й армией получил задачу немедленно преградить путь войскам Гудериана, заняв для этого оборону на рубеже Шостка — Короп — Малое Устье и далее по реке Десне.

Однако это была тяжелая задача для имевшей недостаточно сил и средств армии. Входящие в ее состав 135-я стрелковая дивизия и части 2-го воздушно-десантного корпуса уже побывали в боях, в которых понесли большие потери. 10-я танковая дивизия, выведенная в июле на формирование, успела к этому времени получить несколько десятков боевых машин. Так, в первом батальоне 19-го танкового полка имелось только 15 танков Т-34 и БТ. Такое же положение было и в других ее полках.

293-я стрелковая дивизия только сколачивалась из прибывающего пополнения и к тому же не имела боевого опыта.

Вот такими силами армии предстояло стать на пути сильной танковой группы Гудериана. И армия сражалась. 28 августа части 40-й армии атаковали 10-ю моторизованную дивизию группы, захватившую плацдарм на берегу Десны в районе Коропа. Проведенными контратаками противник был скован на плацдарме, и его дальнейшее наступление было на время приостановлено. Тем не менее обстановка складывалась таким образом, что можно было ожидать удара танковой группировки противника в полосе обороны слабой по составу 40-й армии. Но никакого укрепления этой армии силами и средствами предпринято не было. В этом заключалась еще одна причина

киевской трагедии.

Ставка ВГК и Генеральный штаб значительно переоценили возможности Брянского фронта и его командующего генерал-лейтенанта А.И. Еременко в деле оказания реальной помощи соседнему Юго-Западному фронту, надеясь, что своими активными действиями с востока этот фронт свяжет боями танковую группу Гудериана и не позволит ей нанести удар в южном направлении.

А пока войска 40-й армии вели тяжелые бои на 125-километровом участке фронта, предпринимая героические попытки сбросить противника с захваченных им плацдармов на Десне в районе Пироговки и Коропа.

Но и противник использовал любую возможность для нанесения удара. Воспользовавшись отходом левого фланга 13-й армии, его части обошли 293-ю стрелковую дивизию и нанесли по ней удар с востока. Но воины необстрелянной дивизии полковника П.Ф. Лагутина не дрогнули при виде вражеских танков. Противник был встречен дружным ружейно-пулеметным огнем и артиллерийскими залпами.

Командующий 40-й армией своевременно усилил это направление 10-й танковой дивизией и частями 2-го воздушно-десантного корпуса. Во взаимодействии с частями 293-й дивизии они контратаковали 10-ю моторизованную дивизию противника и отбросили ее обратно за Десну.

Противник на фронте 40-й армии был на время задержан, а на ряде участков даже потеснен.

Следует заметить, что стрелковые и танковые части активно поддерживали артиллеристы 5-й противотанковой бригады, своевременно развернувшиеся в боевой порядок на направлении главного удара противника. Как начальник артиллерии армии значительную роль в этом сыграл С.С. Варенцов. Он понимал, что в условиях маневренной войны, когда противник за счет превосходства в сфере управления обеспечивал себе преимущества в силах и средствах на важных направлениях, необходимо противодействовать ему смелым маневром артиллерией. И особенно противотанковой артиллерией.

Варенцов один из первых артиллерийских начальников такого ранга правильно понял пагубность дробления противотанковых артиллерийских бригад. Так, например, в оборонительной операции Юго-Западного фронта в Западной Украине 5-я противотанковая артиллерийская бригада (а всего их было в приграничных военных округах 10) была придана 5-й армии, а в последней переподчинена командиру стрелкового корпуса. В корпусе полки бригады распределялись между

стрелковыми дивизиями, а в дивизиях между стрелковыми полками. Таким образом, отдельная противотанковая бригада не использовалась как единая боевая единица: ее дивизионы действовали в стрелковых полках разрозненно. Следовательно, массированным атакам танков противника такое мощное противотанковое соединение, как бригада, не противопоставлялось.

В дальнейшем умелому и своевременному маневру артиллерией, в том числе и противотанковой, С.С.Варенцов придавал очень большое значение. Его по праву можно считать мастером маневра «огнем и колесами». Это звание он заслужил на полях сражений в самых крупных и значимых операциях Великой Отечественной войны.

Ну а пока искусство управления артиллерией Сергей Сергеевич постигал в сложных условиях первого периода войны, когда инициативой уверенно владел противник.

Тяжело приходилось в эти дни соединениям 40-й армии, сдерживающим натиск основных сил танковой группы Гудериана. Но армия не только оборонялась, она постоянно контратаковала выдвинувшиеся передовые части группы. Вот и 1 сентября соединения армии перешли в наступление, чтобы сдержать противника в междуречье Сейма и Десны.

10-я танковая дивизия, поддержанная дивизионами 5-й противотанковой артиллерийской бригады, атаковала противника в направлении Райгородок — Вольное — Короп. 135-я стрелковая дивизия наносила удар в направлении Рыботин — Короп. Наступление в этом направлении поддержали части 293-й стрелковой дивизии и 2-го воздушно-десантного корпуса.

В результате их совместного удара оборонявшаяся в этом районе 10-я моторизованная дивизия вермахта понесла большие потери.

Утром 2 сентября части 10-й танковой дивизии и воины-десантники освободили Короп, захватив пленных и много трофеев[42]. Успешные действия соединений 40-й армии серьезно обеспокоили командующего 2-й танковой группой генерала Гудериана. Вот как он сам оценивал сложившуюся обстановку: «Учитывая наступление противника против моих обоих флангов и его активные действия перед фронтом, особенно против 10-й мотодивизии, мне показалась сомнительной возможность продолжать наступление имеющимися в наличии силами. Поэтому я снова обратился к командованию группы армий «Центр» с просьбой предоставить в мое распоряжение 46-й танковый корпус»[43].

Для усиления 40-й армии командующий войсками Юго-

Западного фронта генерал-полковник М.П. Кирпонос передал в ее состав 3-й воздушно-десантный корпус, который к 3 сентября занял оборону по реке Сейм на участке Хижки — Лисогубовская.

В дальнейшем не совсем целесообразные решения командующего войсками фронта ослабили 40-ю армию, которая противостояла подвижным соединениям 2-й танковой группы.

Воспользовавшись непродуманным снятием с полосы обороны 40-й армии некоторых ее частей и их переброской на Черниговское направление, части танковой группы Гудериана 3 сентября нанесли удар по обороне 293-й стрелковой дивизии и 28-го мотострелкового полка НКВД. Оборонявшиеся на широком фронте, наши части не смогли сдержать наступление мотопехоты и танков противника. Ворвавшись в полосу обороны дивизии, части противника разорвали ее единый фронт, заставив беспорядочно начать отход в разных направлениях.

5-я противотанковая артиллерийская бригада получила задачу от С.С. Варенцова подготовить противотанковый район по южному берегу ручья Стрижен в районе Тарасовка — Смелое — отметка 133.4 — Березенцев.

7 сентября 40-я армия с боями отходила на южный берег Сейма. Передовые отряды 3-й и 4-й танковых дивизий вермахта сумели переправиться за отходившими частями армии и захватили плацдармы на южном берегу реки, что создало угрозу их дальнейшего продвижения на юг.

Попытки частей противника форсировать Сейм на участке Хижки — Мельна были отбиты огнем нашей артиллерии. Действия 40-й армии затрудняло отсутствие резервов, да и связь со многими соединениями и частями была нарушена.

Авиация противника подвергла жестокой бомбардировке штаб армии, находившийся в Конотопе, и двигавшиеся к городу эшелоны с частями 227-й стрелковой дивизии. Командующий фронтом в этих условиях приказал генерал-майору К.П. Подласу войсками его армии занять и удерживать рубеж Глухов — Черепово и далее по реке Сейм.

9 сентября в наступление перешли войска танковой группы Гудериана. И хотя С.С. Варенцов сделал все, чтобы артиллерия армии нанесла упреждающий удар по сосредоточениям немецких войск, сорвать их переправу через реку она не смогла. Очень мало было для этого артиллерии.

Генерал К.П. Подлас доложил в штаб фронта о прорыве противника и рассечении надвое обороны своей армии и попросил помощи. Но помочь 40-й армии уже никто не мог. По состоянию на 12 сентября армия «насчитывает около пяти тысяч активных штыков, сотню орудий и десяток танков»[44]. Но армия,

даже расколотая на две части, продолжала сражаться, пытаясь восстановить фронт своей обороны.

15 сентября части 40-й армии, не попавшие в кольцо окружения, отходили на восток к Сумам.

19—20 сентября 40-я армия (отряд Чеснова, 3-й воздушно-десантный корпус, 293-я и 227-я стрелковые дивизии, 1-я мотострелковая дивизия) занимала оборону на фронте Теткино — Ворожба — Ольшана,

26 сентября главком Юго-Западного направления маршал С.К. Тимошенко доложил в Ставку ВГК: «Оборона сейчас построена на силах 38-й армии, остатках 40-й армии, частях конницы и действиях авиации»[45]. Войскам 40-й армии генерал-майора К.П. Подласа была поставлена задача прикрыть Сумское направление.

Артиллерия 40-й армии под командованием С.С. Варенцова встретила врага огнем пяти артполков и противотанковыми средствами, правда, остановить его не смогла, но урон нанесла значительный. Обстановка в те дни складывалась драматично, порой казалась безвыходной. Противник, разгромив основные силы Юго-Западного фронта, не остановился на достигнутых успехах и продолжал наступление.

Из письма офицера Победина С.С. Варенцову в госпиталь в 1944 году: «Тяжелые и горячие бои в 1941 года осенью под Ворожбой и Знаменкой. Вы лично руководили и спасали штабы 40-й. То был бой с бедой для жизни Вашей и Родины нашей, для Вас и для нас. Положение было критическим. Я смотрел смерти в глаза и с тех пор подружился с Вами. Пусть Вам припомнит память, как Вас окружили автоматчики. Пусть для интереса я больше не назову фамилий, а с лейтенантами и своим подразделением для Родины мы спасли «седую голову». Слово «седая голова» для нас любовное, для всех офицеров и бойцов Вашей артиллерии…»[46]

Немногие военачальники в тот не самый удачный период для Красной армии удостаивались такого искреннего уважения подчиненных.

В трудных условиях отступления, в осеннюю распутицу С.С. Варенцов обеспечил выход артиллерии армии на новый рубеж Щигры — Тим — Солнцево, сберег личный состав, транспорт и вооружение, за что был награжден орденом Ленина[47]. Таких военачальников, которым в октябре 41-го выпала такая честь, было немного. В период всеобщего отступления государство скупо награждало своих воинов.

Безусловно, С.С. Варенцов, талантливый артиллерийский начальник, не мог не переживать, что не всегда получается всей

мощью огня артиллерии армии обрушиться на врага в нужное время и на важных направлениях. Артиллерии было мало, да и недостатков в ее применении было более чем достаточно.

В тот период было очень много оснований, чтобы в приказе НКО № 0416/1909 от 25 октября 1941 года указывалось на то, что «многие общевойсковые (пехотные) командиры плохо знают боевые свойства артиллерии, не ставят ей боевых задач и часто неправильно применяют этот мощный род войск в бою». В целях лучшего боевого использования артиллерии, более тесного взаимодействия ее с другими родами войск, улучшения управления артиллерией и повышения ответственности общевойсковых и артиллерийских начальников за боевое применение артиллерии начальники артиллерии фронтов, армий, дивизий, бригад были назначены этим приказом заместителями соответствующих общевойсковых командующих (командиров)[48]. Надо признать, что в какой-то степени таким артиллерийским начальникам, как С.С. Варенцов, это облегчало выполнение поставленных задач. Потому что С.С. Варенцов был начальником не по форме, а по содержанию, и в этот период война только начала свой жесткий отбор кадров.

Когда анализировались причины неудачного начала Великой Отечественной войны для Советского Союза в ранней и поздней советской историографии, то обычно внимание акцентировалось на «внезапном и вероломном нападении Германии на СССР», «подавляющем превосходстве противника в силах и средствах», «допущенных просчетах в оценке возможного времени нападения», «ошибках предвоенного оперативно-стратегического планирования», «массовых репрессиях в отношении военных кадров» и т. д. Приводилось также много других, иногда и заслуживающих внимания обстоятельств, но по большей части второстепенного и косвенного характера.

В современной российской историографии на основе данных, извлеченных из ранее засекреченных документов и материалов, а также анализа научно-исторической и мемуарной литературы многие авторы дают объективную и аргументированную трактовку хода военных событий. Особенно много внимания в последнее время уделяется обсуждению вопроса: с началом войны на чьей стороне было превосходство как количественное, так и качественное в личном составе, танках, артиллерии, самолетах и т. д.? В то же время ряд авторов обращает внимание на роль «человеческого фактора», утверждая, что воюет не железо, а воюют люди. С таким утверждением нельзя не согласиться, особенно если проследить это в сфере управления войсками, где особенно проявляются личностные качества командного состава и

квалификация штабов всех инстанций.

В первом периоде войны (22 июня 1941 года—18 ноября 1942 года) наши войска потерпели ряд поражений в основном из-за того, что уступили противнику в умении командования и штабов руководить войсками в сложной боевой обстановке практически на всех уровнях управления.

Маршал Советского Союза А.М. Василевский, критически оценивая действия командного состава в начале войны, отмечал: «…первоначальные неудачи Красной армии показали некоторых командиров в невыгодном свете. Они оказались неспособными в той сложившейся обстановке руководить войсками по-новому, быстро овладеть искусством ведения современной войны, оставались в плену старых представлений. Не все сумели быстро перестроиться…»[49]

Следует добавить, что перед войной советские инженеры сумели создать танки, артиллерийские орудия и самолеты, превосходящие по многим параметрам немецкие. Воины и командный состав показали готовность отдать жизнь. Но чтобы соединить передовую технику и самоотверженность солдата и офицера, нужен был третий и очень важный компонент — умелое управление войсками, что означало самостоятельную и инициативную деятельность командиров и штабов всех степеней при общей координации их действий старшими начальниками.

В войне с немецким вермахтом нужны были генералы и офицеры, способные «передумать» противника, лучше его организовывать боевые действия, лучше готовить войска к боевым действиям и лучше руководить войсками в ходе боевых действий. К сожалению, боеспособный командный корпус Красной армии в целом сложился только в ходе войны, а не был таковым перед ее началом. В суровых испытаниях выросла и закалилась целая плеяда талантливых полководцев и военачальников, тысячи командиров и офицеров штабов, показавших образцы умелого руководства подразделениями, частями, соединениями и объединениями в сложных условиях боевой обстановки. Одним из таких военачальников, вне всякого сомнения, был С.С. Варенцов.

До конца 1941 года соединения 40-й армии вели оборонительные бои на рубежах рек Десна и Тим, в январе-феврале 1942 года армия участвовала в боевых действиях на Курском и Белгородском направлениях.

Командующий 40-й армией генерал-лейтенант К.П. Подлас высоко ценил генерал-майора артиллерии С.С. Варенцова за его профессионализм, умение управлять артиллерией в самых сложных условиях. В эти первые, пожалуй, самые трудные месяцы войны стало видно, кто чего стоит. Сергей Сергеевич проявил

свои блестящие командирские качества в критических ситуациях в полной мере, о чем свидетельствует боевая характеристика на него.

«Боевая характеристика[50]на заместителя командующего 40-й армией по артиллерии генерал-майора артиллерии Варенцова Сергея Сергеевича

Тов. Варенцов много труда и энергии приложил по созданию артиллерийских частей в период формирования армии, по укреплению боеспособности артиллерии, сохранению и приведению в порядок материальной части в период отхода.

Лично тов. Варенцов и его аппарат уделили большое внимание созданию новых артполков для дивизий, приложили много старания по изысканию и снабжению вооружением стрелковых частей армии.

Тов. Варенцов храбрый, волевой и решительный генерал. Уделяет максимум внимания умелому и решительному использованию артиллерии во всех видах боя. *По личной инициативе и по заданиям военного совета неоднократно выправлял тот или иной слабый участок наших войск* (выделено мной. — *Ю. Р.*). Систематически бывает в частях и принимает необходимые меры по повышению их боеспособности.

Тов. Варенцов удостоен правительственной награды — ордена Ленина. Среди начсостава, в частности артиллеристов, пользуется заслуженным деловым авторитетом.

Делу партии Ленина — Сталина и социалистической Родине предан.

Занимаемой должности заместителя командующего армией по артиллерии вполне соответствует.

П.п. Командующий 40-й армией *Генерал-лейтенант ПОДЛАС*

П.п. Член Военного совета

Дивизионный комиссар МАЛИНИН

03.02.42 г.»

Из содержания боевой характеристики видно, что Сергей Сергеевич занимался не только вопросами боевого применения артиллерии. Он по личной инициативе принимал решения за общевойскового командира по сложившейся боевой обстановке на исправление сложных ситуаций на тех участках, где он в это время находился, и, как боевой генерал, никогда не боялся брать на себя ответственность, решительно управлял как общевойсковыми формированиями, так и артиллерией. Это свидетельствует, что в действительности по своей деятельности С.С. Варенцов являлся заместителем командующего армией не только по артиллерии. Так, кстати, он себя будет проявлять и в должности командующего артиллерией фронта. Известно, что

командующий войсками фронта Н.Ф. Ватутин нередко посылал С.С. Варенцова на трудные участки, будучи в полной уверенности в правильных действиях Сергея Сергеевича по сложившейся ситуации.

В начале апреля армия была передана Брянскому фронту, в июле — Воронежскому и в их составе участвовала в Воронежско-Ворошиловградской операции 1942 года.

В ходе оборонительных сражений на Воронежском направлении в период с 28 июня по 5 июля 1942 года артиллерия 40-й армии уничтожила до 300 танков, 115 автомашин и 10 батальонов пехоты противника[51].

С.С. Варенцов одним из первых начальников артиллерии армий уяснил выгоды создания армейской артиллерийской группы как своеобразной подручной артиллерии командующего армией в обороне, а также хорошо освоил способы боевого применения и управления армейской артиллерийской группой при проведении контрударов в обо-ронительных операциях.

Попытки централизации управления артиллерией армии начались еще осенью 1941 года при проведении контрударов.

Форма централизованного управления через тактические артиллерийские группы рекомендовалась уставами еще задолго до Великой Отечественной войны. Несмотря на тяжелые для наших войск условия первого периода войны, эта форма управления получила дальнейшее развитие в первую очередь усилиями таких артиллерийских начальников, как С.С. Варенцов и В.И. Казаков.

При организации централизованного управления артиллерией особое значение приобретало наличие средств и достаточного количества связи разведки. Отсутствие централизованного управления артиллерией 40-й армии (а без него немыслимо широкое применение массированного огня артиллерии) летом 1942 года на Брянском и Воронежском фронтах объясняется тем, что в распоряжении начальника артиллерии армии имелась всего одна радиостанция, 45 телефонных аппаратов и 70 километров провода, семь грузовых машин. Это при наличии пяти стрелковых дивизий в первом эшелоне, одной дивизии и трех бригад во втором и при 121-километровом фронте обороны армии[52].

При наличии таких средств исключалась возможность поддерживать связь (даже во время затишья в боевых действиях войск) с пятью начальниками артиллерии стрелковых дивизий в первом эшелоне, четырьмя начальниками артиллерии стрелковых дивизий и бригад второго эшелона армии, армейской артиллерийской группой, армейским артиллерийско-

противотанковым резервом, гвардейскими минометными частями, зенитными артиллерийскими полками и т. д.

Общевойсковая линия связи армий в то время также была слабой, а первоочередных абонентов у нее было слишком много. Поэтому начальнику артиллерии армии и его штабу поддерживать по такой линии даже эпизодическую связь с подчиненными было невозможно. Конечно, С.С. Варенцов, используя «право старшего», требовал от подчиненных артиллерийских командиров подавать линию связи снизу вверх и держал при себе от них офицеров связи со средствами передвижения. Это была вынужденная мера, поскольку позволяла начальнику артиллерии армии управлять артиллерией армии, хотя и с очень низкой степенью централизации.

Безусловно, это осложняло положение в артиллерийских частях, так как для обслуживания линий связи с огневыми позициями оставалось очень мало средств. Поэтому в ходе боя связь утрачивалась очень быстро, и огневые подразделения пытались устанавливать взаимодействие с ближайшими к ним стрелковыми подразделениями путем личного общения командиров в ущерб использованию дальнобойности артиллерии и заблаговременному открытию огня на поражение сосредоточенных сил противника.

Большой недостаток средств связи в течение длительного времени мешал применению массированного огня артиллерии и полному использованию боевых возможностей артиллерии.

Сергей Сергеевич на практике убедился, что в летних и осенних боях 1941 года управление артиллерией не отвечало требованиям современного характера ведения войны и по причине слабой подготовки штабов. Штабы артиллерии армий и корпусов, да и фронтов тоже, как правило, были недоукомплектованы, слаженность в работе была низкой. Штабы не сумели в новых условиях обеспечить твердое, непрерывное и централизованное управление артиллерией. Большой некомплект средств связи в артиллерийских частях еще более усугублял трудности управления артиллерией. Нередко в связи с быстрым развитием боевых действий управление артиллерийскими частями утрачивалось, поэтому штабы не имели данных о положении и состоянии подчиненных артиллерийских частей и подразделений, что не позволяло принимать целесообразные решения по применению артиллерии.

Тем не менее роль армейских и фронтовых артиллерийских штабов в управлении артиллерией летом 1942 года уже начинала определяться, хотя и ограничивалась в основном организацией системы артиллерийского огня на начальный период боев,

осуществлением наблюдения за поддержанием артиллерийских частей в боеспособном состоянии, получением более или менее регулярной информации о нахождении и состоянии артиллерии в ходе операции и, наконец, робкими еще попытками брать на себя организацию маневра и огня при решении таких задач, как нанесение контрудара, восстановление потерянного взаимодействия тех или иных артиллерийских частей со стрелковыми дивизиями и т. п. Поэтому Сергей Сергеевич уделял много внимания подбору штабных офицеров, слаженности их в работе при подготовке и в ходе боевых действий.

Вся последующая деятельность С.С. Варенцова в должностях начальника артиллерии армии и командующего артиллерией фронта подтверждает, что Сергей Сергеевич сделал правильные выводы из опыта управления артиллерией летом и осенью 1941 года.

Те артиллерийские начальники, которые проявили решительность и умение в организации огня и маневра артиллерией в целях массированного применения артиллерии на важных направлениях, а также правильно оценили роль артиллерийских штабов в управлении артиллерией, стали видными военачальниками. В первую очередь это относится к С.С. Варенцову и В.И. Казакову — командующим артиллерией фронтов, действующих на главном стратегическом направлении во второй половине Великой Отечественной войны.

В сентябре 1942 года командующим Воронежским фронтом генералом Н.Ф. Ватутиным С.С. Варенцов назначается начальником артиллерии 60-й армии. Командовал армией генерал-майор И.Д. Черняховский. Сначала взаимоотношения между командующим армией и начальником артиллерии армии не сложились. Как-то И.Д. Черняховский, подводя итоги боевым действиям под Воронежем, пришел к выводу, что артиллерия армии слабо привлекалась с второстепенных направлений в интересах войск, действующих на главном направлении. Реактивная артиллерия вообще не участвовала в подавлении противника в траншеях. Командарм указал на это командующему артиллерией армии.

Понять С.С. Варенцова можно, он был старше И.Д. Черняховского и отнесся к замечаниям командующего армией с некоторым недовольством. О полученных от командарма указаниях со своими комментариями незамедлительно доложил по инстанции.

«Начальник реактивной артиллерии фронта после этого выразил Черняховскому свое неудовлетворение:

— Чем объясняется ваше вмешательство в дела артиллерии?

Варенцов — крупный специалист, всегда пользовался доверием командующих армиями. Зачем вы пытаетесь нас подменять?

— Речь идет не о подмене, а более эффективном использовании артиллерии, — ответил Черняховский.

— Ваши указания противоречат этому. Если вы намереваетесь и впредь вмешиваться в наши функции, мы вынуждены будем доложить командующему артиллерией и начальнику штаба фронта.

— Докладывать можете, но артиллерия, приданная армии, целиком и полностью подчиняется командарму. К тому же фронтовая артиллерия должна работать на общевойсковое объединение»[53].

О том, что генерал С.С. Варенцов тяжело воспринимает свое подчинение молодому командарму, стало известно члену Военного совета Кузнецову. Он поговорил с. С.С. Варенцовым.

Впоследствии отношения И.Д. Черняховского с С.С. Варенцовым быстро нормализовались. Иван Данилович Черняховский понимал и умел прощать слабости, присущие тем или иным людям. При общении с подчиненными он был исключительно тактичен. Ему в этом помогали большой кругозор, хорошее знание военного дела, храбрость, умение держать себя в коллективе, чуткий подход к людям. Со своей стороны Сергей Сергеевич увидел много положительного в том, что армией командовал талантливый военачальник.

В этот период 60-я армия предпринимала ряд безуспешных операций с задачей освободить Воронеж. С.С. Варенцов пришел к выводу, что в результате разрозненных действий войск армии, и в частности артиллерии, а также неправильного выбора направления главного удара армии успеха ждать трудно. Прибывшему в армию генерал-лейтенанту артиллерии В.Г. Корнилову-Другову (заместителю Главного маршала артиллерии Н.Н. Воронова) Сергей Сергеевич доложил свои соображения и получил согласие и необходимые рекомендации. Кроме того, Корнилов-Другов сам взялся за организацию и координацию действий 60-й армии с соседями. В результате артиллерия двух армий превратилась в мощную силу. Но осуществить операцию не пришлось — она была запрещена по неизвестным причинам.

Справедливости ради нужно сказать, что встреча с генералом В.Г. Корниловым-Другом очень многое дала С.С. Варенцову и его штабу. Превосходно подготовленный в оперативно-тактическом отношении, разбирающийся во всех тонкостях планирования огневого поражения противника как в оборонительных, так и в наступательных операциях, генерал В.Г. Корнилов-Другов оказал значительную помощь в подготовке

начальников артиллерии фронтов (армий) и их штабов. Об этом очень хорошо написал в своих воспоминаниях Г.С. Надысев:

«Поистине «академическую» выучку командующему (тогда еще начальнику. — *Ю. Р.*) артиллерией и его штабу преподал заместитель командующего артиллерией Красной армии генерал-лейтенант артиллерии В.Г. Корнилов-Другов, который прибыл на фронт с представителем Ставки генералом Г.К. Жуковым.

…После тщательного ознакомления представителя Ставки с положением дел на Донском фронте было решено провести операцию на участке 1-й гвардейской армии с целью привлечь на себя основные силы противника и облегчить положение 62-й и 64-й армий, оборонявших Сталинград.

Генерал Гусаков (начальник артиллерии фронта. — *Ю. Р.*) и я честно признались, что вряд ли сможем самостоятельно спланировать артиллерийское обеспечение предстоящей операции. Генерал Корнилов-Другов тут же взялся помочь нам.

Вначале он охарактеризовал современные наступательные операции. Дал основы планирования, расчеты для создания необходимой плотности артиллерийских средств, исходя из характера обороны противника, и многое другое. Затем мы вместе тщательно изучили обстановку по карте, отметили на ней участок прорыва, рассмотрели ведомость боевого и численного состава артиллерии по армиям и отметили, какие артиллерийские части РВГК можно взять на участок прорыва. Обсудили некоторые детали планирования огня.

После этого буквально под его диктовку мною был написан весь план боевого применения артиллерии в операции… Это был первый в моей практике серьезный план артиллерийского обеспечения пусть частной, но все же наступательной операции. План получился довольно стройный и выглядел примерно так:

Раздел I. Артиллерийские средства, привлекаемые на направлении главного удара в армии. Плотность.

Раздел II. Порядок вывода артиллерии и сроки ее готовности.

Раздел III. Планирование огня. График артподготовки. Методы поддержки атаки пехоты и танков.

Раздел IV. Обеспечение флангов и стыков.

Раздел V. Обеспечение боеприпасами по периодам наступления, на день боя и на операцию в целом.

Раздел VI. Коротко об управлении.

План этот, конечно, был далек от совершенства, в нем не были отражены многие вопросы, которые мы раскусили позднее, но серьезное начало современному планированию боевого применения артиллерии было положено.

Пока генерал Гусаков ходил в Военный совет и докладывал

план (а отсутствовал он долго, Корнилов-Другов продолжал беседовать со мной. Он подробно рассказал о методах работы штаба. Очень много времени уделил составлению плана использования артиллерии в оборонительной операции и показал методы расчета противотанковых средств. Два дня шла интенсивная учеба, но я не уставал, был безмерно рад узнать то, что так могло пригодиться в работе. Теперь надо было трудиться, передавая приобретенные навыки планирования боевого применения артиллерийских масс во фронтовой операции своему штабу.

План без поправок был утвержден Военным советом и одобрен генералом Г.К. Жуковым.

Начальник оперативного отдела подполковник Ермаков быстро написал все боевые распоряжения и шифровки на переподчинение артчастей РВГК. Другие офицеры были направлены на аппараты связи с различными распоряжениями и на контроль их исполнения.

Корнилов-Другов, находясь в штабе, все время следил за нашей работой, давал советы, вмешивался, когда видел ошибки. Но при этом всегда был предельно тактичен, поправлял, не обижая, не задевая нашего самолюбия.

Он был очень скромен. Когда мы закончили составление плана артиллерийского обеспечения операции, генерал Корнилов-Другов после наших подписей написал: «План мною одобрен», — как будто бы этот план не был делом его ума, его рук.

Он не ограничился составлением плана и счел своим долгом проследить за его выполнением всем аппаратом штаба. Под его началом я, как и многие другие, впервые четко усвоил функции офицеров штаба артиллерии при планировании боевых действий артиллерии фронта в наступательной операции»[54].

По всей видимости, такую же роль сыграл генерал-лейтенант артиллерии В.Г. Корнилов-Другов в подготовке С.С. Варенцова и его штаба. К сожалению, осенью 1942 года он погиб, но пользу своими выездами в войска принес неоценимую. Начальник артиллерии Красной армии Н.Н. Воронов прекрасно понимал, что подготовкой артиллерийских военачальников фронтового и армейского уровней надо заниматься серьезно, и привлекал для этого таких специалистов, как генерал Корнилов-Другов.

Несмотря на непродолжительное пребывание в должности начальника артиллерии 60-й армии, С.С. Варенцов, хорошо усвоив уроки и рекомендации генерала Корнилова-Другова, грамотно организовал систему противотанкового огня на глубину до 12–15 километров вдоль шоссе Воронеж — Задонск, обеспечил

стыки и огневое взаимодействие двух армий.

Глава 3. Командующий артиллерией фронта

В начале октября 1942 года генерал С.С. Варенцов назначается командующим артиллерией Воронежского фронта (в октябре 1943 года переименован в 1-й Украинский фронт). Начался новый этап в военной жизни талантливого артиллериста-военачальника. Впереди было много операций по разгрому немецких войск под Воронежем и Курском, Киевом и Львовом, Берлином и Прагой. Сергей Сергеевич принял непосредственное участие в разработке и проведении в жизнь крупных операций по разгрому противника, в которых роль артиллерии была решающей.

Первые наступательные операции

В ходе развития контрнаступления советских войск под Сталинградом войска Юго-Западного и левого крыла Воронежского фронта (6-я армия) развернули наступление на западном участке внешнего фронта окружения противника. Командовал войсками Воронежского фронта генерал-полковник Ф.И. Голиков. Ударами с севера и с востока по сходящимся направлениям была разгромлена 8-я итальянская и остатки 3-й румынской армии. Внешний фронт окружения с запада к концу декабря отодвинулся еще на 100–150 километров.

В декабрьской операции Воронежский фронт получил на усиление 8-ю артиллерийскую дивизию, которая была придана 6-й армии. В этой операции С.С. Варенцовым был получен первый серьезный боевой опыт применения крупных артиллерийских соединений[55]. В связи с восстановлением корпусного уровня управления в этой операции в стрелковых корпусах появляются артиллерийские группы. В 15-м стрелковом корпусе 6-й армии, наносившем главный удар, была создана корпусная группа артиллерии дальнего действия (АДД). В армии такой группы не создавали, поэтому приданная армии 8-я артиллерийская дивизия была целиком передана на усиление корпуса. Корпусная группа АДД состояла из трех пушечных полков и артиллерийского разведывательного дивизиона.

Утром 16 декабря по степи клубился туман, сливался с морозной мглой, и вся эта белая пелена скрывала вражеские позиции от артиллерийских командиров и начальников. Как и в памятный день 19 ноября в Сталинградской битве, о применении авиации нечего было и думать. В 8 часов артиллерия Юго-Западного фронта и 6-й армии Воронежского фронта начала артиллерийскую подготовку, продолжавшуюся в течение полутора часов.

Эффективность артиллерийского огня оказалась низкой, а без огневой поддержки пехота топталась на месте. За первую половину дня войска продвинулись всего на 2–3 километра.

Утром 17 декабря после артиллерийской и авиационной подготовки соединения 1-й гвардейской армии Юго-Западного фронта и 6-й армии Воронежского фронта возобновили наступление. Поддержка авиации и хорошо скорректированный артиллерийский огонь, мощный рывок четырех танковых корпусов сокрушили врага. За три дня боев ударные группировки взломали оборону противника. На участке 1-й гвардейской и 6-й армии прорыв составил 60 километров по фронту и до 40

километров в глубину. Наши войска перешли к стремительному преследованию противника. В ходе преследования 8-я артиллерийская дивизия была переподчинена стрелковым дивизиям и полкам. К сожалению, в ходе преследования командир артиллерийской дивизии не имел иногда связи со своими частями и поэтому лишался возможности в ходе операции быстро объединять под своим управлением основные силы дивизии. Не были в полной мере использованы основные преимущества организационной структуры артиллерийской дивизии, позволявшей быстро осуществлять массирование огня и маневр крупными силами артиллерии в ходе наступления. С.С. Варенцов и его штаб проанализировали все недостатки по применению мощного артиллерийского соединения и сделали соответствующие выводы. Впоследствии, в 1943 года, на основе приобретенного боевого опыта этот недостаток был в значительной степени устранен.

Используя успехи, достигнутые под Сталинградом и на Северном Кавказе, и общее изменение стратегической обстановки на советско-германском фронте в пользу Красной армии, войска Воронежского фронта при содействии части сил Юго-Западного и Брянского фронтов в январе — феврале 1943 года провели две наступательные операции с целью разгрома противника в районе верхнего течения Дона.

Войска левого крыла фронта стремительным наступлением 40-й армии с плацдарма на реке Дон в районе Сторожевое — Урыв и 3-й танковой армии из района Кантемировки по сходящимся направлениям окружили острогожско-россошанскую группировку противника и одновременно ударом 18-го стрелкового корпуса с плацдарма в районе Щучьего расчленили ее на две части.

Для проведения Острогожско-Россошанской операции Воронежский фронт был усилен 8-й и 10-й артиллерийскими дивизиями, 4-й гвардейской минометной дивизией, 9-й зенитной артиллерийской дивизией и несколькими отдельными артиллерийскими полками РВГК. Таким образом, артиллерийские соединения получали все более широкое применение. Фронт имел превосходство над противником в артиллерии примерно в 1,5 раза.

С целью обеспечения решающего превосходства над противником в артиллерии на главном направлении командующий артиллерией фронта С.С. Варенцов организовал смелый маневр силами и средствами. В армиях левого крыла фронта, наносивших главный удар, было сосредоточено около 70 % всех орудий и минометов и более 96 % реактивной

артиллерии.

Внутри армий маневр артиллерией был еще более значительный. За счет резкого ослабления второстепенных направлений на участках 40-й армии, 18-го корпуса и 3-й танковой армии, занимавших вместе менее 14 % общей протяженности их фронта (34 километра из 240), сосредоточивалось свыше 89 % полевой артиллерии, или 3150 орудий и минометов, 1028 боевых машин и установок реактивной артиллерии из имевшихся 1036. На участках прорыва было достигнуто 8—10-кратное превосходство над врагом в артиллерии[56].

На участке прорыва 40-й армии оборона противника была наиболее плотной и насыщенной огневыми средствами. Кроме того, армии пришлось наступать без 4-го танкового корпуса, что соответственно ослабляло силу ударной группировки, в частности ее правый фланг. Все это еще больше повысило и без того ведущую роль артиллерии. Она должна была обеспечить прорыв вражеской обороны на всю ее тактическую глубину, не допустить контратак и контрударов противника по флангам, в особенности правому, содействовать разгрому резервов, рассечению и уничтожению неприятельской группировки.

Для выполнения столь широких задач, безусловно, требовались значительные силы артиллерии. По предложению С.С. Варенцова 40-я армия была усилена 10-й артиллерийской дивизией прорыва, имевшей восемь артиллерийских полков, 4-й дивизией реактивной артиллерии, состоявшей из двух бригад, и зенитной артиллерийской дивизией.

Благодаря этому, а также сосредоточению войсковой артиллерии 40-я армия смогла накануне Острогожско-Россошанской наступательной операции осуществить массирование артиллерийских средств на участке прорыва. Здесь армия имела по 108 орудий и минометов на 1 километр фронта, причем армейская артиллерийская группа дальнего действия состояла из одиннадцати дивизионов, имевших по шесть орудий калибра 122 мм и выше. Кроме вышеупомянутой дивизии реактивной артиллерии, в распоряжении имелись также четыре отдельных полка и один отдельный дивизион реактивной артиллерии.

Сосредоточение почти всей артиллерии на участке прорыва позволило в ходе подготовки в стрелковых полках создать артиллерийские группы поддержки пехоты. В их состав, кроме артиллерии стрелковых полков, привлекались для стрельбы прямой наводкой пушечные батареи дивизионной артиллерии, и отдельные противотанковые дивизионы. Всего на прямую наводку

было поставлено по 25 орудий на 1 километр фронта прорыва, в том числе часть 122-мм и 152-мм.

Большую пользу в период подготовки Острогожско-Россошанской операции принес артиллеристам разбор организации прорыва на примере начавшегося 16 декабря наступления 6-й армии. Такой разбор состоялся на совещании, проведенном командующим артиллерией фронта генералом С.С. Варенцовым. Главное внимание С.С. Варенцова было обращено на взаимодействие артиллерии с пехотой и танками и на наиболее рациональное использование артиллерийских средств. На конкретных примерах он показал причины отставания артиллерии, недостаточно энергичного использования истребительно-противотанковых артиллерийских полков. «Благодаря этому, — вспоминал маршал К.С. Москаленко, — мы смогли заблаговременно принять меры к недопущению подобных недостатков, уточнить намеченный план развития артиллерийского наступления на всех этапах боя»[57].

Но командование войск фронта прекрасно понимало, что успех операции в значительной степени зависел от внезапности действий наших войск. Одним из условий этого явилась скрытая перегруппировка крупных масс артиллерии, перемещавшихся на расстоянии от 50 до 200 километров при использовании небольшого количества маршрутов. Тесно взаимодействуя со штабом фронта, штаб артиллерии фронта тщательно организовал скрытую перегруппировку артиллерии.

Все передвижения артиллерии совершались только ночью, с соблюдением строжайших мер маскировки. Артиллерийские штабы установили тщательный контроль за своевременностью прибытия соединений и частей. Несмотря на ограниченное количество подготовленных маршрутов, частые снежные заносы и некомплект средств тяги, перегруппировка артиллерии была осуществлена в намеченные сроки, то есть с 27 декабря 1942 года по 8 января 1943 года.

В перегруппировке участвовали 8-я и 10-я артиллерийские дивизии, 4-я гвардейская минометная дивизия, 9-я зенитная артиллерийская дивизия и несколько отдельных артиллерийских полков РВГК. В последующем командующему артиллерией фронта генералу С.С. Варенцову придется организовывать перегруппировку и больших масс артиллерии, но эта была первая, без необходимого опыта. Прекрасные организаторские способности Сергея Сергеевича, а это отмечалось на всех этапах его служебной деятельности, позволяли ему решать самые сложные задачи по подготовке крупных масс артиллерии в операциях Великой Отечественной войны.

Операция началась 12 января действиями передовых батальонов 40-й армии. Атаке передовых батальонов предшествовала часовая артиллерийская подготовка. Она началась в 11 часов. На передний край противника обрушился огненный шквал. Он завершился мощным залпом двух дивизионов реактивной артиллерии М-13. В течение этого часа вражеские позиции обрабатывали бомбардировщики 291-й штурмовой авиационной дивизии. Передовые батальоны при содействии мощного артиллерийского огня захватили отдельные опорные пункты противника.

На рассвете 13 января была проведена артиллерийская подготовка — еще более мощная, чем накануне. Важную роль в ее успехе сыграло распределение задач и целей между артиллерийскими группами. Например, армейская артиллерийская группа, которую возглавлял командир 10-й артиллерийской дивизии полковник В.Б. Хусид, сначала наносила огневые удары по штабам и узлам связи. Нарушив таким образом управление вражескими войсками, она перенесла огонь на позиции артиллерии и минометов противника. Основная масса огневых средств врага не имела возможности отвечать, так как перестала получать данные наводки для стрельбы. Фигурально выражаясь, большая часть артиллерии противника как бы ослепла, оглохла и онемела[58].

Командующий артиллерией фронта нашел возможность еще больше усилить мощь огневого удара по противнику путем применения различных новшеств. Так, 120-мм минометы, которых в 40-й армии было 50, обычно действовали отдельными дивизионами (по 12–18 минометов в каждом). По указанию С.С. Варенцова все они были объединены в одну группу. Ее огонь производил ошеломляющее впечатление. Он сметал проволочные заграждения вместе с кольями, взрывал целиком минные поля, разрушал перекрытия землянок, блиндажей, траншей, буквально выметая из них противника.

«Один из пленных, — вспоминал маршал К.С. Москаленко, — рассказал о гибели двух третей своей роты в течение 2–3 минут, пока она находилась под огнем советских минометов».

Результаты артподготовки, выявленные после прорыва обороны противника, подтвердили ее высокую эффективность. На переднем крае и в глубине было разрушено множество дзотов, блиндажей, наблюдательных пунктов, узлов связи, стыков траншей и ходов сообщения, огневых позиций минометов и артиллерии.

О меткости артиллеристов и минометчиков можно судить по тому, что они достигли таких высоких результатов и при этом

полностью уложились в установленную норму расхода боеприпасов. Наконец, о результатах артиллерийской подготовки на рассвете 13 января многое говорит тот факт, что после ее окончания наша пехота смогла пойти в атаку во весь рост[59].

Артиллерия хорошо взаимодействовала с пехотой и танками в глубине обороны противника. Примерно треть артиллерии находилась в боевых порядках позади пехотных цепей, сопровождала атаку пехоты и танков. Она уничтожала противотанковые средства противника и огневые точки, мешавшие продвижению пехоты. Другая треть огнем с закрытых позиций расчищала дальнейший путь пехоте и танкам, а последняя, меняя огневые позиции, приближалась к атакующим.

Управление артиллерией было централизовано командующими артиллерией армий. В их распоряжении была хорошо налаженная связь — по проводам и радио. Благодаря этому имелась возможность в нужный момент организовать массированный огонь по местам сосредоточения противника как на переднем крае, так и в глубине обороны. Создавая таким образом перевес мощных огневых средств, командующие артиллерией армий могли влиять на исход боя и обеспечивать войскам армии непрерывное продвижение вперед.

14 января перешли в наступление войска 18-го стрелкового и 3-й танковой армии. На участке прорыва 18-го корпуса артиллерия сумела также надежно подавить вражескую оборону. Командование корпуса признало результаты стрельбы группы артиллерии дальнего действия отличными. Корпус начал быстро развивать успех в глубину, навстречу войскам 40-й и 3-й танковой армий.

Справедливости ради нужно также сказать, что в ходе удачно развивающейся операции были недостатки в боевом применении артиллерии. Так, на участке прорыва 3-й танковой армии в результате неудовлетворительно проведенной разведки и недостатков планирования огня, а также из-за плохих условий наблюдения подавить систему огня противника в период артиллерийской подготовки не удалось. Вследствие этого войска армии, перешедшие в наступление, встретили упорное сопротивление. Низкие темпы прорыва вынудили командующего армией с целью быстрейшего завершения прорыва главной полосы обороны противника ввести в сражение танковые корпуса. Это решило исход борьбы.

Сломив сопротивление немецких войск, подвижные соединения 3-й танковой армии устремились в глубину. К 18 января 15-й танковый корпус установил связь с войсками 40-й армии в районе Алексеевка, а 12-й танковый корпус — с войсками

18-го стрелкового корпуса в районе Каменка. Группировки противника в районе Острогожск и Россошь были окружены.

В последующем нашим частям пришлось вести ожесточенные бои с большими группами врага, пытавшимися пробиться из окружения на запад. Во многих случаях исход боя зависел от смелых и инициативных действий артиллеристов.

Сильное сопротивление оказала группировка немецких войск, окруженная в Острогожске. Чтобы ускорить ее ликвидацию, по решению командования 40-й армии к городу была подтянута 10-я артиллерийская дивизия. Пушечные и гаубичные полки дивизии открыли сосредоточенный огонь по важнейшим опорным пунктам в городе, а легкие полки поддерживали наступление пехоты, перемещаясь в ее боевых порядках. Действия артиллерии в значительной степени способствовали взятию Острогожска нашими войсками.

Так как сплошной фронт окружения противника отсутствовал, его отдельным группам удавалось все же отходить на запад. Но они перехватывались небольшими отрядами наших войск, усиленными артиллерией, и уничтожались.

К 27 января войска фронта в основном закончили ликвидацию окруженного противника.

Из опыта первых наступательных операций С.С. Варенцов отчетливо уяснил требования, предъявляемые к организации боевого применения артиллерии: детальная разведка обороны противника; решительное массирование артиллерии и создание высокой плотности ее на участках прорыва; четкое планирование действий артиллерии на всю глубину наступления; создание устойчивой и легко-управляемой группировки артиллерии, обеспечивающей непрерывное взаимодействие ее с пехотой и танками; смелый и быстрый маневр артиллерии и широкое применение массированного огня на всех этапах наступления.

Этим требованиям С.С. Варенцов следовал неукоснительно до конца войны и стал одним из ярких артиллеристов-военачальников.

Разгром острогожско-россошанской группировки противника создал благоприятную обстановку для нанесения ударов по флангам и тылу 2-й немецкой армии, оборонявшейся в районе Воронежа. Чтобы не дать противнику возможности отвести 2-ю армию го образовавшегося мешка, Ставка ВГК еще в ходе завершения Острогожско-Россошанской операции, без всякой оперативной паузы, развернула новую Воронежско-Касторненскую операцию. 20 января Ставка приказала войскам Брянского и Воронежского фронтов провести совместную наступательную операцию с целью освобождения важных узлов

дорог Воронежа и Касторное, создания условий для наступления Красной армии на Курском и Харьковском направлениях. Для этого они должны были ударами с севера и юга — по сходящимся направлениям на дальних флангах дуги — окружить и уничтожить находящиеся внутри ее главные силы 2-й немецкой армии.

Начало наступления было намечено на 24–26 января. В соответствии с замыслом Ставки командующий Воронежским фронтом генерал-полковник Ф.И. Голиков решил осуществить прорыв на трех участках.

Главный удар фронта наносила 40-я армия из района Роговатое в направлении Горшечное — Касторное. Там ей и предстояло соединиться с 13-й армией Брянского фронта, тем самым замкнуть кольцо вокруг вражеской группировки войск. Кроме того, 40-й армии было приказано частью сил наступать на Старый Оскол, Ястребовку с целью создания внешнего фронта окружения и обеспечения с запада левого крыла фронтовой ударной группировки.

38-я армия должна была нанести отсекающий удар на Нижнюю Ведугу. Навстречу ей предстояло наступать 60-й армии. Ее задача состояла в том, чтобы частью сил сковать вражеские войска в районе Воронежа. Для активных действий она получила от 40-й армии 22-километровый участок фронта на правом берегу Дона от Костенки до населенного пункта Семидесятское. Вместе с ним в состав 60-й армии были переданы и находившиеся на этом рубеже не-сколько соединений.

Подготовка Воронежско-Касторненской операции проводилась в чрезвычайно сжатые сроки, что определило ряд особенностей в боевом применении артиллерии.

Командующий артиллерией Воронежского фронта генерал С.С. Варенцов получил указания штаба фронта о перегруппировке артиллерии. 21–22 января штабом артиллерии Воронежского фронта были отданы распоряжения о перегруппировке артиллерии с готовностью ее 24–26 января. Таким образом, артиллерийские соединения и части имели в своем распоряжении для проведения марша, развертывания, разведки противника, пристрелки и организации взаимодействия с войсками всего 3–4 суток.

Большая часть артиллерии усиления, которую можно было привлечь к обеспечению операции Воронежского фронта, находилась в районе Острогожска, где только что закончились бои с крупной группировкой немецких войск. Из района Острогожска на левый фланг 60-й армии, наносившей главный удар, были перегруппированы 10-я артиллерийская дивизия и

часть 4-й гвардейской минометной дивизии. Остальные армии получили на усиление по нескольку артиллерийских и минометных полков.

Маневр артиллерии затруднялся плохим состоянием дорог, частыми снежными заносами и буранами и недостаточным количеством средств тяги. В особенно тяжелом положении оказалась 38-я армия, артиллерии усиления которой предстояло совершить марш на 150–300 километров, и существовала опасность, что она не прибудет к началу операции. На помощь пришел соседний Брянский фронт, выделивший из своей 12-й артиллерийской дивизии два полка в 38-ю армию.

На направлениях главного удара армий удалось довести плотность артиллерии всего до 20–50 орудий и минометов на 1 километр фронта. В 38-й армии для увеличения плотности артиллерии на участке прорыва за счет внутриармейской перегруппировки была использована вся гаубичная артиллерия и значительная часть 82-мм минометов стрелковых дивизий, оборонявшихся на второстепенных участках фронта.

Недостаток времени сказался на организации разведки и планирования огня. Разведка противника велась наблюдением с наземных НП. Использовать подразделения артиллерийской инструментальной разведки (АИР) фактически не удалось. Оба разведывательных дивизиона, предназначенных для ведения разведки в полосах 40-й и 60-й армий, прибыли за 1–2 дня до начала операции и не смогли выполнить возложенные на них задачи. Большую помощь в планировании огня артиллерии могли оказать данные аэрофоторазведки, но этому не было уделено должного внимания. По этим причинам артиллерийские штабы располагали весьма скудными данными об обороне противника на фронте 40-й и 60-й армий.

Из-за недостатка времени многие боевые документы, за исключением боевых приказов и распоряжений, артиллерийскими штабами, как правило, не разрабатывались. Задачи артиллерии ставились по карте и уже в частях и подразделениях уточнялись на местности. Вся работа по организации огня была сосредоточена в низовых звеньях.

В более благоприятных условиях в отношении организации разведки и планирования огня находилась артиллерия 38-й армии. Армия в течение длительного времени оставалась в стабильном положении. За это время она смогла лучше изучить противника, осуществить мероприятия по подготовке наступления и провести более детальное планирование огня,

Воронежско-Касторненская операция началась 24 января 1943 года. В этот день части 40-й армии должны были после

артиллерийской подготовки нанести удар с юга в направлении Касторного. Однако утром 24 января 1943 года поднялась метель. Дороги занесло. Мороз достигал —20 °С. Главное же, видимость была крайне ограничена. Начало наступления пришлось перенести на 12 часов. Но и к полудню метель не унялась. Тем не менее вновь отложить атаку значило бы вообще в этот день отказаться от нее. Поэтому в 12 часов 30 минут, несмотря на плохую видимость, пришлось начать артиллерийскую подготовку. Она продолжалась согласно плану 30 минут, но ее результат был незначителен. Артиллеристы не видели целей и потому не смогли подавить большую их часть. От авиационной подготовки в условиях сильной метели пришлось отказаться.

Все это осложнило действия нашей пехоты и танков. Пехота, приблизившаяся к переднему краю обороны противника на 300–350 метров во время артиллерийской подготовки, немедленно после ее окончания, в 13 часов, вместе с танками атаковала вражеские позиции. Она была встречена артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем. По всему фронту разгорелся ожесточенный огневой бой. Однако уже час спустя войскам 40-й армии удалось на отдельных участках сломить сопротивление противника и начать продвижение вперед. Отразив контратаки врага, стрелковые дивизии к концу дня вклинились в оборону противника в районах Бочарова и Старо-Николаевской.

Противник оказал особо упорное сопротивление в населенном пункте Синие Липяги, блокированном частью сил 183-й стрелковой дивизии. Для разгрома этого сильного узла обороны была подтянута армейская группа дальнего действия 40-й армии (76-й гв. и 1109-й пап), 4-й гв. иптап, три батареи 493 минометного полка и артиллерийский полк дивизии. До 29 января велась разведка. После того как было уточнено расположение огневых средств противника, утром 29 января артиллерия провела получасовую артиллерийскую подготовку. Огневые средства противника были подавлены, и пехота штурмом овладела Синими Липягами.

Между тем главные силы 40-й армии продолжали развивать наступление и к 29 января подвижными соединениями 4-го танкового корпуса вышли к Касторному.

В полосе 60-й армии перед ее правым флангом противник в ночь на 25 января начал отвод своих войск из района Воронежа. Утром 25 января на фронте ударной группы армии была проведена одночасовая артиллерийская подготовка, которая не дала, однако, существенных результатов. Произошло это из-за острого недостатка боеприпасов, вследствие чего огонь артиллерии не имел необходимой плотности.

На левом фланге армии завязались упорные бои. Однако 27 января противник и здесь начал отход на Курбатово. Преследуя врага, артиллерия вела огонь по отходившим колоннам и отдельным группировкам, оказывающим сопротивление. В районе Курбатова было захвачено 4000 пленных и около 100 орудий. Но основная группировка немецких войск сумела отойти на Нижнедевидск, где вступила в бой с частями 40-й армии.

В 38-й армии наступление началось 25 января после получасовой артиллерийской подготовки. Прорвав оборону противника, войска армии устремились на Касторное. Уже 28 января 240-я стрелковая дивизия завязала бой за город при поддержке трех артиллерийских полков и дивизиона реактивной артиллерии.

13-я армия Брянского фронта начала наступление утром 26 января. Артиллерийская подготовка проводилась по плану и на большинстве участков имела значительный эффект. Однако на правом фланге участка прорыва противник оказывал ожесточенное сопротивление в Ломигорах, Мишине, отбивая атаки нашей пехоты и танков. Для подавления узла обороны в Ломигорах, Мишине были привлечены три гаубичных и один легкий пушечный полк из состава 5-й артиллерийской дивизии, артиллерийский полк 148-й стрелковой дивизии и дивизион реактивной артиллерии. Массированным огнем артиллерия подавила противника, и наши части овладели важным узлом его обороны.

Развивая успех, войска армии продвигались на Касторное. В районе Куликовки они перехватили отходившую под ударами частей 38-й армии колонну противника в составе 1500 человек, около 1000 повозок и большого количества автомашин. В ее уничтожении участвовали два батальона 132-й стрелковой дивизии, усиленные вторым дивизионом 425-го артиллерийского полка и дивизионом реактивной артиллерии. Дивизион 425-го артиллерийского полка быстро подавил огневые средства противника. Залпы реактивной артиллерии окончательно деморализовали врага. После короткого боя наши части захватили весь обоз и более 500 пленных.

28 января наши войска завязали бои за Касторное, а 29 января они освободили город от гитлеровцев. Таким образом, ударами 40-й и 60-й армий Воронежского фронта с юга, 13-й армии Брянского фронта и 38-й армии Воронежского фронта с севера основные силы 2-й немецкой армии были окружены, расчленены на части и разгромлены.

Вот как писал об этом впоследствии бывший гитлеровский генерал фон Бутлар: «Итог, который немецкому командованию

пришлось подвести на этом участке фронта в конце января 1943 г., был поистине ужасным. За 14 дней русского наступления группа армий «Б» была почти полностью разгромлена. 2-я армия оказалась сильно потрепанной. К тому же она потеряла во время прорыва основную массу своей боевой техники. 2-я венгерская армия была почти полностью уничтожена, из 8-й (итальянской. — *Ю. Р.*) армии спастись удалось лишь некоторым частям корпуса альпийских стрелков. От остальной части соединений уцелели только жалкие остатки. Из числа немецких войск, действовавших в полосе 8-й итальянской армии, остались лишь потрепанные остатки нескольких немецких дивизий, которым удалось спастись за рекой Оскол. Связь с группой армий «Центр» и с группой армий «Дон» была потеряна, стыки находились под угрозой»[60].

Следует заметить, что Воронежско-Касторненская операция имела свою отличительную особенность. Она была первым ярким примером успешного перехода от одной крупной наступательной операции к другой без оперативной паузы. Войска фронта изготовились к ней в ограниченные сроки в ходе завершения предыдущей операции. Характерными для Воронежско-Касторненской операции являлись и действия танкового корпуса совместно со стрелковыми дивизиями первого эшелона при прорыве обороны врага, а также его последующие стремительные удары в оперативной глубине по подходившим резервам противника и узлам сопротивления.

Характерным для всех штабов артиллерии фронта было творческое применение артиллерии в наступлении. Исключительно эффективным оказалось сочетание огня с закрытых позиций и из орудий прямой наводки, находящихся в боевых порядках пехоты и танков. Такое построение было, в частности, при ликвидации опорного пункта противника в Синих Липягах. Здесь благодаря тесному взаимодействию артиллерии с пехотой удалось изолировать вражеский гарнизон в нескольких отдельных домах, после чего он был уничтожен в ходе решительной атаки. Та же участь постигла несколько дней спустя и немецкий гарнизон в Старом Осколе.

Операции по разгрому крупных группировок противника на верхнем Дону характеризовались высокой маневренностью боевых действий, что создавало большие трудности в применении артиллерии, особенно в зимних условиях. Для С.С. Варенцова и штаба артиллерии Воронежского фронта они были поучительны прежде всего организацией и проведением сложного маневра крупными силами артиллерии и подготовкой к прорыву в ограниченные сроки. В ходе боевых действий, особенно при разгроме прорывавшихся из окружения группировок противника,

действия артиллерии отличались большой инициативой и самостоятельностью.

Вместе с тем возникали серьезные проблемы с управлением артиллерией при подготовке и в ходе боевых действий. Одна из них — отсутствие своих средств связи у командующего артиллерией фронта. Поскольку штаб артиллерии фронта не располагал своими средствами связи, должностные лица вынуждены были пользоваться общевойсковой связью штаба фронта, которая из-за быстро меняющейся обстановки была неустойчивой. Для получения данных об оперативной обстановке офицерам штаба артиллерии фронта приходилось постоянно обращаться в оперативный и разведывательный отделы. Но и там не всегда можно было получить достаточно полные и достоверные данные — они очень быстро устаревали. Тем не менее артиллерия фронта, преодолевая все объективные и субъективные трудности, поставленные боевые задачи выполнила успешно.

За успешное руководство артиллерией в ходе Воронежско-Касторненской операции командующий артиллерией фронта генерал С.С. Варенцов был награжден орденом Кутузова I степени[61].

В течение полутора сложнейших лет войны Сергей Сергеевич получает второй орден. Это свидетельствует о значительном вкладе С.С. Варенцова и артиллерии под его руководством в разгром противника. В последующем будут еще ордена, будет и звание Героя Советского Союза, но это уже в тех условиях, когда инициативой полностью владела Красная армия. Но в условиях, когда инициативой владел противник, заслужить ордена было намного сложнее.

В настоящее время некоторые «исследователи», используя ресурсы Интернета, порочат светлое имя Сергея Сергеевича. В своих «изысках» они в основном ориентируются на знакомство С.С. Варенцова с О. Пеньковским, забывая или, скорее, не зная о заслугах Сергея Сергеевича перед Отечеством. А ведь следует знать и помнить, что человек, не отсиживавшийся во время войны в тылу, а выполнявший свой долг на ключевых должностях, уже по определению не может быть одиозной личностью, какой его хотят представить недоброжелатели.

Один из таких недоброжелателей Сергея Сергеевича, некто В.Г. Татаров из Днепропетровска, по-видимому, еще до войны очень часто «страдавший» от начальника артиллерии 41-й стрелковой дивизии за свою нерадивость, высказался следующим образом: «Командовал артиллерией дивизии полковник Варенцов — этакая импозантная фигура. Самодовольный, высокомерный,

хитрый, скрытный, не шибко грамотный артиллерист»[62].

Рассмотрим последовательно отрицательные характерные черты, присущие, по мнению В. Татарова, Сергею Сергеевичу.

Итак, «самодовольный, высокомерный и хитрый». Мнение В. Татарова легко опровергают многочисленные положительные отзывы бывших подчиненных С.С. Варенцова. «Это был умный и талантливый полководец, — пишет писателю В. Астафьеву полковник в отставке В.А. Кашин, — он пользовался большим авторитетом и уважением… Это был неприхотливый, скромный человек в быту и очень доброжелательный к людям…»[63]

А вот что написал 12 января 1944 года своему командующему артиллерией фронта командир 32-й бригады полковник И.В. Купин:

«Тов. генерал-полковник!

Получил Ваше письмо, душевно был тронут Вашей отеческой заботой обо мне.

Вы правы — лечиться надо.

Поехать лечиться, согласен, но меня пугает одно, что с отъездом я потеряю Вас и бригаду.

Убедительно прошу Вас, тов. генерал-полковник, разрешить мне после лечения снова вернуться к Вам.

Почти три года войны я находился вместе с Вами в боевом коллективе под Вашим руководством.

Работая с Вами, я многому научился…»[64]

В другом письме тот же полковник И.В. Купин пишет: «…по праву считаю себя Вашим воспитанником, а Вас своим боевым отцом.

Искренне благодарю Вас, тов. генерал-полковник, за воспитание и отеческую заботу.

Но еще раз хочется просить Вас — после лечения вернуться к Вам и только к Вам.

Жду Ваших указаний.

Уважающий Вас полковник /подпись/ Купин».

Командир 112-го гвардейского краснознаменного Киевского пушечного артиллерийского полка РГК гвардии подполковник Цесарь в поздравлении С.С. Варенцова с Новым годом написал: «В истекшем 1943 году нашему полку присвоено высокое звание — ГВАРДЕЙСКИЙ. Правительство наградило полк орденом Красного Знамени. Полк заслужил наименование — «КИЕВСКИЙ»…

Этот боевой путь полк прошел под ВАШИМ (так написано в тексте письма. — *Ю. Р.*) непосредственным руководством и каждый воин полка повседневно ощущал и ощущает ВАШУ заботу, ВАШЕ отцовское внимание и воспитание.

Выполняя боевой приказ, боевое распоряжение, МЫ всегда

помним, что они исходят от ВАС — верного сына нашей социалистической Родины. Это сознание и желание с честью выполнить ВАШ боевой приказ — является дополнительным источником наших сил, нашего мужества и стойкости в борьбе с заклятым врагом — немецкими захватчиками.

ВАШИ питомцы, весь личный состав 112 Гвардейского Краснознаменного Киевского пушечного артиллерийского полка РГК ПОЗДРАВЛЯЕТ ВАС С НОВЫМ ГОДОМ, ЖЕЛАЕТ ВАМ ДОЛГИХ ЛЕТ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ В ВАШЕЙ ПЛОДОТВОРНОЙ БОРЬБЕ ЗАДЕЛО НАШЕЙ РОДИНЫ…»[65]

Бывший заместитель командира иптап по политчасти П.С. Слепцов, поздравляя в 1955 г. С.С. Варенцова с присвоение воинского звания — маршал артиллерии, выразил свою признательность следующим образом: «…Я хотел бы, товарищ маршал, как коммунист отблагодарить Вас за Ваш большой труд, за Вашу *отцовскую заботу о маленьких людях* (выделено мной. — *Ю. Р.*), которых Вы знали по фамилии вплоть до командира батареи, если Вам пришлось один раз поговорить».

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что взаимоотношения между Сергеем Сергеевичем и его подчиненными были доверительными и уважительными. Подчиненные командиры называют своего командующего заботливым боевым отцом, воспитателем и учителем. Они хотят завершить войну под его командованием. О каком самодовольстве, высокомерии и хитрости может идти речь. В тех случаях, когда старшего начальника подчиненные не уважают, то от писем больше «несет официозом», так как в них используются общепринятые штампы. А вышеизложенные письма написаны от души, с большим уважением к старшему начальнику. Таким образом, квалифицируем утверждения В. Татарова из Днепропетровска как наглую клевету на одного из выдающихся военачальников.

Далее В. Татаров утверждает, что Варенцов «не шибко грамотный артиллерист». Позвольте, а награждение именным оружием от Кременчугского облисполкома в 1927 года, золотыми часами от наркома обороны в 1940 года, орденом Ленина в октябре 1941 года, орден Кутузова I степени в начале 1943 года, положительные служебные характеристики на Сергея Сергеевича, где как раз отмечалась его хорошая подготовка? Кроме того, С.С. Варенцова на должность командующего артиллерией фронта рекомендовал один из ярких полководцев Великой Отечественной войны — Н.Ф. Ватутин. Заметим, что С.С. Варенцов был командующим артиллерией фронта у Н.Ф. Ватутина вплоть до смертельного ранения полководца в 1944 году. А Николай

Федорович, если это было для пользы дела, мог снять с должности любого. В начальном периоде войны, не без его участия, были сняты с должностей командующий войсками и начальник штаба Северо-Западного фронта. Сменивший Н.Ф. Ватутина И.С. Конев до конца войны был начальником у Сергея Сергеевича и не пожелал заменить его даже после получения С.С. Варенцовым тяжелого ранения. Согласитесь, если бы С.С. Варенцов был недостаточно подготовленным артиллерийским начальником, кто из перечисленных командующих войсками оставил бы у себя в подчинении неграмотного командующего артиллерией. Никто! Безусловно, Сергей Сергеевич был мастером своего дела, высоким профессионалом. Никто не утверждает, что он стал таковым сразу. Все учились в ходе войны, и он учился. И войну закончит командующим артиллерией одного из самых мощных фронтов. Таких фронтов было всего два: 1-й Белорусский и 1-й Украинский. Значит, В. Татаров и здесь нагло и беззастенчиво клевещет.

Удивляет и позиция известного писателя В. Астафьева, который, используя свое литературное мастерство, нелестно отзывался как о С.С. Варенцове, так и о многих офицерах и генералах Великой Отечественной войны. Да почему нелестно? Очень зло, неконструктивно и однобоко выражал свое мнение известный писатель. Ведь можно выпятить один негатив в своем произведении, что, кстати, и делает Астафьев, рассуждая о Великой Отечественной войне, а можно показать один позитив, что тоже нехорошо. Потому что истина, как говорится, лежит посредине. «Я и по себе знал, — писал В. Астафьев, — что отцы-генералы, партия и правительство предали своих воинов-спасителей и двадцать лет о них не вспоминали в будни, в жизни, лишь по праздникам славословили и хвалили себя. Ни о живых, ни о мертвых не думали, не вспоминали, по полям и лесам белели косточки русские, в литературе, кино, театре прославлялась совсем другая война, та, на которой мы не были и быть не могли. Царил обман и демагогия, воровство, предательство — товарищ Варенцов, будучи уже маршалом, в Генштабе заправлял всей ракетно-артиллерийской мощью страны, запятнавший себя воровством еще на фронте, нанимается в осведомители матерому шпиону Пеньковскому. Они разом продают пол-России. И ничего. Генералишко, видать и прежде умом не блиставший, этакий приштабной лизоблюд, гневно пишет мне: «Партия и правительство сочли возможным за прошлые заслуги понизить товарища Варенцова до генерал-лейтенанта, сохранить за ним половину денежного довольства…» И невдомек генерал шике, что кремлевские старцы из политбюро

— сами воры и мошенники, не шибко обижая и наказывая преступный кадр, надеются, что и их,"согнанных с уютных мест, тоже «пожалеют» и пенсии высокие сохранят.

…Долго шла буча вокруг моих заметок, долго, долго лампасники дерьмом исходили, но все в конце концов улеглось, хотя любимцем наших генералов я не стал и надеюсь, что и не стану»[66].

Разумеется, эпитеты и стиль опуса В. Астафьева «Да пребудет вечно» не выдерживают никакой критики.

А то, кто «запятнал себя воровством», кто к кому нанимался в осведомители и чем «заправлял» С.С. Варенцов в послевоенное время, будет рассмотрено несколько позже.

Вот только очень любопытно, на чью мельницу лил воду литератор, выражая таким образом свои мысли. Да, писателя нет уже в живых, но наследил-то он прилично в отношении командного и начальствующего состава Красной армии. Кого в нашей стране после выводов известного писателя будет привлекать служба в армии? Многие ли родители захотят, чтобы их сыновья исполнили свой воинский долг? Будет ли народ любить свою армию, когда вот такой псевдоинженер человеческих душ, не выбирая выражений, поливает грязью офицерский корпус.

Никто не отрицает, критиковать можно и нужно, но не до смакования мыслимого и немыслимого. Позволительно критиковать действия конкретного человека, если есть веские основания для этого. Но непозволительно по-хамски обобщать и охаивать всех офицеров и генералов, внесших неизмеримый вклад в Великую Победу.

Автор больше верит своему отцу, потерявшему обе ноги под Москвой и ставшему инвалидом войны. Отец никогда не отзывался недоброжелательно об офицерах и генералах, под командованием которых ему пришлось воевать с осени 1941 и до августа 1942 года в должности рядового, а затем сержанта. Хотя мог бы. Ведь он перенес ампутацию ног, а ему еще на самом деле не исполнилось 18 лет (прибавил год, чтобы поступить в военное училище). Никакого озлобления на своих командиров у отца не было. Он всю свою послевоенную жизнь (отец — историк по образованию) с большим уважением относился к генералам и офицерам Великой Отечественной войны, хорошо понимая, что в своем большинстве это были люди, вынесшие в полной мере все тяготы и лишения военной поры. Отец был страстный книголюб, имел большую личную библиотеку, всегда выписывал «Роман-газету» и был в курсе всех книжных новинок, особенно касающихся военной тематики. Когда в середине 80-х годов была издана книга В. Астафьева «Прокляты и забыты», автор

поинтересовался у отца, какое впечатление произвела на него эта книга. «В этой книге, — ответил отец, — нет ничего похожего на правду. Я с такими безобразиями не сталкивался».

У автора имеется фотография отца, датированная 12 ноября 1941 года. Сфотографировался отец в г. Алма-Ате перед отправкой на фронт (под Москву) в составе курсантов Алма-Атинского пехотно-минометного училища. 20 декабря 1941 года он уже получил первое легкое ранение, воюя в составе 64-й морской стрелковой бригады. За это короткое время, причем не самое простое для нашей страны, отец принял самое непосредственное участие во многих важных событиях. Это и передвижение по железной дороге из Алма-Аты под Москву, распределение курсантов по воинским формированиям, боевое слаживание, участие в боевых действиях в ходе контрнаступательной операции. Безусловно, могли иметь место негативные явления объективного и субъективного характера, связанные с вопросами быта, питания, обеспечения зимним обмундированием, вооружением и т. д. Но ничего подобного о каких-то недостатках, подобных тем, о которых писал В. Астафьев, автор от отца не слышал. Поэтому нет у автора оснований принимать на веру все, о чем писал В. Астафьев, особенно если это относится к Великой Отечественной войне.

Что бы ни писали — раньше и сейчас — старые и новые «исследователи» о С.С. Варенцове, автор оставляет за собой право в этой книге опровергать лживые свидетельства против прославленного военачальника.

«Огневой щит и меч» на Курской дуге

В ходе наступательных операций зимней кампании 1942/43 года войска Брянского, Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов отбросили немецкие войска далеко на запад и овладели обширным районом под Курском. Этот район глубоко вдавался в расположение противника и получил название Курского выступа. На этом рубеже фронт к концу марта стабилизировался, и обе стороны стали готовиться к летним операциям.

Непосредственно на Курском выступе находились войска Центрального и Воронежского фронтов Красной армии, которым еще в первой половине 1943 года было приказано перейти к жесткой обороне с целью измотать и обескровить противника в случае его наступления в районе Курского выступа.

Воронежский фронт оборонял юго-западную часть Курского выступа протяжением по фронту 244 километра, сосредоточив основные усилия на Белгородском направлении.

Готовясь к летнему наступлению на Курском выступе, немецкое командование по войскам Воронежского фронта намечало нанести два удара: главный удар — силами 4-й танковой армии вдоль шоссе Обоянь — Курск, и другой — оперативной группой «Кемпф» из района Белгорода на Корочу и далее на север, чтобы обеспечить наступление 4-й танковой армии с востока.

В результате принятых мер значительное усиление артиллерией получил Воронежский фронт (56 полков, из них 31 истребительно-противотанковый артиллерийский полк)[67].

Следует отметить, что артиллерия Красной армии постоянно усиливала свою мощь и стала подлинным «богом войны». Важная роль принадлежала истребительно-проти-вотанковой артиллерии. Она росла как количественно, так и качественно. Так, к лету 1943 года появилась модернизированная 57-мм пушка, быстро завоевавшая авторитет у стрелковых войск. Качественный рост противотанковой артиллерии шел путем увеличения числа орудий более крупных калибров. 76-мм и 85-мм пушки составляли 60 % всех противотанковых орудий. Делалось все, чтобы противотанковую артиллерию поставить на механическую тягу, что резко повышало ее подвижность, маневренность, отсюда и эффективность.

В целом в артиллерии в связи с переходом к наступательным действиям возникла необходимость создания мощных средств с целью разрушения укрепленных районов и подавления огневой

системы противника. Поэтому дальнейшее развитие получила тяжелая артиллерия, особенно гаубичная. На вооружение была принята 152-мм гаубица образца 1943 года, которая сохранила боевые свойства своей предшественницы, но стала легче ее и маневреннее. Значительное место в артиллерии резерва Верховного главнокомандования занимали минометные полки и полки реактивной артиллерии.

Наступательные задачи Красной армии требовали массирования артиллерийского и минометного огня, поэтому для увеличения ударной силы и лучшего управления в бою была улучшена организационная структура. Артиллерийские полки сводились в артиллерийские соединения. Еще в 1942 году было сформировано 26 артиллерийских дивизий с количеством орудий 168. Вскоре 16 из них были преобразованы в артиллерийские дивизии прорыва, количество орудий в которых увеличено до 356. Минометные полки были объединены в минометные бригады, а отдельные дивизионы и полки реактивной артиллерии — в гвардейские минометные бригады. В последующем на основании опыта войны, доказавшего силу огня полевой реактивной артиллерии в ее большом массировании, из гвардейских бригад были сформированы гвардейские минометные дивизии. Один залп такой дивизии выбрасывал 3456 снарядов весом 320 тонн.

К началу битвы на Курской дуге у нас впервые в массовом количестве появились самоходно-артиллерийские установки СУ-152, СУ-122, СУ-85, СУ-76 и др. Они решили задачу усиления стрелковых войск артиллерией высокой подвижности и огневой мощи.

Параллельно с перевооружением и усилением всех родов войск совершенствовалась организационная структура. В стрелковых войсках к лету 1943 года в основном был завершен переход к корпусной системе, что намного улучшило управление войсками. К тому же времени были сформированы артиллерийские корпуса прорыва и танковые армии, в состав которых входили только танковые и механизированные корпуса, а стрелковые дивизии исключались из них.

По сравнению с оборонительными операциями предыдущих лет войны артиллерия в обороне под Курском была лучше обеспечена средствами связи и приборами разведки. Укомплектованность частей этими средствами колебалась в пределах 60–80 %. Это значило, что артиллерийские командиры и их штабы имели сравнительно большие возможности в организации управления огнем и маневром своих частей.

Значительно хуже обстояло дело с укомплектованностью

артиллерии средствами тяги и транспорта. Ставка ВГК не смогла повысить укомплектованность фронтов лошадьми и автотранспортом более половины штатной нормы. Только артиллерия Центрального фронта была обеспечена средствами механической тяги удовлетворительно[68]. К сожалению, все это снижало маневренные возможности артиллерии фронтов.

Оценивая обстановку, командующий войсками Воронежского фронта генерал армии Н.Ф. Ватутин и командующий артиллерией генерал-лейтенант артиллерии С.С. Ва-ренцов пришли к выводу, что ни характер местности, весьма благоприятствующий для действия танковых соединений, ни конфигурация линии фронта, ни положение ударной группировки противника не давали достаточных оснований к сужению ширины фронта ожидаемого удара. Поэтому артиллерией усилили более или менее равномерно три армии (40-я, 6-я гв. и 7 А гв.). Под влиянием этих же соображений были выделены мощный второй эшелон фронта и сильные резервы.

Воронежский фронт был усилен 31 артиллерийским и минометным полками, 11 полками и одним дивизионом реактивной артиллерии, тремя полками самоходной артиллерии, 28 полками и 7 истребительно-противотанковыми артиллерийскими бригадами. Всего фронт имел 8219 орудий и минометов и 262 боевые машины реактивной артиллерии[69].

Для сравнения отметим, что Центральный фронт (командующий — генерал армии К.К. Рокоссовский, командующий артиллерией — генерал-лейтенант В.И. Казаков) получил на усиление 4-й артиллерийский корпус и 1-ю гвардейскую артиллерийскую дивизию прорыва, десять полков и один дивизион реактивной артиллерии, 15 отдельных пушечных и минометных полков, шесть самоходных артиллерийских полков, десять полков и 3 истребительно-противотанковые артиллерийские бригады, 2 истребительные бригады — всего 8791 орудие и миномет, 224 боевые машины реактивной артиллерии БМ-13 и БМ-8 и 432 пусковые рамы для М-30 и М-31[70].

Наиболее опасным считалось левое крыло Воронежского фронта, поэтому здесь, уступом за 6-й и 7-й гвардейскими армиями, был развернут второй эшелон фронта, резервы и большая часть артиллерийских средств усиления. В полосах обороны 6-й и 7-й гвардейских армий с учетом второго эшелона фронта было сосредоточено около 5800 орудий и минометов. В этих армиях имелось 87 артиллерийских полков (67 %) из 130 полков, имевшихся во фронте, в то время как ширина их полос обороны составляла 47 % общей полосы фронта[71].

Для достижения необходимой плотности артиллерии дивизий первого эшелона командующему артиллерией 7-й гвардейской армии пришлось изъять из всех стрелковых дивизий второго эшелона артиллерийские полки, оставив их лишь с полковой и батальонной артиллерией. Безусловно, такие решения принимались не без участия командующего войсками фронта и командующего артиллерией фронта. Поскольку было принято такое решение, следует полагать, что предложения генерала С.С. Варенцова командующему войсками фронта по составу и группировке артиллерии в армиях были достаточно убедительными.

Здесь следует отметить, что после неудачной операции в Крыму в мае 1942 года Ставка ВГК запретила изымать штатную артиллерию стрелковых дивизий вторых эшелонов армий на поддержку частей первых эшелонов. Такое изъятие разрешалось только в наступлении и только на время артиллерийской подготовки и поддержки атаки. По-видимому, С.С. Варенцов рассчитывал на армейский артиллерийско-противотанковый резерв (четыре иптап), который мог остановить продвижение противника в случае прорыва в полосы обороны дивизий второго эшелона, по крайней мере до подхода к ним своей штатной артиллерии или других средств усиления.

Из всех более или менее крупных оборонительных сражений первых двух лет Великой Отечественной войны в битве под Курском наши войска имели самые благоприятные условия для подготовки к обороне. Войска располагали крупными силами, имели двухлетний опыт в организации обороны и длительное время на подготовку к ней.

Наличие времени на подготовку обороны (более трех месяцев) позволило заблаговременно спланировать действия родов войск, поставить им всесторонне продуманные задачи, организовать взаимодействие и отработать со штабами и войсками возможные варианты борьбы с наступающим противником. Это обстоятельство имело особенно важное значение для артиллерии, так как объем подготовительных мероприятий и детальное планирование боевых действий частей требовали много времени уже после принятия решения общевойсковыми командирами.

Со свойственной С.С. Варенцову энергией, целеустремленностью, умением видеть на определенных этапах главное в подготовке артиллерии фронта он принялся за организацию системы артиллерийского огня в армиях фронта.

Мероприятия по организации системы артиллерийского огня в армиях Воронежского фронта предпринимались сразу же, как

только войска перешли к обороне. Они проводились и позднее, вплоть до начала оборонительных боев, по мере накопления и уточнения разведывательных данных о противнике, увеличения количества артиллерийских средств в армиях и, наконец, после неоднократных уточнений и частичных изменений в плане действий стрелковых и танковых частей. По указанию С.С. Варенцова штабом артиллерии Воронежского фронта были определены основные элементы общей системы артиллерийского огня в армиях: артиллерийская контрподготовка, огонь на период борьбы за главную и всю тактическую глубину полосы обороны, огонь по обеспечению стыков и флангов дивизий и армий, система противотанкового огня. Кроме того, отдельно разрабатывался план маневра (перегруппировок и перемещений) с целью усиления особо угрожаемых направлений в ходе оборонительного сражения.

Командующий артиллерией Воронежского фронта прекрасно понимал, что отправными данными для определения характера и объема предстоящих огневых задач и последующего распределения их между артиллерийскими соединениями служили результаты разведки.

Разведка всех видов на Центральном и Воронежском фронтах своевременно выявила перегруппировку сил противника в районе Курского выступа и дала достаточные основания для суждения о вероятных направлениях главных ударов обеих ударных группировок противника.

Несмотря на то что артиллерийская разведка имела не вполне совершенные технические средства с невысокими тактико-техническими характеристиками, все же она использовала с пользой для дела длительность сроков подготовки к операции и сумела обеспечить огневые подразделения достаточно точными данными для огневого воздействия по подавляющему большинству объектов (целей) в боевых порядках противника.

Разведка целей на переднем крае и в ближайшей глубине его боевых порядков (примерно до 5 километров) велась в основном средствами войсковой артиллерийской разведки. Сеть ее наблюдательных пунктов в армиях первого эшелона фронта была весьма разветвленной. Чтобы избежать стихийного нагромождения пунктов наблюдения на небольшом количестве командных высот и чтобы организовать взаимодействие подразделений разведки для полного охвата и взаимной перепроверки данных по всем вероятным объектам артиллерийского огня, необходимо было создать пункты и развернуть их по единому армейскому плану. Эти планы контролировались и корректировались штабом артиллерии

Воронежского фронта, и таким образом достигалось централизованное управление всей сетью разведки наблюдением, устранялись явления стихийности, неизбежно вносимые инициативной деятельностью огромного количества исполнителей.

Следует отметить, что такое большое количество артиллерийских наблюдательных пунктов в обороне вызывалось не столько интересами последней, сколько наличием необычно крупной артиллерийской группировки, которая создавалась с расчетом не только остановить наступление противника, но и поддержать контрудары и контрнаступление наших войск без больших перегруппировок, поскольку последние отнимали много времени, тогда как успех операции и боя зависел в большой степени от темпов наступления. Образно выражаясь, артиллерия была «огневым щитом и мечом» Воронежского фронта в битве на Курской дуге.

На Воронежском фронте было пять разведывательных артиллерийских дивизионов: два в 6-й гвардейской армии и по одному в 7-й гвардейской, 40-й и 38-й армиях.[72]

Такого количества разведывательных артиллерийских дивизионов оказалось недостаточно. Например, звуковую разведку эти дивизионы не могли вести во всей полосе обороны одновременно. Поэтому засечка целей звуковой разведкой велась последовательно на разных направлениях путем перемещения боевых порядков звукометрических батарей. И только благодаря тому, что подготовка обороны под Курском длилась более трех месяцев, разведывательные артиллерийские дивизионы смогли в значительной степени выполнить свою задачу. Генерал С.С. Варенцов систематически через штаб артиллерии фронта направлял и контролировал результаты действий разведывательных артиллерийских дивизионов, В течение мая и июня 1943 года средствами пяти разведывательных артиллерийских дивизионов удалось вскрыть около 80 % всей артиллерии противника, до 50 % минометов и более 50 % инженерных сооружений на переднем крае и в ближайшей глубине обороны[73].

К сожалению, до мая 1943 года артиллерия Центрального и Воронежского фронтов корректировочно-разведывательной авиации не имела. В начале мая 1943 года в состав Центрального фронта прибыли четыре отдельные корректировочно-разведывательные авиационные эскадрильи (окраэ). Много усилий пришлось приложить Сергею Сергеевичу, чтобы и Воронежский фронт получил корректировочно-разведывательную авиацию. И только в конце мая в состав Воронежского фронта

прибыли 51-я и 56-я окраэ, которые соответственно были приданы 6-й и 7-й гвардейским армиям.

Корректировочная авиация использовалась для уточнения разведывательных данных, полученных от войсковой и инструментальной разведки, для аэрофотосъемки в интересах разработки планов огня артиллерии и для корректирования огня артиллерии. Однако возможности корректировочно-разведывательной авиации на Воронежском фронте использовались далеко не полностью, причем по независящим от штаба артиллерии фронта причинам. Объяснялось это недостаточным прикрытием самолетов-корректировщиков истребителями, которые выделялись из состава воздушных армий, низкой укомплектованностью эскадрилий наземными радиостанциями, транспортными машинами, а также отсутствием своих фотолабораторий. И неудивительно, что две корректировочно-разведывательные эскадрильи на Воронежском фронте в течение июня сделали всего лишь 26 боевых вылетов, из них 16 — для корректирования стрельбы артиллерии, 9 — для визуальной разведки и один — для разбрасывания листовок.

Обобщенных данных по результатам работы артиллерийской разведки Воронежского фронта, за исключением 6-й гвардейской армии, не имеется. Известно лишь, что только средствами артиллерийской инструментальной разведки в течение мая и июня было вскрыто 944 цели, в том числе артиллерийских батарей — 330, минометных — 41, отдельных орудий — 307, минометов — 63, огневых точек — 203[74].

В конечном счете силы и средства артиллерийской разведки фронта достаточно полно вскрыли не только огневые средства, но и систему инженерных сооружений противника, дав необходимые исходные данные для планирования огня артиллерии.

Много внимания генерал С.С. Варенцов уделял организации артиллерийской контрподготовки, которая планировалась во всех армиях фронта, и каждая из армий, исходя из конкретных условий обстановки и наличия артиллерийских средств, разрабатывала свой план контрподготовки, руководствуясь общими указаниями фронта. Естественно, эти планы в значительной мере отличались друг от друга.

Например, в 6-й гвардейской армии по плану артиллерийской контрподготовки предусматривалось подавление противника массированным огнем в семи районах. Всего для подавления противника во время артиллерийской контрподготовки намечалось 98 участков вероятного сосредоточения пехоты и танков противника, то есть 77 % всех объектов и целей артиллерийской контрподготовки, 17

наблюдательных пунктов (14 %) и 12 артиллерийских и минометных батарей (9 %).

К участию в контрподготовке по плану привлекались полковая и батальонная артиллерия, 4 артиллерийских полка стрелковых дивизий первого эшелона, 2 пушечные артиллерийские бригады, один пушечный полк, 2 минометных полка и 4 полка реактивной артиллерии, имевшие в общей сложности 555 орудий и минометов и 88 установок БМ-13, то есть около 37 % всех орудий, минометов и установок полевой реактивной артиллерии армии. Продолжительность артиллерийской контрподготовки в 6-й гвардейской армии была установлена в 30 минут.

В 7-й гвардейской армии артиллерийская контрподготовка планировалась по 8 вариантам, каждый из которых соответствовал одному из предполагаемых направлений удара противника. Полосы огня артиллерии по вариантам назначались не последовательно по фронту, а чаще всего они перекрывали друг друга, вследствие чего особо ответственные направления перекрывались полосами огня двух, а то и трех вариантов проведения контрподготовки.

К артиллерийской контрподготовке привлекались: батальонная и полковая артиллерия дивизий первого эшелона армии, 4 артиллерийских полка стрелковых дивизий первого эшелона и 3 артиллерийских полка стрелковых дивизий второго эшелона, 3 пушечных артиллерийских полка, 1 минометный полк и 2 гвардейских минометных полка реактивной артиллерии. Всего в составе этих частей насчитывалось 696 орудий и минометов и 47 установок полевой реактивной артиллерии, или 47 % общего количества орудий, минометов и установок полевой реактивной артиллерии, имевшихся в армии.

Продолжительность контрподготовки планировалась в 40 минут. По указанию генерала С.С. Варенцова она была проведена по тому же графику, что и в 6-й гвардейской армии, то есть в течение 30 минут.

Приняв решение нанести мощный удар по пехоте и танкам, командование Воронежского фронта, в отличие от командования Центрального фронта, не могло выделить столь же мощные средства против артиллерии противника и ограничилось подавлением лишь наиболее активных и достоверно разведанных батарей.

При организации артиллерийской контрподготовки требовалось разрешить один очень важный вопрос: с каких позиций открывать огонь — с временных или основных?

Имелось обоснованное опасение за возможность раскрытия

противнику основной группировки артиллерии фронта в случае ведения огня с основных позиций. Однако одно это опасение не могло стать решающим. Ведение огня во время контрподготовки с временных огневых позиций потребовало бы сменить боевые порядки большого количества батарей. С.С. Варенцов и офицеры его штаба отчетливо представляли себе, что маневр такой массы артиллерии перед самым началом атаки противника таил в себе куда большую опасность, чем раскрытие своей группировки, поскольку противник мог начать атаку в момент перемещения батарей с временных на основные огневые позиции. Они, кроме того, могли попасть под удар авиации, к которому артиллерия особо чувствительна во время' передвижений. Одновременное ведение массированного огня во время контрподготовки в полосе 30–50 километров не представляло такой большой опасности раскрытия артиллерийской группировки и тем более определения противником координат стреляющих батарей средствами звуковой разведки, а если противник смог бы перейти в наступление вскоре после контрподготовки, то у него не осталось бы времени на подготовку эффективного огня по нашим батареям.

Взвесив все эти соображения, С.С. Варенцов предложил командующему войсками фронта провести артиллерийскую контрподготовку с основных огневых позиций.

Спланированная система огня артиллерии Воронежского фронта предусматривала подготовленные перед передним краем обеих армий весьма плотный массированный и сосредоточенный огонь артиллерии, особенно на стыках с соседними армиями и между дивизиями, а также на направлениях вероятного главного удара противника. Система огня артиллерии распространялась также на большую глубину расположения наших войск, что повышало устойчивость обороны при колебаниях линии фронта и облегчало подготовку артиллерийского обеспечения контратак и контрударов резервов и вторых эшелонов.

Командующий артиллерией фронта неукоснительно требовал от артиллерийских командиров и начальников добиваться высокой точности артиллерийского огня. Все участки планового огня (ДОН — дальнее огневое наблюдение; НЗО — неподвижный заградительный огонь; ПЗО — подвижный заградительный огонь; СО — сосредоточенный огонь) как перед передним краем главной оборонительной полосы, так и внутри обороны были пристреляны. Планы пристрелки составлялись в армиях. Сама пристрелка проводилась с соблюдением всех мер огневой маскировки. Например, когда одна часть батарей производила пристрелку, другие батареи (согласно плану пристрелки) вели

огонь по противнику с временных огневых позиций. Для огневой маскировки пристрелки широко применялись также кочующие орудия и минометы. Пристрелка планового огня внутри оборонительной полосы проводилась с предварительным отводом наших частей на фланги или в тыл. Точность подготовки исходных данных для ведения огня по любому участку сосредоточения и своевременность его открытия неоднократно проверялись, а обнаруженные при этом недостатки устранялись на месте.

В общей системе артиллерийского огня особое внимание уделялось обеспечению стыков и флангов как наиболее вероятным участкам главного удара противника. Опыт ведения оборонительных боевых действий убедительно показал стремление противника использовать стыки и фланги для нанесения ударов с целью окружения наших войск как в тактическом, так и в стратегическом масштабе. Надо отметить, что командный состав противника с самого начала войны, как правило, неукоснительно соблюдал этот принцип ведения наступления, ему его прививали с первых шагов военной службы. Такой признанный авторитет в военном искусстве Германии, как Шлиффен, на протяжении всей своей жизни пропагандировал этот принцип как один из основных. «Конечно, не все заключается в одном обходном движении; к нему надо прибавить еще сам бой и победу. Но решительная победа возможна только тогда, когда целью атаки служит неприятельский тыл или, по крайней мере, фланг»[75]. А вот еще одна из многих его рекомендаций: «Фронтальная атака должна начинаться до начала фланговой атаки. Противник должен быть совершенно связан и не быть в состоянии избежать флангового удара. Если охваченный противник перейдет во фронтальную атаку… то тем лучше; если же нет, то охватывающая сторона должна, конечно, взять это бремя на себя».

Для опытных военачальников и командиров не было особым секретом, что фланги войск являлись наиболее чувствительными к ударам противника, а увязка и согласованность их действий с соседями достигались труднее. К тому же сложнее на флангах была и организация управления огнем артиллерии, так как для этой цели приходилось согласовывать действия артиллерийских частей, часто подчиненных разному командованию. В связи с вышеизложенными обстоятельствами вопросами артиллерийского обеспечения стыков и флангов обычно занимался непосредственно командующий артиллерией фронта и командующие артиллерией армий со своими штабами.

При организации обороны Курского выступа на артиллерию

возлагалась основная тяжесть борьбы с танками. Командование Центрального и Воронежского фронтов уделяло особое внимание созданию стройной системы глубокоэшелонированной противотанковой обороны. При этом учитывалось применение противником новых тяжелых танков типа «Тигр».

С.С. Варенцов при распределении истребительно-противотанковых полков и бригад РВГК между армиями стремился сохранить принцип их массированного применения на вероятных направлениях главного удара противника. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что большая часть истребительно-противотанковых полков и бригад РВГК на Воронежском фронте использовалась во фронтовом и армейских противотанковых резервах.

Организация системы противотанковой обороны в армиях проводилась по единому плану штабов артиллерии армий, согласованных с общевойсковым планом построения обороны. Штабы артиллерии армий провели большую предварительную работу по изучению и разведке полос обороны своих армий. Специальные армейские рекогносцировочные группы, составленные из представителей всех родов войск, непосредственно на местности уточняли намеченные командующими армиями танкоопасные направления и конкретно определяли районы, где необходимо организовать противотанковые опорные пункты и районы. После этого командиры частей и соединений приступали к непосредственной их организации.

В 6-й гвардейской армии, развернувшей свои силы в первой и второй оборонительных полосах, противотанковая оборона была организована на глубину 20–30 километров. За нею на армейском тыловом рубеже располагалась часть сил 69-й армии, с учетом которых общая глубина противотанковой обороны на этом направлении достигала 30–35 километров.

Большое место в общей системе противотанковой обороны отводилось противотанковым резервам армий и фронта. Противотанковые резервы армий располагались обычно во второй или за второй полосой обороны, фронтовые — в третьей тыловой армейской полосе или за нею и, как правило, на важнейших танкоопасных направлениях. При выборе районов размещения резервов особое внимание обращалось на наличие удобных дорог, обеспечивающих быстрый маневр в необходимых направлениях.

Управление маневром подразделений и частей, входивших в состав противотанковых резервов, было разработано во всех деталях еще задолго до начала операции. В штабах артиллерии фронта, армий и стрелковых дивизий разрабатывались планы

маневра противотанковых резервов; в планах учитывались наиболее угрожаемые направления танковых атак противника и определялись в соответствии с этим варианты действий частей резерва.

Для каждой бригады (полка), находящейся в противотанковом резерве, намечалось несколько районов (рубежей) развертывания.

Для проверки реальности плана маневра истребитель-но-противотанковые артиллерийские подразделения (части), входившие в состав резерва, производили тренировочные выезды на подготовленные рубежи развертывания. Такие выезды обычно проводились по тревоге как днем, так и ночью. При этом тщательно фиксировалось время, затрачиваемое на свертывание боевого порядка, движение в указанный район и на развертывание в боевой порядок, что позволяло строить план действий с учетом реального времени.

Командующий артиллерией Воронежского фронта осуществил ряд подготовительных мероприятий по обеспечению быстрого маневрирования истребительно-противотанковой артиллерии и по восстановлению (переукомплектованию) истребительно-противотанковых частей и соединений. Так, по предложению С.С. Варенцова, командующий войсками фронта Н.Ф. Ватутин приказал дорожным частям фронта улучшить дороги и отремонтировать все неисправные мосты, по которым предусматривалось выдвижение (по плану) противотанковых резервов фронта и армий. На перекрестках дорог в населенных пунктах, через которые проходили маршруты выдвижения резервов, располагались зенитные артиллерийские подразделения и части для прикрытия маневрируемых частей от воздушного нападения противника. Согласно директиве Военного совета фронта каждый истребительно-противотанковый артиллерийский полк должен был иметь четыре заправки горючего и два боекомплекта снарядов. Некомплект автомашин в этих полках восполнялся за счет тыловых частей и учреждений фронта и армий. В запасном артиллерийском полку фронта подготавливалось большое количество орудийных расчетов противотанковых орудий с тем, чтобы в период боев можно было быстро пополнить истребительно-противотанковые артиллерийские части сколоченными орудийными расчетами.

Как показали дальнейшие события, все эти мероприятия обеспечили в ходе сражения своевременный маневр истребительно-противотанковых соединений и частей на наиболее угрожаемые направления и позволили в сжатые сроки (3–6 дней) восстанавливать выводившиеся на

переукомплектование или доукомплектование части.

Кроме того, С.С. Варенцов предусматривал все возможные варианты развития событий. Поэтому для борьбы с танками привлекалась артиллерия всех калибров. Занимавшей закрытые огневые позиции надлежало вести подвижный заградительный огонь по атакующим танкам и сосредоточенный — по районам их скопления. Вся артиллерия была подготовлена к тому, чтобы в случае прорыва танков противника в глубину нашей обороны отражать их атаки огнем прямой наводкой. Важная роль в этом случае отводилась и подвижным отрядам заграждения, которые имели задачу в ходе боя минировать местность на путях движения танков противника. Помимо этого, в стрелковых ротах и в каждом взводе создавались истребительные группы, вооруженные гранатами, противотанковыми минами, запасами взрывчатки. Они в любой момент были готовы вступить в единоборство с вражескими танками.

Сосредоточение большого количества артиллерии на Воронежском фронте вызвало потребность в организации такой системы управления артиллерией в масштабе армий и даже фронта, чтобы на всех этапах оборонительного боя обеспечивалась возможность перехода от децентрализованного управления огнем к его централизации на решающих участках сражения, и, наконец, в непрерывном централизованном управлении маневром артиллерии в масштабе армий и фронта. Только централизованное управление артиллерией обеспечивало ведение массированного огня всей или большей частью артиллерии объединений и соединений, а также маневр противотанковыми резервами в ходе оборонительного сражения.

Однако очевидно и то, что централизованное управление артиллерией в оборонительном сражении осложняется наличием инициативы у противника. Приобретенный опыт в предшествующих боях и сражениях позволил С.С. Варенцову предвидеть развитие предстоящего оборонительного сражения. Он знал, что в ходе оборонительного сражения одни части и соединения обороняющихся войск успешно отражают атаки противника и сохраняют на местности заблаговременно развернутый боевой порядок, другим частям и соединениям это не удается сделать, и они вынуждены отходить под нажимом превосходящих сил противника, третьи отводятся заблаговременно для улучшения общего оперативного построения армии или боевого порядка того или иного корпуса (дивизии) и, наконец, четвертые подводятся к полю боя для перехода в контратаку или для нанесения контрудара либо для занятия оборонительного рубежа на участке, где обозначился

прорыв противника. Все эти маневры войск в ходе оборонительного сражения порождают потребность в маневре артиллерийским огнем (сосредоточение или массирование огня на наиболее важных для данного момента объектах в боевом порядке противника) либо в маневре артиллерийскими частями и соединениями (перегруппировка с целью сосредоточения на угрожаемом направлении превосходящих артиллерийских сил и средств, способных задержать или сорвать наступление противника своим огнем).

Поэтому С.С. Варенцов и его штаб скрупулезно подошли к заблаговременному и тщательному планированию ответных действий артиллерии на возможные действия противника, что облегчало централизованное управление артиллерией как при завязке оборонительного сражения, так и в ходе его. Этому также способствовало выделение мощных противотанковых резервов во фронте и армиях, действующих на главных направлениях, а также целесообразное использование такой формы управления артиллерией, как создание разветвленной сети артиллерийских групп по организационно-тактическому принципу. Можно смело утверждать, что это был «фирменный» почерк командующего артиллерией фронта С.С. Варенцова. Опираясь на такую систему управления, командование фронта и армий имело возможность массировать артиллерию и ее огонь в избранное ими время на главных направлениях и тем самым решительно влиять на ход сражения.

С.С. Варенцов, так же как и командующий артиллерией Центрального фронта генерал В.И. Казаков, уделял организации централизованного управления самое пристальное внимание. Правильное понимание С.С. Варенцовым и В.И. Казаковым роли артиллерии в операции (бою) переросло в убеждение, что огневая мощь артиллерии максимально проявляется в массировании ее огня на главных направлениях. Это убеждение и умение организовывать централизованное управление артиллерией обусловило *С.С.* Варенцову и В.И. Казакову командование артиллерией самых мощных фронтов до конца войны.

Сергей Сергеевич давно убедился, что непрерывно и гибко управлять подчиненными можно только тогда, когда есть работоспособный оперативный штаб. Поэтому уделял серьезное внимание подбору офицеров своего штаба и сколачиванию его в работоспособный коллектив и требовал это от командующих артиллерией армий и дивизий. Начальники штабов артиллерии фронта, армий и дивизий, в свою очередь, учились распределять работу между офицерами штаба так, чтобы своевременно составлялись оперативные и разведывательные сводки,

разрабатывались боевые распоряжения, велся учет имеющейся во фронте (армии, дивизии) артиллерии, контролировалась своевременная подготовка артиллерии к боевым действиям, с частями, намечавшимися для перегруппировок, поддерживалась непрерывная связь штаба артиллерии армии (фронта).

Постепенно изживались случаи, когда малочисленные штабы артиллерии армий, перегруженные работой, связанной с перегруппировками, организацией материального обеспечения и боевой подготовкой артиллерийских частей к боевым действиям, очень мало внимания уделяли артиллерийской разведке. Они ограничивались лишь общими указаниями, а в некоторых штабах артиллерии армий доходило до того, что офицеров разведывательного отделения использовали для выполнения поручений общего порядка. С.С. Варенцов настойчиво искоренял эти явления.

Следует отметить, что до Курской битвы штабы артиллерии еще не были подлинными организаторами боевых действий артиллерии, основным органом управления ею в оборонительных и наступательных операциях фронта (армии). Не было нужного контакта штаба артиллерии как одного из главных штабов родов войск со штабами других родов войск, и штабы артиллерии фронта (армии) еще не являлись подлинными помощниками командующих артиллерией в управлении артиллерией. Только к Курской битве штабы артиллерии были уже достаточно подготовлены, укомплектованы и организационно-штатная структура их в полной мере соответствовала требованиям современной войны.

На Воронежском фронте во многих штабах офицеры штаба артиллерии в период работы в войсках не распределяли между собой отдельные функции. В войска выезжали максимум 4–5 человек, которые при строгом распределении функций не смогли бы охватить контролем большое количество штабов артиллерии соединений и частей, а также боевые порядки артиллерии. Каждый из офицеров осуществлял проверку и оказывал помощь по оперативным и разведывательным вопросам.

На командном пункте было несколько иное положение. Тут каждый работал по своей специальности, но, как только принималось решение о проведении операции, офицерам оперативного отдела, у которых объем работы был значительно больше, приходили на помощь офицеры разведывательного отдела.

В штабах артиллерии армий, дивизий и в частях офицеры штаба артиллерии фронта проверяли правильность планирования огня в артиллерийском наступлении, организацию

контрбатарейной борьбы. Совместно с офицерами частей производили расчет боеприпасов по целям, проверяли организацию управления.

У разведчиков проверяли планирование артиллерийской разведки, полноту и достоверность разведывательных данных.

С секундомерами в руках офицеры штаба артиллерии фронта устанавливали мобильность вызовов планового и непланового огня артиллерии: ее массирование по важнейшим объектам в глубине обороны противника, когда это потребуется в ходе наступления, а также выход на рубеж развертывания противотанкового резерва. На огневых позициях офицеры штаба артиллерии фронта, как правило, проверяли знание личным составом задач, раскладку боеприпасов, состояние материальной части и др.

Офицеры штаба артиллерии фронта в артиллерийских частях и штабах не ограничивались только контролем и фиксацией недостатков. Всюду они оказывали помощь, советовали, учили.

При перегруппировках артиллерии офицеры штаба артиллерии фронта после вручения боевых распоряжений командирам частей на переброску их полков и бригад в новые районы сопровождали эти части до районов развертывания и, только убедившись, что боевой порядок занят, возвращались в штаб с докладом о выполненном задании. Их доклады были всегда точны, и это определяло степень достоверности сведений, которыми располагал штаб фронта.

Командующий артиллерией фронта С.С. Варенцов в подготовительный период практически все время находился в войсках, решая задачи по организации и применению крупных артиллерийских масс в ходе боевых действий.

Начальник штаба артиллерии фронта, как правило, в войска не выезжал. На нем лежала основная тяжесть работы в штабе, с ним оставались лишь 1–2 офицера оперативного отдела. В этот период нужно было держать под контролем работу офицеров штаба, где бы они ни находились, в отсутствие командующего артиллерией фронта решать все необходимые вопросы, входящие в его компетенцию.

В заранее разработанных планах учитывалась вероятная потребность в маневрировании артиллерией. Каждое артиллерийское соединение (часть) заранее знало из этих планов районы предстоящего маневра, установленный сигнал и задачу. С частями, намечавшимися для перегруппировок, поддерживалась непрерывная связь штаба артиллерии армии (фронта) либо непосредственно, либо через соответствующего командующего артиллерией корпуса (армии) или дивизии.

Главную массу артиллерии, привлекаемую к перегруппировкам или к маневрированию огнем, составляли резервы и армейские артиллерийские группы.

Стремление С.С. Варенцова к непрерывности взаимодействия артиллерии с общевойсковыми объединениями, соединениями и частями достигалось следующим образом. Например, в 7-й гвардейской армии во всех стрелковых полках первого эшелона стрелковых дивизий создавались группы поддержки пехоты (ПП) в составе 2–3 дивизионов. В стрелковых полках второго эшелона дивизий эти группы обычно состояли из одного дивизиона артиллерийского полка и минометной батареи стрелкового полка. До начала боевых действий полком второго эшелона его полковая группа поддерживала бой одного из стрелковых полков первого эшелона.

Как указывалось выше, в 7-й гвардейской армии вообще артиллерийские полки дивизий второго эшелона использовались (до начала боевых действий этих дивизий) для поддержки дивизий первого эшелона с включением их в состав полковых групп. Безусловно, такое использование артиллерийских полков дивизий второго эшелона неизбежно создает большие трудности в их переподчинении в ходе боя на поддержку частей своей дивизии, а иногда (при высоком темпе наступления противника) делает это переподчинение невозможным. Однако С.С. Варенцов, невзирая на эти сложности, прекрасно понимая, что решение всех вопросов боевого применения артиллерии всецело зависит от должной организации управления артиллерией фронта, предпочитал максимальное привлечение артиллерии для поддержки дивизий первого эшелона.

В стрелковых дивизиях первого эшелона (в трех дивизиях из четырех) организовывались дивизионные артиллерийские группы дальнего действия, предназначавшиеся главным образом для борьбы с артиллерией и дальними целями противника. Хотя образование групп дальнего действия и вело к распылению средств дальнобойной артиллерии, но в обороне оно создавало более выгодные условия для взаимодействия дальнобойной артиллерии с войсками. Командующий артиллерией фронта принял такое решение из-за наличия широкого фронта обороны армии и большого количества направлений вероятных атак противника, а также в связи с общим стремлением командования фронта (армий) усиливать больше всего войска первого эшелона.

В остальных армиях Воронежского фронта артиллерийские группы создавались примерно по такой же схеме, как и в 7-й гвардейской армии.

Как уже неоднократно подчеркивалось, важное значение для

обеспечения централизованного управления артиллерией имела устойчивая связь вышестоящих органов управления артиллерией с нижестоящими. Связь командующего артиллерией фронта с командующими артиллерией армий и командирами артиллерийских соединений и частей, выделенных в резервы, осуществлялась главным образом проводными средствами и радио по линии штабов, а с армиями, действующими на главном направлении, — и по линии наблюдательных пунктов. Кроме того, для управления артиллерией использовались также и общевойсковые каналы связи.

К сожалению, штаб артиллерии фронта располагал всего одним радиовзводом. Объектов управления у штаба артиллерии фронта было более чем достаточно. Много пришлось приложить усилий и упорства генералу С.С. Варенцову и другим командующим артиллерией фронтов, доказывая, что средств управления в штабе артиллерии фронта недостаточно.

Командующий войсками фронта генерал Н.Ф. Ватутин много внимания уделял не только ведению оборонительных работ в соответствии с принятым им решением на оборонительную операцию. Он требовал, чтобы войска учились. Лично занимался с начальниками родов войск, специальных войск, командармами и даже с командирами полков. Н.Ф. Ватутин прорабатывал с ними важнейшие вопросы маневрирования войсками, уделяя особое внимание управлению и взаимодействию. Командующий требовал не только безукоризненного выполнения своих приказаний, директив, но и инициативы, предложений по укреплению обороны и обучению войск. И такие предложения поступали. Так, С.С. Варенцов предложил создать артиллерийские полигоны для подготовки истребительно-противотанковой артиллерии. Впоследствии Н.Ф. Ватутин и С.С. Варенцов часами не уходили с позиций противотанковой артиллерии, требовали доведения до автоматизма всех операций, умения вести огонь, даже когда танки прорвутся через огневые позиции. Почти весь личный состав истребительно-противотанковых полков прошел на них огневую подготовку с боевой стрельбой. Командующий фронтом особенно усиливал противотанковую оборону, ибо понимал, что все начнется с мощнейшей танковой атаки. Макеты «Тигров», «Пантер» стояли не только на артиллерийских полигонах, они стояли в тылах полков, и каждый солдат должен был изучить их уязвимые места.

В период подготовки к операции командно-штабные игры охватывали все большее число командиров и штабов, штабные тренировки сменялись практическими занятиями с боевой стрельбой. Для сокращения времени на открытие огня

проводились ежедневные тренировки штабов, подразделений разведки, связи и огневых взводов, в результате чего удалось добиться открытия планового огня в среднем через 1–2 минуты и непланового — через 5–6 минут.

По окончании планирования артиллерийской контрподготовки и приведения в полную боевую готовность привлекавшеися к ее проведению артиллерии оставалось главное — определить время ее проведения. Запоздание с открытием огня или преждевременное его открытие могли свести на нет возможные результаты контрподготовки.

Для определения этого важного момента сначала было очень мало данных. На Воронежском фронте, в частности перед фронтом 6-й гвардейской армии, в середине июня стало отмечаться заметное оживление в расположении противника. 28 июня передвижения немецких войск, особенно по Белгородскому шоссе, усилились; 1 и 2 июля противник начал подтягивать к нашему переднему краю танки, мотопехоту и артиллерию. Захваченные пленные показывали, что в районе Белгорода разгружаются эшелоны с большим количеством танков, пехоты и артиллерии. Одновременно с этими мероприятиями противник проводил разведку боем.

К 12 часам 4 июля командующий фронтом генерал армии Н.Ф. Ватутин вызвал всех командармов на совещание в штаб фронта. На основании имевшихся данных он высказал убеждение в том, что в ближайшие часы, не позднее следующего утра, противник перейдет в наступление. Вероятнее всего, из района севернее и северо-западнее Белгорода, но, подчеркнул командующий фронтом, возможно, и на других направлениях. В связи с этим он уточнил задачи армиям и приказал держать войска в полной боевой готовности.

В 16 часов 4 июля, когда Н.Ф. Ватутин, А.М. Василевский, командующий артиллерией фронта генерал С.С. Варенцов и командующий 2-й воздушной армией генерал С.А. Красовский обсуждали план контрподготовки, артиллерия противника открыла огонь. Обстрел длился примерно 10 минут, потом позвонил командующий 6-й гвардейской армией генерал И.М. Чистяков. Он доложил, что из района Томаровки на север на его боевое охранение двинулось около 50 танков и до полка пехоты противника.

— Неужели Манштейн начал раньше срока? — задумался А.М. Василевский. — Или это демонстрационная атака с ограниченными целями?

— Скорее всего, разведка боем. Слишком непродолжительная артподготовка, — сказал Н.Ф. Ватутин и приказал подчиненным

занять свои КП.

Скоро И.М. Чистяков доложил, что это действительно разведка боем. Пленный из 168-й пехотной дивизии подтвердил это. Перебежчик показал, что переход в наступление назначен в ночь с 4 на 5 июля, что саперы танковой дивизии «Мертвая голова» в ночь с 3 на 4 июля разминировали на многих участках минные поля и сняли проволочные заграждения. Он сообщил также, что всем солдатам их подразделения выданы патроны и на четверо суток водки. Командир подразделения приказал солдатам приготовиться и ждать сигнала боевой тревоги для наступления.

Из телефонного разговора с Г.К. Жуковым А.М. Василевский узнал, что то же самое подтверждают немецкие перебежчики, перешедшие к нам 4 июля на Центральном фронте. Таким образом, на основании показаний пленных и других источников удалось точно установить, что начало артиллерийской подготовки противником намечено в полосе обороны Центрального фронта в 2 часа 30 минут 5 июля, а в полосе Воронежского фронта — в 3 часа 5 июля. Это определило и время начала нашей артиллерийской контрподготовки.

«Посоветовавшись с Ватутиным, — вспоминал маршал А.М. Василевский, — мы решили в ночь на 5 июля провести предусмотренную планом артиллерийско-авиационную контрподготовку»[76]. Заметим, о точном времени начала контрподготовки речь не идет. После 1963 года в работах по исследованию опыта боевых действий артиллерии в Великой Отечественной войне отмечалось, что артиллерийская контрподготовка в полосе 6-й гвардейской армии Воронежского фронта была назначена командующим фронтом Н.Ф. Ватутиным в 22 часа 30 минут. Это не совсем так, потому что начинать контрподготовку в 22 часа 30 минут слишком рано, когда имеются другие данные начала наступления немцами. События развивались следующим образом.

В 16 часов 4 июля под руководством командующего артиллерией армии генерал-майора Д.И. Турбина при штабе 6-й гвардейской армии заканчивался сбор командующих артиллерией стрелковых корпусов и дивизий, которыми руководил. Поскольку противник начал активные боевые действия в полосе армии, необходимо было отправить артиллерийских командиров и начальников на их пункты управления. Командующий артиллерией армии предупредил их о времени начала контрподготовки (в ночь с 4 на 5 июля). В 19 часов было отдано боевое распоряжение о проведении контрподготовки с уточнением артиллерийских частей, привлекаемых к

контрподготовке, целей, подлежащих подавлению, продолжительности ведения огня, расхода боеприпасов, а также указано, что контрподготовка будет проведена в ночь с 4 на 5 июля. Таким образом, все нижестоящие штабы артиллерии армии имели более трех часов времени для внесения соответствующих корректив в ранее составленные планы.

Однако артиллерия Воронежского фронта начала оборонительное сражение еще 4 июля, поддерживая своим огнем бой атакованного противником боевого охранения 6-й гвардейской армии. В 22 часа 30 минут, когда противник, сбив боевое охранение, стал сосредоточивать свои главные силы в исходном положении для наступления, часть артиллерии 6-й гвардейской армии произвела мощный 5-минутный огневой налет по запланированным для контрподготовки участкам подавления[77]. По мнению автора, это вполне логичные и оправданные действия командующего 6-й гвардейской армией, не ждать же ему 3 часов 5 июля, если даже это время начала наступления противника было принято как достоверное. Огневому воздействию подверглись 17 основных районов сосредоточения танков и пехоты противника, 12 артиллерийских батарей, 17 наблюдательных пунктов и другие цели. В 3 часа 5 июля артиллерийская контрподготовка была проведена в соответствии с планом в полосах обороны 6-й и 7-й гвардейских армий.

По данным разведывательных органов, в результате артиллерийской контрподготовки противник в полосе 6-й гвардейской армии понес большие потери в живой силе и технике. Намеченный противником срок начала артиллерийской подготовки атаки был сорван. Пехота и танки, вышедшие в исходные районы для наступления, вследствие потерь и частичной дезорганизации управления к наступательным действиям в назначенный срок оказались не готовы[78].

Командующий 7-й гвардейской армией на основе полученных разведывательных данных в 24 часа 4 июля принял решение провести артиллерийскую контрподготовку сразу по трем из восьми ранее запланированных вариантов.

В ходе проведения армией артиллерийской контрподготовки перед началом последнего, 10-минутного огневого налета противник начал артиллерийскую подготовку атаки, которая, однако, не помешала артиллерии 7-й гвардейской армии организованно выполнить весь план контрподготовки.

Многими немецкими командирами сильная артиллерийская контрподготовка была принята за начало нашего наступления.

В результате артиллерийской контрподготовки противник не

смог начать свое наступление одновременно на всем фронте. При этом немцы начали наступление вместо 3 часов 5 июля тремя часами позже. Главный удар противник нанес встык 71-й и 67-й гвардейских стрелковых дивизий 6-й гвардейской армии. Немецкое командование стремилось прорвать оборону ударами мощных танковых группировок на двух узких участках фронта: на участке Коровино — Черкасское (6 километров), где действовало до 300 вражеских танков, и на участке Задельное — Березов (8 километров) — около 400 танков. Однако упорным сопротивлением наши войска при поддержке всех видов противотанковых средств, и в первую очередь артиллерийских, сорвали планы немецкого командования. Ценою огромных потерь противник лишь незначительно вклинился в глубину нашей главной полосы обороны, но прорвать ее он не смог.

На фронте 7-й гвардейской армии 5 июля противник пытался наступать с Михайловского плацдарма, но, попав под неподвижный заградительный огонь нашей артиллерии и потеряв буквально за несколько минут 500 солдат и офицеров, от наступления с плацдарма окончательно отказался.

Командующий фронтом Н.Ф. Ватутин уже по первым докладам понял, что сражение приобрело ожесточеннейший характер, но оставался спокоен, это спокойствие передалось и С.С. Варенцову. Успокаивало и то, что направление главного, а точнее, двух главных ударов командующий фронтом определил верно.

В отражении танковых ударов в полосе 6-й и 7-й гвардейских армий сыграл свою роль широкий маневр противотанковых средств. Если на Центральном фронте в первый день боя в маневре участвовало 13, то на Воронежском фронте — 23 артиллерийских полка[79].

Боевые действия в последующие дни сражения до 10 июля характеризовались в первую очередь борьбой с крупными танковыми группировками врага, в которую включалась артиллерия всех видов и калибров; она вела огонь преимущественно прямой наводкой. Для парирования танковых ударов, наносившихся противником на узких участках и в часто менявшихся направлениях, широко применялся маневр артиллерией, и в первую очередь артиллерийско-противотанковыми резервами.

По данным разведки, противник к 9 июля создал сильную танковую группировку в районе Грезное — Озеровский — Ясная Поляна и другую такую же группировку в районе Мелехова. Все это, а также усиленные разведывательные действия на прохоровском направлении и неослабевающие атаки противника

из района Севрюкова в северном направлении давали основание предполагать возможность крупного удара на Прохоровку.

Командующий фронтом генерал-полковник Н.Ф. Ватутин пришел к выводу, что готовящийся немцами удар на новом направлении поглощает все наличные силы врага и что назревает благоприятный момент для нанесения сильного контрудара. Такой удар приданными фронту стратегическими резервами (5-я гвардейская и 5-я гвардейская танковая армии) было решено нанести с утра 12 июля. Кроме того, к контрудару привлекались войска 1-й танковой и 6-й гвардейской армий.

Артиллерийские штабы имели очень мало времени, чтобы спланировать артиллерийскую подготовку контрудара и подготовить к этому свои части. К тому же большая часть этого ограниченного времени (особенно светлого) пошла на планирование в армиях, а меньшая оставалась в распоряжении низших инстанций. Так, например, штабы артиллерии 6-й гвардейской и 1-й танковой армий, совместно планировавшие артиллерийскую поддержку своих частей в контрударе, отдали боевые распоряжения командующим стрелковыми (танковыми) корпусами только в 16 часов 11 июля.

Фронт усилил 1-ю гвардейскую танковую армию 14-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригадой.

По предложению С.С. Варенцова для проведения артиллерийской подготовки атаки перед фронтом 5-й гвардейской танковой армии привлекалась дополнительно часть артиллерии 69-й армии и созданная в ночь на 12 июля фронтовая артиллерийская группа в составе 27-й пушечной артиллерийской бригады, 552-го и 1148-го гаубичных артиллерийских полков большой мощности.

Учитывая особый характер предстоящих действий 5-й гвардейской танковой армии против крупной танковой группировки противника, генерал С.С. Варенцов приказал всю без исключения пушечную артиллерию, которая имелась в армии, выдвинуть на открытые огневые позиции для стрельбы по танкам прямой наводкой. Командующий артиллерией фронта стремился к наиболее эффективному применению артиллерии танковых армий. И добивался этого следующим образом. В наступлении орудия двигались рядом с танками, маневрируя и огнем, и колесами. Если выходил из строя тягач, орудия прицепляли к любой машине — штабной, связной, к грузовику с боеприпасами. Лишь бы орудия не отставали от танков.

Когда бой затяжной и танки продвигаются медленно или бьют с места, то орудие независимо от его калибра находится рядом с боевыми машинами. О том, чтобы отвести их на закрытые

огневые позиции и управлять огнем с наблюдательных пунктов, и речи быть не могло. Пока артиллерия там развернется и приготовится к бою, танки уйдут далеко и в нужный момент боя останутся без артиллерийской поддержки.

Конечно, вести огонь с открытых огневых позиций тяжело и опасно, расчеты несут немалые потери, но другого выхода нет. И артиллеристы совершают чудеса самоотверженности, лишь бы помочь танкам. В свою очередь, танкисты делают все, чтобы выручить своих верных боевых друзей, прикрыть их от вражеского огня.

К слову сказать, проблему взаимодействия артиллерии с танками испытывал и противник. «Самый важный принцип организации взаимодействия между танками и артиллерией, — вспоминал Гудериан, — состоял в том, чтобы артиллерийский огонь никогда не сдерживал наступательного натиска танков, чтобы методы стрельбы были приспособлены к темпу их продвижения. В связи с быстрой сменой обстановки на поле боя важно было быстро обеспечивать поддержку танков»[80].

С каждой последующей операцией артиллерийское обеспечение танковых армий (корпусов) улучшалось и достигло своего пика в Берлинской и Пражской операциях. После войны С.С. Варенцов, обобщая опыт боевых действий артиллерии в годы Великой Отечественной войны, писал: «Действия артиллерии, привлекавшейся к обеспечению подвижных групп войск, во многом зависели от времени ввода подвижных групп. Если ввод в прорыв подвижных групп осуществлялся в первый день операции, то эти условия в значительной мере облегчали действия артиллерии, так как она могла вести огонь с основных огневых позиций, находясь в прежней группировке. Вместе с тем огонь артиллерии производился в большинстве случаев по заранее разведанным целям в обороне противника. Огромное значение приобретало и то обстоятельство, что артиллерия могла использовать заранее подготовленную систему управления.

Если же танковые армии и подвижные группы войск вводились в прорыв значительно позже, то действия артиллерии заметно усложнялись. В этих случаях требовались перегруппировка значительной части артиллерии, организация разведки и управления артиллерией и ее огнем, а также надежное взаимодействие артиллерии с войсками, вводимыми в прорыв.

В связи с тем, что наступление танковых армий и подвижных групп войск проходило в большинстве операций в высоком темпе, особое значение приобретала гибкость в управлении артиллерией и надежная связь»[81].

В результате контрудара Воронежского фронта 12 июля наши

войска имели незначительное продвижение, но инициатива действий была вырвана из рук противника. С 13 июля он был вынужден перейти к обороне на всем фронте, за исключением полосы 69-й армии, где 13–15 июля еще продолжал вести ожесточенные бои с ограниченной целью — окружить пять дивизий 69-й армии, оборонявшихся в выступе между реками Липовый Донец и Северский Донец.

Чтобы парировать попытки противника прорваться на север из района Ржавец, С.С. Варенцов предложил командующему фронтом усилить 69-ю армию следующими соединениями: 32-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригадой (из 40-й армии), 36-й зенитной артиллерийской дивизией (из резерва фронта), 27-й пушечной артиллерийской бригадой (из фронтовой артиллерийской группы) и другими артиллерийскими частями (из 38-й и 7-й гвардейской армий).

Все попытки противника окружить хотя бы небольшую часть сил 69-й армии и прорваться дальше на север и северо-восток успеха не имели. Исчерпав свои наступательные возможности, противник прекратил к 16 июля активные действия и перешел к обороне на всем фронте.

18 июля Ставка ВГК приказала командующим Воронежским и Степным фронтами 20 июля нанести контрудар с целью ликвидации вклинившихся войск противника и в дальнейшем развить наступление для разгрома его белгородско-харьковской группировки.

Подготовка контрудара войсками Воронежского фронта проводилась в исключительно короткие сроки, исчисляемые от нескольких часов до суток, что влияло не только на условия, но и на характер организации артиллерийского обеспечения контрудара.

К артиллерийскому обеспечению контрудара генерал С.С. Варенцов привлек только ту артиллерию, которая ранее имелась в соединениях (объединениях), наносивших контрудар, так как на перегруппировку артиллерии с целью максимального усиления ударных группировок войск, как правило, не имелось времени и плотность артиллерии оставалась такой же, как в обороне.

Органы артиллерийской разведки не успевали детально вскрывать систему огня и положение войск противника. Поэтому огонь артиллерии планировался не по конкретным целям, а по участкам вероятных целей, определявшихся чаще всего по карте. Артиллерийские командиры и штабы не полностью справлялись с организацией управления артиллерией и часто не могли наладить взаимодействие с танками и пехотой в ограниченное время. Все это существенно снижало эффективность

артиллерийской подготовки и поддержки контрудара.

Так как разведка к началу контрудара не могла вскрыть достаточно полно систему огня и оборонительных сооружений противника, то для решения огневых задач, возникавших в ходе боя, во всех армиях выделялось большое количество орудий для стрельбы прямой наводкой.

Особое внимание было уделено противотанковой обороне наступавших войск. Для этого войсковая противотанковая артиллерия и истребительно-противотанковые артиллерийские части РВГК в ходе наступления получали в первую очередь задачи по противотанковой обороне захваченных рубежей, причем значительная часть этой артиллерии выделялась в резервы командиров стрелковых полков, дивизий, корпусов и командующих армиями. Перемещаясь вслед за боевыми порядками войск скачками от рубежа к рубежу, они находились в постоянной готовности к развертыванию для отражения контратак танков противника.

Централизованное управление в масштабе фронта и армий особенно широко распространялось на маневр артиллерией, который в оборонительных боях под Курском достигал большого размаха. На Воронежском фронте с 5 по 14 июля, то есть за десять дней оборонительных боев, в маневре участвовало более 100 артиллерийских и минометных полков, без учета зенитной артиллерии и артиллерии, участвовавшей в маневре в составе общевойсковых и танковых соединений и объединений, а также артиллерии, отходившей под воздействием наступавшего противника[82]. Причем некоторые части маневрировали два-три раза и более.

После двадцатисуточной тяжелейшей борьбы командующий фронтом Н.Ф. Ватутин в донесении Ставке ВГК отметил: «Большую маневренность проявили иптаповские полки и ибр. Менее маневренными оказались танковые соединения»[83].

В связи с этим вызывает недоумение, как некоторые кинодокументалисты и военные историки освещают сражения Великой Отечественной войны, в том числе и Курскую битву. Так, в преддверии 65-летия Великой Победы по телевидению было показано немало документальных фильмов. Даже неплохих. Но с какой-то однобокостью и недоговоренностью. Например, по Первому общероссийскому каналу 26 апреля 2010 года демонстрировался документальный фильм «Великая война. Курская дуга». При акценте на значительную роль артиллерии в этой битве была названа фамилия только лишь одного артиллерийского военачальника — Н.Н. Воронова, который при всех его заслугах, но отдадим дань справедливости, имел лишь

косвенное отношение к управлению артиллерией на Воронежском и Центральном фронтах. Командующих артиллерией фронтов С.С. Варенцова и В.И. Казакова, заслуга которых как раз и состояла в блестящем применении артиллерии в этом сражении, как будто бы и не существовало. Зато фамилии военачальников-танкистов произносились с завидным постоянством. Зачем излишне выпячивать одних и несправедливо умалчивать о других. Это что, спланированная акция или некомпетентность военных историков? Хотя последнее вызывает большое сомнение. Таким образом, авторы, абсолютно не желая того, недоговорили суровую правду о войне, не показали вклад прославленных военачальников-артиллеристов в победу Красной армии в Курской битве.

Артиллерия Воронежского фронта под командованием генерала С.С. Варенцова оказывала мощную огневую поддержку пехоте и танкам на всех этапах оборонительного сражения под Курском. Но особенно значительна была роль артиллерии в борьбе с танками противника. Из общего количества 2952 подбитых и уничтоженных немецких танка и самоходных орудий под Курском 1861 приходится на артиллерию (Центральный фронт — 812, Воронежский — 1049), что составляет 63 % всех потерь, нанесенных бронетанковым частям противника. Это оказало решающее влияние на исход всей битвы под Курском,

Вот как оценивает поражение немецких войск под Курском Гудериан: «В результате провала наступления «Цитадель» (так немцы называли свое наступление под Курском) мы потерпели решительное поражение. Бронетанковые войска, пополненные с таким большим трудом, из-за больших потерь в людях и технике на долгое время были выведены из строя…Само собой разумеется, русские поспешили использовать свой успех. И уже больше на Восточном фронте не было спокойных дней. Инициатива полностью перешла к противнику»[84].

В 2001 году в Прохоровском военно-историческом комплексе побывала делегация ветеранов войны Подмосковья. В беседе с ветеранами ее руководитель В.А. Кардычкин провел такую параллель: в Бородинском сражении высшую степень героизма проявил генерал кавалерии князь Н.Н. Раевский. С двумя несовершеннолетними сыновьями он конными полками и артиллерийской батареей отразил главные силы атакующего противника. И несмотря на то, что был братом декабриста В.Л. Давыдова, приятелем многих его друзей — ярых врагов самодержавия, величественный портрет генерала занял самое почетное место в Бородинской галерее героев.

В годы Великой Отечественной войны И. Сталин называл

артиллерию богом войны. Этим господствующим родом войск в победоносном сражении на Белгородско-Курском направлении командовал С.С. Варенцов.

— К сожалению, в музеях области нет ни одной его фотографии[85], — заявил В.А. Кардычкин.

Сергей Сергеевич не имел сыновей, но вместе с ним ковали победу его дочери Нина и Эрлена. В 1942 году 17-летняя Нина прибыла под Воронеж к отцу и встала в солдатский строй действующей армии. Она погибнет через два года во Львове. По разрешению Верховного главнокомандующего на фронт приехала и жена Варенцова с 9-летней Эрленой. В период битвы на Огненной дуге младшая дочь находилась в с. Прелестном на попечении командира 285-го стрелкового полка А.К. Карпова. Помогала раненым, самостоятельно осваивала школьную программу. После войны Эрлена окончила медицинский институт, Военно-медицинскую академию и ординатуру. Ее дети-близнецы — Сергей и Александр Гончаровы — пошли по стопам дедушки. В 1975 году окончили Коломенское высшее артиллерийское училище, академию (Сергей окончил Военную артиллерийскую академию имени М.И. Калинина, Александр — Военную политическую академию). В период реформ им обоим не нашлось места в Российской армии, в звании полковников они уволились в запас.

Высоко оценил работу штабов артиллерии и командующих артиллерией Г.К. Жуков в своей книге «Воспоминания и размышления»: «Следует сказать, что штабы артиллерии и все командующие артиллерией фронтов, армий и соединений хорошо и умно поработали над организацией артиллерийской обороны и контрподготовки»[86].

Опыт боевого применения артиллерии в историческом сражении под Курском был положен в основу действий артиллерии в последующих оборонительных операциях, а ряд таких важных вопросов, как организация системы огня в обороне, артиллерийской контрподготовки, противотанковой обороны и др., послужил основанием для разработки послевоенных уставов и наставлений.

Именно с Курской битвы более четко определились стиль и методы работы командующего и штаба артиллерии Воронежского фронта при решении новых и сложных вопросов боевого применения артиллерии, стиль строгого учета отдаваемых распоряжений, четкого контроля за исполнением, распределения функций с учетом способностей каждого офицера штаба. Подготовка данных и предложений командующему войсками фронта по боевому применению артиллерии осуществлялась на

основе тщательной оценки обстановки.

С июня — августа 1943 года под руководством С.С. Варенцова штаб артиллерии прочно занял подобающее ему место в системе управления Воронежского фронта, завершив свое становление как высший артиллерийский штаб. Сергей Сергеевич, управляя артиллерией фронта на главном стратегическом направлении, под командованием одного из талантливых полководцев, да еще в такой битве, как Курская, с честью справился с поставленными задачами и прошел «своего рода высшую школу войны».

Таким образом, оборонительная операция закончилась крупным успехом войск Воронежского фронта. На очереди была новая задача — контрнаступление.

Операция «Полководец Румянцев»

В ходе Курской битвы войска Воронежского фронта приступили к подготовке наступления. Предстояло ввести в действие ранее разработанный план операции «Полководец Румянцев», но с некоторыми уточнениями.

В соответствии с этим планом войска Воронежского и Степного фронтов наносили удар смежными флангами в общем направлении Богодухов — Валки — Новая Водолага в обход Харькова с запада. С выходом войск в район Харькова переходил в наступление Юго-Западный фронт, 57-я армия которого наносила удар в обход Харькова с юго-запада. После решения этой задачи открывалась возможность продвижения к Днепру и выхода в тыл донбасской группировки противника. Координировал действия фронтов представитель Ставки Г.К. Жуков. На подготовку операции отводилось чуть больше недели.

Понятно, что в условиях только что закончившегося оборонительного сражения, когда войска понесли значительные потери, несколько расстроилась работа тыла, готовить операцию в столь сжатые сроки было чрезвычайно трудно.

Были трудности и другого плана. Еще опыт первых наступательных операций показал, что в ходе развития наступления взаимодействие артиллерии с пехотой и танками часто нарушалось. Чем дальше пехота и танки продвигались в глубину, тем слабее становилась артиллерийская поддержка. Это являлось следствием либо недостатка снарядов (мин), либо отставания артиллерии из-за плохого состояния ее средств тяги.

Когда советские войска овладели стратегической инициативой, преодолевать приходилось уже хорошо подготовленную оборону. На повестку дня встала проблема ее прорыва, без чего войскам невозможно было обрести свободу маневра. Теперь уже нельзя было рассчитывать на успех без создания и тщательной подготовки ударных группировок, без четко организованного взаимодействия родов войск, без мощной огневой поддержки пехоты и танков артиллерией и авиацией.

В период подготовки к крупным наступательным операциям и в ходе их Ставка ВГК, учтя опыт, недочеты и крупные ошибки первых наступательных операций на всех фронтах, дала войскам ряд указаний по организации и ведению наступления. Одним из таких документов являлось директивное письмо Ставки № 03 от 10 января 1942 года об ударных группах и артиллерийском наступлении.

Ставка осуждала укоренившуюся в войсках практику ведения

наступления распыленными силами. «Большинство наших армий, — говорилось в директивном письме, — к сожалению, еще не научилось взламывать и прорывать при нашем наступлении оборонительную линию противника. Наши войска наступают обычно отдельными дивизиями или бригадами, расположенными по фронту в виде цепочки. Понятно, что такая организация наступления не может дать эффекта, так как не дает нам перевеса сил на каком-либо участке».

В директивном письме подчеркивались также крупные недостатки в организации артиллерийского обеспечения наступательных действий войск. «Обычно артиллерия ведет огонь перед наступлением пехоты полчаса, час, иногда два часа и больше, а потом артиллерия перестает действовать, предоставляя пехоте наступать, несмотря на то что оборона противника еще не разрушена на всю глубину, а артиллерийские точки и пулеметные гнезда противника еще не подавлены… Этим, собственно, и объясняется, что наши наступательные операции против обороны противника довольно часто выдыхаются, несмотря на наличие «артиллерийской подготовки», причем для того, чтобы наступление сделать эффективным, приходится повторять так называемую «артиллерийскую подготовку».

Осуждая эти недостатки, Ставка потребовала решительного массирования сил и средств на избранном направлении для удара, с тем чтобы обеспечить необходимое превосходство над противником. Практически эта задача должна решаться путем создания сильных ударных группировок войск в наступающих армиях и во фронте.

Это же требование в полной мере относилось и к артиллерии. «Артиллерия должна действовать не вразброс, — говорилось в директиве, — а сосредоточенно, и она должна быть сосредоточена не в любом месте фронта, а в районе ударной группы армии, фронта».

Особенно большое значение придавалось непрерывности огневой поддержке артиллерией наступающих войск на всю глубину боя. Осуждалась практика, когда артиллерия все внимание сосредоточивала на артиллерийской подготовке и резко снижала огневую деятельность в последующих периодах боя. «Чтобы артиллерийскую поддержку сделать действительной, а наступление пехоты эффективным, нужно от практики артиллерийской подготовки перейти к практике *артиллерийского наступления*» (выделено мной. — *Ю. Р.*). Термин «артиллерийское наступление» в директиве означал, что «артиллерия не может ограничиться разовыми действиями в течение часа или двух часов перед наступлением, а должна наступать вместе с пехотой,

должна вести огонь при небольших перерывах все время наступления, пока не будет взломана оборонительная линия противника на всю глубину»[87].

Идея директивного письма не являлась открытием, она изложена в духе и на основе уже известных положений советского военного искусства. Суть ее сводилась к трем основным требованиям, без выполнения которых нельзя рассчитывать на успех наступления; это — решительное массирование сил и средств на участке прорыва, непрерывность артиллерийской поддержки наступления и, наконец, органическое сочетание огня и удара наступающих войск. Опыт прошедших месяцев войны показал, что именно невыполнение этих требований являлось наиболее частой причиной неудач наступления.

Перед артиллерией, в связи с директивным письмом Ставки ВГК, вставали большие и сложные проблемы как в теоретическом, так и в практическом отношении. Надо было обрести способность к оперативным перегруппировкам и непрерывной поддержке наступления пехоты и танков на поле боя, ликвидировать «маневренную немощь» артиллерии путем перехода на более быстроходные и надежные средства тяги, усилить все виды разведки и связи, разработать конкретные формы и методы боевого применения артиллерии в динамике (подвижных формах) боя, которые не были развиты в довоенных уставах и наставлениях. Требовалась более высокая культура работы артиллерийских штабов как органов планирования и управления крупными артиллерийскими массами.

В требовании органически сочетать огонь и удар накладывались двусторонние обязательства на атакующие части и на артиллерию. Если первые обязывались вплотную идти за артиллерийским огнем, незамедлительно используя его результаты, то вторая должна была своевременно и надежно подавлять атакуемые объекты в полном соответствии с ходом общевойскового боя. Массирование артиллерии в районе прорыва должно трансформироваться в эффективный массированный огонь артиллерии по конкретным целям, препятствующим продвижению пехоты (танков) вперед. Ну и конечно, осуществить артиллерийское наступление можно лишь при устойчивом, непрерывном и оперативном управлении как атакующими частями, так и артиллерией.

Следует отметить, что заслуга в разработке стройной системы артиллерийского наступления принадлежала генералу Ф.А. Самсонову, занимавшему в то время должность начальника штаба артиллерии Красной армии. С появлением нового понятия — «артиллерийское наступление» — в войсках возникло много

неясностей и самых различных его толкований. Одни считали, что необходимо отказаться от артиллерийской подготовки вообще, другие полагали, что артиллерия должна в прямом смысле наступать, выбивая противника из опорных пунктов, и т. д. И вот тогда-то Ф.А. Самсонов опубликовал на страницах «Артиллерийского журнала» несколько статей, в которых подробно изложил сущность артиллерийского наступления, а также методику его планирования. Эта подлинно научная работа была весьма полезной и своевременной[88]. Основные положения этой работы были закреплены в Боевом уставе пехоты 1942 года.

С выходом БУП-42 (Боевой устав пехоты) вопрос об артиллерийском наступлении был конкретизирован и детализирован. Устав четко определил сущность артиллерийского наступления, его периоды, задачи артиллерии по периодам и способы их решения. Указывалось, что артиллерийское наступление «заключается в непрерывной поддержке пехоты массированным действительным огнем артиллерии и минометов в течение всего периода наступления. Артиллерийский и минометный огонь должен вести за собой пехоту и танки в атаку от одного объекта обороны к другому»[89]. Действия артиллерии предусматривались по трем периодам: артиллерийская подготовка атаки, поддержка атаки и обеспечение действий (сопровождение) пехоты и танков при бое в глубине.

По мере накопления практического опыта все недоразумения отпали и принцип «артиллерийского наступления» стал пониматься всеми одинаково, утвердившись в качестве руководящей основы во всех действиях артиллерии и разработках артиллерийского обеспечения наступательных операций наших войск.

Одним из первых примеров артиллерийского наступления явился прорыв обороны на реке Ламе в январе 1942 года в ходе Ржевско-Вяземской наступательной операции.

Первый опыт организации и проведения артиллерийского наступления позволил в последующем избежать ошибок и более рационально использовать мощь огня артиллерии при прорыве обороны противника. Более полно артиллерийское наступление на практике было осуществлено в контрнаступлении советских войск под Сталинградом в ноябре 1942 года и с этого времени прочно вошло в практику боевых действий. В последующем методы его постоянно развивались и совершенствовались.

С.С. Варенцов при подготовке операции «Полководец Румянцев» впервые в своей практике приступил к организации артиллерийского наступления.

На основе опыта предыдущих наступательных операций и в связи с тем, что главный удар войска Воронежского и Степного фронтов наносили своими смежными флангами, С.С. Варенцов и командующий артиллерией Степного фронта генерал-лейтенант артиллерии Н.С. Фомин предложили своим командующим артиллерийское наступление для обоих фронтов осуществить по единому графику.

На обоих фронтах непосредственное планирование артиллерийского наступления возлагалось на штабы артиллерии армий. Штабами артиллерии фронтов были составлены только указания по планированию и разработаны графики артиллерийского наступления.

Артиллерийская подготовка строилась, кроме последнего огневого налета, одинаково на обоих фронтах: 5 минут — огневой налет по переднему краю и ближайшей глубине обороны противника; 30 минут — пауза; 60 минут — контроль пристрелки, удары бомбардировочной авиации и залпы реактивной артиллерии; 70 минут — подавление и уничтожение целей методическим огнем. По плану Воронежского фронта завершалась артиллерийская подготовка атаки 5-минутным залпом реактивной артиллерии, а на Степном фронте — 10-минутным огневым налетом по всем артиллерийским и минометным батареям противника. Таким образом, общая продолжительность артиллерийской подготовки атаки по фронтовым графикам была равна на Воронежском фронте 170, а на Степном — 175 минутам[90].

С.С. Варенцов и штаб артиллерии фронта творчески подошли к планированию артиллерийской поддержки наступающих войск. В графике артиллерийского наступления Воронежского фронта указано: «20 минут — огневой налет с нарастающим до предела режимом огня по первым траншеям с последующим переносом огня на вторые и третьи траншеи. В это время пехота атакует передний край противника…» После этого в графике указано, что последующие «45 минут — перенос огня в глубину обороны, подавление узлов сопротивления противника. Артиллерия стрелковых корпусов продолжает сопровождать пехоту и танки методическим огнем»[91].

С.С. Варенцов считал, что после последнего огневого налета в артподготовке спадом интенсивности артиллерийского огня можно ввести противника в заблуждение относительно начала атаки. Затем, наращивая огонь сначала по первой, а затем по второй и третьей траншеям (в течение 20 минут), обеспечить захват этих трех траншей в обороне противника. Следующие 45 минут поддержка атаки осуществлялась методом

последовательного сосредоточения огня по наиболее важным уздам (объектам) в обороне противника на общую глубину до 2 километров.

Утром 3 августа после мощнейшей артиллерийской подготовки пехота 5-й и 6-й гвардейских армий поднялась в атаку. Огонь артиллерии, дополненный ударами авиации, был настолько сильным и эффективным, что с началом атаки пехоты и танков противник в течение первых 30 минут почти не оказывал организованного сопротивления. Огневые средства его были надежно подавлены, живая сила понесла тяжелые потери.

Командир 11-го армейского корпуса генерал Раус в своих воспоминаниях пишет, что в результате «адского огня» советской артиллерии от 167-й пехотной дивизии осталось всего около 500 человек, которые бежали в тыл под прикрытием резерва 11-го армейского корпуса, оборонявшегося правее[92].

К 13 часам войска 5-й гвардейской армии продвинулись на 5 километров, прорвав первую полосу обороны противника. Сразу же командующий войсками фронта Н.Ф. Ватутин ввел в сражение 1-ю и 5-ю гвардейские танковые армии. Это была новинка Н.Ф. Ватутина — одновременный ввод в сражение двух танковых армий. Удар их был настолько силен и стремителен, что к исходу дня танкисты М.Е. Катукова и П.А. Ротмистрова продвинулись на 30–50 километров, завершив тем самым разгром тактической обороны противника.

Один из героев прорыва командующий 1-й танковой армией М.Е. Катуков вспоминал: «Во вражеской обороне образовался коридор, в который и были введены войска двух танковых — 1-й и 5-й гвардейской.

В памяти моей запечатлелось грандиозное движение советских танков, вошедших в прорыв. Мы шли по правой стороне пятикилометрового коридора двумя корпусными колоннами. Слева таким же порядком двигалась 5-я гвардейская армия. Нас прикрывала с воздуха эскадрилья «яков». Между колоннами сохранялась зрительная связь. За всю войну еще никто из нас не видел такого скопления советских танков на столь узком участке фронта.

Пройдя коридор прорыва, корпуса развернулись и вступили в бой с гитлеровцами»[93].

Управление артиллерией фронта при вводе в сражение танковых армий было максимально централизовано С.С. Варенцовым. Артиллерийское обеспечение ввода в сражение танковых армий осуществляла артиллерия корпусных групп артиллерии дальнего действия (АДД) и армейских групп 6-й и 5-й гвардейских армий. Артиллерией были заблаговременно

подготовлены участки сосредоточенного огня на двух рубежах. Огонь открывался по вызову командиров танковых и механизированных бригад и вышестоящих танковых начальников через артиллерийских офицеров-корректировщиков, выделенных от каждого стрелкового корпуса и находившихся в радийных танках. Для увеличения дальности сопровождения танков к моменту ввода их в сражение отдельные полки и дивизионы были перемещены в район захваченного переднего края противника.

В результате точного артиллерийского огня вся противотанковая артиллерия противника на участках ввода в прорыв подвижных соединений обоих фронтов оказалась подавленной или уничтоженной. Танковые соединения почти без потерь к исходу дня продвинулись на 26 километров. На достигнутых рубежах была немедленно организована противотанковая оборона силами танков и приданных танковым корпусам истребительно-противотанковых артиллерийских полков.

С развитием боя в глубине боевого порядка 5-й гвардейской армии три полка реактивной артиллерии из армейской группы были переподчинены стрелковым корпусам и приданы стрелковым дивизиям, наступавшим на главном направлении. Остальная реактивная артиллерия оставалась в резерве армии. Следует указать, что и в других армиях в ходе боя реактивная артиллерия придавалась стрелковым дивизиям. Такое переподчинение полностью себя оправдало. В неожиданно складывающейся обстановке при необходимости поддержать войска массированным огнем быстрее всего на помощь пехоте могла прийти реактивная артиллерия, обладающая большой маневренностью и постоянной готовностью к открытию огня. Особенно важную роль она играла при отражении контратак противника.

Стрелковым дивизиям в первый же день была переподчинена и часть ствольной артиллерии из армейских групп, в первую очередь легкие и минометные бригады. Это обеспечивало организацию более тесного взаимодействия артиллерии с наступавшими пехотой и танками.

Следует отметить, что это будет характерным для С.С. Варенцова до конца войны. Он всегда смело в динамике боевых действий смещал «центр тяжести» приданной артиллерии РВГК в сторону соединений первого эшелона и остался верен этому до конца войны. Безусловно, это создает большие сложности в управлении артиллерией при переподчинении ее, но организаторские способности, волевые качества и целеустремленность Сергея Сергеевича позволяли ему всегда

достигать поставленной цели. Заметим, что не каждый командующий артиллерией фронта (армии) шел на это, остерегаясь усложнить тем самым управление артиллерией. Более того, командующий фронтом и его командующий артиллерией были единомышленниками в вопросах применения артиллерии. И любое предложение С.С Варенцова, каким бы оно трудным ни казалось в плане его реализации, находило поддержку у командующего фронтом, если оно основывалось на тщательной оценке обстановки, могло быть внезапным для противника, максимально обеспечивало выполнение задач пехотой и танками. К слову сказать, Н.Ф. Ватутин, безусловно военачальник от бога, никогда не боялся рисковать, но только после тщательных расчетов и обоснованного прогноза, а также на основе изучения опыта боевых действий как своих войск, так и войск противника. На войне без риска нельзя, это подтверждается всеми известными полководцами, но риск, безусловно, должен быть обоснованным, а не безоглядным.

Вот как, например, 1 августа 1943 года Николай Федорович при докладе Г. К. Жукову решения на наступательную операцию Воронежского фронта обосновывал необходимость ввода в сражение двух танковых армий:

— Главный удар наносить буду силами 5-й и 6-й гвардейских армий, которые наступают в первом эшелоне в общем направлении на Валки и Новую Водолагу. После того как общевойсковые армии прорвут оборону, ввожу в прорыв 5-ю гвардейскую и 1-ю танковые армии. Плотность артиллерии на участке прорыва общевойсковых армий — 230 орудий и минометов на километр фронта, танков — до 70 машин. Полоса прорыва для дивизии составляет 3 километра. Одновременно на правом фланге переходят в наступление 40-я и 38-я армии при поддержке 10, 4, 5-го гвардейских танковых корпусов в направлении на Грайворон и далее на Тростянец и Ахтырку.

— Ну что ж, Николай Федорович, буду поддерживать твое решение в Ставке. Особенно впечатляет ввод сразу двух танковых армий. Не много ли?

— Никак нет. Я вспоминаю Манштейна и как он потерял темп. Группировка у немцев серьезная, в общей сложности 18 дивизий, в том числе 4 танковые, двухполосная система обороны. Задержка на передовых рубежах отрицательно скажется и на действиях Степного фронта. Ему практически сразу надо решать задачу по взятию Белгорода, Если мой прорыв будет удачен, немцам придется думать уже не о Белгороде, а о Харькове[94].

Николай Федорович не ошибся в своих предположениях, оперативно-стратегическое чутье не подвело его. Тогда Степной

фронт не имел мощных средств прорыва, наступал медленно, пройдя в первые сутки лишь 15 километров и застряв у белгородского оборонительного рубежа. Трудно сказать, сколько бы понадобилось времени на взятие Белгорода, если бы не выход Воронежского фронта во фланг белгородской группировки противника. Почувствовав угрозу окружения, немцы в ночь на 5 августа начали отвод своих войск, и в 6 часов утра дивизии первого эшелона Степного фронта вошли в Белгород. Вечером Москва салютовала в честь войск Брянского, Западного, Центрального фронтов, занявших Орел, и войск Степного фронта, который во взаимодействии с Воронежским фронтом взял Белгород.

Интересно отметить, что на второй день операции, после успешного прорыва обороны северо-западнее Белгорода, командующий артиллерией фронта С.С. Варенцов быстро и скрытно перегруппировал шесть минометных полков, одну минометную бригаду, один пушечный артиллерийский полк, одну минометную дивизию и три дивизиона реактивной артиллерии из состава главной группировки фронта на соседний участок в район Красной Яруги, где через два дня, 5 августа, начали прорыв войска 27-й и 40-й армий, наносившие вспомогательный удар. К этому же времени в состав 27-й армии с Брянского фронта прибыла 17-я артиллерийская дивизия прорыва. Эта перегруппировка является ярким примером умелого маневра артиллерийскими средствами в ходе сражения, организованного С.С. Варенцовым. Хорошо организованный массированный огонь артиллерии обеспечил прорыв обороны противника и на этом направлении.

Войска Воронежского и Степного фронтов продолжали неустанно преследовать врага. Соединения 1-й танковой и 6-й гвардейской армий Воронежского фронта за пять дней продвинулись более чем на 100 километров и к исходу 7 августа овладели Богодуховом. Соединения введенной в бой 27-й армии под командованием генерал-лейтенанта С.Г. Трофименко в этот же день освободили Грайворон. Между отходившими вражескими группировками — 4-й танковой армией и группой «Кемпф» — образовалась брешь в 55 километров. В нее устремились подвижные соединения Воронежского фронта. Стремясь избежать окружения западнее Грайворона, остатки сильно потрепанных в предыдущих боях 255, 332, 57-й пехотных и 19-й танковой дивизий врага с обозами и штабами начали отход на запад по единственной оставшейся свободной дороге. Колонна автомашин, танков, артиллерии растянулась на многие километры. Враг пытался замаскировать свой отход. С этой целью немецкие

истребители, сменяя друг друга, непрерывно пикировали на колонну, создавая впечатление, что по дороге движутся части Красной армии. Этот прием чуть было не ввел в заблуждение командование 27-й армии. Однако уловка врага была разгадана. Командующий артиллерией Воронежского фронта генерал-лейтенант С.С. Варенцов отдал приказ обрушить на вражескую колонну огонь большей части артиллерии 27-й армии. Сотни снарядов и мин накрыли плотную массу живой силы и техники врага. На дороге началась паника.

Гитлеровцы бросались в канавы, укрывались в окрестных перелесках, прятались в воронках от бомб и снарядов. Разгром колонны завершили вызванные по радио штурмовики. За короткое время артиллерийским огнем и атаками с воздуха было уничтожено более 50 танков, из них 44 «Тигра», сотни автомобилей, орудий. Большое количество техники врага в исправном состоянии попало в руки Красной армии. Во время разгрома колонны был убит командир 19-й танковой дивизии генерал-лейтенант Шмидт. Многие солдаты и офицеры попали в плен. Попытка остатков трех пехотных и одной танковой дивизий противника вырваться из «мешка» окончилась крахом[95]. Это еще более ослабило фронт обороны 4-й танковой армии, который удерживали восточнее Ахтырки остатки моторизованной дивизии «Великая Германия» и части 19-й и 7-й танковых дивизий. Чтобы задержать наступление советских войск на Ахтырку, гитлеровское командование бросило в бой все свои резервы, вернуло с пути следования часть соединений, направленных на усиление группы армий «Центр».

С каждой операцией Сергей Сергеевич приобретает бесценный опыт в организации боевого применения артиллерии в наступательных операциях. Его авторитет неуклонно растет, его мнение учитывают и представители Ставки ВГК.

Однако это не означает, что в действиях артиллерии фронта все было безукоризненно. Безусловно, сказывалась недостаточная подготовка артиллерийских командиров и неспособность начальников управлять артиллерией в динамике наступательных боевых действий.

Так, в ходе наступления Воронежского фронта выявились некоторые недостатки в применении артиллерии в тактическом звене. Перемещение артиллерии в стрелковых корпусах и дивизиях с развитием наступления в глубине не всегда планировалось и часто проводилось неорганизованно, самотеком. В результате на дорогах образовывались пробки. Артиллерия задерживалась и отставала от пехоты. Недостаточно велась разведка в ходе наступления. Штабы артиллерии стрелковых

дивизий и корпусов самоустранялись от управления артиллерией. По этим причинам сосредоточенный огонь большой массы артиллерии велся часто по пустому месту. Недостаточно разведывались и рубежи развертывания артиллерии, что приводило к нежелательным последствиям.

Во время боя полковая артиллерия и минометы, а также приданные стрелковым полкам артиллерийские дивизионы очень часто отставали от боевых порядков пехоты на 15–20 километров. Смена боевых порядков артиллерии в ходе боя задерживалась как из-за неорганизованности, так и из-за плохого состояния и недостатка средств тяги. Последнее относилось и к артиллерии РВГК. Так, 17-я минометная бригада 13-й артиллерийской дивизии прорыва имела всего 18 % транспорта и уже с 5 августа перестала перемещаться вперед, оставаясь в районе сосредоточения[96].

Безусловно, командующий артиллерией фронта в немалой степени несет ответственность за действия каждого артиллерийского соединения (части). Недостатки по применению артиллерии, проявлявшиеся в ходе операции, всегда анализировались Сергеем Сергеевичем и были постоянно в поле его зрения. Устранял он их путем обучения непосредственно подчиненных ему командующих артиллерией армий, через них доводил свои требования по применению артиллерии до всех артиллерийских командиров и начальников. Конечно же только этим не ограничивалось влияние С.С. Варенцова на подготовку артиллерийских соединений и частей фронта. Он и офицеры его штаба часто посещали огневые позиции, наблюдательные пункты с целью проверки готовности артиллерийских соединений, частей и подразделений к боевым действиям, а также обучения и оказания помощи.

Когда шли ожесточенные бои за Харьков, войска Воронежского фронта отразили сильные контрудары противника, нанесенные по флангам главной группировки фронта из районов Старого Мерчика и Ахтырки в общем направлении на Богодухов. При отражении контрударов с двух противоположных направлений большую роль сыграла смелая и быстрая перегруппировка артиллерии, проведенная во фронте С.С. Варенцовым.

Первой 12 августа нанесла удар по стыку 5-й гвардейской и 1-й танковой армий танковая группировка противника в составе танковых дивизий СС «Мертвая голова», «Рейх» и «Викинг» из района Старый Мерчик — Петропавловка. В 5-ю гвардейскую армию в тот же день была переброшена 91-я тяжелогаубичная артиллерийская бригада, а 13 августа — 42-я легкая

артиллерийская бригада. Здесь же в период с 13 по 15 августа действовали 47-я гаубичная артиллерийская бригада и 17-я минометная бригада, а также сосредоточилась вся остальная, в том числе и противотанковая артиллерия усиления армии. В результате массированного применения артиллерии, своевременного выдвижения резервов удар противника на Богодухов с юго-востока был сорван, а его танковая группировка разгромлена.

Командующий фронтом Н.Ф. Ватутин хорошо изучил своего «оппонента» и не сомневался, что Манштейн нанесет новый удар. Еще шли бои южнее Богодухова, а немцы начали накапливать силы в районе Ахтырки, готовя удар с северо-запада под самое основание нашего клина. Разведка фронта вскрыла замыслы противника. Командующий фронтом поставил задачу С.С. Варенцову о создании необходимой группировки артиллерии с целью обеспечения отражения контрудара противника. Не знал Н.Ф. Ватутин только того, что Манштейн сосредоточил здесь не меньшие силы, чем под Богодуховом: моторизованную дивизию СС «Великая Германия», 10-ю моторизованную, 17-ю, 11-ю дивизии и остатки 19-й танковой, 51-й и 52-й отдельные батальоны тяжелых танков.

Для срыва готовящегося удара и развития наступления на этом направлении (при удачном развитии событий) 17 августа в сражение из фронтового резерва между 40-й и 27-й армиями была введена 47-я армия. Для обеспечения ее наступления еще 15 августа, сразу после отражения удара противника на Богодухов из района Старого Мерчика, из 5-й гвардейской армии в 47-ю на расстояние около 100 километров были перегруппированы 47-я гаубичная артиллерийская бригада и 17-я минометная бригада, а несколько ранее — 123-я гаубичная артиллерийская бригада большой мощности, которые уже к вечеру 16 августа заняли боевые порядки. 47-й армии была также передана 3-я гвардейская минометная дивизия. Из 6-й гвардейской армии была перегруппирована 33-я пушечная артиллерийская бригада. 17 августа эта перегруппированная артиллерия приняла участие в артиллерийском наступлении 47-й армии. Часть ее провела всю подготовку к нему в течение суток.

Командующий артиллерией и штаб артиллерии Воронежского фронта в этот период работали с полным напряжением сил. Нельзя было терять ни минуты. Ведь без соответствующей группировки артиллерии трудно было реализовать замысел командующего фронтом. Вероятно, Ватутин не был бы Ватутиным, если бы даже в этих условиях не готовил наступательную операцию.

К 17 августа в район Ахтырки с главного направления фронта из состава 5-й и 6-й были перегруппированы дополнительно 37-я легкая артиллерийская бригада и 39-я пушечная артиллерийская бригада и четыре артиллерийских полка, вошедшие в состав 40-й и 27-й армий. В результате принятых мер, в том числе маневра на угрожаемое направление крупных сил артиллерии, контрудар противника из района Ахтырки, начатый 18 августа, был отражен. В период с 22 по 25 августа войска Воронежского фронта разгромили вражескую группировку в районе Ахтырки и взяли город. Срыв двух контрударов Манштейна окончательно вернул инициативу в районе Харькова советским войскам. 22 августа, во второй половине дня, опасаясь возможного окружения, немцы оставили Харьков. К полудню 23 августа город был полностью очищен от врага частями Степного фронта, как отмечалось в приказе Верховного главнокомандующего. Вечером того же дня Москва салютовала 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий.

По странному стечению обстоятельств вновь, как и в битве за Белгород, войска Воронежского фронта не были должным образом отмечены в приказе Верховного главнокомандующего, хотя совершенно очевидно, что, не будь блестящих фланговых прорывов ватутинцев, операция по меньшей мере затянулась бы на неопределенное время. Возможно, и по той простой причине, что в ходе сражений командующий фронтом Н.Ф. Ватутин не раз вызывал недовольство Верховного главнокомандующего, который слал ему директивы с рядом обвинений.

Небезынтересно отметить, что как раз в эти дни Сталин посылал весьма резкие, обидные телеграммы Г.К. Жукову и А.М. Василевскому. Обвинения, которые Сталин выдвигал против них, были необоснованными и не повлекли, как и в случае с Н.Ф. Ватутиным, каких-то конкретных мер, но незаслуженно обижали.

23 августа успешно закончилось контрнаступление Воронежского фронта, и в тот же день войска начали готовиться к новой наступательной операции. Значительный масштаб предстоявших действий определялся их целью — прорывом к Днепру и форсированием его. Времени на подготовку у нас оказалось мало. Уже 31 августа командующий Воронежским фронтом поставил войскам задачу на наступление, которое должно было начаться через два дня.

Так вновь почти без паузы совершился переход от одной наступательной операции к другой. В сущности, теперь это становилось уже привычным, так как обстановка требовала наступать без промедления.

От темпов наступления наших войск во многом зависело, успеет ли противник осуществить свои планы создания мощного

днепровского оборонительного рубежа. Иначе говоря, речь шла о том, чтобы, создав наиболее благоприятные условия для форсирования Днепра, избежать излишних потерь и в то же время ускорить освобождение не только Левобережной, но и Правобережной Украины.

Из этого и исходило Верховное главнокомандование, потребовавшее продолжать наступление на юго-западном направлении, используя благоприятно складывавшуюся здесь обстановку и не давая противнику времени на усиление его войск и укрепление обороны. Тогда же Ставка приступила к быстрому наращиванию сил в полосе намеченного наступления.

Задачи на быстрое выдвижение к Днепру и захват плацдармов на правом берегу получили войска трех фронтов — Центрального, Воронежского и Степного. Первый из них под командованием К.К. Рокоссовского, действовавший на северном участке полосы наступления, был нацелен на нанесение удара левым крылом на Чернигов и далее на запад. Войска Степного фронта во главе с И.С. Коневым должны были направить основные усилия на выход к участку от Кременчуга до Днепропетровска.

Между Центральным и Степным предстояло наступать войскам Воронежского фронта, с 20 октября 1943 года переименованного в 1-й Украинский.

На Киевском направлении

Киевская наступательная операция проводилась войсками 1-го Украинского фронта в период с 3 по 12 ноября 1943 года силами двух армий.

38-я и 3-я гвардейская танковая армии, сосредоточенные на ограниченном по размерам лютежском плацдарме севернее Киева, при содействии 60-й армии в течение четырехдневных ожесточенных боев прорвали сильную оборону противника, разгромили его киевскую группировку и в ночь на 6 ноября 1943 года освободили Киев. К 13 ноября войска фронта продвинулись вперед на 75—140 километров и вышли на рубеж восточнее Базар — Малин — Черняхов — Житомир — Ивница— Триполье[97].

В достижении советскими войсками победы под Киевом большая заслуга принадлежала артиллерии 1-го Украинского фронта под командованием С.С. Варенцова. Следует отметить и штаб артиллерии 1-го Украинского фронта, который под руководством полковника М.С. Коноплева творчески подошел к планированию артиллерийского наступления. Несколько слов о начальнике штаба артиллерии 1-го Украинского фронта.

Михаил Степанович Коноплев — выпускник Артиллерийской академии имени Дзержинского 1939 года. Первичное артиллерийское образование получил в команде одногодичников при 32-м артиллерийском полку в 1923 году. После войны полностью посвятил себя преподавательской работе в военных академиях. С 1951 по 1957 год возглавил кафедру тактики наземной артиллерии в Военной артиллерийской академии имени Дзержинского в Москве и Военной артиллерийской академии в Ленинграде. С 1957 года — на преподавательской работе в Военной академии Генерального штаба, а с 1964 по 1968 год — начальник кафедры ракетных войск и артиллерии в той же академии. Генерал-лейтенант артиллерии (1966).

Прекрасная оперативно-тактическая подготовка С.С. Варенцова и М.С. Коноплева позволила им и офицерам штаба артиллерии фронта в процессе планирования учесть множество факторов, влияющих на реализацию потенциальных возможностей артиллерии фронта, о чем будет сказано ниже.

Вполне закономерно действия артиллерии получили высокую оценку в донесении Военного совета фронта на имя Верховного главнокомандующего. В донесении говорилось: «Следует отметить хорошую организацию артиллерийского огня, проведенную нашими артиллеристами. Нашим метким и исключительно мощным артиллерийским огнем была сразу

подавлена артиллерия противника, что дало возможность развить стремительное наступление нашей пехоты и танков»[98].

Обратим внимание, что Киевской наступательной операции предшествовала перегруппировка войск с букринского плацдарма на лютежский в течение 4–5 дней. Для перегруппировки такого масштаба времени было явно недостаточно. Достижение цели операции усложнялось еще и тем, что, исходя из условий местности, участок прорыва был чрезвычайно узким. Это обстоятельство сначала вызывало сомнение в правильности решения. Опасение состояло в том, что противник огнем артиллерии и минометов с флангов мог обстреливать всю эту небольшую полоску земли и тем самым серьезно препятствовать нашему наступлению. Вследствие этого значительная роль отводилась артиллерии, которая должна была подавить огневые средства противника и лишить его возможности противодействовать огнем артиллерии наступлению нашей пехоты и танков.

Именно поэтому операция характерна прежде всего сосредоточением крупных сил артиллерии на небольшом плацдарме и решительным массированием ее на узком участке главного удара 38-й армии. В результате этого была создана небывало высокая плотность артиллерии, что определило и особенности планирования артиллерийского наступления.

На ограниченном плацдарме 38-й армии, имевшем протяжение вдоль берега 16 километров и глубину от 4 до 14 километров, кроме штатной артиллерии стрелковых соединений были сосредоточены 7-й артиллерийский корпус прорыва, 24-я пушечная, 12-я минометная, 28-я и 9-я гвардейская истребительно-противотанковые артиллерийские бригады, двенадцать артиллерийских и минометных полков, пять гвардейских минометных полков и 21-я зенитная артиллерийская дивизия, а также артиллерия 1-го гвардейского кавалерийского корпуса, 3-й гвардейской танковой армии и 5-го гвардейского танкового корпуса[99].

При перегруппировке войск на лютежский плацдарм особенно трудно было артиллерийским соединениям и частям, которым не хватало средств тяги и транспорта. Так, частям 7-го артиллерийского корпуса прорыва из-за нехватки тягачей пришлось перевозить свои орудия в два-три рейса. Перебои в снабжении горючим крайне затрудняли выполнение поставленной задачи.

Несмотря на все трудности, перегруппировка была осуществлена в указанные сроки. «В результате мы сосредоточили, — вспоминал маршал К.С. Москаленко, — на

шести километровом участке 88 % всех имевшихся орудий и минометов, создав здесь весьма высокую плотность в среднем 380 стволов на километр фронта.

Но и при этом распределение артиллерии не было равномерным. Учитывая характер предстоявших действий, мы сосредоточили в 51 — м стрелковом корпусе по 344 орудия и миномета на 1 км фронта, а в 50-м — по 416, не считая гвардейских минометов, в том числе и приданной нам 3-й гвардейской минометной дивизии.

Такая высокая плотность артиллерии при прорыве вражеской обороны была тогда создана впервые за весь прошедший период Великой Отечественной войны»[100].

Таким образом, мы видим яркий пример массирования артиллерии на направлении главного удара и создания очень высокой плотности ее, такая высокая плотность была достигнута в результате привлечения к артиллерийской подготовке и поддержке атаки части артиллерии вторых эшелонов стрелковых корпусов и армии, а также артиллерии кавалерийского корпуса и танковой армии, составляющих подвижную группу фронта.

Заметим, что С.С. Варенцов как в этой, так и в предыдущих и последующих операциях не признавал резервирования артиллерии, нахождения ее во вторых эшелонах и т. д. Он делал все для того, чтобы максимально привлекать артиллерию для выполнения задач на главных направлениях. Это были его твердые убеждения. Но эти его убеждения никоим образом не распространялись на применение истребительно-противотанковой артиллерии. Здесь С.С. Варенцов всегда создавал фронтовой резерв противотанковых средств и требовал от командующих артиллерией армий создавать необходимый резерв противотанковых средств в армиях.

Особенности планирования артиллерийского наступления заключались в том, что артиллерийская поддержка атаки в 50-м ск планировалась методом последовательного сосредоточения огня, а в 51-м ск — огневого вала с нарастающей плотностью в течение 30 минут.

Организация огневого вала в полосе 51-м ск была необычной. Высокая плотность артиллерии позволяла при поддержке атаки пехоты и танков огневым валом вести огонь одновременно по нескольким рубежам. В то же время лесистая местность в расположении противника исключала возможность пристрелки и наблюдения последующих рубежей огневого вала, кроме первого. Поэтому рубежи его намечались через каждые 200 метров, а для более надежного подавления противника впереди атакующих войск решено было открывать огонь одновременно по четырем

рубежам и вести его с нарастающей плотностью по мере продвижения пехоты в глубину и уменьшения данных разведки о противнике. Вследствие этого одновременному огневому воздействию артиллерии подверглась полоса местности глубиной до 700–800 метров.

Всего было назначено 9 рубежей с общей глубиной огневого вала 1,5–2 километра. Перенос огня с каждого рубежа производился с подходом к нему пехоты, по сигналу командира стрелкового полка[101]. Таким образом, в 51-м ск, по существу, был организован четырехслойный огневой вал, который велся одновременно четырьмя группами артиллерии по четырем рубежам. Добавим, что артиллеристы 1-го Украинского фронта были первыми, кто применил этот метод в годы Великой Отечественной войны.

Главным образом опыт управления артиллерией фронта в предыдущих операциях позволил С.С. Варенцову и его штабу организовать и применить этот сложный метод артиллерийской поддержки атаки. Сложность метода заключается в необходимости привлечения значительного количества артиллерии и наличия опыта управления артиллерией в боевых условиях во всех звеньях. Опыт применения этого метода в годы Великой Отечественной войны в послевоенное время дал основу для разработки подвижной огневой зоны.

На период сопровождения пехоты и танков при бое в глубине для артиллерии 38-й армии планировалось 30 участков массированного огня по районам наиболее вероятного сопротивления противника. Участки имели площадь от 16 до 50 га. К ведению огня по участкам массированного огня привлекалось от 47 до 253 орудий и минометов, главным образом 7-го артиллерийского корпуса[102].

3 ноября 1943 года началось наступление. Несмотря на то что ввиду густого утреннего тумана авиация в первые 2–3 часа не действовала, артиллерия одна сумела обеспечить прорыв главной полосы обороны противника. Мощность артиллерийского огня на участке прорыва была такой, что с началом атаки пехота и танки на глубину до 2 километров продвигались беспрепятственно, почти не встречая сопротивления. Остатки частей противника, оборонявших главную полосу, поспешно отходили на промежуточный рубеж обороны. Только во второй половине дня немецкому командованию удалось восстановить организованное сопротивление, введя в сражение 20-ю мотодивизию.

Попытка противника закрепиться на заранее подготовленном оборонительном рубеже Дача Пуща-Водица, Детский санаторий была быстро сломлена массированным огнем артиллерии,

который открывался по заранее запланированным участкам. Артиллерия трижды производила короткие огневые налеты, сосредоточивая огонь трех-четырех бригад по южной окраине Дачи Пуща-Водица и по высотам южнее Детского санатория. Несмотря на то что этот рубеж, укрытый лесом, был мало разведан, применение массированного огня крупных сил артиллерии обеспечило прорыв его с ходу. «В этот день, — вспоминал маршал К.С. Москаленко, — впервые в полосе 38-й армии действовал 7-й артиллерийский корпус прорыва под командованием генерала П.М. Королькова. Его удар по врагу был подобен огневому смерчу. Тогда все мы воочию убедились, каким мощным средством являлся артиллерийский корпус прорыва. Понятным стало, чего не хватало нашему Воронежскому фронту в оборонительной битве на Курской дуге»[103].

В ночь на 4 ноября артиллерия армии почти беспрерывно обстреливала дороги в расположении противника с целью воспрепятствовать выдвижению к линии фронта частей 20-й мотодивизии, перебрасываемой противником с букринского плацдарма (южнее Киева).

4 ноября войска 38-й армии отразили четыре контратаки противника и продвинулись на 5 километров. В этот же день в сражение была введена 3-я гвардейская танковая армия. Следует отметить, что планирование артиллерийского обеспечения ввода в сражение подвижной группы осуществил штаб артиллерии 3-й гвардейской танковой армии, возглавляемый будущим начальником штаба артиллерии 1-го Украинского фронта подполковником Я.Д. Скробовым, совместно со штабом 7-го артиллерийского корпуса прорыва.

Под покровом ночной темноты 7-й гв. тк внезапно атаковал противника в районе Святошина. Танки шли с зажженными фарами, с включенными сиренами, ведя с ходу огонь из пушек и пулеметов. Эта атака вызвала панику у противника и обратила его в бегство. 6 ноября наши войска освободили Киев от немецких войск.

Продолжая успешно развивать наступление, войска правого крыла 1-го Украинского фронта к 13 ноября вышли на рубеж Раденка, Житомир, Фастов и здесь перешли к обороне. В последующем в течение месяца они отразили контрнаступление противника, пытавшегося вернуть Киев и восстановить свою оборону по Днепру.

Тем временем противник, продолжая подтягивать силы для перехода в контрнаступление, не прекращал наносить частные контрудары в центре полосы 38-й армии. В боях 12 и 13 ноября противнику удалось прорвать оборону 21-го стрелкового корпуса

и захватить Корнин. Для войск 1-го Украинского фронта создалась реальная угроза выхода неприятеля в район Брусилова и далее по шоссе Житомир-Киев.

В целях усиления обороны 21-го стрелкового корпуса командующий артиллерией 38-й армии генерал-майор артиллерии В.М. Лихачев срочно перебросил из своего резерва 32-ю истребительно-противотанковую артиллерийскую бригаду в район Дедовщины и 1660-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк из 23-го стрелкового корпуса в район Корнина. Из резерва армии выдвигались также два истребительно-противотанковых артиллерийских полка.

Командующий артиллерией фронта С.С. Варенцов предпринял ряд срочных мер по усилению противотанковой обороны района Брусилова, куда перемещались три истребительно-противотанковых артиллерийских полка и ряд частей 17-й артиллерийской дивизии прорыва.

Следует отметить, что в этот период фронт располагал весьма значительными артиллерийскими средствами. На 15 ноября в распоряжении генерал-полковника артиллерии С.С. Варенцова находились: 7-й артиллерийский корпус прорыва (командир корпуса генерал-майор артиллерии М.П. Корольков), имевший в своем составе 13-ю (без 42-й лабр и 91-й тгабр, которые находились во 2-м Украинском фронте) и 17-ю артиллерийские дивизии прорыва и 3-ю гвардейскую минометную дивизию; 1-ю гвардейскую артиллерийскую дивизию РВГК; шесть зенитных артиллерийских дивизий; шесть истребительно-противотанковых артиллерийских бригад, а также большое число армейских и артиллерийских полков РВГК. С учетом артиллерийских полков стрелковых дивизий во фронте к 15 ноября насчитывалось 230 полков артиллерии[104].

Однако войска фронта, в том числе артиллерийские части, были утомлены длительным наступлением, имели потери, вследствие чего их укомплектованность вооружением, личным составом была значительно снижена. Если говорить об укомплектованности частей средствами автотранспорта и тяги как об одном из важных факторов, влияющем на маневренность артиллерии в оборонительной операции, то стрелковые дивизии находились в более благоприятных условиях, чем артиллерийские части РВГК.

Самую низкую степень укомплектованности автомобилями имели истребительно-противотанковые артиллерийские полки фронта. Из 39 полков, приданных армиям, в 14 полках автомобилей было меньше наличного количества орудий, вследствие чего они не могли перемещаться одним рейсом. Такое

положение со средствами тяги и транспорта значительно осложняло боевые действия истребительно-противотанковых частей в ходе оборонительных боев, требовавших частых перегруппировок и маневра этих частей. Исключительно благодаря продуманной организации боевых действий артиллерии фронта (армий) артиллерийские соединения и части выполняли поставленные боевые задачи.

Артиллерия РВГК, по предложению С.С. Варенцова, была распределена следующим образом: наибольшее количество артиллерии РВГК было придано 38-й армии — 50 полков из 155 имевшихся во фронте, что в среднем составляло по четыре артиллерийских полка на одну дивизию; 32 артиллерийских полка РВГК было придано 40-й армии; наступавшим же 13-й и 60-й армиям было придано всего 30 артиллерийских полков РВГК, почти в три раза меньше, чем 38-й и 40-й армиям.

Естественно, что большая роль в обороне отводилась противотанковой артиллерии, которой в 38-й армии имелось 20 полков, в 40-й армии — 11 противотанковых полков.

Группировка артиллерии фронта создавала благоприятные условия для артиллерийского обеспечения обороны 38-й и 40-й армий. Хотя плотность противотанковой артиллерии (7,6 орудия на 1 километр фронта) была сравнительно невысокой, но С.С. Варенцов был убежден, что и при таком наличии полков РВГК он сможет за счет маневра «огнем и колесами» обеспечить прикрытие угрожаемых направлений необходимым количеством артиллерии.

Утром 15 ноября, закончив сосредоточение своих главных сил, противник после 30-минутной артиллерийской подготовки нанес удар в полосе 38-й армии силами двух танковых дивизий из района Корнина в направлении на Брусилов и силами одной танковой дивизии из района Млинище — Тулин на Вацьков, пытаясь выйти на шоссе Житомир — Киев и отрезать наши части, захватившие Житомир.

В ходе оборонительной операции С.С. Варенцов, решительно маневрируя артиллерией, противопоставлял каждому удару противника мощную артиллерийскую группировку.

К исходу дня 16 ноября в 38-й армии находилось в общей сложности 42 полка артиллерии РВГК, из них 22 полка истребительно-противотанковых.

Одно из основных требований командующего артиллерией фронта — каждое артиллерийское подразделение, часть, соединение должно быть готово к борьбе с танками противника — неукоснительно выполнялось артиллерийскими командирами и начальниками. Поэтому артиллерийские формирования,

независимо от типа и калибра их орудий, решительно вступали в единоборство с вражескими танками.

Командующий артиллерией фронта в ходе оборонительного сражения оперативно реагировал на все изменения обстановки и своевременно вносил командующему фронтом предложения по усилению артиллерией 38-й и 60-й армий, обороняющихся на направлении сосредоточения основных усилий фронта. Предложения, подготовленные С.С. Варенцовым и его штабом, были, как всегда, всесторонне обоснованными. Так, 17 ноября из состава 40-й и 27-й армий в 38-ю армию были переданы два истребительно-противотанковых артиллерийских полка, а 18 ноября была передана 13-я артиллерийская дивизия прорыва (командир дивизии генерал-майор Д.М. Краснокутский). Командующий артиллерией 38-й армии генерал-майор В.М. Лихачев придал ее 21-му стрелковому корпусу. 19 ноября 60-я армия была усилена гвардейским минометным полком М-13 и истребительно-противотанковым артиллерийским полком.

В этот же день С.С. Варенцов вывел в свой резерв на доукомплектование пять истребительно-противотанковых артиллерийских полков, потерявших много людей и боевой техники. Все полки в конце дня 20 ноября были введены вновь в боевые порядки войск.[105]

Этот пример является образцом оперативности фронтовых органов управления артиллерией в восстановлении боеспособности артиллерийских частей. Он прекрасно характеризует возможности штаба артиллерии 1-го Украинского фронта в конце второго периода войны. И в этом большая заслуга С.С. Варенцова.

21 ноября командующий артиллерией фронта отдал распоряжение на переброску 28-й истребительно-противотанковой бригады из 40-й армии для прикрытия дороги на Киев, как только выявилось направление главного удара противника.

В течение трех последующих дней противник продолжал настойчивые атаки. В боях 22 ноября его танковые части, действовавшие в полосе 60-й армии, захватили Черняхов, а в полосе 38-й армии — Ставище, Костовцы и Ястребеньку. Понесшие в этих боях большие потери части 17-го гвардейского стрелкового корпуса по приказу командующего 38-й армией генерала К.С. Москаленко начали отходить. 23 ноября противник занял Брусилов.

Командование фронта напряженно искало способы срыва наступления противника и проводило экстренные меры по предотвращению наступления противника к Киеву. 23 ноября

командующий фронтом Н.Ф. Ватутин решил частью сил 60-й, 1-й гвардейской и 38-й армий 25 ноября нанести контрудар из района восточнее Радомышля на юг по флангу наступающей группировки противника.

Командующий артиллерией фронта предложил Н.Ф. Ватутину усилить 38-ю армию четырьмя истребительно-противотанковыми артиллерийскими полками, из которых два прибыли из резерва Ставки ВГК, а два полка до этого находились в резерве фронта на доукомплектовании.

Утром 26 ноября части 23, 94 и 52-го стрелковых корпусов нанесли удар по противнику. Территориального успеха наступающие войска не имели, но вынудили противника прекратить наступление и перейти к обороне.

Общий состав артиллерии фронта по сравнению с 20 ноября почти не изменился, несмотря на ожесточенный характер боев и значительные потери. Вместе с тем усилиями С.С. Варенцова артиллерийская группировка фронта продолжала изменяться в сторону еще большего усиления армий, оборонявшихся на главном направлении (60, 38 и 1-я гв. армии) за счет фланговых армий, в полосах обороны которых противник активных действий не вел, а также за счет частей, прибывавших из резервов Ставки.

Такое решительное сосредоточение артиллерийских средств на угрожаемом направлении способствовало усилению устойчивости обороны наших войск и сыграло важную роль в отражении контрудара противника с применением крупных танковых средств.

В результате ноябрьских боев обстановка на Киевском направлении стабилизировалась, но уже в первых числах декабря появились признаки подготовки противника к новому удару. В частности, нашей разведкой было установлено скопление крупных бронетанковых сил. В течение декабря немецкое командование сделало еще две попытки прорваться к Киеву.

В то же время Ставка ВГК твердо продолжала курс на подготовку к новой наступательной операции силами 1-го Украинского фронта. С этой целью на Киевское направление перебрасывались 18-я и 1-я танковые армии и дополнительно 4-й гвардейский танковый корпус.

Заслуживают пристального внимания некоторые события, произошедшие с Сергеем Сергеевичем в этот период, когда ему пришлось познакомиться в конфликтной ситуации с Л.И. Брежневым, который сыграл в его дальнейшей судьбе роковую роль.

Произошло это так: 18-я армия, в которой Брежнев был начальником политотдела, была переброшена с Северного

Кавказа на 1-й Украинский фронт. По прибытии на место Брежнев начал было давать распоряжения относительно движения эшелонов, чем еще больше усугубил возникшую неразбериху. Оказавшийся там же Варенцов в довольно резкой форме приказал «убрать этого полковника». Второй конфликт у них вышел уже после войны, когда Брежнев некоторое время был заместителем начальника Главного политуправления Советской армии и ВМФ и пытался давать советы военачальникам по руководству армией. С.С. Варенцов тогда опять поставил его на место.

Заметим, что С.С. Варенцов никогда не жалел себя в интересах дела и требовал такого же отношения к исполнению своих функциональных обязанностей от своих подчиненных. В то же время он всегда проявлял по-настоящему командирскую чуткость к подчиненным, независимо от их звания и ранга.

Вот пример. В октябрьских боях 1943 года на букринском плацдарме беспримерное мужество проявил заместитель командира 1850-го истребительно-противотанкового полка (32-й оиптабр) капитан В.С. Петров. В течение нескольких дней артиллеристы совместно с пехотой отбивали яростные атаки противника. У орудий оставалось по одному-два человека. Петров лично руководил ведением огня. Когда вражеские танки вывели из строя один из расчетов, В.С. Петров бросился к орудию и продолжал вести огонь по противнику. Вскоре Петров был тяжело ранен в руки, но поле боя не покинул, пока не была отбита атака.

Узнав о его тяжелейшем состоянии, сын Василия Ивановича Чапаева — генерал-майор артиллерии А.В. Чапаев немедленно поставил в известность командующего артиллерией фронта генерала С.С. Варенцова. Сергей Сергеевич прислал за В.С. Петровым санитарный По-2.

Врачи спасли жизнь героя, однако были вынуждены ампутировать ему обе руки. Впоследствии, выйдя из госпиталя, В.С. Петров добился разрешения остаться в действующей армии. Он вернулся в свой полк, дошел до Берлина и за бои на подступах к нему получил вторую «Золотую Звезду». В дальнейшем В.С. Петров стал генералом.

Используя оперативную паузу, командующий фронтом принял ряд мер по перегруппировке и приведению в порядок войск. Прежде всего требовалось восстановить резервы. В резерв фронта и на доукомплектование выводилась значительная часть истребительно-противотанковых артиллерийских полков.

В эти дни Н.Ф. Ватутину и С.С. Варенцову пришлось выдержать серьезный психологический удар. Совсем недавно был незаслуженно снят Ставкой с должности начальник штаба фронта С.П. Иванов. Теперь, на их взгляд, очередь была за ними. Сталин,

находясь на Тегеранской конференции, исходя из каких-то только ему известных соображений, продемонстрировал недоверие командующему 1-м Украинским фронтом. Причем сделал это нетактично, послав разбираться с положением под Киевом командующего соседним 1-м Белорусским фронтом К.К. Рокоссовского и намереваясь заменить им Н.Ф. Ватутина. Взяв с собой только командующего артиллерией фронта В.И. Казакова, К.К. Рокоссовский выехал на КП 1-го Украинского фронта. Перед самым отъездом ему вручили телеграмму Верховного главнокомандующего, предписывающую в случае необходимости, не ожидая дальнейших указаний, немедленно вступить в командование 1-м Украинским фронтом.

Ознакомившись на месте с обстановкой, К.К. Рокоссовский, надо отдать ему должное, с присущим ему тактом дал ряд советов Н.Ф. Ватутину. В конце концов все закончилось благополучно. Эта история в жизни двух полководцев подробно описана в военной литературе.

Но обратим внимание на то, что с К.К. Рокоссовским прибыл командующий артиллерией 1-го Белорусского фронта В.И. Казаков. И какова должна быть реакция на это С.С. Варенцова? Конечно же все это задевало самолюбие Сергея Сергеевича, обижало и в какой-то степени настраивало против В.И. Казакова. Это событие наложило негативный отпечаток на дальнейшие взаимоотношения двух самых опытных артиллерийских военачальников. К сожалению, их неприязнь продолжилась и после войны. Кроме того, у них были разные взгляды на решение некоторых вопросов боевого применения артиллерии.

Однако, решительно отбросив в сторону обиды и переживания, С.С. Варенцов организовал 28–30 ноября проверку готовности артиллерии армий к обороне, в результате которой был выявлен ряд недостатков в организации артиллерийского обеспечения обороняющихся войск.

Проверка оказалась полезной не в целях обмена опытом, так как опыта у командующих артиллерией всех уровней было более чем достаточно, а с точки зрения повышения бдительности, оперативности и качества проведения оборонительных мероприятий.

В целях устранения вскрытых недостатков и лучшей организации обороны штабом артиллерии фронта 1 декабря были разосланы «Указания по артиллерийскому обеспечению обороны». В этих указаниях командующий артиллерией фронта заострил внимание на проведении таких оборонительных мероприятий, которые оправдали себя в боях под Курском. В них требовалось тщательно вести разведку противника, уделяя при

этом особое внимание сосредоточениям его танковых частей и подразделений. В организации противотанковой обороны особое место занимало предупреждение случаев преждевременного открытия огня по танкам, то есть соблюдение правил открытия огня на дальности прямого выстрела.

Для обеспечения большей устойчивости всей системы противотанковой обороны С.С. Варенцов потребовал, чтобы боевые порядки истребительно-противотанковых артиллерийских частей увязывались с боевыми порядками стрелковых войск и надежно ими прикрывались. «Каждый случай самовольного отхода пехоты за боевые порядки оиптд, иптап и иптабр, — говорилось в указаниях, — немедленно доносить мне… Для самообороны вооружить истребительно-противотанковые артиллерийские полки станковыми и ручными пулеметами, автоматами, согласно утвержденному командующим фронтом расчету, сняв с их вооружения противотанковые ружья. В боекомплекте истребительно-противотанковых артиллерийских полков иметь до 10 % шрапнелей. Командирам истребительно-противотанковых артиллерийских полков и бригад учесть опыт последних боев и впредь оборудовать перед огневыми позициями батарей стрелковые окопы для борьбы с автоматчиками противника силами орудийных расчетов и взводов управления»[106].

В указаниях требовалось прекратить практику назначения для артиллерийских подразделений большого числа участков огня и повысить ответственность командиров за своевременное и надежное подавление каждой цели. Если в полосе обороны стрелкового соединения действует артиллерийская дивизия (артиллерийский корпус), то на особо важных направлениях организовывать систему массированного огня, привлекая для этой цели 300–800 орудий и минометов. Вся артиллерия должна быть в готовности к ведению огня ночью.

При организации обороны важное значение придавалось обеспечению стыков и флангов частей и соединений. На это обращал особое внимание и командующий артиллерией фронта в своих, ранее упомянутых, указаниях по артиллерийскому обеспечению обороны. Например, на стыке 94-го и 52-го стрелковых корпусов готовила огонь артиллерийская группа поддержки пехоты 838-го стрелкового полка (1528-го гап и минометная батарея 838-го сп) 237-й дивизии и дивизион 24-й гвардейской пушечной артиллерийской бригады из артиллерийской группы дальнего действия 52-го стрелкового корпуса, а также дивизион 47-го гвардейского минометного полка полевой реактивной артиллерии.

Работа по обеспечению стыков проводилась непосредственно на местности специально назначенными комиссиями из представителей соседних частей, соединений и объединений. Комиссии уточняли разграничительные линии, намечали мероприятия и сроки выполнения работ по усилению обороны стыков, а также увязывали систему огня соседних частей и соединений.

К 5 декабря число полков артиллерии РВГК возросло до 183, тогда как в оборонительном сражении под Курском к 5 июля Центральный фронт имел 129, а Воронежский — 124 полка артиллерии РВГК.

Такие крупные артиллерийские резервы создавали благоприятные возможности для маневрирования огневыми средствами на угрожаемые направления.

Следует отметить, что командование 1-го Украинского фронта, строя оборону, исходило из того, что наиболее угрожаемым направлением является участок шоссе Житомир — Киев, где линия фронта ближе всего подходила к Киеву. На этом направлении были сосредоточены почти все оперативные резервы фронта и подавляющая масса артиллерийских средств усиления.

Развернувшиеся после 5 декабря события показали, что противник избрал другой вариант наступления. Перебросив из состава брусиловской группировки в район юго-западнее Черняхова танковую дивизию С С «Адольф Гитлер», 1-ю танковую и 20-ю моторизованную дивизии и оттянув оттуда в район Брусилова 8-ю танковую дивизию, противник с утра 6 декабря нанес удар из района Черняхова на Малин.

Контрудары противника осуществлялись с применением крупных танковых сил, со сменой участков и направлений ударов. Наша разведка не всегда своевременно обнаруживала перегруппировки сил и средств противника, в силу чего командование фронта и армий не всегда могло вовремя принять предупредительные меры. Это осложняло организацию борьбы с танковыми частями противника, которые в таких случаях наносили удар внезапно. Артиллерийские части, перебрасываемые к участкам прорыва, чаще всего вступали в бой с ходу, без предварительной подготовки, не успевая организовать систему противотанкового огня. Система противотанковой обороны, как правило, строилась в ходе боя путем спешной перегруппировки войск, и особенно артиллерии. Все это не только усложняло борьбу, но и повышало потери, а противник получал некоторый успех в тактическом масштабе. Однако С.С. Варенцов и командующие артиллерией армий решительно и своевременно маневрировали артиллерией в ходе сражения, что

обеспечило общий успех оборонительной операции: противнику не удалось прорваться в оперативную глубину и сбросить войска 1 — го Украинского фронта с киевского плацдарма. На разных этапах оборонительных боев только в маневре между армиями и из резерва фронта в армии принимало участие 80 % всей артиллерии РВГК фронта. В сражениях на Киевском направлении генерал-лейтенант С.С. Варенцов неоднократно демонстрировал искусство маневра артиллерией РВГК фронта. Многие полки, особенно истребительно-противотанковые, перебрасывались между армиями по нескольку раз. При этом следует иметь в виду тяжелое положение артиллерийских полков с укомплектованием средств тяги и автотранспорта.

Своевременный маневр крупными массами артиллерии к участкам прорыва противника оказывал решающее влияние на исход оборонительных боев. Как бы часто противник ни менял участки и направление своих ударов, С.С. Варенцов успевал создавать на пути его атак сильные огневые заслоны, от которых танковые дивизии противника несли большие потери и прекращали атаки. В результате, несмотря на слабое инженерное оборудование нашей обороны и относительно низкую плотность огневых средств к началу каждого удара противника, ему не удалось завершить прорыв ни на одном участке и вывести танковые дивизии на оперативный простор. За выигранный тактический успех немецкое командование поплатилось разгромом своей ударной группировки.

Заметим, что к 15 ноября в войсках фронта находилось 7734 орудия и миномета, к 20 ноября — 9032, а к 6 декабря численный состав артиллерии увеличился до 9681 орудия и миномета, то есть возрос за это время на 25 %. В среднем на одну общевойсковую армию 1-го Украинского фронта приходилось 1380–1600 орудий и минометов, то есть примерно столько, сколько приходилось в среднем на одну общевойсковую армию в оборонительном сражении под Курском на Центральном (1780) и на Воронежском (1430) фронтах[107].

В боях на Киевском направлении дальнейшее развитие получил опыт боевого применения таких крупных артиллерийских соединений, как артиллерийские корпуса. Учитывая специфику местности и особенно маневренный характер боев с часто и резко меняющейся обстановкой, С.С. Варенцов предложил Н.Ф. Ватутину приданный фронту 7-й артиллерийский корпус прорыва применять децентрализованно. Командующий фронтом утвердил предложения С.С. Варенцова, суть которых заключалась в следующем. Обе дивизии корпуса придавались двум различным армиям, а в армиях дивизии

передавались одному из стрелковых корпусов. В свою очередь, командиры стрелковых корпусов легкие бригады (минометные, гаубичные) придавали стрелковым дивизиям, где их применяли в составе групп поддержки пехоты стрелковых полков и групп общего назначения дивизий, а легкие пушечные полки — для усиления системы противотанковой обороны дивизий. Тяжелые бригады (пушечные, гаубичные) применялись, как правило, в составе корпусных артиллерийских групп дальнего действия. Такое распределение частей и соединений артиллерийских дивизий обеспечивало более тесное их взаимодействие с поддерживаемыми войсками, чего ранее не удавалось достичь в 4-м артиллерийском корпусе прорыва, который в оборонительной операции под Курском был придан 13-й армии и применялся централизованно[108].

Несмотря на трудности, связанные главным образом с недостатком средств тяги и автотранспорта и перебоями в снабжении горючим, артиллерия 1-го Украинского фронта в оборонительной операции на Киевском направлении справилась с возложенными на нее задачами в маневренных условиях боевых действий. Она оказывала мощную огневую поддержку своим войскам на всех этапах оборонительной операции. Особенно эффективными были ее действия в борьбе с танками противника — его главной ударной силой в данной операции.

Таким образом, С.С. Варенцов и штаб артиллерии фронта показали образцы умелой организации артиллерийского обеспечения действий войск при переходе их от наступления к обороне, а также организации маневра крупными массами артиллерии в ходе оборонительного сражения. В свою очередь, артиллерийские командиры и штабы всех степеней уверенно управляли подчиненной артиллерией, целеустремленно добивались огневого превосходства над противником на главных направлениях в ходе боевых действий.

О том, какую роль сыграла артиллерия в этих операциях, убедительно написал маршал К.С. Москаленко: «Думаю, что в нашей литературе все еще недостаточно показана роль артиллерии в Великой Отечественной войне, основной огневой силы любого боя. Каждому из нас, от командира стрелкового полка до командующего фронтом, всегда и везде требовался совет артиллерийского начальника, являющегося в вопросах ведения боевых действии в дивизии или армии третьим лицом — после командира и начальника штаба. Между тем до сих пор мало известно из книг о наших видных артиллеристах, таких как П.М. Корольков, В.М. Лихачев, С.С. Волкенштейн, Д.М. Краснокутский, И.Ф. Санько, о командующих артиллерией дивизий, корпусов и

армий, о героических подвигах орудийных расчетов.

Отчасти в этом повинны сами артиллеристы. Очень немногие из них рассказали в своих воспоминаниях о славных боевых делах артиллерии, без которой не обходился ни один бой, ни одна операция. Между тем были бы интересными и полезными их воспоминания об управлении большой массой артиллерии, о героических подвигах артиллеристов как при прорыве обороны под Киевом, так и при отражении контрударов под Брусиловом. Они, несомненно, могли бы раскрыть новые страницы славной Киевской наступательной операции, пополнить сокровищницу боевого опыта наших Вооруженных Сил.

Блестяще выполненная артиллеристами в то время задача была исключительно сложна и трудна: впервые нами применялись такие высокие плотности — свыше 350 орудий на 1 км фронта. И тоже впервые, достигнув превосходства в технике над противником, мы тогда осуществили прорыв вражеской обороны средствами техники. Генералы Лихачев, Варенцов, Корольков, Волкенштейн, Краснокутский были первыми артиллерийскими начальниками, практически руководившими выполнением этой сложной задачи»[109].

Наверное, убедительнее не скажешь.

Командующий артиллерией фронта генерал-лейтенант артиллерии С.С. Варенцов за умелое управление артиллерией в операциях на Киевском направлении был награжден орденом Суворова I степени. Как известно, орден Суворова I степени — самый значимый из военных орденов после ордена Победы. Многие военачальники мечтали его иметь, но не все имели. Сергей Сергеевич Варенцов имел.

«Артиллерийский огонь был страшен»

Отразив удары противника и сосредоточив в районе Киева крупные стратегические резервы, Ставка ВГК приняла решение разгромить противостоящую немецкую группировку, выйти к реке Южный Буг и пресечь попытки противника вновь овладеть столицей Украины. По замыслу Ставки 1-й Украинский фронт должен был нанести два удара: главный — в центре полосы основными силами фронта с целью разгрома группировки противника в районе Брусилова с последующим наступлением в направлении Житомира, Бердичева, Винницы; второй — по радомышльской группировке врага с выходом на реку Случь.

В директиве командующего войсками Воронежского фронта на проведение Житомирско-Бердичевской наступательной операции было сказано:

«Я решил: вначале разбить брусиловскую группировку… На двое суток позднее главной операции… разгромить малин-радомышльскую группировку. В соответствии с этим наступление главной ударной группировки, в которую входила и 38-я армия, началось 24 декабря. Еще накануне мы были извещены о том, что штурмовая и бомбардировочная авиация нанесут удар по позициям противника в 9 часов 5 минут, а десятью минутами позже залпами гвардейских минометов и огнем всех артиллерийских и минометных средств начнется артиллерийская подготовка. Она планировалась продолжительностью в 90 минут, но атака пехоты и танков непосредственной поддержки пехоты должна была начаться на пятьдесят первой минуте. Это делалось для того, чтобы в момент перехода артиллерии к сопровождению атаки пехоты и танков не было паузы или изменения режима огня и, следовательно, чтобы противник, находясь в укрытиях, не мог определить начало нашей атаки»[110].

Сил для проведения наступательной операции было достаточно. К началу Житомирско-Бердичевской операции в составе 1-го Украинского фронта (1-я гвардейская, 13, 18, 27, 38, 40 и 60-я армии, 1-я и 3-я гвардейские танковые армии, 2-я воздушная армия) имелось 831 тыс. человек, около 11 400 орудий и минометов, 1125 танков и САУ, 529 самолетов[111]. Всего насчитывалось 63 стрелковых, 6 танковых дивизий, 2 механизированных корпуса, 3 кавалерийские дивизии. В то время не было в действующей армии сильнее фронта, чем 1-й Украинский[112].

Противостоявшая фронту немецкая 4-я танковая армия (из группы армий «Юг») насчитывала 574 тыс. человек, 6960 орудий

и минометов, 1200 танков и штурмовых орудий, 500 самолетов[113].

Замысел операции Николай Федорович Ватутин начал разрабатывать еще во время оборонительных сражений и сейчас быстро довел его до конца. Директива Ставки требовала: «Это контрнаступление нужно организовать так же основательно и тщательно, как это было сделано под Белгородом». Путем долгих размышлений и расчетов пришел Н.Ф. Ватутин к своему решению и был очень доволен, что Ставка утвердила его. Это был первый после взятия Киева доброжелательный разговор с Верховным главнокомандующим.

Командующий фронтом по предложению С.С. Варенцова установил продолжительность артиллерийской подготовки во всех армиях 1,5 часа. Особое внимание было уделено массированию артиллерии при преодолении наиболее сильных узлов сопротивления с плотностью до 200 орудий и минометов на 1 километр фронта[114].

Ранним утром 24 декабря на 51-й минуте артиллерийской подготовки 1-й Украинский фронт начал наступление. Для немцев столь быстрый переход наших войск от обороны к наступлению явился полной неожиданностью. Уже к исходу первого дня наступления войска ударной группировки прорвали вражескую оборону на всю ее глубину. В прорыв вошли сразу две танковые армии.

В начале артподготовки произошел один неприятный эпизод, который подробно описал в своих воспоминаниях маршал К.С. Москаленко:

«Оставалось около 15 минут до начала залпа гвардейских минометов и открытия огня всей артиллерии. Командный состав давно находился на наблюдательных пунктах и огневых позициях. Пехотинцы, артиллеристы, танкисты, саперы, связисты — все были на своих местах. Десятки тысяч людей ждали сигнала. Уже сверены часы. Заслушаны доклады о готовности войск. Медленно тянулись томительные минуты. Нервное напряжение нарастало. Все стремились казаться спокойными, но не каждому это удавалось.

И в это время одна установка гвардейских минометов дала залп. «Сыграла» одна «катюша», как тогда говорили солдаты. Я еще раз взглянул на часы: не хотел верить, что произошло нечто непредвиденное. Однако назначенное для артиллерийской подготовки время действительно еще не наступило. Тогда я мгновенно схватил трубку телефона, желая выяснить причину преждевременного залпа. Но в это время «заиграла» вторая установка, потом целая батарея, а за ней все гвардейские

минометы. Мои попытки остановить открытие огня ни к чему не привели. Началась своего рода цепная реакция. Вся артиллерия армии, в том числе приданная и поддерживающая, открыла огонь. Совершилось что-то невероятное. Артиллерийская подготовка началась без команды и сигнала.

Еле сдерживаясь, я потребовал разъяснения от находившихся тут же командующего артиллерией армии генерала В.М. Лихачева и командира 7-го артиллерийского корпуса прорыва генерала П.М. Королькова. Не меньше меня пораженные происшедшим, они, однако, не успели ничего сказать, так как в это время связист протянул мне телефонную трубку, и я услышал голос маршала Жукова, находившегося вместе с Ватутиным на наблюдательном пункте 18-й армии.

— Почему открыли огонь преждевременно?

— Пока не знаю, приказал выяснить, — ответил я.

И тут же услышал залпы артиллерии, донесшиеся с полосы соседей справа. Это в 18-й и 1-й гвардейской армиях началась артиллерийская подготовка, хотя время для ее начала еще не наступило. Ведь все, о чем здесь рассказано, произошло в течение одной, от силы двух минут.

Вероятно, Г.К. Жуков также услышал, что артиллерийская подготовка без сигнала распространилась по всей полосе наступления 1-го Украинского фронта. Его голос, только что спокойный, мгновенно изменился, стал резким. Разговор закончился тем, что Г.К. Жуков решил послать для расследования начальника контрразведки и прокурора фронта.

Расследование, начавшееся в то же утро, показало, что артиллерийская подготовка не была сорвана. Она только началась прежде установленного срока, но проводилась согласно запланированному графику. Нашелся и «виновник» неприятного эпизода. Оказалось, что при проверке одной установки перед открытием огня была обнаружена неисправность в электропроводке, а при устранении дефекта произошло короткое замыкание в одном звене, затем она дала залп четырьмя минами. Обслуживающий персонал соседних установок не имел часов, которые были приятной редкостью в период Великой Отечественной войны и имелись в основном только у командного состава. Думая, что подошло время начала артиллерийской подготовки атаки, он мгновенно также открыл огонь.

На огневых позициях артиллерии и минометов все было готово к открытию огня. Орудия были заряжены, наводчики, ожидая момента открытия огня, держали руки на спусковых механизмах. Поэтому так быстро был открыт огонь всей артиллерией и минометами.

Рассказанный эпизод не оказал отрицательных последствий на ход операции. Так как пехота и танки были готовы к переходу в наступление и находились на исходных позициях, то им была дана команда перейти в атаку на 15 минут ранее запланированного срока. Атака началась на 51-й минуте артиллерийской подготовки. Как и планировалось.

Что же касается эффективности артподготовки, то она была исключительно высокой. Днем после прорыва обороны противника к нам в армию приехали маршал Г.К. Жуков и командующий войсками фронта генерал Н.Ф. Ватутин. Мы отправились посмотреть результаты артиллерийской подготовки. Машины подрулили к одному из участков бывшего переднего края противника. Здесь повсюду были видны следы залпов «катюш», с большой точностью накрывших цели. Маршал Г.К. Жуков был доволен таким результатом. Уезжая, он забрал с собой и «гостей», производивших расследование. Они, в свою очередь, поблагодарили за предоставленную возможность увидеть результаты артиллерийской подготовки.

Этот эпизод доставил мне несколько неприятных часов. Но я прекрасно понимал, что за все происходившее в армии несу личную ответственность, и потому оснований для обиды на маршала Г.К. Жукова у меня не было»[115].

Можно только предполагать, что в это время испытывал командующий артиллерией фронта С.С. Варенцов. Маршал К.С. Москаленко не упомянул о том, что вместе с Г.К. Жуковым и Н.Ф. Ватутиным на НП 18-й армии находился и С.С. Варенцов. Вероятно, командующему артиллерией фронта пришлось выслушать немало упреков от представителя Ставки ВГК.

Много солдат и офицеров противника на переднем крае было уничтожено в первые минуты артиллерийской подготовки. Поэтому и прорыв вражеской обороны был осуществлен сравнительно легко.

Вечером того же дня командованию фронта стало известно из перехваченной передачи фашистской радиостанции, что на участке прорыва, там, где наиболее интенсивно поработала наша артиллерия, противник понес особенно тяжелые потери.

Поздно ночью Г.К. Жуков доложил Верховному главнокомандующему:

«1. Прорыв обороны противника в районе Брусилов армиями Леселидзе, Москаленко и левым флангом Гречко произведен.

В 14.00 в прорыв введены армии Катукова и Рыбалко…

Приказал отрядам действовать ночью, чтобы не дать противнику затыкать прорыв…

3. Противника очень крепко побили огнем… Имеются

большие трофеи вооружения, но они пока не подсчитаны».

Судя по содержанию донесения, Г.К. Жуков был доволен действиями артиллерии фронта.

Второй день был несравненно легче. Получив еще накануне вечером задачу решительно продвигаться вперед и в течение дня выйти на рубеж Западня — Соболевка— Корнин — Белки, войска 38-й армии в 9 часов 20 минут, после 30-минутной артподготовки, возобновили наступление. Развивалось оно успешно. Противник, потеряв управление, в беспорядке продолжал отходить в юго-западном направлении. Только на отдельных участках он вел артиллерийский огонь из глубины и производил безуспешные контратаки небольшими группами танков и пехоты. Контратаки носили робкий, неуверенный характер и не повторялись на одном и том же направлении.

Противник был деморализован стремительным наступлением советских войск. Это наглядно видно из показаний пленных, взятых 24 и 25 декабря. Вот некоторые из них.

«24 декабря днем русские начали наступление. Артиллерийская подготовка ошеломила всех нас. Огонь был таким губительным, что немецкая артиллерия не сумела даже ответить. На переднем крае находились главным образом солдаты из тыловых частей 8-й танковой дивизии. Когда стали приближаться русские танки, то все немецкие солдаты побежали. Наша батарея была раздавлена советскими танками. Из 12 артиллеристов батареи спаслись только три человека, которые сдались в плен. Остальные пытались убежать, но были убиты…»[116]

«Артиллерийский огонь был страшен. У многих из нас из ушей и горла шла кровь от сильных разрывов снарядов. Огонь приближался к нашим окопам постепенно. Когда он перешел через нас, то мы увидели, что красноармейцы бегут вслед за огневым валом в 60—100 метрах. Нам ничего не оставалось делать, как поднять руки»[117].

В этот день перешла в наступление и ударная группировка 40-й армии в составе трех стрелковых дивизий. Она прорвала оборону противника в юго-западном направлении на участке Мохначка — Волица и, выполнив поставленную задачу, способствовала частям 38-й и 1-й танковой армий в овладении М. Корнин.

25 декабря войскам фронта пришлось испытать большие трудности. Резко ухудшилась погода. Это ограничивало применение авиации. Главную роль в огневой поддержке войск играла артиллерия[118].

В полосе наступления ударной группировки фронта

сопротивление противника продолжало ослабевать. Однако командование фронта уже знало, что в этом отношении назревают перемены. После начала нашего наступления в районе Брусилова немецкое командование поспешно приступило к переброске 48-го танкового корпуса из района Коростеня на юг, готовясь преградить советским войскам путь на Житомир.

Уже 24 декабря командующему фронтом стало известно об этом. В середине дня он позвонил командующему 38-й армией К.С. Москаленко и сообщил, что радиоразведкой установлено перемещение штаба 48-го танкового корпуса и входивших в его состав трех танковых дивизий — 1-й, 7-й и СС «Адольф Гитлер» — в сторону Житомира. Это означало возможность появления названных вражеских дивизий и в полосе наступления 38-й армии. Складывающаяся таким образом обстановка требовала ускорить разгром противостоящих войск до подхода вражеских резервов.

В связи с этим генерал армии Н.Ф. Ватутин в том же разговоре по телефону высказал неудовольствие по поводу действий 1-й танковой армии, которая, будучи введена в сражение в полосе 38-й армии сутки назад, все еще не смогла оторваться от пехоты и выйти на оперативный простор. Было приказано с целью упреждения вероятных контрударов противника «принять меры к быстрейшему выдвижению танковых корпусов».

Меры были приняты. Командиры и штабы стрелковых дивизий установили тесный контакт с танковыми бригадами и умелыми действиями своих частей и огнем артиллерии обеспечили проход танков через свои боевые порядки и прорыв их в глубину обороны противника. Наступающие стремительно шли вперед. Ни сопротивление врага, ни сильная оттепель, ни затруднявшая движение валяная обувь не помешали им выполнить задачу дня и выйти на рубеж, установленный боевым приказом.

Наступление ударной группировки 1-го Украинского фронта успешно продолжалось, набирало все более стремительные темпы, развивалось в глубину и в стороны обоих флангов.

Заслуживает внимание нешаблонный подход к началу наступления 15-го стрелкового корпуса 60-й армии И.Д. Черняховского.

Наступление 15-го стрелкового корпуса началось не, как обычно, с утра, а во второй половине 25 декабря. Противник отмечал Рождество и не ожидал, что советские войска могут перейти в наступление во второй половине дня. Накануне от разведки поступили сведения, что на участке 68-й пехотной

дивизии некоторые подразделения уходят с передовой на праздничный обед, после чего солдаты возвращаются в траншеи. В тот же вечер командир корпуса генерал И.И. Людников доложил командарму о готовности корпуса к наступлению и попросил разрешения начать атаку после короткого артиллерийского налета на передний край противника не с утра, а в полдень.

Опыт войны показал, что внезапность действий должна лежать в основе всей боевой деятельности войск, а И.Д. Черняховский всегда был сторонником неожиданных действий для противника, поэтому дал разрешение на наступление. По сигналу «Буря» над передним краем взлетели серии зеленых ракет. Первые эшелоны 15-го стрелкового корпуса перешли в наступление. Расчет генерала И.И. Людникова на внезапность полностью оправдался. В первом эшелоне противника оказались только дежурные пулеметы, а во втором — дежурные подразделения. Они не в силах были остановить наступающих.

Это же подтверждает и противная сторона. «Приближалось Рождество, — вспоминает бывший офицер вермахта Бруно Винцер, — мы в течение недель накапливали закуску. Кроме того, имелся и спецпаек, сигареты, сигары, водка и коньяк. На передовой наступило относительное затишье, и можно было предполагать, что как-нибудь все же удастся отпраздновать Рождество.

Итак, наступил долгожданный час. Импровизированные елки были украшены серебряной бумагой от сигаретных коробок. Ротные фельдфебели, снабженцы, связные распределяли закуски, а также посылки, прибывшие с родины; то тут, то там слышались рождественские песни, исполняемые на губной гармошке, гремели кастрюли и вылетали пробки из бутылок. Внезапно началось советское наступление.

Многочасовой ураганный огонь перепахал наши позиции, почва сотрясалась, земля пустилась в пляс, пехотинцы и солдаты маршевого батальона, потерявшие голову от ужаса и страха, выбежали из окопов и бункеров. Затем грянули залпы тысячи стволов, и над нашими головами прокатился огненный вал, он обрушился позади нас на бегущих пехотинцев, на замаскированные машины, на командные посты и на позиции нашей артиллерии, которая в этот момент начала вести заградительный огонь.

Вслед за двигавшимися вперед танками, быстро подавившими огонь немногих пулеметных гнезд, наступали колонны красноармейцев. Сначала я вместе с солдатами моего командного пункта оставался в бункере. Вокруг все грохотало.

Мы дрожали от страха. Нам не оставалось ничего другого, как выжидать. Выход из бункера был равносилен самоубийству»[119].

Как видим, на 1-м Украинском фронте достижению внезапности действий войск уделяли достойное внимание. Командующий фронтом Н.Ф. Ватутин и С.С. Варенцов всегда стремились избежать шаблона в определении момента перехода пехоты и танков в атаку. Более того, на 1-м Украинском фронте много делалось для того, чтобы скрыть само начало атаки. В первый период войны противник нередко мог определить, когда наши войска перейдут в атаку, так как по принятой тогда схеме атака начиналась, как правило, после артиллерийской подготовки, которая, в свою очередь, часто заканчивалась временем кратным 5 или 10 минутам (например, 55 минут и 70 минут) и завершалась мощным огневым налетом реактивной артиллерии. В связи с этим противник хорошо знал: раз произведен массированный огневой налет реактивными минометами, значит, выходи из убежищ и блиндажей и встречай огнем атакующие подразделения. В последующем в атаку начали переходить в период артподготовки и каждый раз в новое время (например, на 27, 38, 44-й минуте), чтобы противник не смог приспособиться к режиму огня и атаки. При этом атака, как правило, начиналась в самый мощный период артиллерийской подготовки, когда личный состав частей первого эшелона противника укрывался в блиндажах и траншеях и не мог наблюдать за начавшимся движением нашей пехоты и танков, не оказывал огневого сопротивления. Это позволяло нашим атакующим подразделениям вслед за разрывами снарядов совершать бросок и внезапно появляться над траншеями врага. Конечно, искусно скрыть начало атаки, тесно увязать с огнем артиллерии бросок на противника было непросто. Это достигалось в процессе серьезной тренировки войск и с приобретением большого боевого опыта.

Война показала, что лучшим временем начала артиллерийской подготовки являлись предрассветные часы. Именно тогда у противника часто ночная смена заменялась дневной, еще не полностью была переведена система ночного огня на режим дня. Поэтому внезапный мощный огонь артиллерии сразу же морально подавлял обе смены противника, наносил им наибольшие потери в живой силе. Однако со временем это становилось привычным как для противника, так и для наших войск и превращалось в шаблон. После войны на это обращали внимание в своих мемуарах и немецкие военачальники. «Первоначальная привычка обеих сторон начинать боевые действия на рассвете, — вспоминал Л. Рендулич, — привела в

конечном итоге к тому, что в это время всегда ждали наступления и приводили войска в наивысшую боевую готовность. Поэтому позже стали устанавливать другое время начала наступления»[120].

К исходу шестого дня наступления войска 1-го Украинского фронта прорвали оборону противника на 300 километров по фронту и более чем на 100 километров в глубину. Потери понесли восемь танковых, одна моторизованная, четырнадцать пехотных и две охранные дивизии врага, потерявшие убитыми и ранеными до 40 тыс. солдат и офицеров. Кроме того, к этому времени было захвачено и уничтожено 579 танков, 92 штурмовых орудия, свыше 700 орудий разных калибров, более 680 минометов, в том числе 60 шестиствольных, 2303 пулемета, 38 складов, взято свыше 3 тыс. пленных[121].

Все армии продвинулись значительно глубже, чем предусматривалось директивой от 16 декабря. Хотя немцы постепенно усиливали сопротивление, войска 1-го Украинского фронта продолжали продвигаться вперед. 31 декабря был освобожден Житомир. 3 января 13-я армия генерала Н.П. Пухова освободила Новоград-Волынский. 5 января 18-я армия и соединения 38-й армии овладели Бердичевом. На правом крыле фронта наши войска вышли на реку Случь и форсировали ее, на левом противник начал отводить свои части из Кагарлинского выступа, и основная группировка 27-й армии, освободив Ржищев, соединилась с частями, оборонявшимися на букринском плацдарме. 40-я продвигалась в южном направлении. Приданный ей 5-й гвардейский танковый корпус 10 января вел бой за Звенигородку, где впоследствии, 28 января, и произошло соединение войск 1-го и 2-го Украинских фронтов.

Интересно отметить, что в то время, когда командующие артиллерией фронтов Красной армии уже имели огромный опыт по применению не только артиллерийских дивизий, но и артиллерийских корпусов прорыва, немцы на базе 18-й танковой дивизии попытались впервые за годы войны сформировать артиллерийскую дивизию. «Артиллерийская дивизия в боях под Житомиром, — вспоминал немецкий военачальник Ф. Меллентин, — не проявила себя с положительной стороны. Она имела в своем составе несколько артиллерийских полков, подразделение самоходных орудий и дивизион тяжелых орудий. Организация дивизии была настолько неудачна, что дивизия лишь загромождала дороги и теряла свои орудия. В высших штабах высказывалось предположение об использовании этого соединения как танковой дивизии, но оно не оправдало себя ни в обороне, ни в наступлении и оказалось совершенно неспособным

удержать Житомир. Дивизия могла бы принести большую пользу, если бы она была целиком подчинена штабу корпуса, а ее полки использовались только как артиллерийские части»[122]. В апреле 1944 года дивизию расформировали.

В конце 1944 года немцы сформируют артиллерийский корпус народного ополчения. Всего корпус насчитывал 63 орудия[123]. Никакого сравнения с советским артиллерийским корпусом прорыва это соединение не выдерживало.

После войны С.С. Варенцов, обобщая опыт применения артиллерии во Второй мировой войне, писал: «В то время как на Западе, главным образом в Германии, шла бешеная гонка в накоплении авиационных и бронетанковых средств вооружения, а артиллерия оставалась на втором плане, в СССР темпы роста артиллерийского производства в предвоенные годы не только не отставали от авиационного и танкового производства, но даже несколько опережали его.

…В целом за время Великой Отечественной войны артиллерия Советской армии по числу орудий увеличилась в 5 раз. Значительно повысилось качество артиллерийского вооружения, и произошли глубокие изменения в ее организации.

Наш бывший главный противник — фашистская Германия — прошел все стадии войны, но у него артиллерия в составе вооруженных сил занимала иное положение, чем у нас. Наиболее полный и разносторонний опыт в этом отношении получила Советская армия, вынесшая основную тяжесть борьбы с сильным противником и сыгравшая главную роль в его разгроме»[124].

Без преувеличения можно сказать, что в этом компоненте немцы безнадежно от нас отставали. Ошибки немецких военных специалистов в оценке роли артиллерии во Второй мировой войне привели к отсутствию в вермахте крупных частей и соединений артиллерии РГК, что не позволяло организовывать массирование артиллерии при проведении наступательных операций или нанесении контрударов. В результате, как только люфтваффе утратили господство в воздухе, вермахт лишился силы, способной взломать оборону общевойсковых соединений Красной армии. Ни в одной операции начиная с весны 1943 года артиллерия вермахта не смогла надежно подавить оборону советских войск и расчистить путь своим пехоте и танкам.

Наибольшего успеха наступавшие войска 1-го Украинского фронта достигли 10 и 11 января. Части 38-й армии вели бои на ближних подступах к Виннице. 8-й гвардейский механизированный корпус генерал-майора И.Ф. Дремова форсировал реку Южный Буг и на ее западном берегу овладел населенными пунктами Ворошиловка, Маячив, Борсков, Шершни

и Тавров.

Весьма ожесточенный характер носили бои 11–12 января. В первый из этих дней противник нанес удар на Липовец, стремясь обойти и отбросить от Винницы вырвавшиеся вперед 68-ю гвардейскую и 241-ю стрелковые дивизии. Атаковав их двумя группами автоматчиков со 100 танками, враг прорвался было на глубину 5–6 километров и овладел населенными пунктами Ободное и Воловодовка. Но в тот же день, будучи контратакован частями 241-й стрелковой дивизии и частью сил двух танковых бригад 1-й танковой армии, отошел на Степановку.

На следующий день гитлеровцы возобновили атаку, но не добились успеха.

Упорно стремясь осуществить свое намерение, они 14 января вновь начали наступление, на этот раз еще более крупными силами и на многих участках фронта. Так, на Шепетовском направлении 60-я армия в тот день отбивала атаки двух пехотных дивизий и до 40 танков. 1-ю гвардейскую армию противник атаковал 70 танками с пехотой из района юго-западнее Янушполь. Против нашей 38-й и 1-й танковой армий на фронте Липовец — Жорнище наступали четыре пехотные дивизии и 280 танков. 40-я армия севернее Умани в районе Дзенгеловка — ст. Поташ отражала удар двух пехотных дивизий и 75 танков. Почти такие же силы (две пехотные дивизии с 50 танками) атаковали 27-ю армию.

Всего 14 января в атаках противника принимало участие до десяти пехотных дивизий и свыше 500 танков. Кроме того, войсковой и авиационной разведкой оыло отмечено на различных участках фронта еще свыше 200 вражеских танков, которые разгружались на железнодорожных станциях, находились на марше или в местах сосредоточения и готовились к вводу в бой. Радиоразведка засекла перемещение радиостанции танковой дивизии СС «Мертвая голова» из района Кировограда (2-й Украинский фронт) в район Тальное (полоса 40-й армии). Там гитлеровцы подготавливали и вспомогательный удар с целью удержания выступа у городов Звенигородка и Богуслав. Штаб 48-го танкового корпуса противника переместился в район юго-западнее Липовца, где в полосе 38-й и 1-й танковой армий наносился главный удар.

В этих условиях генерал армии П.Ф. Ватутин дал войскам директиву прекратить с 15 января наступление и принять меры к отражению вражеских контрударов. Продолжать продвижение передовыми отрядами было приказано лишь 13-й армии генерал-лейтенанта Н.П. Пухова.

В итоге операции войска фронта добились крупного успеха.

Продвинувшись на глубину от 80 до 200 километров, они почти полностью освободили Киевскую и Житомирскую области, а также ряд районов Винницкой и Ровенской областей.

Итак, успешно закончилась Житомирско-Бердичевская наступательная операция 1-го Украинского фронта. Она поставила противника в невыгодное, неустойчивое положение. Вражеское командование, несомненно, понимало, что советские войска готовятся к нанесению новых ударов, и стремилось, с одной стороны, снять угрозу своим коммуникациям и с другой — оттянуть начало дальнейших наступательных операций Красной армии, выиграть время для организации обороны с целью удержаться на Правобережной Украине до наступления весенней распутицы. Этим объяснялось и поспешное стягивание резервов, и попытки нанесения контрударов на Шепетовском, Винницком и Уманском направлениях.

И вот, перейдя к обороне, наши войска отражали почти непрерывные атаки крупных танковых группировок противника. Генерал армии Н.Ф. Ватутин блестяще выполнил чрезвычайно сложную задачу руководства двумя наступательными операциями и одновременно отражением контрудара на Винницком и Уманском направлениях.

Чтобы представить всю ее грандиозность, достаточно напомнить, что правое крыло фронта находилось в Западном Полесье и его войска наступали в западном направлении, левое — у Корсунь-Шевченковского, где они двигались на восток, навстречу армиям И.С. Конева. На этом огромном пространстве действовали большие массы войск и боевой техники. И всеми ими спокойно, твердо и уверенно руководил Николай Федорович Ватутин. Это была единственная за время войны операция, когда один фронт выполнял столь многочисленные и сложные задачи как по характеру, так и по направлениям действий.

Обладая широким оперативно-стратегическим кругозором, Н.Ф. Ватутин никогда не пренебрегал опытом и знаниями других. Он с большим уважением относился к С.С. Варенцову. Сергей Сергеевич был один из немногих, которым командующий фронтом целиком и полностью доверял и при необходимости направлял на те участки фронта, где складывалась критическая ситуация. И Сергей Сергеевич всегда оправдывал надежды Н.Ф. Ватутина и никогда его не подводил.

Вот уже больше года воюют плечо к плечу Н.Ф. Ватутин и С.С. Варенцов. В течение этого времени одержаны славные победы, накапливается бесценный опыт управления крупными массами артиллерии в наступательных и оборонительных операциях. Сергей Сергеевич становится одним из самых опытных

артиллерийских военачальников фронтового уровня. Начиная с Курской битвы объем задач, выполняемых артиллерией 1-го Украинского фронта, сопоставим с объемом задач артиллерии 1-го Белорусского фронта. И конечно же нельзя согласиться с утверждением контр-адмирала Ю.В. Кириллова, что, кроме В.И. Казакова, «никто никогда в мире, ни до, ни после не командовал таким колоссальным количеством артиллерии»[125]. В.И. Казаков был не в единственном числе. Такими же крупными массами артиллерии управлял и С.С. Варенцов.

Справедливым будет утверждение, что Сергей Сергеевич Варенцов и Василий Иванович Казаков — блестящие артиллерийские военачальники одного масштаба, так как управляли они артиллерией двух самых мощных фронтов Красной армии.

Корсунь-Шевченковский котел

К началу 1944 года острие Красной армии — 1-й Украинский фронт — дальше всех продвинулся на запад.

Немцы экстренно собрали все, что могли, чтобы остановить продвижение наших войск на запад. В конечном итоге к середине января 1944 года фронт стабилизировался, а наши войска в ходе этой операции продвинулись до 200 километров, полностью освободив Киевскую и Житомирскую области. Бои переместились в Винницкую и Ровенскую области. Киевский выступ — клин 1-го Украинского фронта — глубоко рассек немецкую оборону.

Напрягая все силы, немцы, как казалось им, сдержали дальнейшее продвижение острия клина.

После смелого броска 1-го Украинского фронта на запад между ним и действовавшим южнее и далеко отставшим 2-м Украинским фронтом образовался выступ протяженностью 275 километров с запада на восток. Вершина его оставалась на Днепре, а основание (расстояние между 1-м и 2-м Украинскими фронтами) составляло 130 километров.

В то время как в штабе группы армий «Юг» поздравляли друг друга — остановили-де продвижение наших войск на запад, — Г. К. Жуков докладывал Верховному главнокомандующему предложения по плану новой смелой операции: встречными ударами 1-го Украинского фронта прямо на восток и 2-го Украинского фронта на запад под основание немецкого выступа окружить и уничтожить вражескую группировку, еще грезившую Киевом. Ставка утвердила план.

Корсунь-Шевченковская наступательная операция, проведенная войсками 1-го и 2-го Украинских фронтов в период с 24 января по 17 февраля 1944 года, являлась составной частью общего наступления советских войск на южном крыле советско-германского фронта, осуществленного в первой половине 1944 года с целью освобождения Правобережной Украины.

Блестящая по замыслу операция была подготовлена в короткие сроки, в течение 7–8 суток. В течение ограниченного времени штабы фронтов и армий выполнили большой объем подготовительных мероприятий, в числе которых первоочередной была перегруппировка войск и боевой техники с целью создания сильных ударных группировок.

Больше трудностей при создании ударной группировки войск испытывал 1-й Украинский фронт, так как он одновременно готовил самостоятельную операцию на своем правом крыле (Ровно-Луцкую) и отражал сильные удары противника на

Уманском и Винницком направлениях.

Вследствие специфики оперативной обстановки артиллерийское наступление организовывалось в каждой армии самостоятельно. Артиллерийская подготовка атаки устанавливалась продолжительностью 30–40 минут, а поддержка атаки — на глубину 500–700 метров[126].

Управление огнем и маневром артиллерии в операции осуществлялось как по линии прямого подчинения (командующий артиллерией фронта, армии, корпуса, дивизии), так и через временные тактические артиллерийские группы. Управление огнем артиллерии было централизовано на первые два периода артиллерийского наступления в руках командующих артиллерией армий. С развитием боя в глубине обороны противника оно децентрализовалось.

В целях приближения руководства к частям командующий артиллерией фронта генерал С.С. Варенцов с группой штабных офицеров выезжал в армии, наступавшие на главном направлении. Для контроля и оказания помощи подчиненным штабам в подготовке артиллерийского наступления практиковались выезды командующих артиллерией армий, начальников их штабов и штабных офицеров в стрелковые корпуса, наступавшие на направлении главного удара.

В одной из таких поездок 23 января погиб заместитель командующего артиллерией фронта генерал-лейтенант Д.И. Турбин, с которым С.С. Варенцов принимал участие в сражениях 6-й армии на Юго-Западном фронте. В сражениях на Курской дуге Д.И. Турбин уверенно командовал артиллерией 6-й гвардейской армии Воронежского фронта.

Дмитрий Иванович Турбин родился 29 октября 1903 года в городе Сумы в семье рабочего. Детские годы провел в городе Изюм Харьковской области. В 1920 году окончил пять классов реального училища. Работал на оптическом заводе.

В 1922 году призван в ряды Красной армии. В 1923 году был направлен в Харьковскую артиллерийскую школу командного состава. После ее расформирования был переведен в Одесскую артиллерийскую школу имени М.В. Фрунзе. После окончания школы проходил службу в 5-м корпусном артиллерийском полку.

С 1932 по 1937 год обучался в Военной артиллерийской академии имени Ф.Э. Дзержинского. Был назначен начальником штаба 116-го гаубичного артиллерийского полка Московского военного округа, а с 1939 года стал его командиром. Участник советско-финляндской войны 1939–1940 годов.

Артиллерийский полк под командованием Д.И. Турбина в составе 3-го стрелкового корпуса вступил в бой в первые же дни

советско-финляндской войны. Особенно отличились артиллеристы во время наступления наших войск на Кексгольмском (Приозерском. — *Ю. Р.)* направлении в декабре 1939 года.

Подразделения 19-го стрелкового полка имели задание форсировать реку Тайпален-Йоки. Майор Д.И. Турбин должен был артиллерийским огнем поддержать наступление пехоты. Утром 6 декабря 1939 года стрелковые подразделения и артиллеристы Д.И. Турбина переправились через реку.

С наблюдательного пункта на занятом плацдарме командир артиллерийского полка корректировал огонь артиллерии. В результате точных попаданий снарядов были уничтожены почти все огневые точки противника. Воины стрелкового полка, успешно форсировав реку, развернули дальнейшее наступление.

За умелое руководство артиллерийским полком, личную храбрость и стойкость, проявленные в бою на реке Тайпален-Йоки, майору Д.И. Турбину было досрочно присвоено звание полковника.

В середине декабря 1939 года после короткой подготовки и перегруппировки советские войска пошли на штурм линии Маннергейма. Но вскоре наступление было приостановлено. Началась упорная подготовка к прорыву сильно укрепленной обороны противника: проводились специальные занятия и тренировки.

Полковник Д.И. Турбин в это время получил назначение на должность начальника артиллерии 15-го стрелкового корпуса (13-я армия). Его всегда можно было увидеть среди бойцов. Он целеустремленно руководил подготовкой артиллерии корпуса к штурму линии Маннергейма. Много времени Д.И. Турбин проводил на наблюдательных пунктах, тщательно изучая систему обороны противника на участке между озерами Пуннус-Ярви и Вуокси-Ярви.

Наступление наших войск началось 11 февраля 1940 года. Как известно, важную роль в прорыве линии Маннергейма сыграла артиллерия. Во время наступления Д.И. Турбин умело управлял огнем артиллерии корпуса, благодаря чему был нанесен сокрушительный удар по Салменкайтскому укрепленному району финских войск и уничтожены основные огневые точки противника.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 апреля 1940 года за храбрость и мужество, проявленные в боях, умелое руководство артиллерией стрелкового корпуса во время преодоления линии Маннергейма полковнику Дмитрию Ивановичу Турбину присвоено звание Героя Советского Союза с

вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 266).

Когда в апреле 1941 года началось формирование первых 10 противотанковых артиллерийских бригад РВГК, Д.И. Турбин был назначен командиром 3-й птабр. Примечательно, что командирами 1-й и 4-й птабр соответственно были назначены будущие Маршалы Советского Союза К.С. Москаленко и М.И. Неделин.

С началом Великой Отечественной войны 3-я птабр под командованием Дмитрия Ивановича Турбина героически противостояла наступлению немецких механизированных и танковых соединений и частей.

Впоследствии командовал артиллерией 21-й армии, а затем — 6-й гвардейской армии. В конце 1943 года генерал-лейтенант артиллерии Д.И. Турбин был назначен заместителем командующего артиллерией 1-го Украинского фронта. Принимал участие в подготовке операции по освобождению Киева. Во время ожесточенных боев за освобождение Правобережной Украины, пренебрегая опасностью, Д.И. Турбин много времени проводил среди артиллеристов, действовавших в первых эшелонах. С гибелью Д.И. Турбина Сергей Сергеевич потерял не только подчиненного, но и фронтового товарища.

Выезжавшие в войска офицеры высших артиллерийских штабов проверяли распределение огневых задач между исполнителями, знание ими своих задач на местности, количество орудий, поставленных на прямую наводку, и подготовку для них огневых позиций, знание сигналов управления и взаимодействия и другие вопросы боевой готовности артиллерии. Такая система контроля и помощи способствовала своевременному устранению многих недочетов в организации огня и управлении им на всех уровнях руководства артиллерией.

Артиллерийская подготовка атаки начиналась залпом частей реактивной артиллерии, после которого они должны были находиться в готовности к выполнению новых залпов по запланированным им участкам огня. На время артиллерийской подготовки огонь армейской группы дальнего действия 40-й армии был спланирован только по артиллерийским и минометным батареям противника. Другие задачи (подавление штабов, узлов связи, резервов и др.) группа должна была выполнять в период артиллерийской поддержки атаки. Ввиду отсутствия подробных и достоверных сведений о расположении огневых средств противника огонь артиллерии планировался в основном по участкам, заключавшим районы действительного и наиболее вероятного расположения целей. Характерной

особенностью плана артиллерийской подготовки являлось отсутствие в конце ее завершающего огневого налета и залпов реактивной артиллерии, служивших обычно сигналом к началу атаки.

Своеобразие артиллерийской поддержки атаки, планировавшейся на 1-м Украинском фронте, было вызвано особыми обстоятельствами, главным образом из желания скрыть, как всегда, от противника начало атаки своих войск. Стараясь уйти от шаблона, С.С. Варенцов считал, что противник уже освоился с тем, что перенос огня нашей артиллерии в глубину обороны сразу же после окончания последнего огневого налета, проводившегося обычно с высокой плотностью огня, означал начало атаки нашей пехоты и служил для него сигналом к принятию мер по отражению ее. Командующий артиллерией фронта был убежден, что противник не должен уловить момент окончания артиллерийской подготовки и что пехота должна начинать атаку не после переноса огня артиллерии в глубину неприятельской обороны, а несколько раньше, когда артиллерия еще продолжает вести огонь по переднему краю, но с пониженной плотностью. Следовательно, противник будет находиться в ожидании последнего огневого налета и переноса огня в глубину обороны. Затем по мере приближения атакующей пехоты к переднему краю обороны противника артиллерия должна постепенно (сначала более крупные калибры) снимать огонь с переднего и смещать его в глубину на два-три деления прицела и полностью перенести его на второй рубеж (вторую траншею) в момент броска пехоты к первой траншее. Такое «сползание» огня артиллерии с переднего края ко второй траншее должно было явиться как бы венцом огневой маскировки атаки своей пехоты.

Основным в таком плане артиллерийского наступления являлась огневая маскировка атаки, а не надежное подавление противника массированным и мощным огнем артиллерии. Возникновению такой идеи плана способствовали выделенные лимиты боеприпасов на проведение артиллерийского наступления, при которых артиллерия могла поддерживать атаку пехоты лишь огнем малой плотности. Существенный недостаток принятого плана артиллерийского наступления обнаруживается прежде всего в том, что при неуспехе огневой маскировки атаки резкое снижение плотности огня артиллерии в момент подъема пехоты в атаку могло привести к весьма нежелательным последствиям.

Из других особенностей организации огня артиллерии при подготовке прорыва можно отметить широкое применение орудий для стрельбы прямой наводкой. Так, в 27-й армии для

уничтожения целей во время артиллерийской подготовки огнем с открытых позиций были поставлены на прямую наводку все орудия полковой и батальонной и до 30 % орудий дивизионной артиллерии.

Взаимодействие артиллерии с другими родами войск организовывалось на совместных рекогносцировках полос наступления общевойсковыми, танковыми, авиационными и артиллерийскими командирами, в процессе которых на местности были уточнены задачи и порядок их выполнения, составлены ориентирные схемы и отработаны другие вопросы взаимодействия. Организация взаимодействия на местности была проведена во всех войсковых звеньях, до роты-батареи включительно. Огневые позиции основной массы артиллерии находились на удалении от 1 до 4 километров от переднего края противника. Тем самым были созданы условия для непрерывной огневой поддержки наступления пехоты и танков на всю глубину главной полосы обороны.

По ходу и характеру боевых действий войск Корсунь-Шевченковскую операцию можно разделить на два этапа. На первом из них войска 1-го и 2-го Украинских фронтов осуществили прорыв обороны противника, завершили окружение его крупной группировки, оборонявшейся в Корсунь-Шевченковском выступе, и создали вокруг нее сплошные внешний и внутренний фронты окружения. Неблагоприятные метеорологические условия, исключавшие массовое применение нашей авиации, повысили значение артиллерии в огневом обеспечении прорыва, и, судя по результатам операции, она в целом успешно выполнила свои задачи.

На втором этапе были отражены все попытки врага деблокировать окруженную группировку, и она была полностью разгромлена.

Операция началась без артиллерийской подготовки в 6 часов 30 минут 24 января внезапной атакой усиленных передовых батальонов на участках прорыва 4-й гвардейской и 53-й армий 2-го Украинского фронта.

За два дня боев на направлении главного удара войска 2-го Украинского фронта продвинулись на 10–16 километров.

Войска 1-го Украинского фронта приступили к выполнению задач операции 26 января. В этот день на направлении главного удара (на левом фланге 40-й армии) была проведена 35-минутная артиллерийская подготовка, после которой войска первого эшелона ударной группировки 40-й армии, поддержанные огнем артиллерии, атаковали противника. Однако наступление должного развития не получило. За день напряженного боя

продвижение наших войск на участке прорыва 47-го стрелкового и 5-го механизированного корпусов не превышало 2–3 километров, а 104-й стрелковый корпус совсем не имел продвижения. Здесь уместно заметить, что средняя плотность артиллерии в 48 орудий и минометов на 1 километр фронта, созданная в полосе 40-й армии, была явно недостаточной и артиллерия не обеспечила надежного подавления обороны противника.

Более успешным было наступление ударной группировки 27-й армии. Ввиду неблагоприятных метеорологических условий (густой туман и плохая видимость) запланированная армией артиллерийская подготовка в полном объеме (35 минут) не проводилась и была заменена одним непродолжительным огневым налетом (5 минут), после которого две стрелковые дивизии внезапно атаковали вражеские позиции и, решительно развивая атаку, к исходу дня продвинулись в глубину вражеской обороны на 6—10 километров. Командование 27-й армии, проявив гибкость, своевременно среагировало на изменение обстановки (появление густого тумана), разумно отказалось от проведения продолжительной, но малоэффективной в таких условиях артиллерийской подготовки и сделало упор на внезапность и решительность действий стрелковых частей, что и обеспечило успех наступления.

Оценив результаты наступления главной ударной группировки войск 26 января как неудовлетворительные, командующий артиллерией фронта генерал-полковник артиллерии С.С. Варенцов в числе основных причин неудачи указал и на неумелое применение артиллерии. В частности, он отметил, что командиры стрелковых корпусов и дивизий плохо управляли огнем артиллерии, а артиллерийские начальники слепо придерживались разработанных планов и не учитывали требований пехоты и обстановки. Отмечалось также, что на прямую наводку было выставлено недостаточное количество орудий и что поэтому противник контратаками танков легко отбрасывал нашу пехоту с захваченных ею рубежей.

В целях резкого увеличения темпов наступления С.С. Варенцов предложил командующему фронтом создать к утру 27 января против важнейших узлов сопротивления противника плотность артиллерийских средств не менее 60–70 орудий и минометов на 1 километр фронта (от 76-мм и выше), провести по этим узлам 30-минутную артиллерийскую подготовку, после которой в течение 20 минут поддерживать атаку пехоты переносом по рубежам огня нарастающей плотности. Утвердив предложения С.С. Варенцова, командующий фронтом таким

образом еще раз напоминал всем военачальникам, что дальнейшее развитие наступления войск находится в прямой зависимости от эффективного применения массированного огня артиллерии.

В, то же время командование фронта было вынуждено пойти на некоторое ослабление группировки артиллерии, действовавшей на направлении главного удара, с тем чтобы за счет этого усилить артиллерию 38-й армии, в полосе которой обстановка резко обострилась в результате наступления крупных сил противника, потеснивших войска армии.

За два дня напряженных боев тактическая зона обороны противника в полосе удара 1-го Украинского фронта была прорвана. К исходу 28 января войска 1-го и 2-го Украинских фронтов соединились, замкнув кольцо окружения вокруг корсунь-шевченковской группировки противника.

Важнейшей задачей артиллерии, действовавшей в это время на внешнем фронте окружения, являлась организация обороны, и прежде всего противотанковой. В этих целях во всех стрелковых соединениях первого эшелона была организована сеть противотанковых опорных пунктов, в состав которых была включена большая часть наличной артиллерии, в том числе 122-мм гаубицы и 152-мм гаубицы-пушки.

Для усиления артиллерии, действовавшей на внешнем фронте, в период до 3 февраля была произведена частичная перегруппировка. Так, в 40-й армии в связи с ослаблением напряженности на правом фланге армии и стабилизацией там линии фронта, оттуда в 104-й стрелковый корпус было переброшено пять артиллерийских полков. 6-я танковая армия в это время была усилена одним танковым корпусом и двумя артиллерийскими бригадами, прибывшими из 38-й армии и резерва фронта. Всего за время первого этапа операции в состав войск 1-го Украинского фронта помимо артиллерии общевойсковых и танковых соединений было переброшено 14 полков артиллерии РВГК. В то же время от них убыло восемь полков артиллерии РВГК.

На втором этапе операции главная задача С.С. Варенцова и его штаба заключалась в эффективном применении артиллерии фронта при отражении деблокирующих ударов противника и уничтожении его окруженной группировки.

4 февраля противник, сосредоточив до четырех танковых и двух пехотных дивизий, нанес удар по стыку 104-го **и** 47-го стрелковых корпусов в общем направлении на Тыновку, Павловку. В ходе ожесточенных боев ценой больших потерь противнику удалось захватить оба этих населенных пункта, но

дальше они продвинуться в этот день не смогли.

В ходе боев в районе Тыновки особенно отличился 317-й гвардейский истребительно-противотанковый полк под командованием гвардии подполковника Гаврикова. Совершив 200-километровый марш, полк с 1 февраля был подчинен командиру 104-го стрелкового корпуса и занял боевой порядок с задачей не допустить прорыва вражеских танков на Тыновку. В тяжелом пятичасовом бою с превосходящими силами врага личный состав полка нанес ему большие потери, подбив и уничтожив 23 танка, из них 11 танков типа «Тигр», 6 орудий типа «Фердинанд», до 300 вражеских солдат и сбил пулеметным огнем один самолет. Полк потерял 14 орудий. В результате умелых, героических действий личного состава полка продвижение противника ограничилось овладением Тыновкой[127].

В целях срыва планов противника, предусматривавших прорыв кольца окружения на Лысянском направлении, командующий 1-м Украинским фронтом генерал армии Н.Ф. Ватутин решил ударами 2-й и 6-й танковых армий по флангам деблокирующей группировки противника разгромить ее и отбросить в исходное положение. С этой целью 2-я танковая армия в течение 5 февраля совершила 100-километровый марш-маневр из района Липовца в район Гойсихи.

Одним из важнейших факторов, определившим в ходе событий перевес в пользу войск 1-го Украинского фронта, явился оперативный маневр крупных сил артиллерии РВГК с других направлений в район Корсунь-Шевченковского. Маневр артиллерией РВГК был осуществлен 12–16 февраля 1944 года по указанию командующего войсками фронта. Организацией маневра непосредственно занимался С.С. Варенцов и штаб артиллерии фронта. Большинство частей и соединений совершало марш и перевозилось по железной дороге на расстояние до 240 километров.

Основной трудностью в осуществлении маневра в сжатые сроки являлось, как всегда, отсутствие удобных дорог. В связи с распутицей скорость движения артиллерии по грунтовым дорогам была 5—10 км/ч, что могло привести к большому расходу горючего, износу ходовой части тягачей, орудий и затянуть маневр по времени. Поэтому штабом артиллерии фронта планировался маневр артиллерии только по шоссе. И хотя в результате этого увеличивалась длина маршрута, зато обеспечивалось движение со скоростью 20 км/ч и сохранение от преждевременного износа средств тяги.

В целях обеспечения нормального совершения марша особое внимание уделялось ремонту и восстановлению дорог. На

труднопроходимые участки выделялись дежурные транспорты и тягачи. По всему пути следования имелись заправочные летучки — в Казатине, Сквире, Белой Церкви, Тараще. В целях своевременного и быстрого ремонта средств тяги в процессе марша заранее выделялись ремонтные летучки как в колонны, так и на определенные этапы маршрута. Одновременно штаб артиллерии фронта осуществлял непрерывный контроль за порядком движения колонн по установленным маршрутам. В итоге маневр был осуществлен успешно. 14–16 февраля, в один из самых кризисных моментов операции, в район Медина — Лысянки прибыло дополнительно пять бригад и девять полков артиллерии и минометов. Прибывшая артиллерия наряду с другими силами и средствами повлияла на изменение хода событий и обеспечила нашим войскам не только успешное завершение ликвидации окруженного врага (17–18 февраля), но и восстановление положения в районе западнее и юго-западнее Звенигород ки.

Следует отметить, что, несмотря на исключительно большие трудности передвижения артиллерии, роль и значение ее маневра в ходе второго этапа операции резко повысились. За период с 4 по 17 февраля на обоих фронтах были осуществлены крупные перегруппировки как войсковой, так и артиллерии РВГК. Так, на 1-м Украинском фронте за это время из резерва фронта и с второстепенных участков были направлены в район операции, без учета артиллерии стрелковых полков, танковых, механизированных и мотострелковых бригад, около 50 артиллерийских и минометных полков[128].

Корсунь-Шевченковская операция, проведенная в сложных метеорологических условиях, вошла в историю военного искусства как одна из блестящих операций на окружение и полное уничтожение крупной группировки неприятельских войск. Внезапность и сокрушительность ударов, быстрота действий, мобильность перегруппировок, искусное применение танковых и механизированных соединений, упорство в обороне и решительность в наступлении — таковы наиболее характерные черты действий советских войск в операции.

Особенности в организации и осуществлении управления артиллерией были обусловлены малой глубиной операции и ее специфичностью — образованием внутреннего и внешнего фронтов окружения и различным характером боевых действий войск на них. В наступательных операциях с фронтальным прорывом обычно уже в ходе тактического прорыва начинался процесс переподчинения артиллерии сверху вниз и постепенного перехода к децентрализованному управлению. В условиях, когда

фронт наступления стрелковых соединений и армий значительно расширялся, а боевые действия войск приобретали маневренный характер, такой процесс был логичным и закономерным, так как С.С. Варенцов неоднократно убеждался в справедливости утверждения М.Н. Тухачевского о том, что «перецентрализация означает практически бездействие, ибо старший начальник не может претворить в жизнь того, что хочет, а младший зацентрализован и ждет распоряжений»[129]. В данной операции децентрализация управления имела место лишь на первом этапе, до образования сплошных фронтов окружения, но и в этом периоде переход к децентрализованному управлению до конца не был доведен, так как армейские артиллерийские группы дальнего действия оставались в подчинении командующих артиллерией армий.

Следует отметить, что в этой операции командующий артиллерией фронта С.С. Варенцов и офицеры его штаба творчески подошли к определению способов управления артиллерией в различных периодах операции. После образования двух фронтов окружения возникла необходимость в обратном процессе — в организации централизованного управления артиллерией. На внешнем фронте она вызывалась потребностями обороны, а на внутреннем фронте — существенным изменением условий, в которых велись наступательные действия. По мере сжатия кольца окружения полосы наступления стрелковых соединений и армий постепенно сужались, увеличивалось количество объектов для применения массированного огня артиллерии, уменьшались темпы продвижения войск. Необходимость в централизованном в масштабе армии управлении огнем артиллерии с особой остротой проявилась после превращения оперативного окружения в тактическое, когда появилась опасность поражения огнем артиллерии своих войск, особенно при стрельбе на больших дальностях. На этом этапе операции потребность в централизованном управлении огнем усиливалась еще и небольшой шириной коридора, разделявшего оба фронта окружения, так как в таких условиях появлялась возможность маневрирования массированным огнем между обоими фронтами.

К сожалению, оттепель и вызванная ею сильная распутица, частые дожди и густые туманы, изморозь и обильные снегопады (в конце операции), множество незамерзших болот, ручьев и малых рек, трудный рельеф местности и малочисленность дорог с твердым покрытием и др. сильно ограничивали подвижность и огневую деятельность артиллерии, питание ее боеприпасами и горючим.

Несмотря на объективные трудности, артиллерия фронта внесла свой решающий вклад в достижение конечных целей операции, обеспечив успешное выполнение маневра на окружение и полный разгром крупной группировки противника. Особенно большую роль сыграла артиллерия при отражении мощных деблокирующих ударов врага, которые не достигли своей цели главным образом потому, что на пути танковых дивизий противника непреодолимой стеной стояли артиллерийские части и соединения, и прежде всего части противотанковой артиллерии РВГК.

Примечательно, что именно в ходе Корсунь-Шевченковской операции происходит такое знаковое событие, как введение приказом народного комиссара обороны от 10 февраля 1944 года командующих артиллерией фронтов в состав военных советов. Предельно ясно излагая необходимость этого, приказ наркома гласил: «В целях улучшения руководства артиллерией, повышения ответственности военных советов и командующих артиллерией фронтов (армий) ввести в состав военных советов фронтов, армий, округов командующих артиллерией»[130].

До этого приказа Военный совет фронта состоял из четырех человек. Председателем Военного совета был командующий войсками фронта, который объединял деятельность всех членов этого коллегиального руководящего органа. Два члена Военного совета были освобожденными. Первый член Военного совета занимался оперативными вопросами и вместе с командующим подписывал все необходимые оперативные документы, приказы и донесения в Ставку ВГК. Первому члену Военного совета вменялось в обязанность осуществлять непосредственное руководство политическим управлением фронта.

Второй член Военного совета фронта курировал службу тыла. Членом Военного совета являлся также начальник штаба фронта.

Несомненно, введение в состав Военного совета фронта командующего артиллерией значительно повышало его статус. Кроме того, это еще одно подтверждение высокой роли командующих артиллерией фронтов (армий) в организации огневого поражения противника в Великой Отечественной войне. И С.С. Варенцов целиком и полностью соответствовал этой роли на протяжении всей войны.

Под командованием Г.К. Жукова

После удачно завершившейся Корсунь-Шевченковской операции Ставка ВГК не имела намерений приостанавливать наступательные действия на юго-западе нашей страны и предоставлять передышку вражеским войскам, так как располагала подготовленными резервами войск. Еще в ходе зимней кампании она разработала план окончательного освобождения всей Правобережной Украины и Крыма и наметила последовательность проведения операций. Уже 18 февраля, на следующий день после ликвидации окруженной корсунь-шевченковской группировки противника, Ставка дала указания о проведении подготовительных мероприятий для осуществления второго этапа операции по освобождению Правобережной Украины и поставила задачи войскам 1-го и 2-го Украинских фронтов. Десять дней спустя соответствующую директиву получили и войска 3-го Украинского фронта.

Замысел Ставки состоял в том, чтобы одновременными ударами трех фронтов на Черновицком, Уманском и Ново-Бугском направлениях расколоть немецко-фашистскую группировку войск на изолированные части, завершить разгром групп армий «Юг» и «А» под командованием фельдмаршалов Манштейна и Клейста, очистить от оккупантов Правобережную Украину и, выйдя к Карпатам, создать благоприятные условия для дальнейших действий на запад и в сторону Балкан. Главный удар по важнейшей и наиболее многочисленной группировке противника должны были наносить войска 1-го и 2-го Украинских фронтов на Черновицком и Уманско-Ботошанском направлениях.

1-й Украинский фронт получил задачу силами трех общевойсковых и двух танковых армий нанести удар в южном направлении на участке Дубно — Шепетовка — Любар и разбить немецкую группировку в районе Кременец — Староконстантинов — Тернополь. В дальнейшем предстояло, обеспечивая себя со стороны Львова, наступать на Чортков и отрезать немецко-фашистской группе пути отхода на запад в полосе севернее реки Днестр. Готовность перехода в наступление — 4–6 марта 1944 года. На 8—10 марта намечалось наступление левофланговой 38-й армии в направлении Ильинцы — Райгород для содействия правому крылу 2-го Украинского фронта в овладении районом Гайсина.

После получения директивы Ставки командующий войсками 1-го Украинского фронта генерал армии Н.Ф. Ватутин 20 февраля принял решение о проведении Проскурово-Черновицкой

наступательной операции. В ее разработке непосредственно участвовал представитель Ставки Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

18—20 февраля 1944 года Г.К. Жуков доложил И.В. Сталину свои соображения о развитии наступления. Нужно «поймать» врага на внезапности: немецкое командование, положившись на необычайно рано наступившую распутицу, никак не ожидает от наших войск не то что наступления, а даже элементарной активности. Это «необоснованный расчет», подчеркнул он.

В конце февраля подготовка к Проскуровско-Черновицкой операции велась быстрыми темпами. Командиры и штабы налаживали управление, отрабатывали взаимодействие. И вот что любопытно. Командующий фронтом генерал Н.Ф. Ватутин перед началом операции вызвал командармов на КП для проверки организации взаимодействия. Туда же прибыл и представитель Ставки маршал Г.К. Жуков. «Помню, — вспоминал маршал авиации С.А. Красовский, — он и Ватутин внимательно выслушали доклад командующего 60-й армией генерала И.Д. Черняховского. Затем Жуков задал несколько вопросов и сделал вывод:

— Взаимодействие с авиацией и артиллерией должным образом не отработано. Многие детали еще не продуманы.

Обращаясь к Черняховскому, он спросил:

— Сколько вам нужно времени, чтобы отработать все вопросы с Красовским и Варенцовым?

Иван Данилович, не смущаясь, ответил:

— Если будете присутствовать вы, товарищ маршал, и командующий фронтом, то нужен целый день, а если вас не будет, то одного часа хватит.

— Дожили, Николай Федорович, — улыбнулся Жуков, обращаясь к Ватутину. — Нас гонят. Ну что ж, делать нечего. Придется уходить»[131].

Думаю, этот пример достаточно наглядно показывает, что Г. К. Жуков уже не опекал командующих фронтом и армиями даже при решении таких серьезных вопросов, как организация взаимодействия, так как армиями в тот период уже командовали опытные военачальники.

1 марта 1944 года командующие армиями, начальники родов войск и служб тыла фронта получили лаконичный приказ: «В связи с ранением Николаева (Н.Ф. Ватутина. — *Ю. Р.)* сего числа на основании указания Ставки Верховного Главнокомандования я вступил во временное командование 1-м Украинским фронтом. *Г. Жуков».*

Подробно об обстоятельствах ранения Н.Ф. Ватутина

рассказывал член Военного совета 1-го Украинского фронта К.В. Крайнюков. Он, как и все сопровождавшие командующего фронтом, был уверен в скором выздоровлении Николая Федоровича. К.В. Крайнюков вспоминал: «Доставив раненого командующего фронтом в военный госпиталь в Ровно и проконсультировавшись с врачами, я доложил о происшествии по ВЧ Верховному Главнокомандующему, сообщил о состоянии здоровья Н.Ф. Ватутина и о том, что оперативные документы не попали к врагу. Сталин более или менее спокойно пожурил нас и с укоризной сказал:

— В вашем распоряжении имеется такая огромная масса войск, а вы не взяли даже надежной охраны. Так не годится!

Вслед за устным докладом по ВЧ я направил Верховному Главнокомандующему из штаба 13-й армии следующее письменное донесение:

«Товарищу Сталину.

Докладываю о происшествии с генералом армии тов. Ватутиным.

29.02.44 года, возвращаясь из штаба 13-й армии вместе с тов. Ватутиным в составе четырех машин и с личной охраной в количестве 10 человек, в 18.50 при въезде на северную окраину д. Милятин, что 18 км южнее Гоща, подверглись нападению бандитов…

При перестрелке тов. Ватутин был ранен.

Все меры по вывозу раненого тов. Ватутина из района нападения приняты. Характер ранения: сквозное пулевое правого бедра с переломом кости. По предварительному заключению хирурга 13-й армии, ранение относится к категории тяжелых, требует лечения минимум два месяца. К оказанию мед. помощи привлечены все лучшие силы. На 03.00 01.03.44 года состояние здоровья тов. Ватутина удовлетворительное.

Находится в 506-м армейском госпитале в г. Ровно. Врачи настаивают в течение суток не трогать, а 02.03.44 года обязательно эвакуировать самолетом «Дуглас» в Москву.

Член Военного совета 1-го Укр. фронта генерал-майор Крайнюков».

Утром врачи разрешили мне накоротке навестить раненого командующего. Услышав шаги, Николай Федорович открыл глаза, спросил:

— Все целы? Как документы?

Я поспешил успокоить его. Портфель с документами сохранен. В лапы к бандитам никто не попал.

— Что ж, охрана сделала все, что могла, — прерывисто дыша, произнес генерал. — Все держались мужественно и достойно.

Скажите бойцам, что командующий благодарит их. Прошу отличившихся представить к награде»[132].

Навестил командующего войсками фронта и Сергей Сергеевич Варенцов.

«Мой отец, узнав о ранении Н.Ф. Ватутина, — вспоминает Эрлена Сергеевна, — примчался в госпиталь и вошел к нему в палату. Увидев генерала Ватутина, понял, что нескоро увидит своего командующего. Возникло неотвратимое чувство горечи неизбежного расставания не только со старшим начальником и фронтовым товарищем, которого понимал с полуслова, но и со своим наставником и учителем.

Николай Федорович в беседе высказал сожаление, что он не совсем достойно отметил отца наградой за взятие Киева. «Будь осторожен, — напутствовал Сергея Сергеевича Ватутин, — Верховный верит в тебя».

Командующий войсками фронта Н.Ф. Ватутин и С.С. Варенцов были ровесниками. Николай Федорович до войны окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе (1929), оперативный факультет этой же академии (1934) и Военную академию Генштаба (1937). После академии Генштаба служил в должностях начальника штаба Киевского Особого военного округа, начальника Оперативного управления и заместителя начальника Генерального штаба. Во время войны Н.Ф. Ватутин — начальник штаба Северо-Западного фронта, заместитель начальника Генштаба, провел большую работу в качестве представителя Ставки ВГК на Брянском фронте. 14 июля 1942 года назначен командующим войсками Воронежского фронта. Во время Сталинградской битвы командовал войсками Юго-Западного фронта. В марте 1943 года Н.Ф. Ватутин был вновь назначен командующим войсками Воронежского фронта. Как видим, у С.С. Варенцова был прекрасно подготовленный командующий, имеющий опыт руководства оперативно-стратегическим объединением и подготовки войск к самым важным операциям Великой Отечественной войны. У такого командующего войсками фронта было чему поучиться. Тем более что у Н.Ф. Ватутина был не только полководческий талант, но и особый педагогический дар. Он не только с удовольствием учил других, но и считал это для себя необходимым. Все, с кем приходилось служить Николаю Федоровичу Ватутину, отмечали эту его черту. Бывший курсант отделения Ватутина А.Ф. Скиба вспоминал, что в школе (Полтавской пехотной. — *Ю. Р.)* товарищи и преподаватели называли его «психологом» за удивительную способность найти общий язык с любым человеком, не теряя при этом собственного достоинства[133].

«Спустя немногим более месяца после ранения Николая Федоровича, — вспоминал К.В. Крайнюков, — в бюллетене о состоянии здоровья, подписанном видными медиками товарищами Шамовым, Вовси, Гуревичем, Ищенко и Василенко, появились тревожные нотки. Несмотря на энергичное лечение, направленное на борьбу с инфекцией, состояние больного оставалось тяжелым. В Киев был срочно командирован главный хирург Красной армии академик Н.Н. Бурденко.

Военный совет получил сообщение, что Н.Ф. Ватутину сделали операцию — была произведена высокая ампутация бедра. А в ночь на 15 апреля 1944 года командующий войсками 1-го Украинского фронта скончался. Было ему тогда сорок два года.

«В лице тов. Ватутина государство потеряло одного из талантливейших молодых полководцев, выдвинувшихся в ходе Отечественной войны», — говорилось в сообщении ЦК ВКП(б), Совнаркома СССР и Наркомата обороны СССР»[134].

При подготовке операции и особенно в ходе ее, несмотря на исключительно неблагоприятные условия, маневр артиллерией во всех звеньях оказывал решающее влияние на успешный исход боевых действий наших войск.

В подготовительный период С.С. Варенцов главное внимание уделил созданию такой группировки артиллерии на направлении главного удара, которая бы отвечала требованиям общей обстановки и условиям наступления. При определении группировки преследовалась цель организации непрерывного сопровождения пехоты и танков массированным огнем артиллерии при бое в глубине. С этой целью командующим артиллерией фронта были даны указания о создании артиллерийских групп в полках, дивизиях, корпусах и армиях. При этом С.С. Варенцов запретил включать артиллерийские полки стрелковых дивизий второго эшелона корпуса в какие-либо группы, что в общем-то не было характерным для Сергея Сергеевича. Такое требование могло найти обоснование только в тех случаях, когда имелось достаточное количество артиллерии усиления или когда из-за бездорожья эти артиллерийские полки не могли своевременно возвратиться в свои соединения. По всей видимости, второе обстоятельство было определяющим в принятии такого решения.

В 1-й гвардейской армии, наступавшей на направлении главного удара фронта, минометы подразделений и частей второго и третьего эшелонов полков и дивизий сводились в минометные группы стрелковых полков для ведения борьбы с минометами и подавления опорных пунктов противника. Однако вследствие отсутствия средств артиллерийской

инструментальной разведки (АИР) задачу борьбы с минометами противника минометные группы успешно выполнить не смогли. В армии была создана армейская группа прорыва из артиллерийских соединений 8-го артиллерийского корпуса прорыва. В течение артиллерийской подготовки группа осуществляла подавление и уничтожение огневых средств и живой силы во всей тактической глубине обороны. Интересно отметить, что в стрелковых корпусах первого эшелона армии создавались корпусные противотанковые группы, каждая в составе 1–2 истребительно-противотанковых артиллерийских полков. Группы фактически играли роль артиллерийского противотанкового резерва. В целом созданная группировка артиллерии на направлении главного удара фронта обеспечивала централизованное управление артиллерией и самостоятельность корпусов и дивизий с развитием наступления.

Созданная группировка артиллерии в ходе операции себя оправдала. Группировка артиллерии армий, наступавших на направлении главного удара фронта, обеспечила создание артиллерийских плотностей на участках прорыва до 200 орудий на 1 километр фронта. Однако на направлениях вспомогательных ударов фактическая плотность была значительно меньше планируемой. Это объяснялось тем, что из-за неблагоприятных метеорологических условий артиллерия не смогла в намеченный срок завершить перегруппировку. Несмотря на это, командование фронта, стремясь к сокращению паузы между наступательными операциями, решило начать наступление, не ожидая подхода остальной артиллерии.

4 марта в 8 часов утра войска 60-й и 1-й гвардейской армий при содействии 2-й воздушной армии после артиллерийской подготовки перешли в наступление. Артподготовка, к сожалению, не дала ожидаемого результата, так как противник накануне начал отвод своих главных сил, в результате чего они не были уничтожены в главной полосе. Тем не менее наступление началось успешно. Мощь артиллерийского огня обрушилась на арьергарды. Благодаря этому их сопротивление легко было сломлено атакой пехоты и танков, которые быстро преодолели первую линию вражеских укреплений.

Продолжительность артиллерийских подготовок в армиях была 40–55 минут. В 18-й армии от ее проведения отказались. Это объяснялось начавшимся отходом противника в связи с успехами наших войск на других направлениях. Атака на участках прорыва армий поддерживалась последовательными сосредоточениями огня артиллерии на глубину 1–1,5 километра.

Для завершения прорыва тактической глубины обороны в

полосе 60-й армии были введены в сражение в первый день операции на участке в 20 километров 3-я гвардейская и 4-я танковая армии. Артиллерийское обеспечение ввода выполнялось в меньшем объеме, чем предусматривалось планом, и свелось к последовательному подавлению огнем артиллерии нескольких противотанковых узлов врага. Такое решение С.С. Варенцова обусловливалось тем, что противник резко ослабил свое сопротивление после прорыва нашей пехотой первых его позиций. Командующий артиллерией фронта дал указания, чтобы в передовых подразделениях находились артиллеристы-корректировщики и управляли огнем из радийных танков.

В ходе преследования особой заботой командиров и начальников всех степеней являлась организация своевременного перемещения артиллерии вслед за передовыми частями и подразделениями пехоты и танков, так как имелись данные о подтягивании противником на рубеж Тернополь — Проскуров крупных танковых сил. На этом рубеже ударная группировка завязала с танками противника встречное сражение.

В разгроме крупной вражеской танковой группировки важную роль играли истребительно-противотанковая артиллерия, пушечные подразделения полковой, дивизионной и корпусной артиллерии, действовавшей в тесном взаимодействии с пехотой и танками. Так, с выходом 60-й армии к Тернополю ее передовым частям не удалось овладеть городом с ходу. 322-я и 336-я стрелковые дивизии (23-й стрелковый корпус) временно закрепились на достигнутом рубеже севернее и северо-восточнее города. Противник начал усиливать свой гарнизон, готовясь к ответным действиям. 11 марта с утра его пехота и танки предприняли контратаки против наших войск. Развернулись ожесточенные бои. Обеспечение боеприпасами осуществлялось в тяжелейших условиях весенней распутицы. Не только транспорт, но и боевая техника могли двигаться только по шоссе. В грязи вязли все, даже тракторы. Поэтому С.С. Варенцов организовывал боевые действия артиллерии фронта с учетом слабого обеспечения боеприпасами. В целях экономии боеприпасов наша артиллерия, в том числе и две бригады 1-й гвардейской артиллерийской дивизии прорыва под командованием генерал-майора артиллерии А.Н. Волчека, вела в основном огонь по вражеским танкам прямой наводкой, нанося им значительные потери.

В последующих боях противник, чтобы уменьшить свои потери в танках, начал практиковать ночные атаки. Для борьбы с его атакующими танками в ночных условиях артиллеристами фронта была выработана соответствующая тактика. После того

как наблюдатели определяли направление движения танков, местность освещалась ракетами или другими осветительными средствами. Обычно «ракетчики» располагались на двух рубежах — в 400–800 метрах от огневых позиций батарей. Опытом было установлено, что для поддержания непрерывного освещения местности в течение 15 минут на фронте 300–400 метров расходовалось 150–200 ракет. В этом случае расчеты орудий могли наблюдать танки с дистанции до 1000 м и вести по ним прицельный огонь.

Войска 1-го Украинского фронта, обескровив противника, произвели перегруппировку и 20 марта вновь перешли в наступление, в ходе которого во взаимодействии с войсками 2-го Украинского фронта окружили в районе Проскурова и Каменец — Подольского 21-ю немецкую дивизию.

Утром 21 марта, после короткой артиллерийской подготовки, началось наступление 60-й и 1-й гвардейской армий, а также 1, 4 и 3-й гвардейской танковых армий. 13-я армия в то время продолжала вести напряженные наступательные бои на Бродском направлении, а 18-я и 38-я преследовали винницко-летичевскую вражескую группировку. Таким образом, впервые в этой операции одновременно наступали все армии фронта. В связи с этим командующему артиллерией фронта необходимо было иметь точные данные о положении и состоянии артиллерии РВГК на всех этапах операции, для того чтобы осуществлять маневр артиллерией на те направления, где решалась судьба операции.

Главные силы фронта в конце марта — начале апреля 1944 года с ходу форсировали реки Днестр, Прут и вышли на рубеж Коломыя — Черновцы. Закончив операцию, войска 1-го Украинского фронта 17 апреля по приказу Ставки ВГК перешли к обороне на рубеже Торчин — Берестечко— Коломыя — Куга.

Таким образом, Проскурово-Черновицкая операция, продолжавшаяся полтора месяца, завершилась крупнейшей победой 1-го Украинского фронта. Наши войска продвинулись от 80 до 350 километров, освободили территорию, равную почти 42 тыс. квадратных километров, и три областных центра Украины — Винницу, Каменец-Подольский, Черновцы и 57 других городов. 1-я и 4-я танковые армии противника были разгромлены и изгнаны из пределов Правобережной Украины.

Войска фронта нанесли им тяжелое поражение в живой силе и технике. Уничтожены сотни танков, штурмовых и артиллерийских орудий, минометов, пулеметов и другого оружия. Было захвачено 32 тыс. пленных, 272 танка, 2177 артиллерийских орудий, 1365 минометов, 31 468 автомашин и тягачей, 61 самолет. Артиллерия фронта на всех этапах операции

обеспечивала выполнение поставленных задач общевойсковыми соединениями и частями. Командующий войсками фронта Г. К. Жуков положительно оценил деятельность командующего артиллерией фронта С.С. Варенцова.

«В бою кто упредил — тот и победил»

Подготавливая войска к предстоящим боевым действиям, командующий фронтом Г. К. Жуков обратил внимание всех начальников родов войск, специальных войск и командующих армиями на тщательность инженерного оборудования занимаемых войсками рубежей, особенно на прикрытие танкоопасных направлений минными полями.

— Надо создать крепкую, неприступную оборону, — подчеркнул Жуков[135].

Исходя из требований Г.К. Жукова, штабом фронта при непосредственном участии командующего артиллерией фронта С.С. Варенцова и начальника инженерных войск фронта И.П. Галицкого была подготовлена оперативная директива фронта от 1 мая 1944 года (21.00), в которой были даны указания по организации противотанковой и инженерной обороны. Указания были разработаны на основе опыта предыдущих оборонительных операций и объективной оценки района боевых действий. В директиве было указано, что при организации противотанковой артиллерийской и инженерной обороны руководствоваться следующим:

1. На ответственных направлениях оборонительного рубежа минирование производить сплошными полосами перед передним краем обороны и между траншеями. Удаление минных полей от первой линии траншей не должно превышать 30–50 метров. Вторую полосу минных полей устанавливать перед второй или третьей линией траншей.

На второстепенных направлениях минирование производить только перед передним краем обороны, окаймляя кругом ответственные огневые точки.

2. В глубине обороны артиллерийские позиции прикрывать с фронта и флангов инженерными заграждениями, создавать таким образом противотанковый район, широко используя при этом имеющиеся естественные противотанковые рубежи.

3. На всем протяжении переднего края обороны минные поля и инженерные заграждения оборонять противотанковой артиллерией.

На каждое орудие дать для обороны определенный участок минного поля, за оборону которого орудийный расчет должен нести полную ответственность.

4. Насыщенность противотанковой артиллерией на особо ответственных направлениях должна быть до 25 орудий на 1 километр фронта. Противотанковую артиллерию на

ответственных направлениях располагать в три эшелона: первый эшелон — в полосе траншей второй линии, второй и третий эшелоны — в 600 метрах один от другого.

На второстепенных направлениях противотанковую артиллерию располагать в два эшелона. Противотанковые орудия устанавливать повзводно, поорудийно.

5. Помимо противотанковой артиллерии, минные поля оборонять огнем артиллерии всех калибров из глубины, при этом следить, чтобы ответственные секторы, накладываемые на минные поля, взаимно перекрывались.

6. Для повышения упорства и стойкости обороны отдельные противотанковые орудия (взводы) располагать за естественными преградами. При неизбежности занятия огневой позиции на открытом месте позиции противотанковых орудий (взводов) прикрывать минными полями с флангов.

Для более рационального обеспечения флангов орудия противотанковых батарей расположить уступом.

7. При недостатке противотанковых мин минирование производить, начиная с наиболее ответственных участков. В первую очередь минировать скрытые подходы к переднему краю с задачей направлять движение танков противника по открытой, хорошо наблюдаемой артиллерией местности.

8. Минные поля, непосредственно прикрывающие артиллерийские позиции, оборонять огнем автоматчиков и пулеметов. Помимо этого, выделить группы истребителей танков.

9. За основу организации противотанковой обороны принимать решение артиллерийского начальника, утверждаемое общевойсковым командиром.

Инженерные противотанковые заграждения устраивать в строгом соответствии с артиллерийской противотанковой обороной.

На основании артиллерийского решения составлять единую схему артиллерийской и инженерной противотанковой обороны с точным указанием всех устанавливаемых инженерных заграждений, а также орудий и батарей, обороняющих эти заграждения, и секторов их обстрела.

10. Инженерный противотанковый резерв применять в зависимости от использования артиллерийского противотанкового резерва. Инженерный противотанковый резерв (по современной терминологии — подвижный отряд заграждений. — *Ю. Р.),* который располагается и действует совместно с артиллерийским, подчинять артиллерийскому начальнику.

11. Начальник противотанкового резерва должен иметь

прямую связь с общевойсковым командиром, действующим в данной полосе. Резерв приводить в действие по приказу общевойскового командира.

12. Для успешного и эффективного применения резерва артиллерийский начальник заранее намечает рубежи развертывания, утверждаемые общевойсковым начальником.

Рубежи развертывания должны совпадать с естественными препятствиями; доступные участки этих рубежей минировать для прикрытия располагаемой на позиции противотанковой артиллерии.

Намеченные рубежи тщательно разведывать, чтобы установить танкодоступные участки и определить, какое количество мин необходимо для их прикрытия.

На танкодоступные участки заранее назначать саперные подразделения для минирования. Командирам этих подразделений своевременно производить личную рекогносцировку участков и намечать организацию минирования.

13. Инженерный и артиллерийский противотанковый резерв обеспечивать необходимым транспортом и располагать в глубине на таком удалении от головного рубежа минирования, чтобы выйти туда раньше врага, если он прорвется через передний край нашей обороны.

14. В подготовительный период начальнику артиллерийского противотанкового резерва совместно с инженерным производить тренировочные выезды на рубежи развертывания, чтобы наладить четкую организацию выхода на ОП и обеспечить минимальную затрату времени на выход, занятие позиций и минирование подступов к ним[136].

Как видим, С.С. Варенцов и начальник инженерных войск фронта И.П. Галицкий тщательно продумали организацию противотанковой и инженерной обороны. Опыт позволял это сделать.

При подготовке к оборонительным действиям артиллерии фронта С.С. Варенцова очень беспокоили проблемы оборудования и маскировки огневых позиций артиллерии, особенно противотанковой. Местность в полосе обороны фронта была холмистая и затрудняла маскировку огневых позиций противотанковой и другой артиллерии. На передних скатах холмов орудия видны как на ладони. По мнению начальника инженерных войск фронта И.П. Галицкого, особенности здешней местности требовали других приемов маскировки и расположения на ней артиллерийских позиций. Поля на этих холмах веками перепахивались по горизонтали, и на межах образовались террасы с вертикальной стенкой высотой до 2

метров. Получалась своеобразная естественная вертикальная маска, за которой можно отрыть орудийные окопы и укрыть полностью орудие от наблюдения противника. Можно отрывать также траншеи с бруствером до 70 сантиметров и амбразурами для стволов пушек. Маскировать амбразуры орудийных окопов и наблюдательных пунктов можно с успехом подвижными маскшторами.

В связи с этими обстоятельствами по инициативе И.П. Галицкого был оборудован опытный участок и приглашены на него командиры взводов, рот, батарей, батальонов, дивизионов.

Командующий артиллерией фронта С.С. Варенцов, понимая важность сохранения живучести артиллерии в ходе оборонительных боевых действий, решил план проведения сбора с командирами частей истребительной противотанковой артиллерии согласовать с планом проведения занятий на опытном участке, чтобы дважды не вызывать командиров частей.

Сергей Сергеевич принял самое непосредственное участие в подготовке опытного участка для оборудования и маскировки артиллерийских позиций. Вместе с И.П. Галицким он выехал на участок, намеченный штабом инженерных войск для оборудования и маскировки артиллерийских позиций. Тщательно его изучили и спланировали, где и что оборудовать. Находившийся с ними офицер штаба инженерных войск подполковник Уманский сделал соответствующие наброски.

К оборудованию опытного участка инженеры приступили 10 мая, и через 10 дней работы были закончены.

«Варенцов, — вспоминал И.П. Галицкий, — захотел посмотреть участок перед началом сборов. Поехали вместе. Он обошел участок со всех сторон. Потом еще раз зашел с фронта и стал пристально разглядывать артиллерийские позиции, но ни одной пушки не обнаружил: искусная маскировка скрыла их.

— Сергей Сергеевич, подойдите сюда поближе, — пригласил я его. — А теперь смотрите. Вот рядом стоит пушка!

— Это здорово, даже очень здорово! — воскликнул Варенцов. — Такую позицию танкам врага не обнаружить! Значит, огонь будет внезапный, и первый меткий выстрел будет принадлежать нам, а не фашистам. А в бою кто упредил — тот и победил.

— В этом весь смысл маскировки — скрыть пушку не только до боя, но и в процессе боя, — сказал я.

— Хороший смысл. Но вот эти высокие вертикальные маски не будут ли мешать артиллерийскому наблюдению? — поинтересовался Варенцов.

— Нет, маски имеют просветы, или назовите их окнами, как

хотите. Они позволяют свободно наблюдать за противником. Кроме того, наблюдатели могут выдвигаться вплотную к маскам, а это также даст возможность хорошо видеть, что происходит впереди.

На следующий день на участок прибыли участники сборов — командиры артиллерийских частей. Они ознакомились с оборудованием огневых позиций и их маскировкой. Пояснения давали подполковник Уманский и майор Слободяник. Показ произвел на командиров частей сильное впечатление, особенно их поразила маскировка. Для них в ней было немало нового. Но некоторых офицеров смущали объемы работ по оборудованию и маскировке артиллерийских позиций. Пришлось терпеливо разъяснять товарищам, что все это делается ради сохранения жизни людей и системы артиллерийского огня.

Генерал Варенцов дал указание командирам частей использовать приемы и методы инженерного оборудования и маскировки артиллерийских позиций, с которыми их ознакомили на этом опытном участке.

— В ближайшее время вы получите указания с альбомом чертежей для практического пользования, — добавил я»[137].

Через неделю «Указание по маскировке и инженерному оборудованию артиллерийских позиций» и «Альбом чертежей» к ним были утверждены командующим войсками фронта и были отправлены в войска. Вероятно, впоследствии многим артиллеристам качественное оборудование и маскировка огневых позиций спасли жизнь.

Однако командующий артиллерией 1-го Украинского фронта стремился упреждать противника не только на поле боя, но и на этапе подготовки операций. Опыт С.С. Варенцова в организации операций такого масштаба все больше убеждал его в том, что для упреждения противника в действиях необходимы оптимальная структура, подготовка и слаженная работа артиллерийских штабов. Всевозрастающая роль артиллерии в огневом поражении противника требовала от офицеров штабов выполнения своих функциональных обязанностей на пределе возможного. Нерешенные проблемы все ощутимее сказывались на работе штабов артиллерии фронтов, своего рода «мозговых центров» планирования огневого поражения противника при проведении крупных наступательных операций.

Об этом достаточно полно написал в своих воспоминаниях генерал-лейтенант Г.С. Надысев:

«Проблемой номер один являлась малочисленность штаба артиллерии фронта. В нем было всего 13 человек, и только девять занимались непосредственно оперативными и

разведывательными вопросами. Объем же деятельности штаба артиллерии возрастал из года в год пропорционально усложнявшимся задачам фронта, все время находившегося на одном из важных операционных направлений Красной армии[138]. В самом деле, если под Сталинградом на 19 ноября 1942 года во фронте насчитывалось три общевойсковые армии и ширина фронта составляла около 150 километров, то уже на Курской дуге к началу оборонительного сражения во фронте было пять общевойсковых и одна танковая армия, а фронт растянулся на 300 километров. С выходом войск фронта в Белоруссию, после принятия полосы и войск 2-го Белорусского фронта, наш фронт имел уже десять общевойсковых и одну танковую армию, а ширина полосы боевых действий фронта возросла до 640 километров. Количество артиллерии с 4 тысяч орудий и минометов под Сталинградом увеличилось к началу Белорусской операции до 16,5 тысячи орудий, минометов и установок ГМЧ (гвардейских минометных частей. — *Ю. Р.)*. Штат же штаба артиллерии фронта продолжал оставаться на уровне 1942 года. Мог ли он в таком составе охватывать своим влиянием, оказывать помощь и осуществлять контроль множества штабов артиллерии армий, хотя бы на направлениях главных ударов фронта? Да еще без своих средств управления и при крайне ограниченном количестве легковых машин. Командующий артиллерией фронта и я много раз ставили этот вопрос перед командующим артиллерией Красной армии и перед его начальником штаба. И только спустя два года, в мае 1944 года, в состав управления командующего артиллерией фронта был введен отдел связи из четырех офицеров, а в июне того же года был утвержден новый штат оперативного и разведывательного отделов штаба артиллерии фронта.

При 7—10 армиях во фронте численность оперативного отдела доводилась до 12 человек и разведывательного — до 8 человек»[139].

Безусловно, изменения в штабе артиллерии фронта способствовали повышению оперативности и качества управленческой деятельности офицеров штаба. Но оснащение штабов артиллерии фронтов современными силами и средствами управления оставалось еще на очень низком уровне. После Львовско-Сандомирской операции будет введен в штат дивизион управления командующего артиллерией фронта, что существенно увеличит возможности его и штаба артиллерии фронта по управлению артиллерией в операциях.

В те дни, когда войска отражали вражеское наступление в районе Станиславского выступа, на 1-й Украинский фронт

приехал писатель Константин Михайлович Симонов. Писатель побывал в войсках и на переднем крае, беседовал с бойцами, командирами и политработниками. «Помню, — вспоминал маршал К.С. Москаленко, — находясь с нами на наблюдательном пункте, он подметил, что противник часто менял направления своих ударов, а продвижения не имел и лишь нес все возраставшие потери. Искреннее восхищение вызвала у него быстрота маневра истребительно-противотанковых частей, превосходившая все, что он видел под Сталинградом»[140].

Разумеется, с того времени произошло много изменений в оснащении войск военной техникой, но надо отметить и то, что иными стали командиры и начальники, приобретшие опыт не только оборонительных боевых действий, но и наступательных. Все лучше и лучше управляли артиллерией командиры и начальники всех степеней в динамике боевых действий, что очень долго оставалось крупным недостатком в действиях артиллерии. Очень много прилагал усилий С.С. Варенцов и его штаб, чтобы артиллерийская поддержка пехоты и танков была непрерывной и эффективной.

Победа в Прикарпатье

С завершением операции на Правобережной Украине советские войска заняли выгодное положение для нанесения последующих ударов на Брестском, Люблинском, Львовском направлениях и на Балканах для полного изгнания противника с территории СССР и начала операций в Европе. 22 апреля Ставка ВГК обсуждала летне-осеннюю кампанию 1944 года.

Советское командование отдавало себе отчет, что ему по-прежнему придется иметь дело с сильным противником: «Немецкие войска еще имеют все необходимое для ведения упорной обороны на советско-германском фронте. Боеспособность их войск в связи с большими потерями хотя и понизилась, все же они дерутся упорно и нередко вырывают тактическую инициативу у наших частей, нанося им чувствительные потери», — отмечал Г.К. Жуков.

Войска 1-го Украинского фронта глубоко вклинились на Львовском направлении и имели перед собой сильную группировку немецко-венгерских войск — группу армий «Северная Украина».

К середине лета противник, ожидая наступления крупных сил советских войск, создал сильную оборону. В отличие от предшествующих операций вражеская оборона на Рава-Русском и Львовском направлениях имела ярко выраженный противотанковый характер.

В мае 1944 года решением Государственного Комитета Обороны командующий войсками 1-го Украинского фронта маршал Г. К. Жуков был отозван в распоряжение Ставки ВГК. В командование войсками фронта вступил Иван Степанович Конев.

По своему обыкновению, маршал И.С. Конев более детальное знакомство с обстановкой начал с выезда в соединения. Личные встречи с командующими и командирами, изучение характера обороны противника на местности, по его мнению, давали более полную картину, чем доклады командующих и донесения. Он побывал в армиях генералов В.Н. Гордова, Н.П. Пухова, П.А. Курочкина, А.А. Гречко, К.С. Москаленко, Е.П. Журавлева, а также в танковых объединениях.

Итогом знакомства нового командующего войсками фронта с подчиненными войсками стал сбор руководящего состава объединений и отдельных соединений. Он проводился на базе 38-й армии, находившейся в центре оперативного построения фронта. Начали сбор с обсуждения докладов командующих 13-й и 38-й армиями об итогах проведенных операций, а также

командующих родами войск. В результате получился полезный разговор, позволивший командующему войсками фронта при подведении итогов сбора обобщить опыт проведения наступательных операций и четко определить первоочередные задачи, стоящие перед органами управления всех звеньев по подготовке войск к будущим операциям. Относительно вопросов боевого применения артиллерии было указано:

«…4. Наши артиллеристы приобрели опыт артиллерийского планирования прорыва, но его необходимо постоянно совершенствовать и видоизменять, так как противник привыкает к нашим методам и приспосабливается к ним с целью понижения эффективности артиллерийского огня.

5. Основой успеха артиллерийского наступления является хорошее знание противника и непрерывное уничтожение его огневых точек при сопровождении пехоты и танков в глубине. Надо улучшить артиллерийскую разведку и наблюдение. В бою не ждать заявки на огонь от командиров стрелковых и танковых подразделений (с заявками надо покончить навсегда), а самим нести ответственность за результаты боя. Отставание наблюдательных пунктов от пехоты и танков, а также опоздание с занятием огневых позиций недопустимы.

6. Расчеты всех калибров артиллерии, в том числе большой мощности и эрэсов, тренировать для ведения огня по танкам. Отражение 38-й армией в ноябре 1943 г. контрудара противника на киевском плацдарме показало необходимость такого обучения и эффективность борьбы специальных видов артиллерии с танками»[141].

Следует отметить, что требование командующего войсками фронта «в бою не ждать заявки на огонь от командиров стрелковых и танковых подразделений (с заявками надо покончить навсегда)» возникло не случайно. Еще до войны установилось различие между подчиненной и поддерживающей артиллерией. Подчиненной артиллерии общевойсковой командир ставил задачи непосредственно, а поддерживающей — только через старшего артиллерийского начальника. Для этой цели ему надо было обратиться с «заявкой» к своему непосредственному начальнику, а последний, если находил просьбу уважительной, передавал приказание находившемуся при нем артиллеристу; тот передавал его подчиненному артиллерийскому командиру, который, как правило, и являлся командиром артиллерийской группы, поддерживающей то общевойсковое соединение, командир которого обратился с «заявкой» на артиллерийский огонь. Признавая недостаточность такой системы, устав допускал возможность непосредственного обращения с «заявкой» на огонь к

командиру артиллерийской группы; последний обязан был открыть огонь, если он в это время не выполнял задачи, поставленной ему старшим артиллерийским начальником.

Так была усложнена система взаимоотношений между общевойсковыми и артиллерийскими начальниками, приводившая к задержкам в открытии огня. Война показала, что этой игрой в «заявки» заниматься некогда. Раз какая-то артиллерийская группа создана для поддержки общевойскового соединения (части), то она и должна выполнять все требования командира этого соединения (части).

Для артиллерии 1-го Украинского фронта эта проблема уже практически была решена еще в предыдущих операциях. Создание артиллерийских групп в каждой общевойсковой инстанции 1-го Украинского фронта по организационно-тактическому принципу избавляло общевойсковых командиров от так называемых «заявок» на артиллерийский огонь, которые шли по многоступенчатой цепи передач. С.С. Варенцов давно пришел к выводу, что необходимо упрощать взаимоотношения между командиром общевойскового соединения (части) и командиром артиллерийской группы, поддерживающей это соединение (часть). Поэтому устаревшие и отжившие традиции ломались. Заметим, что ломка эта происходила не без внутренней борьбы и трений. Однако новая, устанавливающаяся система взаимоотношений требовала от общевойскового командира умения не только проявить свою волю и решительность, но и правильно применять артиллерию. В связи с этим С.С. Варенцов и его штаб при активном содействии бывшего командующего войсками фронта Н.Ф. Ватутина проделали большую работу по искоренению «артиллерийской безграмотности» общевойсковых командиров. Так что требование И.С. Конева было несколько излишним. По всей видимости, оно было высказано под впечатлением опыта боевого применения артиллерии 2-го Украинского фронта. На 1-м Украинском фронте давно сложилась устойчивая система, когда общевойсковой командир мог непосредственно ставить задачи своей артиллерийской группе, как только обстановка этого потребует.

Проблемы были, но больше связанные с переподчинением артиллерии в ходе операции. В таких случаях снижалась степень централизации управления артиллерией.

Поэтому С.С. Варенцов и офицеры штаба артиллерии фронта за счет всесторонне продуманного распределения артиллерии РВГК между объединениями (соединениями) стремились снизить переподчинение артиллерии в ходе сражения до минимума. Кроме того, Сергей Сергеевич не оставался безучастным к тому,

как распределяют артиллерию РВГК командующие артиллерией армий, корпусов между дивизиями, и давал всеобъемлющие советы и рекомендации.

В начале июня 1944 года И.С. Конев был вызван в Москву. Ему было приказано разработать план предстоящей фронтовой наступательной операции с целью разгрома противника в Прикарпатье и освобождения Западной Украины.

Исходя из оценки обстановки, учитывая сильный состав противостоящей фронту группировки противника, а также местность, позволявшую немецкому командованию организовать эшелонированную оборону, маршал И.С. Конев решил прорвать ее на двух участках, удаленных друг от друга на 70 километров, сосредоточивая основные усилия на Львовском направлении. Тем самым достигалось не только рассечение группировки противника, но и окружение его сил в районах Бродов и Львова. Успех прорыва, по мнению командующего, обеспечивался сосредоточением до 90 % танков и самоходно-артиллерийских установок, свыше 77 % артиллерии и 100 % авиации на участках, составлявших всего 6 % полосы, занимаемой фронтом, а развитие тактического прорыва в оперативный — вводом в сражение сразу трех танковых армий и конно-механизированной группы, то есть максимальным использованием огневых, ударных и маневренных возможностей танковых и механизированных войск.

Разработанный командованием и штабом фронта план операции 7 июля 1944 года был представлен на утверждение в Ставку ВГК.

Количество сил и средств, которыми располагал 1-й Украинский фронт, позволяло создать довольно сильные ударные группировки. В результате проведенной перегруппировки войск командованию фронта удалось на направлениях главных ударов на участках прорыва достигнуть абсолютного превосходства над противником в силах и средствах. «В количественном отношении, — вспоминал впоследствии маршал И.С. Конев, — артиллерия фронта была способна обеспечить прорыв обороны противника, а также выполнить поставленные перед ней задачи в ходе операции. Важно было правильно нацелить всю эту массу артиллерии, особенно централизованно использовать ее в период артиллерийской подготовки и боя в тактической глубине»[142].

Наличие сплошных траншей и многочисленных ходов сообщения в главной полосе обороны противника, значительная насыщенность ее огневыми средствами, хорошо развитая система огня требовали мощного огневого поражения противника. Поэтому И.С. Конев поставил командующему артиллерией фронта С.С. Варенцову задачу уничтожить живую силу и технику

противника во второй и третьей траншеях, разрушить опорные пункты в ближайшей глубине обороны и подавить на позициях минометы и артиллерию противника, для чего в период артиллерийской подготовки привлечь всю массу нашей артиллерии и минометов. При этом командующий войсками фронта потребовал, чтобы артиллерия подавила и разрушила систему управления войсками противника, без чего нельзя было рассчитывать на успех прорыва. Следует отметить, что маршал И.С. Конев большое значение придавал управлению артиллерией в операциях: «Использование артиллерии в операции и в бою — это большое искусство. Можно собрать очень много орудий и минометов, но если плохо спланировано их использование, не налажено взаимодействие, то никакое количество артиллерии не даст нужного эффекта»[143].

Командующему артиллерией и штабу артиллерии фронта предстояло выполнить непростую задачу, так как основная масса артиллерии находилась на Станиславском направлении. Поэтому в соответствии с решением командующего фронтом и распределением артиллерийских средств производилась перегруппировка со Станиславского на Львовское и Рава-Русское направления. Перемещения частей и соединений осуществлялись в основном скрытно, на расстояния от 10 до 300 километров в период с 29 июня по 7 июля 1944 года. Все передвижения производились с наступлением темноты полковыми и дивизионными колоннами. С целью дезориентирования противника днем имитировалось движение артиллерии в противоположных направлениях, демонстрировалось сосредоточение артиллерии на Станиславском направлении. Так, в полосе 1-й гвардейской и 18-й армий было выставлено более 600 макетов орудий. Вывод артиллерийских соединений и частей в районы огневых позиций осуществлялся за 2–3 суток, а пристрелочных орудий за 3–4 суток до начала операции. В процессе оперативного сосредоточения и перегруппировок в перемещениях участвовало до 80 % всей артиллерии. При этом до 90 % перегруппировываемой артиллерии передвигалось своим ходом[144].

Командование фронта, несомненно, отдавало себе отчет в том, что столь крупная перегруппировка могла быть раскрыта противником. Это видно из того, что одновременно осуществлялись маскировочные мероприятия в полосах 1-й гвардейской и 18-й армий. Здесь имитировалось сосредоточение ударной группировки в составе двух общевойсковых, двух танковых армий и танкового корпуса. Для этого были изготовлены и применены макеты 453 танков, 612 орудий, 200

автомашин.

В ходе развертывания артиллерии в боевой порядок широко практиковалось расположение дивизионов на одной огневой позиции, так как при компактном расположении дивизионов увеличивалась емкость удобных для размещения артиллерии районов. Кроме того, облегчалось проведение топографической подготовки и упрощалось управление огнем. Справедливости ради следует сказать, что компактное расположение дивизионов стало возможным только с завоеванием нашей авиацией превосходства в воздухе.

К началу операции из имевшихся более чем 17 тыс. орудий, минометов, боевых машин наземной и зенитной артиллерии 13 тыс. находились в полосе севернее Тернопо-ля. Из этого количества до 6,8 тыс. орудий и минометов калибром от 76 мм и выше находилось на двух участках прорыва общей протяженностью 27,3 километра. Таким образом, артиллерийская плотность на участках прорыва достигала 250 орудий, минометов и боевых машин на 1 километр. Общее превосходство наших войск над противником по артиллерии в зависимости от направлений было в 7—11 раз.

В ходе подготовки к прорыву решающее значение для правильного планирования боевых действий артиллерии имели данные всех видов разведки и особенно исчерпывающие данные артиллерийской разведки. Сложность организации и ведения разведки в данной операции обусловливалась особенностями обороны противника, широкими масштабами проводимых им мероприятий дезориентирующего характера и, наконец, не исключавшейся возможностью преднамеренного оставления позиций и отдельных траншей.

Новым в действиях авиации в интересах артиллерии фронта являлось применение самолета По-2 в качестве ночного корректировщика, а самолетов-истребителей типа Як-9 и Як-7б — в качестве дневных корректировщиков артиллерийского огня. Это увеличивало возможности в использовании мощи огня артиллерии как днем, так и ночью, а также в условиях сложной воздушной обстановки. Преимущества корректирования огня с помощью самолета-истребителя состояли в том, что сокращалось время на выполнение задачи, уменьшалось количество самолетов прикрытия, создавались возможности для совершения противозенитного маневра. Однако огонь могли корректировать лишь наиболее опытные летчики-истребители.

В результате тщательного анализа и обобщения разведывательных данных были изданы бланковые карты масштабом 1:50000 и 1:25000 с нанесенными элементами,

объектами вражеской обороны и списками координат важнейших целей. Такими картами обеспечивались артиллерийские командиры, до командира батареи включительно.

При создании группировки артиллерии С.С. Варенцов и штаб артиллерии фронта, как всегда, стремились обеспечить непрерывность и удобство управления большими массами артиллерии, непрерывность взаимодействия артиллерии с пехотой и танками как при прорыве тактической зоны обороны, так и при развитии успеха танковыми армиями.

Командующий и штаб артиллерии фронта специальными указаниями предопределили единство взглядов в армиях, корпусах и дивизиях на создаваемую группировку. Используя опыт боевого применения артиллерии в предшествующих операциях, в данном случае наметилась вполне определенная стройность и однообразие группировки артиллерии. Основной состав артиллерийских групп (полковых, дивизионных, армейских и др.), как правило, оставался неизменным до овладения передним краем второй полосы обороны противника.

Достаточно сильный состав полковых групп (3–5 дивизионов[145]) был вполне целесообразен на направлениях, где имелись лесные массивы. Недостатком группировки являлось отсутствие (кроме 13-й армии) корпусных групп. Имевшиеся корпусные группы реактивной артиллерии были малочисленны.

Артиллерия дивизий второго эшелона корпусов, а также подвижных соединений привлекалась к участию в артиллерийской подготовке атаки в составе дивизионных групп. 82-мм и 120-мм минометы полков первого и второго эшелонов дивизий объединились на время артиллерийской подготовки в минометные группы под общим управлением начальников артиллерии стрелковых полков. Каждая такая группа занимала одну огневую позицию, но, в отличие от предшествующих операций, минометные подразделения переподчинялись своим начальникам несколько ранее окончания артиллерийской подготовки. Тем самым обеспечивалось своевременное их следование с началом атаки в боевых порядках своего полка или батальона.

12 июня штабы артиллерии соединений и армий фронта получили принципиальные указания на организацию артиллерийского наступления. При этом учитывался опыт ранее проводившихся наступательных операций и изменившийся характер вражеской обороны к лету 1944 года. Планирование боевого применения артиллерии являлось глубоко творческим процессом, в котором принимал участие лично командующий войсками фронта маршал И.С. Конев. В результате

неоднократных уточнений и дополнений окончательный вариант плана артиллерийского наступления предусматривал проведение 100-минутной артиллерийской подготовки атаки. В первый 15-минутный огневой налет предполагалось подавить основные элементы главной полосы обороны противника и его батареи. Затем в течение 60 минут разрушались важнейшие оборонительные сооружения и подавлялись живая сила, артиллерия и резервы. После этого вся артиллерия, кроме орудий прямой наводки, и часть минометов производили мощный огневой налет по основным и предполагаемым артиллерийским и минометным батареям. Таким мощным огневым ударом планировалось не только надежно подавить батареи, но и расстроить всю систему сильной противотанковой обороны. Перед атакой производился мощный 15-минутный огневой налет с максимальным режимом огня.

В соответствии с указаниями И.С. Конева основные усилия артиллерии в ходе артиллерийской подготовки сосредоточивались на обработке второй позиции, где противник имел свои основные силы, предназначенные для отражения нашего наступления. Следует также обратить внимание на очень большую глубину огневого поражения обороны артиллерией, особенно в полосе 28-го стрелкового корпуса 60-й армии, где она достигала 10 километров, а в полосе 38-й армии — 13–15 километров[146].

Поддержку атаки предполагалось осуществить методом одинарного (двойного) огневого вала или последовательного сосредоточения огня с нарастанием плотности огня на глубину до 2–2,5 километра. Чтобы не допустить резкого ослабления или перерыва в огне с началом атаки, за две минуты до начала атаки 50 % артиллерии полковых групп переносили огонь с первой траншеи на первый рубеж огневого вала. Остальная артиллерия с началом атаки в целях более тесного взаимодействия с атакующей пехотой и танками переносила огонь на первый рубеж мелкими скачками, по мере движения атакующих подразделений. Одновременно в течение первых 35 минут атаки реактивная артиллерия вела непрерывный огонь по рубежам батарейными и дивизионными залпами, растянутыми по времени, увеличивая плотность огня и степень подавления живой силы противника.

Командующий артиллерией С.С. Варенцов и штаб артиллерии 1-го Украинского фронта всегда были в поиске более совершенных форм и способов применения артиллерии в ходе боевых действий. Так, при организации сопровождения пехоты и танков и бое в глубине артиллеристы фронта, руководимые С.С. Варенцовым, одними из первых нашли наиболее целесообразную

форму планирования огня артиллерии в виде так называемого массированного огня по определенным районам[147]. Такие районы обычно включали в себя важные опорные пункты, узлы сопротивления, места развертывания артиллерии, сосредоточения резервов, балки, леса, населенные пункты. Вместо множества отдельных участков сосредоточенного огня он массировался по строго ограниченному количеству районов расположения наиболее важных объектов, целей в обороне противника. Характерной в планировании артиллерийского обеспечения ввода в прорыв и сопровождения трех танковых армий являлась относительно высокая артиллерийская плотность на рубеже ввода 60 орудий и минометов на 1 километр, а также возросшая глубина сопровождения до овладения армейским тыловым рубежом обороны, то есть до 20 километров. Сопровождение на такую большую глубину предусматривало перемещение боевых порядков артиллерии.

С.С. Варенцов уделял особое внимание скрытому управлению артиллерией. Для того чтобы скрыть от противника основную группировку артиллерии и участки предстоящего прорыва, не допустить рассекречивания готовящейся операции, пристрелка артиллерии проводилась методом пристрелочных орудий по планам командующих артиллерией армий, корпусов и дивизий преимущественно утром и вечером, то есть при температуре, близкой к той, которая должна быть во время артиллерийской подготовки. Чтобы скрыть пристрелку на ударных направлениях, на других участках артиллерия вела огонь с такой же интенсивностью и в таком же темпе. В целях сокращения числа пристрелочных орудий огневые позиции дивизионов были расположены компактно. Подготовка проводилась на полной топографической основе, и все обнаруженные и засеченные цели были взяты под наблюдение и огонь нашей артиллерии[148].

В результате работы, проделанной командирами всех степеней, штабами и войсками по подготовке фронтовой наступательной операции, к исходу 12 июля 1944 года войска фронта были готовы к выполнению поставленных задач. Войска заняли исходное положение для наступления, артиллерия — огневые позиции.

К этому времени войска Белорусских фронтов, стремительно развивая наступление, завершали сражение по овладению Вильнюсом, заняли Волковыск, Ковель и подходили к Кобрину, громя крупные силы противника. Ближайшие оперативные и стратегические резервы немецкого командования были втянуты в эти сражения.

Все это создавало благоприятную обстановку для перехода в

решительное наступление войск 1-го Украинского фронта.

«Из опыта предыдущих операций, — вспоминал маршал И.С. Конев, — мы учли, что противник всегда пытается обмануть нас, отведя свои войска с первой полосы обороны на вторую, чтобы сохранить силы в период артподготовки и сорвать наше наступление. Учитывая это, было решено с вечера 12 июля провести разведку боем, а с рассветом следующего дня начать действия передовыми батальонами.

Действительно, разведка установила, что на рава-русском направлении гитлеровцы в ночь на 13 июля под прикрытием арьергардов стали отводить главные силы на вторую полосу обороны. Используя столь выгодно сложившуюся обстановку, мы решили, не проводя артиллерийской подготовки, перейти в наступление главными силами 3-й гвардейской и 13-й армий, поддержав их авиацией.

Боевые действия в течение дня развивались успешно. Но смять противника во время отхода и на его плечах с ходу занять вторую полосу обороны, к сожалению, не удалось. Отойдя на вторую полосу, немцы оказывали упорное и организованное сопротивление»[149].

Противник, подтянув резервы, в течение 14 июля стремился сильными контратаками не допустить прорыва второй полосы обороны. Так, например, в 4 часа 30 минут 14 июля пехотный батальон с 40 танками при поддержке огня артиллерии и 30 пикирующих бомбардировщиков, используя разрыв между 3-й гвардейской и 13-й армиями, в результате контратаки овладел южной окраиной Горохова. Командующий артиллерией 22-го стрелкового корпуса в течение 10–15 минут сосредоточил огонь артиллерии по прорвавшемуся противнику. В результате массированного огня 350 орудий и минометов противник понес тяжелые потери и затем был отброшен нашей пехотой в исходное положение. В 10 часов массированным огнем артиллерии 21-го корпуса была отражена новая контратака противника на стыке 136-й и 253-й стрелковых дивизий.

Наиболее успешно действовали в этот день войска 13-й армии. Командующий артиллерией армии и его штаб, предвидя сильное сопротивление противника перед второй полосой, быстро восстановили централизованное управление артиллерией и, доведя плотность до 200 стволов на 1 километр, коротким, но мощным огневым ударом по оборонявшемуся противнику обеспечили соединениям 24-го и 27-го стрелковых корпусов глубокое вклинение во вторую полосу обороны врага юго-западнее Горохова. Это предопределило успех прорыва второй полосы. К исходу 16 июля она была прорвана в полосах обеих

армий. В прорыв были введены конно-механизированная группа генерал-майора В.К. Баранова и с утра 17 июля 1-я гвардейская танковая армия.

На Львовском направлении боевые действия развернулись по-иному. 14 июля после 30-минутной артиллерийской подготовки штурмовые батальоны атаковали противника. Атака поддерживалась в течение 30 минут последовательным сосредоточением огня артиллерии. К 11 часам батальоны вклинились в первую позицию, а в полосе 336-й стрелковой дивизии даже захватили участок первой траншеи второй позиции, но были остановлены организованным огнем противника.

Артиллерийские командиры и штабы приступили к частичному перепланированию артиллерийского наступления, имея в своем распоряжении 3–3,5 часа. Оно заключалось в сокращении продолжительности артиллерийской подготовки атаки за счет уменьшения периода разрушения и подавления и в изменении методов поддержки атаки: вместо огневого вала методом последовательного сосредоточения огня.

В 16 часов главные силы дивизий, поддержанные сильными ударами артиллерии и авиации, атаковали противника. Развернулись ожесточенные бои. В полосе 60-й армии пехота и танки, преодолевая упорное сопротивление противника, прорвали главную полосу обороны и, не прекращая наступления, к утру 15 июля вклинились во вторую полосу обороны. В течение ночи артиллерия армии успешно продолжала вести борьбу с вражеской артиллерией. Так, например, 1-й дивизион 33-й армейской пушечной артиллерийской бригады со звеном ночных корректировщиков подавил огонь двух батарей в районе опорного пункта Перепельники, обеспечив пехоте овладение этим пунктом. В течение ночи артиллерия массированными огневыми налетами по Кругову, Нуще воспрещала передвижения резервов противника.

15 июля в сражение были введены передовые отряды 3-й гвардейской танковой армии, которые совместно с частями 15-го и 28-го стрелковых корпусов прорвали тактическую зону обороны. Сопровождение передовых отрядов танковой армии осуществлялось посредством вызова огня артиллерийскими корректировщиками из радийных танков. Огонь вызывался^ в том случае, если для подавления противника оказывалось недостаточно огня артиллерии сопровождения или групп поддержки пехоты.

В то же время положение в полосе 38-й армии очень осложнилось в результате внезапно нанесенного противником сильного танкового контрудара из района Зборова. Одной из

причин этого были существенные недостатки в действиях артиллерии армии, как то: ослабление разведки противника, отставание артиллерии сопровождения и нарушение взаимодействия с пехотой к утру второго дня операции. Вследствие этого и некоторых других причин противнику удалось достигнуть внезапности своего контрудара и потеснить части первого эшелона на 2–4 километра. Решительными мерами командование фронта сорвало замысел противника. Массированными ударами авиации в сочетании с огнем артиллерии вражеская группировка была расстроена и понесла большие потери. Благодаря решительному вмешательству С.С. Варенцова в стыке между 60-й и 38-й армиями были развернуты 10-я и 7-я гвардейские истребительно-противотанковые бригады, привлечены к отражению танкового удара 9-я и 11-я гвардейские истребительно-противотанковые бригады; осуществлен маневр резервной 8-й истребительно-противотанковой бригады. Всего же в полосе 8 километров имелось более 400 только противотанковых орудий. Плотность противотанковой артиллерии на глубину до 6 километров равнялась 40–50 орудиям на 1 километр.

Утром 16 июля с рубежа ввода в прорыв 3-й гвардейской танковой армии Сасов — Золочев на глубину до 7 километров ее первый эшелон сопровождался огнем восьми дивизионов. 17 июля вслед за 3-й гвардейской танковой армией в еще более сложной обстановке вошла в прорыв 4-я танковая армия с целью последующего выхода на свое направление и обхода Львова с юга.

Артиллерийское обеспечение ввода в прорыв 4-й танковой армии слагалось из подавления артиллерии противника в районах Плугова и Золочева и отражения сильных контратак вражеских танков и пехоты на обоих флангах танковой армии. Армия двигалась по одному маршруту, имея впереди 10-й танковый корпус. Следовавший за ним 6-й механизированный корпус наиболее узкий участок горловины успел пройти до начала ливней только своими основными соединениями, а значительная часть его штатной артиллерии и артиллерии усиления вследствие бездорожья отстала. Поэтому двое суток корпус вел бои, имея ограниченное количество артиллерии.

С развитием успеха подвижными соединениями и окружением 18 июля бродской группировки противника ожесточенность боев в районе Сасова — Золочева возросла. Противник усилил удары с севера и юга, стремясь деблокировать свою окруженную группировку и одновременно отрезать вышедшие в оперативную глубину наши танковые армии. Решительными действиями наши войска 22 июля ликвидировали

окруженную группировку противника. При этом немалая роль принадлежала артиллерии. В районе Золочева 1500 орудий, минометов и боевых машин реактивной артиллерии обрушивали на врага всю мощь своего огня.

Артиллерийское обеспечение танковых армий и конно-механизированных соединений при преследовании противника в оперативной глубине заключалось в прикрытии открытых флангов и тыла танковых и механизированных соединений артиллерийскими противотанковыми резервами корпусов и армий, последовательно развертываемых на угрожаемых направлениях.

На втором этапе операции, с 28 августа 1944 года, артиллерия, сочетая огонь с широким маневром в тактическом и оперативном масштабах, обеспечила совместно с авиацией успешное форсирование крупной водной преграды — реки Вислы — частями и соединениями 13-й армии, 1 — й и 3-й гвардейских танковых армий, ввод в сражение из второго эшелона 5-й гвардейской армии, а затем последовательное отражение массированных танковых контрударов противника в ходе расширения и удержания крупного плацдарма в районе Сандомира.

В то же время в результате скрытно осуществленного в сжатые сроки маневра артиллерией удалось разгромить дембицкую группировку противника и овладеть городом Дембица.

К исходу 2 августа войска фронта овладели крупным оперативным плацдармом размером 70 километров по фронту и 25 километров в глубину. С этого времени развертываются ожесточенные бои с подошедшими резервами противника за удержание и дальнейшее расширение плацдарма.

В течение августа наши войска на плацдарме вели тяжелые бои с крупными силами танков, в успешном отражении ударов которых решающую роль играли огонь орудий и своевременный маневр артиллерией, действовавшей в тесном взаимодействии с пехотой, танками и авиацией. Решительный и своевременно проводимый маневр артиллерией сначала в полосу 5-й гвардейской армии, а затем в полосу 13-й армии обеспечивал устойчивость и непреодолимость обороны наших войск на плацдарме. Интересно отметить, что в период с 11 по 14 августа в полосу 5-й гвардейской армии было переброшено 850 орудий и минометов, а затем в полосу 13-й армии 18 артиллерийских и минометных полков за время с 21 по 28 августа 1944 года[150].

Таким образом, в результате Львовско-Сандомирской операции войска 1-го Украинского фронта нанесли решительное

поражение немецкой группе армий «Северная Украина», отбросили ее за Вислу, в Карпаты, и захватили в районе города Сандомир крупный плацдарм.

Характерные черты этой операции маршалом И.С. Коневым были отмечены особо: «Львовско-Сандомирская операция заслуживает особого внимания и изучения. По количеству войск, всех родов оружия и боевой техники, сосредоточенных на нашем фронте, она была выдающимся событием в ходе Великой Отечественной войны. Один фронт решал важнейшую стратегическую задачу разгрома группы армий «Северная Украина». Подобного в истории Великой Отечественной войны не было…»[151]

Цели Львовско-Сандомирской операции были полностью достигнуты. 29 июня Указом Президиума Верховного Совета СССР Маршалу Советского Союза Коневу И.С. было присвоено звание Героя Советского Союза.

В своих воспоминаниях маршал И.С. Конев написал: «Как командующий фронтом я считаю своим долгом отметить на страницах этой книги большую работу и заслуги начальника штаба фронта генерала армии В.Д. Соколовского, заместителя командующего по тылу генерал-лейтенанта Н.П. Анисимова, командующего артиллерией фронта С.С. Ва-ренцова и его заместителя генерала Н.Н. Семенова…»[152]

Следует отметить, что после завершения Львовско-Сандомирской операции были проведены организационно-штатные мероприятия, которые способствовали увеличению возможностей командующих артиллерией фронтов и их штабов по оперативному и качественному управлению артиллерией. Что это за мероприятия?

В третьем периоде войны оперативные группы ГМЧ (гвардейских минометных частей) постепенно утрачивали свою первоначальную самостоятельность. Уже в Курской битве все планирование боевого использования артиллерии, в том числе и ГМЧ, осуществлял штаб артиллерии. И вот 23 августа 1944 года Генеральный штаб издал директиву о расформировании оперативных групп ГМЧ. Той же директивой в состав штабов артиллерии фронтов вводился отдел по оперативному использованию ГМЧ. Отдел состоял из восьми человек.

«В том же месяце, — вспоминал Г.С. Надысев, — был объявлен штат дивизиона управления командующего артиллерией фронта, формирование которого должно было проводиться за счет расформированной оперативной группы ГМЧ. Это явилось большим событием в жизни штаба. Наконец-то штабы артиллерии фронтов имели в своем непосредственном

подчинении значительные средства управления. Взамен одного радиовзвода, который мы получили еще под Сталинградом, нам дали целый дивизион управления, в состав которого входили: батарея телефонной связи численностью 65 человек, состоявшая из трех телефонно-кабельных взводов и отделения подвижных средств связи; батарея радиосвязи численностью 41 человек и хозяйственный взвод с транспортным и хозяйственным отделениями. Всего в дивизионе насчитывалось 129 человек. В штабе дивизиона имелись машины: легковых — 4, «виллисов» — 4, полуторных ГАЗ-АА — 8, специальных — 5 и мотоциклов с колясками — 4. Это было такое богатство, о котором мы раньше и мечтать не могли. Нужно ли говорить, как неизмеримо возросли возможности командующего и его штаба при осуществлении оперативного управления артиллерией фронта. Наконец-то пришел конец нашим мытарствам, постоянным заботам о том, где достать машину, чтобы послать своих офицеров для решения неотложных оперативных вопросов. Да, в этом смысле для штаба и для меня начиналась новая жизнь, а уж о том, как благотворно все это должно было сказаться на деятельности самого командующего артиллерией фронта по руководству артиллерией, и говорить нечего»[153].

Следует добавить, что эти нововведения позволили командующим артиллерией фронта не только распределять артиллерию РВГК между армиями, или, как говорил маршал артиллерии В.И. Казаков, «заведовать ею», но и при необходимости непосредственно управлять огнем артиллерии.

Как известно, взаимоотношения между начальниками и подчиненными могут быть разнообразными. Специфика военной деятельности такова, что от недобросовестного отношения каких-либо должностных лиц к исполнению своих функциональных обязанностей зависит выполнение поставленной боевой задачи. Если в бизнесе это отражается на прибыли, то в военном деле это выражается, как правило, в неоправданных потерях личного состава, вооружения, техники и других материальных средств. Поэтому высокая требовательность начальников, которая как раз и заключается в том, чтобы минимизировать эти потери, не всегда нравится нерадивым подчиненным. В результате появляются недовольные и обиженные, которые впоследствии становятся недоброжелателями своего бывшего начальника. При случае они всегда воспользуются возможностью «ударить» словом по своему бывшему начальнику. Не так много недоброжелателей у С.С. Варенцова! Но они есть! По отношению к некоторым уже можно говорить, что были. Вот что писал В. Астафьеву полковник в отставке В.В. Павлов из Москвы: «Вместе с Вашей дивизией (17-

й артиллерийской дивизией прорыва. — *Ю. Р.*) Вы найдете в мемориале в Петривцах написанную золотом на стене и нашу 3-ю Гвардейскую минометную дивизию, где я был в должности начальника автотехнической службы… В конце войны, когда мы были уже в Германии, я получил указание выделить в распоряжение фронта десяток автомобилей с двумя заправками горючего. Когда машины и команда, сопровождавшая их, вернулись, я узнал, что они возили каменноугольные брикеты на дачу Варенцова во Львов. Оказывается, этот… (автор не может позволить себе написать это слово) во время Львовской операции прихватил себе буржуйскую виллу и оформил ее как личную собственность…»[154]

А вот что по этому поводу рассказывает Эрлена Сергеевна: «После освобождения Львова папа посоветовал маме перевести меня во Львов, Там нам выделили верхний этаж в особняке, первый этаж был занят солдатами и офицерами под эвакопункт (скорее всего, это был какой-то объект комендантской службы. — *Ю. Р.*). Особняк был полупустой, только на верхних этажах была кое-какая мебель. Со временем стали восстанавливаться райсоветы, представители райсовета, на территории которого находился особняк, пришли и оценили мебель. Было разрешено за наличные деньги приобретать мебель, находившуюся в особняке. Мама заплатила деньги за рояль, письменный стол и другие предметы первой необходимости. Квитанции на приобретение мебели я храню до сих пор, хотя уже ничего и не осталось».

Этот «эвакопункт» находился в тылу 1-го Украинского фронта. И нет ничего удивительного в том, что командование фронта побеспокоилось и выделило десяток машин для обеспечения «эвакопункта» и других объектов каменноугольными брикетами. Это объясняется тем, что возможности местных райсоветов и комендатур по материальному обеспечению подобных объектов были незначительными. Все, что можно было, немцы вывезли, в том числе и уголь.

Сергей Сергеевич передал через старшего колонны письмо дочери, вот и пошла молва о том, что возили уголь на дачу Варенцова. А то, что в особняке и вокруг него располагались офицеры и солдаты, ожидающие после ранения дальнейшего назначения либо просто находящиеся в командировке, на это уже никто внимания не обращал.

Кроме того, В.В. Павлов утверждает, что С.С. Варенцов во время Львовской операции «прихватил» себе буржуйскую виллу и оформил ее как личную собственность. Ну и зачем, спрашивается, Сергею Сергеевичу эта буржуйская вилла? Что он, всю свою жизнь

собирался служить во Львове? Как будто В.В. Павлов не знает, что оформлять в личную собственность недвижимость в советское время было невозможно. Даже когда Сергей Сергеевич был командующим РВиА СВ, он и его семья жили на государственной даче. Кстати, как и все военачальники. После его смерти в 1971 году дача у семьи Варенцовых была отобрана.

«Горная война прежде и теперь»

В ходе наступления войска 1-го Украинского фронта глубоко обошли фланг группы армий «Южная Украина», находившейся на территории Советской Молдавии и Румынии. В этом Ставка Верховного главнокомандования, внимательно следившая за Львовско-Сандомирской наступательной операцией, увидела новые возможности для разгрома указанной вражеской группировки. 20 августа в наступление против группы армий «Южная Украина» перешли войска 2-го и 3-го Украинских фронтов. На пятый день операции они окружили, а затем и ликвидировали основную массу немецко-фашистских войск в районе Кишинева и Ясс. Это вновь резко изменило обстановку. Войска 2-го Украинского фронта получили возможность выйти на Венгерскую равнину с юго-востока и в дальнейшем действовать в обход Чехословакии с юга.

Таким образом, отпала необходимость нанесения фронтального удара значительными силами с целью преодоления Карпат. Выгоднее было наступать в западном направлении, обходя горный массив Карпат с севера, разгромить там немецкие войска и перенести боевые действия на территорию Германии, а против высокогорных районов Чехословакии выставить заслоны войск.

О сложностях ведения горной войны писал еще Ф. Энгельс:

«Наполеоновский принцип ведения горной войны гласил: «Где может пройти козел, там может пройти человек; где пройдет человек, пройдет батальон, а где батальон, там армия».

Суворову и пришлось это совершить, когда он оказался плотно запертым в долине Рейса: ему пришлось вести свою армию по пастушьим тропам, где можно было пройти лишь по одному, в то время как следом за ним шел Локурб, лучший французский генерал в ведении горной войны.

Вот эта-то возможность обойти неприятеля с фланга и нейтрализует с избытком силу оборонительных позиций, против которых фронтальная атака часто является просто безумием. Охрана всех путей, по которым можно обойти оборонительные позиции, означала бы для обороняющейся стороны такое распыление сил, что поражение было бы неминуемо. В лучшем случае эти пути можно только держать под наблюдением, и отражение обхода должно зависеть от правильного использования резервов и от сообразительности и энергии командиров отдельных частей. Все же если из трех или четырех обходящих колонн хотя бы одна добьется успеха, то обороняющаяся сторона

попадет в такое же трудное положение, как и в случае успеха всех колонн. Таким образом, со стратегической точки зрения в горной войне положение нападающего имеет решительное превосходство над положением обороняющегося»[155].

Однако надо учитывать, что Ф. Энгельс говорил о войнах прошлого. А их, разумеется, многое отличало от нашего времени как по техническому оснащению противостоящих сторон, так и по тому, что воюющие стороны во Второй мировой войне оперировали миллионными армиями и сплошные линии фронтов пересекали целые континенты. В этих условиях наступательные боевые действия в горах являлись лишь отдельными эпизодами.

«Ввязываться… крупными силами в затяжные бои в Карпатах, — вспоминал маршал И.С. Конев, — было невыгодно. Опыт подтверждал, что штурмовать горы будет тяжело. Немцы, как обороняющаяся сторона, опираясь на горы, находились бы в более выгодном положении, чем мы. Для меня было предельно ясно, что борьба в горах может быть вызвана только самой жестокой, железной необходимостью, когда никакого пути обхода или маневра нет»[156].

После войны И.С. Конев по поводу Карпатско-Дуклинской операции 38-й армии высказался более определенно: «Карпатско-Дуклинская операция — эта хотя и небольшая по размаху, но исключительно важная в стратегическом и политическом отношениях операция — была вызвана политической необходимостью, это «неплановая» и тяжелая операция в горах. Она была проведена с единственной целью: оказать помощь Словацкому национальному восстанию»[157].

Как видим, Ставка Верховного главнокомандования приняла решение наступать через Карпаты, невыгодное в военном отношении, но необходимое политически. Обстановка сложилась так, что 1-му Украинскому фронту необходимо было принять срочные меры по оказанию помощи национальному вооруженному восстанию словацкого народа, начавшемуся 29 августа 1944 года. Так возник замысел Карпатско-Дуклинской операции как части стратегической Восточно-Карпатской наступательной операции наших войск.

Для проведения Карпатско-Дуклинской операции привлекались: от 1-го Украинского фронта — 38-я армия, 1-й гвардейский кавалерийский и 25-й танковый корпуса, часть сил 2-й воздушной армии; от 4-го Украинского фронта — 1-я гвардейская армия, 18-я армия, 17-й гвардейский стрелковый корпус, часть сил 8-й воздушной армии[158].

В соответствии с замыслом операции 38-я армия 1-го Украинского фронта и войска 4-го Украинского фронта

действовали в условиях горно-лесистого района Карпат.

Следует отметить, что при подготовке 38-я армия находилась в очень сложном положении. Армия в течение всего августа вела бои и не имела до этого времени для подготовки в сложных горных условиях. Времени для подготовки операции выделено было крайне мало (4–5 суток) в связи с неудачно начавшимся вооруженным восстанием в Словакии, руководители которого обратились за помощью к советскому правительству. Готовность войск к наступлению была определена 7 сентября[159]. В течение четырех суток армии предстояло провести весь комплекс сложных подготовительных мероприятий, учитывая при этом специфику действий в Восточных Карпатах.

Безусловно, необычным в предстоящей операции был прежде всего горный театр. Он был незнаком войскам и командованию. Все предшествующие три с лишним года войны войска 1-го Украинского фронта сражались на равнинной местности. Привычными и понятными были степи и леса, где войска сначала умело оборонялись, а затем стремительно наступали и морозной зимой, и в летний зной, и в распутицу, форсируя многочисленные малые и большие реки. Всему этому войска 1-го Украинского фронта научились. Теперь предстояло приобрести опыт действий в горах. И не на полигонах — для этого не оставалось времени, а в боях с противником.

У С.С. Варенцова предшествующая служба никогда не проходила в горных районах. Ему не приходилось управлять в горных районах не то что артиллерией фронта, а даже артиллерийской батареей и дивизионом. Так что опыта никакого, приходилось учиться всему.

Восточно-Карпатская операция развернулась на участке театра военных действий, известном из истории Первой мировой войны. Поэтому будет нелишним хотя бы в самых общих чертах дать краткую справку о действиях в Карпатах войск русского Юго-Западного фронта в 1914–1915 годах.

Осенью 1914 года, после разгрома австрийских войск в Восточной Галиции и овладения Львовом, к предгорьям Карпат от Дуклинского прохода до Черновиц вышла 8-я русская армия генерала А.А. Брусилова, составлявшая левое крыло Юго-Западного фронта. В тылу русских армий осталась окруженной сильная австрийская крепость Пе-ремышль.

Успешные действия 3-й армии на Краковском направлении и 4-й армии на левом берегу Вислы, а также выход на перевал Дукля и к предгорьям главного хребта на Ужокском и Мукачевском направлениях побудили командующего Юго-Западным фронтом генерала Иванова в декабре 1914 года

приступить к подготовке операции прорыва через Карпаты для вторжения в Венгрию. Главная задача при этом возлагалась на 8-ю армию Брусилова.

Начавшееся наступление армии Брусилова привело к ряду трудных лобовых атак на перевалах в зимнюю стужу. Вся зима и весь март прошли в непрерывных боях на фронте 8-й армии с переменным успехом, но без значительных результатов для обеих сторон. «Пленные австрийские офицеры, — вспоминал генерал А.А. Брусилов, — смеясь, рассказывали в нашем разведывательном отделении штаба, что они войну в Карпатах называют Gummikrieg (резиновая война), так как с начала кампании на этом фланге мне все время приходилось, наступая на запад, отбиваться с фланга. Действительно, нам приходилось то углубляться в Карпаты, то несколько отходить, и движения наши могли быть названы резиновой войной»[160].

Группировка войск противника, несмотря на огромные потери, продолжала усиливаться, а численность русских войск, геройски сражавшихся в Карпатах в тягчайших условиях суровой зимы и горно-лесистой местности, постепенно уменьшалась. К тому же начал сказываться недостаток боеприпасов. При войсках осталось не более 200 выстрелов на орудие[161].

Как почти во всех операциях Первой мировой войны, приняв какой-либо образ действий и утвердив план той или иной операции, высшее русское командование при выполнении операции делалось как будто бы нерешительным и не давало для выполнения плана сразу достаточных средств, как будто желая быть везде сильным и иметь возможность везде парировать всякие случайности.

«Нужно отдать справедливость немцам, — вспоминал генерал Брусилов, — они, предпринимая какую-либо операцию, бросали в выбранном ими направлении сразу возможно большие силы с некоторым риском и решительно приводили в исполнение принятый ими план действий; это давало им в большинстве случаев блестящий результат. У них была в распоряжении громадная артиллерия, с массой орудий тяжелого калибра, мы же в этом отношении сильнейшим образом хромали и не только не увеличивали артиллерии в ударной армии, но даже не снабжали ее в достаточной мере огнестрельными припасами. У нас, как известно, вообще был значительный недостаток огнестрельных припасов, в особенности артиллерийских. Казалось бы, все-таки даже при нашей бедности в этом отношении была возможность несколько обездоливать те участки фронта, которые к данному времени имели второстепенное значение, для того чтобы артиллерийский огонь на решающем боевом участке мог вестись

надлежащим образом. К сожалению, Иванов (командующий Юго-Западным фронтом. — *Ю.Р.*), считавшийся отличным артиллерийским генералом, был плохим знатоком этого дела, совершенно не понимавшим значения современного артиллерийского огня. Он упустил из виду решающее значение этого фактора»[162].

Бои русской армии в Карпатах являли собой образцы мужества и героизма. По пояс в снегу, в лютую стужу, почти без патронов и снарядов, экономя каждый выстрел, дрались русские солдаты. Брусилов писал: «Объезжая войска на горных позициях, я преклонялся перед этими героями, которые стойко переносили ужасающую тяжесть горной зимней войны при недостаточном вооружении, имея против себя втрое сильнейшего противника».

К середине апреля стало очевидным, что Карпатская операция захлебнулась и что задача вторжения в Венгрию признана неосуществившейся. В конечном итоге Карпатская операция русских армий оказалась мертворожденной, ослабившей весь русский фронт и не приведший к какому-либо оперативному успеху.

То, что не удалось достигнуть русским армиям в 1914–1915 годах в силу отсутствия ясного и четкого стратегического плана, должного взаимодействия между фронтами, недооценки артиллерии, недостатков в вооружении и снабжении войск, должна теперь в полной мере осуществить Красная армия.

Войска 38-й армии ожидало наступление на юг. А там высились хребты покрытых лесом гор. И чем дальше, тем выше были их вершины, окутанные дымкой облаков. «Казалось, — вспоминал маршал К.С. Москаленко, — перед нами была невиданная стена толщиной в десятки и сотни километров. Ее не подорвешь, чтобы расчистить себе путь, и тем более не перепрыгнешь. Не могло быть и речи об обходе гор, их нужно было брать ударом в лоб. Ведь к этому и сводился вынужденный характер решений, принятых Ставкой и командующим фронтом. И надо было при любых условиях выполнить поставленную задачу, преодолев для этого и Карпаты и, несомненно, ожидавшее нас упорное сопротивление врага, чья оборона в условиях гор наверняка была особенно мошной»[163].

В ходе операции в Карпатах артиллерии 38-й армии пришлось преодолеть большие трудности, а ее характер действий имел ряд особенностей, к которым следует отнести в первую очередь следующее: необходимость выработки и овладения специальными способами тактических действий в горах, потребность в специальном снаряжении и вооружении артиллерии; ограниченная дорожная сеть, крутые подъемы и

спуски, затруднявшие маневр артиллерии (особенно вдоль фронта), выбор огневых позиций и развертывание; наличие перед фронтом и на флангах большого количества высот, что затрудняло маневр траекториями и приводило к образованию большого количества мертвых пространств, полей невидимости, вследствие чего возросла величина наименьших прицелов; ограниченная видимость (дымка, облака, туманы) и однообразие пересеченной местности, что усложняло ориентировку и правильную оценку наблюдений, снижало достоверность разведданных о глубине обороны противника; обилие высот, впадин, которые искажали звуковые волны, вследствие чего звуковая разведка не всегда давала точные результаты засечки батарей противника. Особую роль приобретало облегченное вооружение, приспособленное к передвижению на вьюках по тропам и вне дорог. Кроме того, особенности горной местности обусловили увеличение расхода боеприпасов артиллерии на подавление и уничтожение в 3–4 раза. Наконец, следует указать на неточность топографических карт горных районов.

Командование и штабы артиллерии фронта и 38-й армии с учетом этих особенностей должны были подготовить артиллерийские соединения и части к действиям в сложных условиях горно-лесистой местности.

Командующий артиллерией фронта генерал С.С. Варенцов, учитывая особенности боевых действий в условиях горно-лесистой местности, предложил маршалу И.С. Коневу значительно усилить 38-ю армию артиллерией РВГК.

В связи с этим артиллерийская группировка 38-й армии, наносившей главный удар, включала в себя большое количество частей и соединений артиллерии, в том числе 17-й артиллерийской дивизии прорыва (командир дивизии генерал С.С. Волкенштейн. — *Ю. Р.*), в результате чего общее превосходство над противником было десятикратным. Распределение, группировка и управление артиллерии армии обеспечили массирование артиллерийского огня по опорным пунктам вражеской обороны и самостоятельность действий стрелковых частей и соединений при развитии боя в горах. Плотность артиллерии на участке прорыва в 8 километров доходила до 144 орудий и минометов на 1 километр в среднем, а в полосах отдельных дивизий — до 164,5.[164]

Огневые позиции артиллерийские подразделения занимали в основном вдоль дорог и долин, эшелонируя их в глубину. Орудия и отдельные батареи, выделенные для стрельбы прямой наводкой, располагались на командных высотах и скатах, обращенных к противнику, тщательно маскировались.

Командующий артиллерией фронта и его штаб оказывали всестороннюю помощь штабу артиллерии 38-й армии в организации управления артиллерией армии в горно-лесистой местности. В условиях дефицита времени на подготовку операции фронтовой и армейский штабы артиллерии искали лучшие способы применения артиллерии, наиболее полно отвечающие особенностям горно-лесистой местности. Если группировка артиллерии армий 4-го Украинского фронта, как правило, была такая же, как и при наступлении в обычных условиях, и артиллерийские группы создавались на всех уровнях — от полка до армии, то группировка артиллерии 38-й армии отличалась некоторым своеобразием. К началу наступления в 38-й армии были созданы армейская артиллерийская группа и группа реактивной артиллерии, а с развитием операции — и минометная группа. С этой целью по предложению С.С. Варенцова 38-я армия была усилена тремя горно-вьючными минометными полками. В горах ограничивалось применение пушечной артиллерии и, наоборот, возрастала потребность в минометах. Поэтому минометная группа являлась в руках командующего армией сильным огневым средством с повышенными маневренными возможностями и использовалась им в случае необходимости для усиления огня артиллерии соединений и частей. В нее входили две подгруппы, каждая из которых состояла из пяти рот 82-мм и трех батарей 120-мм минометов. Так как минометная группа чаще всего использовалась для усиления огня артиллерии какой-либо стрелковой дивизии объединения, то ее командир находился рядом с командующим артиллерией соединения, командир каждой подгруппы — с командиром одного из стрелковых полков, а командиры батарей (рот) — с командирами стрелковых рот. Это обеспечивало тесное взаимодействие общевойсковых соединений (частей, подразделений) с артиллерией.

В стрелковых корпусах были созданы дивизионные артиллерийские группы и группы противотанковой артиллерии. В ходе развития наступления и неизбежного при этом увеличения общей ширины полосы корпуса использование дивизионных групп при отсутствии корпусных вполне себя оправдало.

В стрелковых полках создавались сильные полковые артиллерийские группы (4–6 дивизионов), что в условиях действий стрелковых частей по отдельным направлениям было наиболее целесообразно, так как обеспечивало их самостоятельность при решении поставленных задач. Поскольку С.С. Варенцов был всегда приверженцем тесного взаимодействия пехоты и артиллерии, то в данных условиях и, безусловно, не без

его участия часть артиллерии подчинялась непосредственно стрелковым батальонам и ротам. Это было тем более важно, что армия, с одной стороны, имела весьма ограниченное количество танков непосредственной поддержки пехоты, с другой — танки действовали в условиях скованности маневра в горно-лесистой местности.

Недостаток разведывательных данных о глубине вражеской обороны в горах и наступление по отдельным направлениям предопределяли и некоторые особенности в планировании и осуществлении артиллерийского наступления 38-й армии. Артиллерийская подготовка атаки проводилась с целью надежного подавления противника на переднем крае и частично в ближайшей глубине.

Командующий войсками фронта маршал И.С. Конев, учитывая необычность условий, в которых предстояло выполнять задачи 38-й армии, решил в ходе операции быть ближе к войскам этой армии.

«С утра 8 сентября, — вспоминал И.С. Конев, — мы с К.С. Москаленко, А.А. Епишевым, С.С. Варенцовым выехали на НП армии. Погода стояла хорошая. День выдался солнечный, что способствовало действию авиации и артиллерии»[165].

В 6 часов 40 минут началась артиллерийская подготовка в полосе 38-й армии. Она продолжалась 2 часа 5 минут и имела следующее построение: 10 минут — огневой налет по всей глубине обороны; 45 минут — методическое подавление и разрушение; 10 минут — огневой налет большей части артиллерии и минометов по всем батареям противника; 45 минут — методическое подавление и разрушение; наконец, последние 15 минут — огневой налет с высокой плотностью по первой и второй траншеям с целью надежного подавления живой силы и огневых средств противника на переднем крае и в ближайшей глубине перед атакой.

В 8 часов 45 минут пехота и танки атаковали противника. Артиллерия на главном направлении атаку поддерживала на глубину до 1,5 километра разновидностью огневого вала — методом сползающего огня с нарастающим темпом (как в Корсунь-Шевченковской и Львовско-Сандомирской операциях). Огонь переносился по пятнадцати рубежам и велся по каждому рубежу в течение 4–5 минут. Нарастание плотности огня производилось путем увеличения интенсивности стрельбы с глубиной. Ликвидация разрыва между артиллерийской подготовкой и поддержкой атаки достигалась переносом огня одной трети всей артиллерии за 2 минуты до ее конца на первый рубеж огневого вала.

С окончанием огневого вала артиллерия сопровождала пехоту и танки в глубине обороны противника, последовательно сосредоточивая огонь по важнейшим объектам или уничтожая отдельные цели огнем орудий прямой наводкой. К исходу дня соединения 101-го стрелкового корпуса и части 25-го танкового корпуса на глубине 10–12 километров встретили резко возросшее сопротивление противника, занимавшего оборону по рубежу покрытых лесами высот. Начались упорные, затяжные бои в горно-лесистой местности.

Наступление со второго дня развивалось медленно, поэтому с целью развития успеха 10 сентября был введен в сражение 1-й гвардейский кавалерийский корпус, который на узком участке фронта прорвался в тыл противника. Однако стрелковые части отстали. Попытка 101-го стрелкового корпуса расширить прорыв успеха не имела. В то же время 1-й гвардейский кавалерийский корпус, израсходовавший значительное количество артиллерийских боеприпасов при вводе в сражение, на период действий в рейде имел их всего 10 % от предусмотренного планом. Артиллерия корпуса отстала, так как противнику удалось закрыть образовавшийся прорыв. Корпус 12 дней вел бои в окружении, не имея достаточного количества артиллерии и боеприпасов. Таким образом, развить успех в полосе 38-й армии не удалось. Это объяснялось недостаточной подготовленностью войск для действий в горно-лесистой местности. Основными недостатками в действиях артиллерии являлись отсутствие горного снаряжения, достаточной натренированности личного состава для ведения боев в горах, частое нарушение подвоза боеприпасов, недостаточное овладение искусством стрельбы, а также отсутствие опыта в организации разведки и выборе огневых позиций в горах.

Командующий артиллерией фронта С.С. Варенцов на опыте ведения боевых действий артиллерией 38-й армии убедился, что управление артиллерией в горно-лесистой местности имеет свои особенности. Они заключались в частом переходе от централизованного управления к частичной децентрализации и обратно. Другими словами, степень централизации управления артиллерией постоянно менялась. Это обусловливалось отсутствием нужного количества дорог для продвижения артиллерии и упорным сопротивлением противника на промежуточных рубежах и в опорных пунктах, что требовало организации быстрого огневого подавления. С развитием боя в глубину и при переходе к преследованию управление артиллерией децентрализовалось. При этом имели место случаи подчинения артиллерийских дивизионов командирам стрелковых

батальонов. Все это требовало от артиллерийских штабов большой гибкости при управлении и хорошо действующей связи.

Взаимодействие между артиллерией и пехотой необходимо было организовывать путем проведения совместной рекогносцировки местности, установления общих ориентиров и сигналов, общей кодировки карт, совместным или близким расположением наблюдательных пунктов пехотных и артиллерийских начальников, следованием передовых наблюдательных пунктов за боевыми порядками. В горах взаимодействие часто нарушалось из-за отставания артиллерии, трудностей поддержания телефонной и радиосвязи.

Опыт боевых действий в Карпатах показал, что артиллерии необходимо иметь радиосвязь не только с непосредственно поддерживаемыми стрелковыми частями, но и подразделениями, действующими в обход опорных пунктов и высот. Отсутствие такой связи приводило к тому, что обходящие подразделения при выходе на высоты и опорные пункты противника с обратной стороны ошибочно принимались за противника и иногда подвергались обстрелу нашей артиллерией. Кроме того, в составе обходящих подразделений должны быть офицеры-артиллеристы, способные корректировать огонь артиллерии. Еще в ходе Карпатско-Дуклинской операции С.С Варенцовым были даны указания штабу артиллерии фронта обобщить опыт ведения боевых действий в горно-лесистой местности. Впоследствии некоторые положения обобщенного опыта боевых действий артиллерии 1-го Украинского фронта были включены в «Памятку при действиях в горах», изданную штабом 4-го Украинского фронта. Опыт ведения боевых действий артиллерии в горно-лесистой местности был востребован при участии 1-го Украинского фронта в Пражской операции.

Горы ежечасно, даже ежеминутно требовали очень внимательного отношения к ним. Они не щадили никого, ни солдата, ни генерала. «В сентябре 1944 года, — рассказывает Эрлена Сергеевна, — в ходе Карпатско-Дуклинской операции на «виллис» отца совершил наезд один из танков, выдвигавшихся на рубеж перехода в атаку. Все, кто был в машине, выпрыгнули, но папа не успел, а только смог сдвинуться и наклониться. Танкисты шли в бой с закрытыми люками, поэтому наблюдение через триплексы было ограниченным. Папа чудом остался в живых, но последствия оказались очень тяжелыми. Сломаны ребра, сжато легкое, разбиты кости таза… Когда я приехала в госпиталь, — продолжает Эрлена Сергеевна, — то увидела: от горла до ног — сплошной гипс. Мама улетела с папой в Москву, в госпиталь имени П.В. Мандрыка, предстояла очень серьезная операция, а я

осталась во Львове».

Несмотря на тяжелое ранение, Сергей Сергеевич, находясь в госпитале, требовал от своих подчиненных докладывать ему о положении и состоянии артиллерии фронта, о задачах и ходе их выполнения. Так, 30 сентября 1944 года начальник штаба артиллерии фронта подполковник Я.Д. Скробов доложил в письменной форме своему командующему артиллерией:

«…мы близко подошли к своим друзьям — чехам. Бои проходят трудно, ввиду тяжелых горных условий. Наблюдается повышенный расход боеприпасов. Стрельба в горах, видимо, трудное дело для наших офицеров, привыкших к равнинным условиям. Сказывается, конечно, и неумение наблюдать. Можно надеяться, что этот опыт хоть он и дорого обойдется, но окупится, так как будут подготовлены кадры, привыкшие к горным условиям.

В настоящее время проходит большая работа по проверке боеготовности, организации противотанковой обороны, обеспечения стыков. Т. е. всего комплекса вопросов, связанных с обороной. Работники штаба все находятся в войсках и делают большое полезное дело.

Проводим конференции командиров орудий и наводчиков. ПОЛУЭКТОВ (командующий артиллерией 5-й гвардейской армии. — *Ю. Р.*) уже провел, и их опыт мы уже довели до войск, издали по этому вопросу специальный бюллетень (№ 3). В настоящее время проводим конференции по ускоренному планированию огня — в первую очередь ее проводит КУБЕЕВ (командующий артиллерией 13-й армии. — *Ю. Р.*), а затем и по другим армиям. К этой конференции подготовлен бюллетень № 4, где помещена директивная статья «Ускоренное планирование огня при организации артиллерийского наступления», в которой использованы Ваши указания по этому вопросу, т. к. Вы инициатор этого дела и еще в прошлом году проводили ускоренную подготовку.

МЕНТЮКОВ (командующий артиллерией 3-й гвардейской танковой армии. — *Ю. Р.*) получил полк 100-мм пушек. На днях проводим стрельбу по немецким танкам Т-5, Т-6 и «Королевскому тигру». По этим танкам написали брошюру, имеем намерение издать ее через политотдел или через полковника ЯНЧИНСКОГО.

Полки дерутся, тов. генерал-полковник, хорошо, против немецких танков и пехоты держатся стойко.

Традиции артиллерийской стойкости полностью сохраняются. Будьте здоровы. От всей души желаем Вам скорее поправиться и вновь стать в строй»[166].

«К большому нашему горю, — рассказывает Эрлена

Сергеевна, — несчастья для нашей семьи не закончились. Привезли гроб с моей старшей сестрой Ниной и сообщение, что она покончила жизнь самоубийством. Я попросила не открывать гроб, я не могла увидеть ее мертвой. Похоронила Нину на Львовском кладбище. Проплакала всю ночь, хотя с начала войны не проронила ни слезинки. Солдаты и офицеры отдали ее вещевой мешок и маленький чемоданчик. Когда я открыла мешок, я увидела ее шелковый белый в темных клетках шарфик, но он весь был в крови, так, как будто она прикладывала к ране. Почему же прислали документ, что она застрелилась?! Что-то не так?! Меня этот вопрос мучил много лет. И только в 1971 г., после смерти папы, я случайно узнала правду.

Я послала письмо родителям в Москву, рассказав в нем, что произошло с нашей любимой Ниной. Мама прочла письмо отцу, он еще не вставал. Папа сразу потерял сознание. Это было 9 октября 1944 года. Когда врачи приводили отца в сознание, мама стояла в коридоре плакала и держала в руках письмо. К ней подходит раненый офицер, читает, сочувствует. Они поговорили и разошлись. Это был Олег Владимирович Пеньковский. Так состоялось знакомство моих родителей с Пеньковским.

Родителям тоже сообщили, что Нина покончила жизнь самоубийством.

Разумеется, никакого самоубийства не было. Просто в армии шла проверка тыловиков, а Нина, общаясь с ними, многое знала. Уже позже, когда я работала врачом в Центральной поликлинике ВВС Минобороны СССР в Москве, ко мне подошла незнакомая женщина. «Вы Варенцова? — спросила она. — Я ведь закрывала вашей сестре глаза, когда она умирала». Эта женщина работала медсестрой в госпитале, в котором лежала Нина с тяжелой ангиной. Все шло к выздоровлению. В это время уезжали на фронт подлечившие свои раны летчики, знакомые Нины. Они пригласили ее проводить их, но сначала отметить это событие по русскому обычаю перед уходом на фронт.

Так как Нина была уже почти здорова, ей разрешили, и она с радостью пошла провожать друзей-товарищей. Они сидели за столом в большой комнате, во второй комнате были сложены их вещи. В самом начале вечеринки летчики и Нина услышали, как из второй комнаты кто-то ее позвал. Она еще сказала: «Знакомый голос» — и пошла в эту комнату. И вдруг все услышали громкий выстрел. Летчики вбежали в комнату. Нина лежала и прижимала свой шарфик к груди, текла кровь, она была в сознании. Все присутствующие заметили, что окно было открыто настежь. Летчики принесли ее в госпиталь, доложили о случившемся в соответствующие органы.

Женщина также рассказала, что Нина просила ее написать 2 письма, она сама диктовала ей: одно письмо папе, другое — мне. Нина была в сознании 3 дня, потом умерла. После ее смерти пришли следователи, посоветовали молчать и забрали письма. Папа старался узнать правду, сделал все, чтобы разыскать следователя, который вел дело. Но ему ответили, что следователь подорвался на мине и все документы по делу его дочери сгорели».

20 октября 1944 года И.С. Конев телеграфировал С.С. Варенцову в госпиталь: «Получил Ваше письмо. Очень рад, что лечение идет успешно. Прошу Вас лечиться как следует. Поправляйтесь до полного выздоровления. Шлю мой сердечный привет и желаю крепкого здоровья. У нас все в порядке. Информируйте о лечении. Ваш *Конев*»[167].

Высоко ценивший Сергея Сергеевича командующий фронтом И.С. Конев отказался от замены его другим военачальником, приняв решение на должность командующего артиллерией фронта никого не назначать до возвращения С.С. Варенцова из госпиталя.

В свою очередь, подчиненные офицеры и генералы поддерживали Сергея Сергеевича теплыми словами в своих письмах.

«1 октября 1944 г.

Здравствуйте, товарищ генерал-полковник артиллерии. Шлю я Вам свой пламенный привет и желаю как можно быстрее поправить свое здоровье и вернуться снова в строй и продолжать уничтожать немецких захватчиков. Еще шлю привет и самые наилучшие пожелания Екатерине Карповне.

Товарищ генерал, это я пишу Вам *не* только свои пожелания — это пожелания всех артиллеристов фронта.

Товарищ генерал-полковник Ваше несчастье — это несчастье всех артиллеристов и всех не артиллеристов фронта.

Я часто нахожусь в частях, и первой темой разговора является разговор о Вашем здоровье… воспоминания о Вас как о лучшем командующем, генерале и товарище.

Несколько слов о своей работе.

В основе работы я провожу Ваш принцип работы. После вашего убытия у нас получилось маленькое замешательство, сейчас дело поправляется. Потерь больших нет, перемещений старшей группы также нет.

Сейчас развертываем учебу всех звеньев офицерского состава…

С приветом и уважением к Вам

Подполковник (подпись) Курушов»[168].

«26 октября 1944 г.

Привет из Польши.

Здравствуйте уважаемый товарищ генерал-полковник. Шлю я Вам от всей души и чистого сердца пламенный привет и желаю как можно быстрее поправить свое здоровье и снова вернуться к нам и только к нам, этого требует обстановка и это будет лучше и для Вас и для нас, и продолжать свою работу по окончательному уничтожению немецких оккупантов в их собственной берлоге.

Считаю своим долгом передать Вам — боевому генералу, испытанному полководцу и замечательному человеку — товарищу боевой привет и самые наилучшие пожелания от работников штаба артиллерии фронта, всех артиллеристов нашего фронта, Ваших воспитанников-артиллеристов 2 и 4 Украинских фронтов, а также значительного большинства общевойсковых генералов и офицеров нашего фронта.

Прошло 49 дней, как несчастный случай вывел Вас из строя, из нашей боевой и дружной семьи, как будто это небольшой промежуток времени, но он для Вас и для всех артиллеристов фронта показался тяжелым временем, имеющим много переживаний, целый ряд специфических особенностей и недостатков в работе и боевой жизни.

Несмотря на это, мы в своей работе строго стремимся провести ваши принципы и Вашу линию, и откровенно говоря, Ваша зарядка не исчерпана.

…Благодарю Вас, тов. генерал, за теплые слова, за очень ценные указания и отцовские советы. Заверяю Вас, я все сделаю, все выполню.

…До скорого свидания.

…С приветом и уважением к Вам /подпись/ *Курушов*»[169].

«7 ноября 1944 г.

Командующему артиллерией

1-го Украинского фронта

генерал-полковнику артиллерии

т. Варенцову

В день 27-й годовщины Октября мы, летчики, штурманы, офицеры, техники, мотористы 118-го отдельного корректировочно-разведывательного авиационного Киевского Краснознаменного ордена Александра Невского полка, шлем Вам приветствие и ПОЗДРАВЛЯЕМ Вас с праздником.

С прискорбием узнали мы печальную весть о вашем ранении. Артиллеристы всего фронта и мы, авиаторы, временно лишились человека, военный талант и умение которого приносили величайшую пользу Родине.

Мы оставались и остаемся сейчас верными тому обещанию,

которое торжественно дали Вам в День Сталинской авиации. За это время мы провели 75 корректировок, сфотографировали 11 798 кв. километров площади, а наши дешифровщики обнаружили более 14 000 целей.

Гитлеровская Германия стоит накануне катастрофы. Предстоят еще жаркие бои. Мы обещаем Вам работать еще лучше, обеспечивать наших артиллеристов воздушной разведкой и корректировкой артогня.

Мы твердо уверены, что в предстоящих схватках с врагом, которые, несомненно, принесут нам победу, Вы будете вместе с нами, будете руководить нами и направлять всю нашу работу.

Чистосердечно желаем Вам, товарищ командующий, быстрейшего выздоровления и возвращения в строй. Это будет в большей мере способствовать победам нашего прославленного в боях фронта.

До скорой встречи на фронте!

По поручению торжественного собрания — письмо подписали:

Командир 118-го отдельного корректировочно-разведывательного авиационного Киевского Краснознаменного ордена Александра Невского полка

подполковник (подпись) КОЛОКОЛОВ

Заместитель командира по политчасти *майор (подпись) ПАХЛЕВАНЯН*

Начальник штаба полка

подполковник (подпись) БАБАЕВ»[170].

Поддержка подчиненных вдохновляла Сергея Сергеевича и, безусловно, помогала ему преодолевать как душевные, так и физические боли, вселяла в него надежду и уверенность в том, что он непременно поправится и вновь вернется в родной боевой коллектив.

Сергей Сергеевич встал на ноги с помощью костылей через полтора месяца. Во время лечения врачи сделали все возможное, но одна нога у Сергея Сергеевича так и осталась короче другой на семь сантиметров[171].

«В конце 1944 г., — вспоминает Эрлена Сергеевна, — во Львове я увидела отца с костылями, но через сутки он уже уехал на фронт. Папа хотя и с костылями, но был бодр и рад, что едет на фронт. Других вариантов для него не существовало».

Артиллерийский гром за Вислой

1-й Украинский фронт проводил с 12 января по 3 февраля 1945 года Сандомирско-Силезскую наступательную операцию как часть стратегической Висло-Одерской операции. Обязанности командующего артиллерией фронта исполнял генерал-лейтенант артиллерии Н.Н. Семенов. Фронт был усилен 10-м артиллерийским корпусом прорыва (4-я и 31-я артиллерийские дивизии прорыва) и пятью бригадами и дивизионами.

В результате усиления к началу операции 1-й Украинский фронт имел 12 440 орудий и минометов от 76-мм и выше (без зенитной артиллерии), а также 516 пусковых рам и 526 боевых машин реактивной артиллерии.

Важной особенностью рассматриваемой операции являлось проведение в период ее подготовки крупной по масштабам перегруппировки.

В соответствии с планом операции с конца октября началось оперативное сосредоточение артиллерии, поступившей в распоряжение фронта из резерва Ставки ВГК. Перегруппировка основной массы артиллерии, прибывавшей в состав фронта из резерва Ставки ВГК, производилась на расстояние от 500 до 2000 километров. Достаточно указать, что артиллерия 21-й армии перебрасывалась из района Выборга, артиллерия 59-й армии — из района Прибалтики, а артиллерия 6-й и 52-й армий — из южных районов Украины и Молдавии.

В результате перегруппировки на 1-м Украинском фронте на главном направлении предусматривалось использовать 10 527 из имевшихся 12 440 орудий и минометов от 76-мм и выше, или около 84 %. Почти вся реактивная артиллерия была сосредоточена на направлении главного удара фронта (100 % рам и 90 % боевых машин).

Наличие большого количества артиллерии и ее решительное массирование позволили создать на участках прорыва армий высокие оперативные плотности артиллерии — 217–228 орудий и минометов от 76-мм и выше на 1 километр фронта участка прорыва.

Несмотря на отсутствие С.С. Варенцова, как всегда, слаженно работал штаб артиллерии фронта, прошедший в предыдущих наступательных операциях «школу Варенцова».

Возглавлял штаб артиллерии фронта подполковник Я.Д. Скробов.

Начав войну помощником начальника штаба артиллерийского полка, Я.Д. Скробов вырос в отличного

начальника штаба артиллерии фронта, «внушавшего уважение всем, с кем он имел дело, своей распорядительностью, большой штабной культурой, соединенной с солдатской четкостью»[172].

Вот что писал о нем в начале войны К. Симонов:

«Сначала мы зашли на командный пункт, где нам сказали, что командир дивизиона старший лейтенант Скробов находится на наблюдательном (пункте. — *Ю. Р.*). На несколько метров выше командного пункта все уже начинало просматриваться с немецкой стороны, и мы, прежде чем идти дальше, надели на себя белые халаты, белые варежки, белые капюшоны, а пунктуальный начальник штаба дивизиона не забыл заставить нас спрятать под халаты бинокли и фотоаппараты. Чувствовалось, что маскировочная дисциплина стоит здесь на должной высоте.

Кстати сказать, с этим у нас далеко не всюду благополучно. Не потому, что люди не понимают значения маскировочной дисциплины, а потому, что ложное представление о храбрости заставляет их порой пренебрегать маскировкой из боязни, чтобы осторожность не была принята за трусость. Но здесь, в дивизионе у Скробова, видимо, презирали эти ухарские соображения и маскировались самым добросовестным образом, не желая менять этот лучший в окрестностях наблюдательный пункт.

Когда мы добрались до него, то увидели, что это, как чаще всего здесь бывает, не вырытая в земле, а воздвигнутая из камней крошечная земляночка с двумя отверстиями — для стереотрубы и бинокля. Нас встретил в ней старший лейтенант Скробов, рослый человек с грубоватым умным солдатским лицом и пристальными глазами. Он отрапортовал Еремину (комиссару полка. — *Ю. Р.*) и стал подробно докладывать ему события дня. Он сообщил все замеченное за этот день, каждое мельчайшее передвижение немцев, и за словами его чувствовался охотничий азарт человека, изучившего здесь каждый вершок земли и уже так давно и так повседневно охотящегося за немцами, что это превратилось у него из привычки в потребность.

…Скробов показал в стереотрубу засеченные им точки расположения немцев. Потом он показал… только что обстрелянную лощину. Оставалось лишь удивляться тому, как он точно знает весь этот однообразный угрюмый пейзаж, как отличает одну крошечную лощину от другой, один кустарничек от другого там, где, казалось бы, невозможно отличить это человеческим глазом. Но он все это видел и даже показывал черневшие на снегу пятнышки убитых лошадей и людей, которых немцы еще не успели вытащить из лощины.

Скробов понравился мне. Он докладывал комиссару полка очень спокойно, по-деловому. В нем не было никакого

искательства перед Ереминым. Чувствовалось, что этот человек всецело отвечает за порученное ему дело и именно поэтому совершенно спокоен перед лицом начальства.

…Пообедав, мы еще немного поговорили со Скробовым, который показал нам свою артиллерийскую документацию, в условиях такой землянки сделанную с неслыханной тщательностью, чуть ли не на ватманской бумаге, цветными карандашами и тушью. Коротко и точно ответив на все наши вопросы, он попросил у Еремина разрешения вернуться на наблюдательный пункт.

Это был несомненный самородок, выходец из рядовых красноармейцев, ставший к тому времени, когда мы у него были, старшим лейтенантом. В нем было большое чувство собственного достоинства — неудивительное у человека, который абсолютно все в своей жизни сделал собственными руками. Он экстерном сдавал за десятилетку и потом за военную школу. Голова у него была большая, лобастая, с внимательными медленными глазами. Я подумал тогда, что такие люди всегда пробивают себе дорогу. Именно такого типа люди, даже в старое время, даже из кантонистов, случалось, выходили в генералы»[173].

Один из командиров батарей, воевавших под командованием Якова Дмитриевича Скробова, вспоминал:

«…Я закончил войну в должности начальника штаба артиллерийской бригады, и в послевоенное время продолжал службу в различных артиллерийских штабах. Тогда же, в 1941 году, я не помышлял о штабной службе, мне больше нравилось командовать. Эта работа казалась живее, интереснее, ведь все время приходилось иметь дело с людьми, быть с ними рядом. Думается, не без участия Я.Д. Скробова я изменил свое отношение к штабной деятельности. Дело в том, что Яков Дмитриевич перед войной и в начале ее служил помощником начальника штаба нашего полка по оперативной части. Он хорошо знал свое дело, аккуратно вел документацию, хотя в условиях Заполярья делать это было и нелегко.

Став командиром дивизиона, Скробов с прежней любовью и уважением продолжал относиться к штабной работе. От нас, командиров батарей, он требовал четкой отработки документации в любых условиях. Помню, пристроишься где-нибудь за валуном, в расщелине скалы или в траншее, продрогнешь, а надо изучать обстановку, выявлять огневые точки, позиции артиллерии противника. Коченеют на тридцатиградусном морозе руки, стылый ветер рвет из негнущихся пальцев карту или лист бумаги. Но нанести на карту или схему все цели необходимо абсолютно точно. Иначе батарея

будет стрелять впустую. Такой точности Яков Дмитриевич требовал от каждого офицера, каждого разведчика. Те данные, которые наносил на карту или схему сам, можно было не проверять. Никаких оправданий неряшливости в отработке документации он не признавал»[174].

Как упоминалось выше, при подготовке Киевской наступательной операции подполковник Я.Д. Скробов во главе штаба 3-й гвардейской танковой армии совместно со штабом 7-го артиллерийского корпуса прорыва спланировал по двум вариантам артиллерийское обеспечение ввода в прорыв подвижной группы — 3-й гвардейской танковой армии и 1-го гвардейского кавалерийского корпуса.

Вероятно, в это время С.С. Варенцов обратил внимание на грамотного «штабника», в хорошем смысле этого слова, и проявил заинтересованность и настойчивость в том, чтобы Я.Д. Скробов возглавил штаб 1-го Украинского фронта. На штаб артиллерии 3-й гвардейской танковой армии Яков Дмитриевич пришел с должности начальника оперативного отделения штаба артиллерии 14-й армии Карельского фронта, на которой с марта 1942 по апрель 1943 года осваивал премудрости штабной службы в оперативных штабах. Впоследствии, вспоминая бои в Заполярье, Яков Дмитриевич писал: «Мы воевали и вместе с тем учились воевать. Каждый бой на войне — школа бесценного боевого опыта»[175].

Нелишне еще раз вернуться к воспоминаниям К. Симонова. «Лет десять назад, — писал К. Симонов, — мне довелось беседовать о последних наступательных операциях этого фронта с его командующим Иваном Степановичем Коневым, который при всей его скудости на похвалы отозвался мне о Скробове как еще об очень молодом в то время, но исключительно способном артиллеристе. От командира дивизиона до начальника штаба артиллерии огромного фронта, в который входило больше десяти армий, дистанция огромного размера. Да и должность эта, разумеется, генеральская. Однако Скробов исполнял ее, находясь в полковничьем звании. До большего по молодости лет он в годы войны не дослужился; дослужился уже после войны до генерал-лейтенанта артиллерии и в свой черед и срок ушел в отставку, написав мне об этом кратко и без горечи, как о должном и необходимом: «…Ушел в отставку. Возраст и здоровье не позволяют тянуть в полную силу служебную лямку, а раз так, надо уступать место тем, кто ее может тянуть, то есть молодым. Завершив военную службу, могу сказать, что я доволен своей судьбой, судьбой военного человека, служившего Отечеству в Вооруженных Силах»[176].

Генерал С.С. Варенцов прибыл на фронт после ранения во второй половине января 1945 года к началу второго этапа наступательных действий 1-го Украинского фронта. В соответствии с директивой командующего фронтом от 18 января № 0024/оп главная группировка фронта должна была преследовать противника в общем направлении на Бреслау и с ходу форсировать реку Одер. Ведущая роль в выполнении этой задачи отводилась 3-й и 4-й гвардейским танковым армиям.

В ходе преследования огневую деятельность вела главным образом полковая и дивизионная артиллерия, которая неотступно следовала в боевых порядках пехоты и своевременно оказывала ей необходимую поддержку. Артиллерия РВГК большую часть времени совершала марши, двигаясь в походных колоннах за стрелковыми и танковыми соединениями, и только в отдельных случаях вела огонь. Резкий спад огневой деятельности в ходе преследования, обусловленный ослаблением сопротивления противника, был характерен для всей артиллерии.

Спад огневой деятельности артиллерии объяснялся и нарастанием трудностей в материально-техническом обеспечении, обусловленных стремительностью наступления, растяжкой тылов и невозможностью использовать железные дороги без предварительного восстановления и переоборудования их. Чем дальше на запад продвигались войска фронта, тем на большее расстояние приходилось подвозить автотранспортом материальные средства, так как основные базы снабжения фронта все еще оставались за Вислой. Отставание артиллерии из-за перебоев в снабжении горючим стало особенно заметным по достижении рубежа реки Варты.

С.С. Варенцов понимал, что в сложившейся обстановке необходимо снизить степень централизации управления артиллерией, то есть децентрализовать его. Поэтому в этих условиях было принято целесообразное решение по применению артиллерии. Были отданы необходимые распоряжения.

Артиллерия, следовавшая в боевых порядках пехоты и танков, решала возникшие в ходе преследования огневые задачи преимущественно огнем с открытых огневых позиций прямой наводкой. Таким способом было поражено более 50 % всех целей, подвергшихся за время преследования воздействию огня артиллерии[177]. К такому способу действий обязывали как скоротечность боев, так и необходимость экономить боеприпасы, подвоз которых по мере удаления частей от артиллерийских складов все больше затруднялся. К действиям таким способом привлекалась не только артиллерия малых и средних, но и тяжелых калибров. Например, в бою за город Грабув на реке

Просна на прямую наводку была выставлена 98-я тяжелая гаубичная бригада (1-я гвардейская артиллерийская дивизия прорыва). Наиболее широкое применение стрельбы прямой наводкой орудиями всех калибров отмечалось в боях за Силезский промышленный район, где противник упорно оборонялся в городах и селениях с прочными каменными постройками.

Вышедшие 23 января на реку Одер соединения 5-й гвардейской и 52-й армий с ходу форсировали реку. Переправившись через нее по льду, артиллерийское сопровождение форсирования обеспечивалось как огнем прямой наводкой, так и сосредоточенным огнем частей с закрытых огневых позиций. Части 3-й артиллерийской дивизии прорыва обеспечивали форсирование Одера соединениями 5-й гвардейской армии в районе города Олау. Вместе с первым эшелоном форсирования на левый берег реки были переправлены 169-й минометный (17-я минбр) и 637-й легкий артиллерийский (15-я лабр) полки. Орудия вручную перекатывались по льду, а минометы и боеприпасы переносились на руках. К исходу 25 января на захваченные соединениями 5-й гвардейской армии плацдармы была переправлена вся полковая артиллерия, не менее 75 % дивизионной и небольшая часть артиллерии РВГК. Это сразу же придало устойчивость боевым порядкам стрелковых частей, действовавших на плацдармах.

В боях за расширение и объединение плацдармов во всех видах артиллерии широко применялась стрельба прямой наводкой. Но наряду с этим производились короткие, не более 15 минут, артиллерийские подготовки с массированием огня по важнейшим опорным пунктам противника. Управление артиллерией постепенно централизовалось в стрелковых корпусах, создавались свои артиллерийские группы.

В этот период С.С. Варенцов и штаб артиллерии фронта работали с полным напряжением сил. Много времени уходило на сбор информации о положении и состоянии артиллерии фронта, организацию всестороннего обеспечения, своевременный вывод артиллерийских соединений и частей РВГК в резерв и подготовку их к предстоящим боевым действиям. Так, на первом этапе операции, после тактического прорыва, штаб артиллерии фронта произвел маневр артиллерии на левое крыло фронта в целях обеспечения занятия Силезского промышленного района. В конце операции в интересах выполнения новых задач потребовалось произвести перегруппировку в противоположную сторону — на правое крыло. Из 59-й армии в 3-ю гвардейскую армию на расстояние более 300 километров была рокирована 17-я

артиллерийская дивизия прорыва. С левого фланга на правый фланг 52-й армии был перегруппирован и 10-й артиллерийский корпус прорыва.

Висло-Одерская операция с точки зрения организации управления огнем и маневром артиллерии через посредство временных тактических артиллерийских групп общего назначения, создававшихся во всех войсковых инстанциях, от стрелкового полка до армии включительно (ПАГ, ДАГ, КАГ, ААГ), как бы завершала длительный путь напряженных поисков лучших форм и методов управления огнем и маневром крупных масс артиллерии, сосредоточиваемых на относительно узких участках фронта. Создание артиллерийских групп по организационно-тактическому признаку обеспечило более тесное взаимодействие артиллерии с пехотой и танками, повысило оперативность управления артиллерией, улучшило условия подготовки и ведения сосредоточенного и массированного огня.

Главное отличие системы управления артиллерией, созданной на 1-м Украинском фронте, от системы управления артиллерией 1-го Белорусского фронта заключалось в организации очень сильных полковых артиллерийских групп, на формирование которых направлялось от 37 % (5 гв. А) до 61 % (52 А) всей приданной армиям артиллерии РВГК[178]. Это стало возможным в результате решительного отхода С.С. Варенцова от курса на централизованное использование в масштабе армий артиллерийских корпусов прорыва (более 85 % их состава включалось в ДАГ и ПАГ). В связи с тем, что в ПАГ включалась и артиллерия вторых эшелонов, привлекавшаяся для участия в артиллерийской подготовке, в их составе находилось в среднем от 9 (13 А) до 11 (52 А) артиллерийских и минометных дивизионов различных калибров. Артиллерия стрелковых полков, за исключением 5-й гвардейской армии, в ПАГ не включалась[2].

Для организации армейских артиллерийских групп выделялось в среднем около 18 %. А с учетом армейских противотанковых резервов (иптабр) в непосредственном подчинении армейских командований оставалось до 25 % всей артиллерии РВГК. В каждую армейскую группу дальнего действия наряду с пушечными и тяжелыми гаубичными бригадами обязательно включалось по одной легкой артиллерийской бригаде (лабр). Состав группы — 4–5 артиллерийских бригад плюс 2–3 артиллерийских полка стрелковых дивизий второго эшелона или соседней армии, наносившей вспомогательный удар. Армейская группа делилась на корпусные подгруппы, и по одной бригаде оставалось в непосредственном подчинении у командующего артиллерией армий в качестве подручной

артиллерии.

Все части полевой реактивной артиллерии, в том числе и привлекавшиеся к проведению артиллерийской подготовки, объединялись в армейских группах ГМЧ. Исключением была только 5-я гвардейская армия, в которой полки БМ-13 были подчинены стрелковым корпусам, а в армейской группе ГМЧ была оставлена 3-я гвардейская минометная дивизия М-31.

Во фронте широко практиковалось привлечение к артиллерийской подготовке среднекалиберной (85-мм) зенитной артиллерии.

В целом система артиллерийских групп на 1-м Украинском фронте выглядела более стройной, простой и более удобной для управления, нежели на 1-м Белорусском фронте[179]. Кроме того, такая система управления артиллерией обеспечивала тесное взаимодействие артиллерии 1-го Украинского фронта с пехотой и танками на всех уровнях управления, несмотря на сложные физико-географические условия.

В данной операции впервые был применен введенный в штат управления командующего артиллерией фронта дивизион управления, который обеспечил связь (по линии наблюдательных пунктов) командующего артиллерией фронта с командующими артиллерией армий, действовавших на главном направлении, а также с командирами артиллерийских корпусов. Появилась также возможность организации запасного узла связи, что повышало устойчивость и непрерывность управления артиллерией фронта. Кроме того, в распоряжение начальников связи штабов артиллерии фронтов выделялось три-четыре кабель-но-шестовых взвода, силами которых строились постоянные линии связи от временного полевого управления штаба фронта до наблюдательного пункта командующего артиллерией фронта. Наличие у командующих артиллерией фронтов своих независимых каналов связи намного увеличивало их возможности по управлению огнем и маневром больших масс артиллерии.

От Одера до Нейсе

Для дальнейшего наступления требовалась пауза. Ведь одна наступательная операция (Сандомирско-Силезская), по существу, без всякой передышки переросла в другую (Нижне-Силезскую).

«Обстановка, — по утверждению маршала И.С. Конева, — настоятельно повелевала использовать все возможности для того, чтобы опрокинуть врага, еще не успевшего прийти в себя после наших январских ударов, и на его плечах продвинуться дальше на запад»[180].

Наступление началось в 6 часов утра 8 февраля 1945 года после 55-минутного артиллерийского удара.

Для более длительной артиллерийской подготовки артиллерия 1-го Украинского фронта не располагала боеприпасами. Однако и при этом, несмотря на скверную погоду, помешавшую применению нашей авиации, главная ударная группировка осуществляла прорыв на фронте 80 километров. Пехота вклинилась в оборону противника на 10–15 километров, а танковые армии за первые сутки продвинулись вперед от 30 до 60 километров.

Первый успех был налицо. Но чем дальше, тем труднее становилось его развитие. В последующую неделю, до 15 февраля, армии правого крыла фронта сумели пройти с боями лишь 60—100 километров. Немцы, отходя, упорно сопротивлялись.

Начались яростные контратаки. В течение только одного дня 19-я танковая и 254-я пехотная дивизии противника 12 раз атаковали боевые порядки 6-й армии группами в 50–60 танков и штурмовых орудий.

Тяжело приходилось и 5-й гвардейской армии генерала А.С. Жадова. Она все явственнее угрожала бреславской группировке обходом с запада, и перед ее фронтом противник тоже усилил сопротивление.

В условиях полной распутицы боевые действия проходили вдоль дорог и за населенные пункты. Чтобы брать с боем опорные пункты, фольварки и каменные фермы, нужен был большой расход снарядов крупного калибра. А 5-я армия испытывала в них острый недостаток. С.С. Варенцов предложил И.С. Коневу придать 5-й армии 3-ю гвардейскую дивизию тяжелых реактивных установок, находящуюся в резерве фронта.

Для командующего фронтом маршала И.С. Конева было совершенно очевидно, что, пока не будет замкнуто кольцо вокруг Бреслау, три наши армии будут прикованы здесь, образовав дугу чуть ли не в 200 километров.

Предпринятые меры позволили в течение 13 февраля танковым и механизированным корпусам, приданным 6-й и 5-й гвардейской армиям, наступавшим навстречу друг другу, соединиться западнее Бреслау.

5-я гвардейская армия была выведена из боев за Бреслау и повернута на внешний фронт.

Ликвидацию окруженной в районе Бреслау группировки противника командующий фронтом возложил на войска 6-й армии генерала В.А. Глуздовского.

3-й гвардейской танковой армии П.С. Рыбалко была поставлена задача выйти к реке Нейсе и захватить Герлиц. Особенно ожесточенными были уличные бои в Лаубане, где противник оборонял каждый дом, широко применяя против наступающих танков фаустпатроны. Соединения армии П.С. Рыбалко понесли большие потери. На 21 февраля в танковых бригадах насчитывалось по 15–20 танков.

Неудачное развитие наступления 3-й гвардейской танковой армии вызвало беспокойство даже в Ставке ВГК. И.С. Конев вспоминал: «В тот день, когда немецко-фашистские части начали выходить на тылы 3-й гвардейской танковой армии, Сталин позвонил мне и выразил тревогу: «Что у вас там происходит в третьей танковой армии? Где она у вас там находится?»

Я ответил, что армия Рыбалко ведет очень напряженные бои в районе Лаубана, но, считаю, ничего особенного с ней не произошло. Армия воюет в сложной обстановке, но это для танковых войск дело привычное.

Звонок Сталина застал меня на командном пункте 52-й армии, недалеко от Лаубана. Я заверил Верховного Главнокомандующего, что, если обстановка усложнится, мы примем все необходимые меры на месте»[181].

Кризис миновал только к 22 февраля, когда пытавшаяся окружить наших танкистов группировка противника была разбита и отброшена на юг.

24 февраля, когда еще шли бои за Лаубан, считается последним днем Нижне-Силезской операции 1-го Украинского фронта. В результате этой операции войска фронта вышли вровень с позициями 1-го Белорусского фронта на одерских плацдармах.

Еще в ходе февральского наступления войск 1-го Украинского фронта в Нижней Силезии Ставка ВГК неоднократно обращала внимание И.С. Конева на отставание войск левого фланга фронта. При этом подчеркивала, что это обстоятельство в последующем может затруднить подготовку и проведение операции войсками фронта на Берлинском направлении.

Так возникла Верхне-Силезская наступательная операция. Хотя ее размах был сравнительно небольшим, по срокам она приурочивалась к операциям других фронтов, решавших свои задачи в районе Кенигсберга, в Восточной Померании, Карпатах, Австрии и Венгрии. Проводилась она с 15 по 30 марта 1945 года с целью разгрома оппельнско-ратиборской группировки противника и выравнивания фронта, что в будущем создавало более благоприятные условия для перехода в наступление на главном стратегическом направлении — Берлинском.

Главная группировка фронта в составе 21-й армии, 34-го гвардейского стрелкового корпуса 5-й гвардейской армии, 4-й танковой армии и 4-го гвардейского танкового корпуса наносила удар из района восточнее Гротткау на Нойштадт. Навстречу ей с плацдарма реки Одер, севернее Ратибора, наступали войска 59-й и 60-й армий, 7-го гвардейского механизированного и 31-го танкового корпусов. Их поддерживали главные силы 2-й воздушной армии. На участках прорыва, составляющих менее 3 % общей протяженности фронта, было сосредоточено 57 % стрелковых войск, 60 % артиллерии и 90 % танков и САУ[182].

Наступление войск 1 — го Украинского фронта началось 15 марта действиями передовых батальонов 21-й и 5-й гвардейской армии из района Гротткау. Артиллерийская подготовка началась в 7.00 и продолжалась 1,5 часа. В 8.40 в наступление перешли главные силы 21-й и 4-й танковой армий. Преодолевая упорное сопротивление противника и отражая неоднократно контратаки его тактических резервов, соединения армий к исходу первого дня наступления прорвали две укрепленные позиции противника на 8-километровом участке и продвинулись в глубину вражеской обороны также на 8 километров.

Войска 59-й и 60-й армий, наступавшие с плацдарма севернее Ратибора в направлении Нойштадта, перешли в наступление после 80-минутной артиллерийской подготовки. Сломив сопротивление противника, они прорвали главную полосу его обороны на 12-километровом участке и за день боев продвинулись на 6–8 километров.

Сравнительно низкие темпы наступления в первый день объяснялись целым рядом причин. Во-первых, авиационная подготовка 15 марта вследствие плохой погоды оказалась менее интенсивной, чем планировалось. До 12.00 из-за плохой погоды наша авиация боевых вылетов не производила. Только с 12.00 по мере улучшения погоды авиация начала наносить бомбо-штурмовые удары по опорным пунктам, штабам и узлам связи противника. Однако вместо 2995 самолето-вылетов, запланированных на первый день операции, авиация произвела

лишь 1283 самолето-вылета[183]. Во-вторых, на боевые действия неизбежно оказывала влияние весенняя распутица.

Однако в целом наступление войск 1-го Украинского фронта развивалось успешно. Предпринятые контрудары противника с внешней стороны окружения оппельнской группировки не достигали своих целей. Так, массированным огнем 17-й гвардейской механизированной бригады, а также всей артиллерии 16-й гвардейской механизированной бригады и корпусной артиллерийской группы контрудар силами танковой дивизии «Герман Геринг» был отражен.

Хорошее взаимодействие артиллерии с пехотой и танками обеспечивало отражение контрударов и развитие наступления в глубину обороны противника.

Вслед за уничтожением оппельнской группировки необходимо было взять Ратибор — последний оставшийся в руках противника крупный опорный пункт и промышленный центр Верхней Силезии. Эта задача была возложена на 60-ю армию генерала П.А. Курочкина. С.С. Варенцов предложил командующему фронтом усилить армию двумя артиллерийскими дивизиями прорыва. По указанию С.С. Варенцова штабом артиллерии фронта был обобщен и распространен опыт ведения боевых действий артиллерии в районах с большой плотностью населенных пунктов с каменными зданиями. И.С. Конев вспоминал: «На прямую наводку ставились орудия всех калибров, вплоть до 204-миллиметровых. Последними мы расшибали то, чего не брали другие калибры, — метровые каменные стены немецких опорных пунктов. А чтобы не расходовать лишнего количества тяжелых снарядов, артиллеристы стали практиковать так называемую спаренную стрельбу орудиями мелкого и крупного калибров. Мелкими калибрами велась пристрелка, а по пристрелянным целям уже наверняка били тяжелые системы. Так было при окружении и уничтожении оппельнской группировки. То же самое повторилось и в боях за Ратибор»[184].

К вечеру 29 марта 31-й танковый корпус овладел Ратибором и соединился с частями 60-й армии, наступавшими на город с востока. Следует отметить решающую роль артиллерии в боях за Ратибор. В течение нескольких часов войска 60-й армии безуспешно пытались овладеть этим сильным узлом сопротивления противника. Тогда по приказу командующего фронтом С.С. Варенцов сосредоточил в районе Ратибора 17-ю и 25-ю артиллерийские дивизии прорыва, а также большую часть войсковой артиллерии 60-й армии. Массированным огнем этой артиллерии сопротивление противника было быстро сломлено, и советские войска овладели городом.

Верхне-Силезская операция левого крыла 1-го Украинского фронта, продолжавшаяся 16 суток, была завершена. Она положила конец стремлениям немцев вернуть Силезский промышленный район и прорваться к Бреслау.

Берлинская операция

1 апреля 1945 года командующий войсками 1-го Украинского фронта маршал И.С. Конев был вызван в Ставку ВГК. На ее заседании присутствовали члены Государственного Комитета Обороны, начальник Генерального штаба, начальник Главного оперативного управления и командующий войсками 1-го Белорусского фронта маршал Г.К. Жуков. Дав оценку сложившейся военно-политической обстановке на театрах войны, И.В. Сталин сделал вывод о необходимости начать в ближайшее время наступление на Берлин. Он потребовал от Г.К. Жукова и И.С. Конева подготовить планы действий войск на Берлинском направлении и доложить о них Ставке ВГК.

«Работали мы в Генштабе, — рассказывал И.С. Конев, — работал каждый отдельно, но некоторые возникшие и требовавшие согласования вопросы обсуждали вместе с руководящими работниками Генштаба… 2 апреля утром мы явились в Ставку с готовыми для доклада планами. Начальник Генерального штаба А.И. Антонов доложил стратегический замысел Берлинской операции, в соответствии с которым задача разгрома берлинской группировки противника возлагалась на войска 1-го и 2-го Белорусских, 1-го Украинского фронтов во взаимодействии с Краснознаменным Балтийским флотом и авиацией Дальнего действия. После этого был рассмотрен план 1-го Белорусского фронта. Никаких существенных замечаний Сталин не высказал. Потом я доложил план операции 1-го Украинского фронта. По нему тоже не было особых замечаний. Окончательным сроком начала операции было установлено 16 апреля»[185].

На следующий день состоялось подписание директивы на операцию войск 1-го Украинского фронта.

«Ставка Верховного Главного Командования приказывает:

1: Подготовить и провести наступательную операцию с целью разгрома противника в районе Котбус и южнее Берлина.

Не позднее 10–12 дня операции овладеть рубежом Беелитц — Виттенберг и далее по реке Эльба до Дрездена. В дальнейшем, после овладения Берлином, иметь в виду наступать на Лейпциг.

2. Главный удар силами пяти общевойсковых армий и двух танковых армий нанести из района Трибель в общем направлении на Шпремберг, Бельциг. На участок прорыва привлечь шесть артиллерийских дивизий прорыва, создав плотность не менее 250 стволов от 76 миллиметров и выше на один километр прорыва.

3. Для обеспечения главной группировки фронта с юга

силами 2-й армии Войска Польского и частью сил 52-й армии нанести вспомогательный удар из района Кольфурт в общем направлении Бауцен — Дрезден.

4. Танковые армии и общевойсковые армии второго эшелона ввести после прорыва обороны противника для развития успеха на направлении главного удара.

На левом крыле фронта перейти к жестокой обороне, обратив особое внимание на бреславльское направление…»[186]

Вернувшись на фронт и обменявшись мнениями со своими ближайшими помощниками, маршал Конев на заседании Военного совета в присутствии командующих армиями и командиров отдельных корпусов довел замысел на фронтовую наступательную операцию, определив ее целью разгром группировки, сосредоточенной южнее Берлина.

В целях создания сильной ударной группировки командующий войсками фронта решил перегруппировать основную массу войск на правое крыло фронта за счет расширения полос обороны левофланговых армий на 101 километр.

Войсковая и армейская артиллерия осуществляла перегруппировку вместе с войсками своих армий и корпусов в период с 4 по 12 апреля. Артиллерия РВГК проводила перегруппировку в составе общевойсковых армий (5-я гв. и 13-я) и самостоятельно, по плану командующего артиллерией фронта генерал-полковника артиллерии С.С. Варенцова, с 8 по 11 апреля.

В основной перегруппировке помимо полковой и батальонной артиллерии и отдельных дивизионов общевойсковых соединений участвовало около 100 полков войсковой артиллерии и 125 полков артиллерии РВГК. При этом перегруппировка производилась на значительное расстояние. Протяженность маршрутов колебалась в пределах от 80—100 километров до 270–300 километров. Наибольшее расстояние пришлось преодолеть артиллерии 5-й гвардейской армии. Кроме того, часть артиллерии производила перегруппировку на сравнительно небольшое расстояние.

Важное значение придавалось своевременности вывода артиллерии на направление главного удара и скрытности подготовки ее к операции. В целях обеспечения скрытности подготовки артиллерии к операции С.С. Варенцов отдал указания по маскировке перегруппировки артиллерии (приложение 2).

Командующий артиллерией фронта в своих указаниях потребовал от командующих артиллерией армий и командиров артиллерийских соединений, чтобы марш совершался только в ночное время, соблюдая полную скрытность и организованность.

Артиллерию выводить в исходные районы в полосы наступления своих армий, с соблюдением строжайшей маскировки от наземного и воздушного наблюдения противника. Все огневые позиции тщательно оборудовать за три дня до вывода артиллерии в позиционные районы. Пристрелку проводить методом пристрелочных орудий, сохраняя режим расхода боеприпасов, как и при обычной стрельбе на данном участке фронта.

При выборе и оборудовании наблюдательных пунктов широко применять строительство вышек на деревьях, обеспечивающих просмотр глубины обороны противника.

В целях обеспечения скрытности ведения разведки на главном направлении удара боевые порядки средств АИР (артиллерийской инструментальной разведки) тщательно маскировать.

Аэрофотосъемку, визуальную разведку с самолета, а также рекогносцировку проводить не только на участке прорыва, но и на других участках фронта. Рекогносцировку, с целью изучения поля боя и увязки вопросов взаимодействия на местности, проводить небольшими группами — в 3–4 человека с переодеванием офицерского и генеральского состава в солдатскую форму.

Для обеспечения скрытности вывода большого количества артиллерии в позиционные районы С.С. Варенцов определил порядок вывода:

— в первую очередь должна была выводиться артиллерия крупных калибров, огневые позиции которой значительно удалены от переднего края и хорошо укрыты от наземного и воздушного наблюдения противника;

— во вторую очередь вывести остальную артиллерию; за сутки до наступления — вывести минометные и легкие артиллерийские полки. Полковая артиллерия и орудия, предназначенные для стрельбы прямой наводкой, должны были занять огневые позиции в ночь перед началом наступления.

Особое внимание С.С. Варенцов в указаниях обратил на соблюдение мер маскировки при выводе артиллерии в районы огневых позиций и их боевых порядков. Контроль за соблюдением мер скрытности в ходе перегруппировки артиллерии и вывода ее в районы огневых позиций полностью возлагался на комендантскую службу.

Все эти указания командующего артиллерией фронта легли в основу подготовки артиллерии к операции.

Основным планирующим органом выполнения данных указаний являлся штаб артиллерии фронта, возглавляемый полковником Я.Д. Скробовым. Кроме того, штаб артиллерии

фронта осуществлял контроль и оказывал помощь артиллерийским частям и соединениям в проведении в жизнь всех мероприятий, связанных с подготовкой артиллерии к операции.

В целях своевременного и организованного вывода больших масс артиллерии к участку прорыва штабом артиллерии фронта был разработан план перегруппировки артиллерии РВГК и утвержден командующим фронтом. Этот план был увязан с общим планом перегруппировки войск фронта.

По этому плану артиллерия, предназначенная для усиления ударной группировки фронта, должна была в период с 4 по 12 апреля совершить марш своим ходом по установленным маршрутам и сосредоточиться в исходных районах в полосах своих армий.

Ввиду ограниченного срока перегруппировки артиллерии на большие расстояния и загруженности дорог оперативными перевозками С.С. Варенцов потребовал от артиллерийских командиров и их штабов строгого выполнения указаний и плана перегруппировки.

Все артиллерийские соединения и части РВГК, не входившие ранее в состав армий, разрабатывали свои планы перегруппировки на основе общего плана перегруппировки артиллерии РВГК. В этих частных планах определялось время выступления из исходного района, намечались маршруты и порядок движения, районы дневного отдыха и время сосредоточения в новых районах. Распоряжением этих артиллерийских соединений и частей организовывалась комендантская служба регулирования движения и контроль за выполнением графика движения и мер маскировки.

Большое значение придавалось централизованному управлению перегруппировкой артиллерии в масштабе фронта и контролю за соблюдением запланированного темпа марша и мер маскировки. С этой целью был разработан план комендантского контроля штаба артиллерии фронта на период вывода артиллерии на направление главного удара. План устанавливал три комендантских участка.

Главные комендантские посты возглавляли офицеры штаба артиллерии фронта, обладающие широкими правами. Главные комендантские посты имели проводную связь со штабом фронта и подвижные контрольные посты на своих маршрутах. Подвижные контрольные посты высылались на ответственные участки маршрута с задачей проверки маршевой и маскировочной дисциплины, регулировки движения через общие участки маршрутов и переправы. Для контроля маскировки колонн на

марше и в районах дневного отдыха фронт выделил самолеты связи.

В ходе перегруппировки артиллерии комендантская служба контролировала график и порядок прохождения артиллерийских частей и соединений по маршрутам через переправы в Штейнау и Пархвитц и через общие участки маршрутов, а также дисциплину марша и светомаскировку. При выявлении нарушений графика движения и мер маскировки немедленно принимались меры к их устранению.

Если в силу ряда причин артиллерийская часть или соединение не смогло к рассвету достичь указанного пункта дневного отдыха, дальнейшее его движение прекращалось до наступления темноты.

В дневное время разрешалось движение небольших колонн (батарея — дивизион) по дорогам только на лесных участках.

Требования комендантских постов в отношении соблюдения порядка движения и маскировки являлись обязательными для всех и подлежали немедленному и безоговорочному выполнению.

Четкая организация комендантской службы обеспечила скрытность и своевременность перегруппировки артиллерии на большие расстояния. Хорошее состояние дорог и наличие автострады Оппельн — Берлин облегчили и ускорили ее ход. Уже к 9—10 апреля, то есть за 6–7 суток до начала операции, основная масса артиллерии была выведена в исходные районы в 10–20 километрах от переднего края и была готова к выходу на свои огневые позиции[187].

Лесистая местность в исходных районах обеспечила укрытие больших масс артиллерии от воздушного и наземного противника, а также скрытый выход в районы огневых позиций. Большой опыт, накопленный за годы войны, позволил успешно справиться с задачей перегруппировки и своевременно сосредоточить большое количество артиллерии в полосах армий ударной группировки фронта.

Следует отметить, что в вопросах управления, и в частности в организации артиллерийских групп, даже к завершающей операции Великой Отечественной войны не было достигнуто полного единства взглядов по всем аспектам этой большой и очень важной проблемы. Однако в решении одного основного и, пожалуй, самого принципиального вопроса во всех трех фронтах, участвовавших в Берлинской операции, взгляды сошлись. Командующие артиллерией фронтов пришли к твердому мнению, что при организации управления артиллерией необходимо создавать артиллерийские группы общего назначения во всех общевойсковых инстанциях от стрелкового полка до армии

включительно (ПАГ, ДАТ, КАГ и ААГ), не считая зенитно-артиллерийских групп (в армиях) и артиллерийско-противотанковых резервов (в армиях, корпусах и дивизиях). Различие было только в составе и назначении артиллерийских групп.

Помимо различия в составе и назначении артиллерийских групп в армиях фронтов была существенная разница и в решении на распределение артиллерии РВГК между артиллерийскими группами. Как и в предыдущих операциях, в 1-м Белорусском фронте была явно выражена тенденция к привлечению максимального количества артиллерии РВГК в состав армейских артиллерийских групп с распределением остальной ее части между корпусными, дивизионными и полковыми группами. В этом случае наиболее сильными оказывались армейские артиллерийские группы. В то же время в трех армиях ударной группировки 1-го Украинского фронта наблюдается обратное явление: стремление использовать наибольшее количество артиллерии РВГК в полковых группах.

Например, в директиве командующего артиллерией 1-го Белорусского фронта генерал-полковника артиллерии В.И. Казакова было сказано, что в армии следует создавать только одну армейскую артиллерийскую группу (ААГ), которая может делиться на подгруппы только по числу стрелковых корпусов первого эшелона, а не по видам артиллерии (ДЦ, АР и ГМЧ). Кроме тяжелых бригад артиллерийских дивизий прорыва в состав армейских групп включать отдельные пушечные артиллерийские полки, дивизионы и полки особой мощности (ОМ), армейские пушечные артиллерийские бригады и бригады полевой реактивной артиллерии — М-31. Командиру армейской группы придавать все средства артиллерийской инструментальной и воздушной разведки. При таком составе ААГ все задачи по контрбатарейной борьбе, разрушению и подавлению целей должны ставиться командиру группы, который и организует их выполнение имеющимися средствами.

О взглядах В.И. Казакова говорят и следующие важные положения этой директивы о корпусных, дивизионных и полковых артиллерийских группах:

«Корпусные и дивизионные артиллерийские группы создавать за счет отдельных истребительно-противотанковых и минометных бригад, легких, минометных, а в отдельных случаях и гаубичных бригад артиллерийских дивизий и армейских полков. В состав корпусных артиллерийских групп включать также полки полевой реактивной артиллерии БМ-8 и БМ-13. Для усиления дивизионных и корпусных групп на период артиллерийской

подготовки привлечь артиллерию дивизий вторых эшелонов до 82-мм минометов, а также артиллерию подвижных войск (ТА, тк и кк).

В этих случаях командующие артиллерией и штабы артиллерии стрелковых дивизий вторых эшелонов, кавалерийских и танковых корпусов и танковых армий полностью осуществляют планирование огня своей артиллерии, усиливая тем самым штабы артиллерии стрелковых корпусов и дивизий первых эшелонов.

В стрелковых полках иметь только полковые артиллерийские группы, которые создавать за счет штатных средств стрелковых дивизий (ап, оиптд, полковые батареи, 82-мм и 120-мм минометы), армейских минометных и противотанковых бригад.

В противоположность дивизионным и корпусным полковые группы даже на период артподготовки усиливать какими-либо средствами нецелесообразно. Огневые задачи на участках стрелковых полков, на которые не хватает средств полковых групп, может выполнить любая дивизионная группа. Из состава полковых групп создавать подгруппы по числу батальонов первого эшелона.

Необходимость назначения большого числа орудий для стрельбы прямой наводкой не означает, что нужно создавать для этого специальные группы. Эти орудия могут быть выделены из состава любой группы, решая задачу в полной увязке и по указаниям командира полковой группы, на участке которого они действуют»[188].

В соответствии с указаниями В.И. Казакова в 8-й гвардейской армии вместо трех армейских артиллерийских групп — АДД, прорыва и ГМЧ — была создана единая артиллерийская группа под командованием командира 6-го акп генерал-майора артиллерии П.М. Рыжановича. Этим достигалось не только лучшее использование артиллерийских соединений и частей и управление ими в период прорыва обороны противника, но и наиболее целесообразная форма организации контрбатарейной борьбы. Армейская артиллерийская группа 8-й гвардейской армии была весьма мощной по своему составу. Она состояла из 12 бригад, одного полка и одного дивизиона, насчитывающих 488 орудий, минометов и боевых машин реактивной артиллерии и 108 рам М-30. При этом в составе группы имелись только орудия и минометы от 122-мм калибра и выше[189].

Несколько иначе эти вопросы были решены по указаниям *С.С.* Варенцова в армиях 1-го Украинского фронта. Наряду с созданием групп общего назначения (ПАГ, ДАГ и ААГ) на время прорыва тактической зоны обороны (КАГ не создавались) на 1-м

Украинском фронте организовывались группы и по видам артиллерии: в армиях — группы ГМЧ, в дивизиях — группы орудий для стрельбы прямой наводкой (до 20 % орудий) и минометные группы из минометов стрелковых полков дивизий второго эшелона. Создавались сильные дивизионные артиллерийские группы, имевшие до 100 орудий, в том числе и большой мощности. При этом в дивизионных группах, состоявших, как правило, из двух полков, половина состава выделялась в контрминометную подгруппу. Создавались также мощные полковые артиллерийские группы, насчитывающие в своем составе 13–16 дивизионов (140–180 орудий и минометов, в том числе крупного калибра). Так, например, в 13-й армии ПАГ (пушечно-артиллерийская группа) 333-й гв. сп 117-го гв. сд имела 142 орудия и миномета, а ПАГ 4-й гв. сп 6-го гв. сд — 182 орудия и миномета. В то же время в 13-й армии была создана сильная армейская артиллерийская группа, в составе четырех бригад и двух полков, насчитывавших 224 орудия.

Безусловно, при такой группировке управление артиллерией усложнялось. В послевоенное время было признано, что «чрезмерное усиление стрелковых полков артиллерией является нецелесообразным, так как затрудняет управление артиллерией и взаимодействие с пехотой и танками и приводит к нерациональному использованию огня большого количества артиллерии»[190]. Однако заметим, что И.С. Конев и С.С. Варенцов создавали ПАГ такого состава не только из-за стремления обеспечить стрелковым полкам большую самостоятельность и более сильную поддержку со стороны артиллерии при прорыве глубоко эшелонированной обороны противника. На такое решение в значительной степени повлияли и условия местности. Бой в глубине, в условиях лесистой местности, ограничивал применение крупных танковых войск и больших масс артиллерии, а также усложнял управление войсками. Особые условия местности потребовали наибольшего насыщения боевых порядков войск артиллерией, для непосредственного сопровождения пехоты и танков. «Учитывая закрытый характер местности, наличие лесных массивов, И.С. Конев, посоветовавшись с командующим артиллерией, отдал приказ значительную часть РВГК, в том числе и 203-мм гаубицы, передать в дивизионные и полковые артиллерийские группы»[191].

По плану, утвержденному маршалом И.С. Коневым, общая продолжительность артиллерийской подготовки атаки предусматривала 145 минут: в течение 40 минут артиллерия обеспечивала выход войск к реке, 60 минут — ее форсирование, 45 минут — атаку пехоты и танков за рекой. «За это время, —

вспоминал маршал И.С. Конев, — мы рассчитывали подавить у немцев всю систему управления и наблюдения, их артиллерийские и минометные позиции. Авиация же, действуя на еще большую глубину, должна была довершить разгром противника, концентрируя удары по его резервам»[192]. Предусматривалось также, что с началом форсирования на восточный берег Нейсе выйдут танки и самоходные артиллерийские установки, поддержат своим огнем действия стрелковых войск.

Много внимания при подготовке операции уделялось организации управления артиллерией. Необходимо было добиться устойчивого и непрерывного функционирования системы управления артиллерией фронта, что во многом зависело от наличия работоспособных средств связи. К началу операции командующий артиллерией фронта имел восемь радиостанций РСБ, пять радиостанций РБМ и РУК на четыре приемника[193].

До начала операции в районе наблюдательного пункта 13-й армии, действующей на направлении главного удара фронта, развернулся наблюдательный пункт командующего артиллерией фронта.

К апрелю 1945 года был уже накоплен некоторый опыт применения дивизиона управления штаба артиллерии фронта, намного расширивший возможности командующего артиллерией фронта по управлению подчиненной ему артиллерией. Теперь он мог управлять не только маневром артиллерии (через свой штаб), но и ее огнем со своего наблюдательного пункта.

В ночь перед наступлением маршал И.С. Конев выехал на наблюдательный пункт 13-й армии. Это был небольшой, расположенный на опушке соснового леса, хорошо оборудованный блиндаж и рядом щель, оснащенные приборами наблюдения. Прямо перед ним — крутой обрыв к реке, за обрывом — Нейсе и берег противника, обозримый на довольно большое расстояние. Здесь командующий войсками фронта через начальника разведки еще раз уточнил данные о противнике, проверил готовность войск, заслушав по ВЧ доклады командармов, командиров корпусов, начальников родов войск и служб. В 6.15 И.С. Конев приказал генерал-полковнику артиллерии С.С. Варенцову начать артиллерийскую подготовку атаки.

«К концу первого периода артиллерийской подготовки, — вспоминал И.С. Конев, — были поставлены дымы. В полосе доступной обозрению дымовая завеса оказалась очень удачной — мощная, хорошей плотности и по высоте как раз такая, как

нужно.

Мастерски это сделали летчики-штурмовики! Стремительно пройдя на бреющем, они не «пронесли» ее, а поставили точно на рубеже Нейсе.

…Мощная артиллерийская подготовка и дымы создали для неприятеля большие затруднения в управлении войсками, расстроили их систему огня и ослабили устойчивость обороны. Уже к середине дня из показаний пленных выяснилось, что отдельные солдаты и мелкие подразделения немцев довольно своеобразно использовали нашу дымовую завесу: они просто покидали свои позиции и уходили в тыл.

Нашей артиллерийской подготовке дымы не мешали. Огонь велся на основе полной топографической привязки к местности, все основные цели были заранее засечены.

В дальнейшем во время переправы дымы возобновлялись еще несколько раз. Стоял штиль, скорость ветра — всего полметра в секунду, и дымы медленно ползли в глубину неприятельской обороны, затягивая всю долину реки Нейсе, что нам и требовалось»[194].

Передний край обороны немцев задымлялся не только в 90-километровой полосе, где наступала ударная группировка 1-го Украинского фронта, но и на остальном 300-километровом рубеже. Такая огромная дымовая завеса за годы войны применялась впервые[195] (тем удивительнее, что в энциклопедии 1985 года «Великая Отечественная война 1941–1945» есть статья «Горбачев Михаил Сергеевич (р. 2 марта 1931)», но нет статьи «Дымовая завеса»). С одной стороны, она имела цель прикрыть переправу войск через реку Нейсе, а с другой — помешать противнику определить направление ударов фронта.

С высокой степенью вероятности можно утверждать, что идея задымления переднего края обороны противника принадлежит командующему артиллерией фронта С.С. Варенцову. «Когда маршал И.С. Конев, — рассказывает Эрлена Сергеевна, — еще в ходе подготовки Берлинской операции в присутствии отца разговаривал по телефону с И.В. Сталиным, то обратился к нему с просьбой разрешить внести изменения в план операции в связи с постановкой дымовой завесы по переднему краю обороны противника. Сталин, по всей видимости, не согласился. Тогда Конев сказал, что это предложение Варенцова, которое тот с твердым убеждением отстаивает. И вдруг Конев передает телефонную трубку отцу (вероятно, Сталин решил лично обсудить с отцом эту идею). Отец в разговоре со Сталиным аргументированно обосновал необходимость задымления переднего края обороны противника. Верховный

Главнокомандующий дал добро (именно так выразился отец, рассказывая об этом факте маме)».

В 6.55 16 апреля под прикрытием дымов передовые батальоны дивизий первого эшелона начали форсирование реки Нейсе. Вместе с пехотой переправлялась вся артиллерия сопровождения, что способствовало успешному форсированию Нейсе и отражению контратак на ее левом берегу. Артиллерия форсировала реку вброд, а минометы переправлялись на табельных средствах.

Через какие-нибудь 10–15 минут после того, как первые солдаты достигли западного берега Нейсе, туда были перетянуты и первые 85-мм орудия для стрельбы прямой наводкой по немецким танкам. Это сразу создавало ощущение устойчивости на первых маленьких плацдармах.

После постройки мостов началась переправа первого эшелона главных сил, которая была закончена, как и предусматривалось планом, через 60 минут; в течение этого времени артиллерийская подготовка не прекращалась.

«Как впоследствии показали события, — вспоминал И.С. Конев, — артиллерийская подготовка была проведена настолько эффективно, что нам удалось быстро взломать главную полосу обороны немцев на западном берегу Нейсе и, прорвав ее, пойти вглубь»[196].

В 8 часов 40 минут после 145-минутной артиллерийской подготовки перешли в наступление переправившиеся на западный берег дивизии первого эшелона с целью прорыва главной полосы обороны противника. Поддержка атаки пехоты и танков осуществлялась методом ПСО и огнем артиллерии сопровождения.

К исходу 16 апреля общевойсковые армии главной группировки фронта совместно с передовыми частями танковых армий при мощной поддержке артиллерии разгромили во встречных боях наносившие контрудары войска противника, завершили прорыв главной полосы и завязали бой на второй полосе обороны.

Характерным для этого этапа являлось широкое применение массированного огня артиллерии в масштабе соединений и объединений с целью подавления противника в опорных пунктах и узлах сопротивления. При этом исключительное значение приобретало использование артиллерийских соединений РВГК (артиллерийских корпусов и дивизий прорыва).

Так, 17 апреля в полосе наступления 21-го стрелкового корпуса 3-й гвардейской армии основным узлом сопротивления противника на второй полосе был Зерген. По приказу С.С.

Варенцова по этому населенному пункту был сосредоточен массированный огонь пяти бригад из состава 1-й гвардейской артиллерийской дивизии прорыва, насчитывавших 220 орудий и минометов[197]. После мощного 5-минутного огневого налета пехота атаковала противника и, поддержанная огнем артиллерии, овладела узлом сопротивления и прорвала вторую полосу обороны.

Развивая наступление, 3-я и 4-я гвардейские танковые армии во взаимодействии с войсками 13-й армии 18 апреля в результате стремительного наступления вышли к реке Шпре и с ходу форсировали ее. Прорвав третью полосу обороны, наши войска захватили плацдарм на левом берегу реки в районе севернее Шпремберга.

Большую роль при форсировании и прорыве третьей полосы обороны противника сыграла артиллерия, которая своевременно была выдвинута к реке Шпре. Значительная часть артиллерии, переправленная на плацдармы, своим огнем отражала контратаки противника, прикрывала переправу и сосредоточение на западном берегу реки Шпре главных сил 3-й и 4-й гвардейских танковых и 13-й армий.

В полосе наступления 13-й армии в районе Босдорф для надежного подавления узлов сопротивления массирование огня осуществлялось силами 5–7 артиллерийских бригад 10-го артиллерийского корпуса прорыва.

К исходу 18 апреля войска главной ударной группировки 1-го Украинского фронта завершили прорыв нейсенского оборонительного рубежа противника.

После прорыва одерско-нейсенского оборонительного рубежа войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов при содействии 2-го Белорусского фронта, развивая наступление, 25 апреля окружили и одновременно расчленили берлинскую группировку противника.

Артиллерия, тесно взаимодействуя с пехотой и танками, и на этом этапе операции сыграла большую роль. Артиллерия всех видов и калибров, включая и артиллерию большой мощности, находясь в боевых порядках пехоты, своим огнем прокладывала путь пехоте и танкам через оборонительные рубежи противника и отражала его многочисленные контратаки.

На 1-м Украинском фронте, когда 3-я и 4-я гвардейские танковые армии успешно продвигались на Берлин с юга, общевойсковые армии ударной группировки фронта вели бои по уничтожению противника в районе Котбуса и Шпремберга.

Для разгрома шпрембергской группировки и обеспечения штурма Шпремберга по указанию С.С. Варенцова была создана

сильная артиллерийская группировка, основное ядро которой составляли 3, 17 (7 акп) и 4-я (10 акп) артиллерийские дивизии прорыва. Всего для ведения массированного огня по Шпрембергу было привлечено 14 бригад с общим количеством 1247 орудий, минометов и боевых машин из состава артиллерии 13-й и 5-й гвардейских армий.

Массированный огонь артиллерии на стыке двух армий был организован командующим артиллерией фронта в течение второй половины дня 19 апреля и ночи 20 апреля[198].

На основании указаний С.С. Варенцова штаб артиллерии фронта спланировал и довел до командующих артиллерией 13-й и 5-й гвардейских армий схему огня, время и порядок ведения массированного огня и сигналы управления огнем.

Управление всей артиллерией, сосредоточенной под Шпрембергом, было централизованное и осуществлялось специально созданной оперативной группой штаба артиллерии фронта, возглавляемой генерал-полковником артиллерии С.С. Варенцовым.

Артиллерийская подготовка была установлена продолжительностью в 30 минут.

В связи с тем, что на подготовку массированного огня огромной массы артиллерии имелось ограниченное время, в течение которого не представлялось возможности полностью разведать систему обороны противника, огонь артиллерии планировался главным образом по районам вероятного расположения целей. Целеуказания проводились по карте.

Каждому дивизиону был отведен участок в 4–6 га. Общая площадь подавления по плану составляла 400 га, при огневых возможностях привлекаемой артиллерии 624 га (исходя из расчета 12-орудийный дивизион на 6 га). Это позволило спланировать огонь артиллерии внакладку по окраинам города, где была наибольшая концентрация живой силы и огневых средств противника. Средняя плотность подавления составляла 185 снарядов на один гектар, а по окраинам города свыше 200 снарядов на гектар.

В период подготовки массированного огня в армиях была произведена частичная перегруппировка артиллерии. Перегруппировка вызывалась тем, что часть привлекаемой артиллерии к исходу 19 апреля находилась вместе с войсками, наступавшими севернее и южнее Шпремберга. Это относилось, в частности, к частям 4-й и особенно к 17-й артиллерийской дивизии прорыва, которые своим огнем не могли достать запланированные участки для подавления.

Артиллерийская подготовка началась в 10 часов 30 минут 20

апреля по сигналу с командного пункта оперативной группы и осуществлялась согласно плану.

В результате массированного огня артиллерии противник понес большие потери, чем значительно сократились сроки окончательного разгрома его шпрембергской группировки. Перешедшие в наступление соединения 33-го гвардейского стрелкового корпуса 5-й гвардейской армии в результате упорного боя в тот же день овладели городом Шпрембергом.

Маршал И.С. Конев, вспоминая о действиях артиллерии под Шпрембергом, рассказывал о таком эпизоде: «На одном из участков нашего наступления, там, где вражеские танки продолжали свои попытки контратаковать, командир артиллерийского корпуса прорыва генерал Корольков проводил дополнительную мощную артиллерийскую подготовку. Условия для наблюдения у него были неважные: лесистая равнина, ни одной подходящей высотки, на которой можно было бы удобно развернуть наблюдательный пункт. Но зато ему попался завод. Уже не помню, какой именно, — не в том суть. И вот генерал Корольков в азарте боя, чтобы лучше управлять всей артиллерийской махиной, забрался на самую макушку единственной на всю окрестность высокой заводской трубы.

Я подъехал к его наблюдательному пункту как раз тогда, когда он находился в полной недосягаемости: сидел с телефоном на верхушке трубы, а центр управления огнем разместил внизу, под трубой.

Когда Корольков, слегка запыхавшись, спустился вниз, я не сдержался и спросил, как ему удалось туда забраться. Он пожал плечами и сказал: «Товарищ маршал, обстановка принудит — петухом запоешь».

Вслух, разумеется, я выразил неодобрение по поводу его пребывания на трубе, даже отругал. И формально был, конечно, прав, но в душе я восхищался этим командиром. Когда все достоинства командира сводятся лишь к тому, что он готов куда угодно залезть и где угодно показать храбрость, но при этом ни управлять подчиненными, ни руководить боем по-настоящему не умеет, — это беда.

Однако признаюсь, если образованный, превосходно знающий свое дело командир непременно хочет видеть обстоятельства боя своими глазами, сам оценить подробности происходящего и ради этого, в интересах дела, готов забраться хоть на заводскую трубу, — я питаю уважение к таким командирам»[199].

Стремление наилучшим образом выполнить поставленную боевую задачу было присуще как командованию артиллерией 1-го

Украинского фронта, так и подчиненным артиллерийским командирам и начальникам.

В ночь на 22 апреля командующий фронтом И.С. Конев принял решение о максимальном усилении 3-й гвардейской танковой армии. Она вышла на внешний обвод Берлина и встретилась с очень сильным сопротивлением на южных подступах к этому обводу. Имелись все основания предполагать, что чем дальше, тем больше это сопротивление будет усиливаться, особенно при прорыве обороны противника на канале Тельтов.

Исходя из сложившейся обстановки, С.С. Варенцов предложил командующему фронтом переподчинить 3-й гвардейской танковой армии 10-й артиллерийский корпус прорыва под командованием генерал-лейтенанта Л.И. Кожухова, 25-ю артиллерийскую дивизию прорыва и 23-ю зенитно-артиллерийскую дивизию и другие артиллерийские соединения и части.

«Все названные артиллерийские соединения к этому времени дислоцировались в полосе 5-й армии, в районе Шпремберга, и им предстояло совершить стремительный марш-маневр с юга на север, по маршруту, еще далеко не очищенному от противника. На весь марш были даны самые жесткие сроки — от суток до полутора»[200], — вспоминал маршал И.С. Конев. Многое в этой перегруппировке зависело от командующего артиллерией фронта и его штаба. С.С. Варенцов, с присущей ему целеустремленностью, незамедлительно взялся за выполнение этой задачи и в очередной раз с блеском подтвердил свое искусство организовывать и осуществлять крупную перегруппировку артиллерии фронта.

В перегруппировке участвовали 4-я и 31-я артиллерийские дивизии прорыва 10-го артиллерийского корпуса прорыва, 25-я артиллерийская дивизия прорыва, 3-я гвардейская минометная дивизия, 8-я гвардейская истребительно-противотанковая бригада, 23-я и 71-я зенитные артиллерийские дивизии, а также артиллерия 28-й армии. Все перечисленные соединения и части к моменту начала перегруппировки выполняли боевые задачи в 90—150 километрах от канала Тельтов. Для переброски такого количества артиллерии в столь сжатые сроки фронт выделил только 10-му артиллерийскому корпусу прорыва 1100 автомобилей[201].

Перегруппировка такого большого количества артиллерии была проведена в точно назначенные сроки. К утру 24 апреля на участке форсирования 3-й гвардейской танковой армии (командующий артиллерией генерал М.А. Никольский)

протяженностью 4,5 километра плотность артиллерии составила 324 орудия, миномета, боевых машин реактивной артиллерии (РА) и самоходно-артиллерийских установок на 1 километр. Всего группировка артиллерии 3-й гвардейской танковой армии насчитывала 1100 орудий и минометов всех калибров, 146 самоходно-артиллерийских установок и 215 боевых машин (РА).

В своих воспоминаниях маршал И.С. Конев приводит другие цифры.

«Было принято решение форсировать канал одновременно всеми тремя корпусами на широком фронте. Но при этом мы определили главное направление, на котором сосредоточили наибольшую плотность артиллерийского огня, создали артиллерийский кулак, способный прошибить наверняка все, что противостоит нам, прошибить и открыть дорогу прямо на Берлин.

На фронте главного участка прорыва протяжением четыре с половиною километра было сосредоточено около трех тысяч орудий, минометов и самоходных установок. Шестьсот пятьдесят стволов на километр фронта! Пожалуй, это единственный случай за всю мою практику на войне. Однако я считал такую плотность артиллерийского огня оправданной и сложившейся обстановкой, и тем, что уже виден был конец войны и его надо было приблизить.

Кроме артиллерии, предназначенной для подавления обороны врага на Тельтов-канале, специально для обеспечения форсирования и дальнейшей поддержки наступления было выделено много орудий прямой наводки. По существу, вся непосредственно войсковая артиллерия, начиная от 45-миллиметровой и кончая 122-миллиметровой, а также тяжелая артиллерия 152- и 203-миллиметровых калибров предназначалась к использованию в качестве орудий прямой наводки, наиболее точной и прицельной»[202].

Вся организация артиллерийского наступления прорыва обороны на канале Тельтов проводилась под руководством командующего артиллерией фронта, а планирование осуществлялось штабом артиллерии 3-й гвардейской танковой армии при помощи штаба 10-го артиллерийского корпуса прорыва и в штабах артиллерии корпусов при активном участии штабов артиллерийских дивизий прорыва. Обратим внимание на то, что в данном случае С.С. Варенцов успешно реализует принцип делегирования полномочий. Главная практическая ценность данного принципа состоит в том, что командование артиллерии фронта освобождает свое время от менее сложных функций и может сконцентрировать свои усилия на решении более сложных задач. Следует отметить, что делегирование

полномочий стало возможным и целесообразным, когда появились достойные исполнители в лице командующих артиллерией армий (корпусов, дивизий) и командиров артиллерийских соединений. Как видим, С.С. Варенцов и его штаб со всем разнообразием использовали творческий потенциал подчиненных органов управления.

Решительная перегруппировка артиллерии способствовала успеху войск 3-й гвардейской танковой армии при прорыве обороны противника на канале Тельтов.

Артиллерийская подготовка должна была продолжаться 55 минут. Так как времени на подготовку было мало (всего одни сутки) и полностью, на всю глубину, разведать систему обороны противника практически было невозможно, огонь планировался главным образом по переднему краю. В глубине следовало подавить лишь оборонительные узлы на перекрестках улиц, которые могли потом препятствовать продвижению наших танков и пехоты.

Начало атаки было назначено на 6 часов 20 минут 24 апреля. С.С. Варенцов предложил маршалу И.С. Коневу отказаться от шаблона в назначении времени начала артиллерийской подготовки. «Мы сознательно, — вспоминал маршал И.С. Конев, — взяли не круглую цифру, которую частенько брали до этого, потому что круглые цифры — 6.00, 7.00 — обычно вызывают у обстрелянных солдат и командиров противника настороженную готовность к тому, что «ага, вот 6.00, не исключено, что именно сейчас может начаться артиллерийский налет или артподготовка…»[203]

После 55-минутной артиллерийской подготовки войска 3-й гвардейской танковой армии при поддержке огня артиллерии и ударов авиации с упорными боями форсировали канал Тельтов и, прорвав внутренний оборонительный берлинский обвод, завязали бои в центральной части Берлина. С.С. Варенцов управлял артиллерией, находясь вместе с командующим фронтом, П.С. Рыбалко, командирами двух авиационных корпусов и командиром артиллерийского корпуса прорыва Л.И. Кожуховым на крыше восьмиэтажного дома. Их взору открывался фронтовой город, осажденный и приготовившийся к защите. Командующий фронтом и С.С. Варенцов пришли к выводу о необходимости применения тяжелой артиллерии. По просьбе И.С. Конева распоряжением Ставки ВГК 1-му Украинскому фронту была придана артиллерия особой мощности, которая успела принять участие в последних боях за Берлин.

К 26 апреля 1945 года войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов окружили и рассекли берлинскую

группировку противника. Был создан внутренний и внешний фронт окружения, причем 67 % всей артиллерии обоих фронтов действовало на внутреннем фронте окружения, а остальная артиллерия — на внешнем фронте.

28 апреля противник в очередной раз решил осуществить прорыв из окружения в районе Хальбе. Крупные его силы прорвали оборону 389-й стрелковой дивизии и начали продвигаться в юго-западном направлении. Обстановка осложнилась. Тогда командующий 3-й гвардейской армией приказал командиру 1-й гвардейской артиллерийской дивизии прорыва массированным огнем ликвидировать очередную попытку противника вырваться из окружения. Объектом массированного воздействия артиллерии был избран Хальбе, откуда противник предпринимал одну атаку за другой.

Массированный огонь организовал командир 1-й гвардейской артиллерийской дивизии прорыва генерал В.Б. Хусид. Для этого им было привлечено пять бригад с общим количеством 293 орудия и миномета. Вся подготовка массированного огня была выполнена за 25 минут, несмотря на то что артиллерийская дивизия прорыва была распределена по артиллерийским группам 21-го и 20-го корпусов. Командир дивизии, имея постоянную связь со своими командирами бригад, смог быстро централизовать управление бригадами. По команде командира артиллерийской дивизии прорыва вся привлекаемая артиллерия обрушила огонь по Хальбе. В результате противнику были нанесены большие потери. Его попытка вырваться из окружения была сорвана[204].

Этот пример показывает, что на 1-м Украинском фронте не боялись «дробить» артиллерийские корпуса (дивизии) прорыва, если это было целесообразно по условиям сложившейся оперативно-тактической обстановки. Созданная С.С. Варенцовым и его штабом система управления артиллерией фронта обеспечивала как централизованное, так и децентрализованное управление артиллерией фронта. Командующие артиллерией армий (корпусов, дивизий) этого фронта знали, что все беды могут быть только от плохой организации управления артиллерией в ходе боевых действий. Поэтому артиллерийские командиры на 1-м Украинском фронте при решении вопросов боевого применения артиллерии во главу угла ставили оперативно-тактическую целесообразность, а посредством тщательной организации управления артиллерией добивались максимальной реализации потенциальных возможностей артиллерии фронта (армии, корпуса, дивизии, полка).

Стремление к сохранению целостности артиллерийских

корпусов (дивизий) на других фронтах, даже когда это не диктовалось оперативно-тактической обстановкой, приводило к созданию излишне сильных (громоздких) армейских артиллерийских групп, в состав которых входили, как правило, целиком артиллерийские корпуса (дивизии). Это приводило к излишней «перецентрализации» и как следствие к нерациональной реализации потенциальных возможностей артиллерии РВГК. Ранее уже отмечалось, что С.С. Варенцов, когда это диктовалось оперативно-тактической обстановкой, всегда смело шел на временную децентрализацию управления этими соединениями. Он не боялся нарушить их организационную целостность, в связи с чем создавались наиболее благоприятные условия для формирования артиллерийских групп такого состава, который наиболее полно отвечал интересам боя общевойсковых соединений и частей. Конечно, это создавало определенные трудности в управлении артиллерией, и осуществить это можно было только при наличии опытных общевойсковых и артиллерийских командиров, что в значительной степени и позволяло применять такой способ управления артиллерией.

К слову сказать, не так-то просто было принимать решение на нарушение организационно-штатной целостности артиллерийского корпуса. Командиры артиллерийских корпусов от таких решений старшего начальника особого восторга не испытывали, они прекрасно знали, что это усложняет их деятельность по всестороннему обеспечению подчиненных соединений. В таких случаях командующему артиллерией фронта надо было быть очень убедительным при обосновании своих решений. Сергей Сергеевич Варенцов всегда со всей серьезностью подходил к обоснованию своих предложений по боевому применению артиллерии. Уверенность, никогда не перерастающая в самоуверенность, чувство правоты в своих решениях, основанной на всесторонней оценке сложившейся обстановки, детализации принятого решения офицерами штаба артиллерии фронта в ходе планирования боевых действий, позволяли С.С. Варенцову с хорошим качеством выполнять все поставленные задачи перед артиллерией фронта.

На 1-м Украинском фронте при планировании и осуществлении артиллерийского наступления предусматривалось артиллерийское обеспечение форсирования реки и прорыва обороны на ее левом берегу как единый процесс с разграничением на подготовку форсирования, его обеспечение, подготовку и поддержку атаки за рекой.

В ходе операции артиллерия своим огнем обеспечивала прорыв сильной, глубоко эшелонированной обороны, разгром его

крупных группировок, а также форсирование рек Одер, Нейсе и Шпре и многих каналов. Непросто было организовывать каждый раз артиллерийское обеспечение форсирования рек и прорыва обороны на противоположном берегу, но С.С. Варенцов и его штаб успешно справлялись со своими задачами.

Но война еще не закончилась. Войскам 1-го Украинского фронта, как это предусматривалось ранее, была поставлена задача: разгромить группу армий генерал-фельдмаршала Шернера и освободить Чехословакию. В связи с этим перед артиллерией фронта стояли новые задачи.

В Берлинской операции хорошо проявила себя 17-я артиллерийская дивизия прорыва под командованием генерал-майора артиллерии С.С. Волкенштейна. Командир дивизии был представлен к званию Героя Советского Союза. К сожалению, в годы перестройки, не без помощи писателя В. Астафьева, распространялась негативная информация о сложных взаимоотношениях между С.С. Варенцовым и С.С. Волкенштейном. Вот что пишет об этом В. Астафьев, воевавший связистом-телефонистом в 92-й гаубичной бригаде 17-й артиллерийской дивизии:

«Весной 1945 года 17-я Киевско-Житомирская (артиллерийская. — *Ю. Р.*) дивизия вместе с другими соединениями блокировала Берлин с западной стороны, и, когда город капитулировал, на запад хлынули тучи немецких войск. Несколько суток шла невиданная и неслыханная по крови и жертвам бойня. Дело дошло до того, рассказывал мне командир дивизии, что на огневых позициях артиллеристы рубили топорами и лопатами озверелых и обезумевших фашистов. В тех последних на территории Германии боях дивизия потеряла две с половиной тысячи человек, испытанных огнем, боевых и славных артиллеристов, почти доживших до желанного Дня Победы. Противник понес потери десятикратно большие.

За бои под Берлином Сергей Сергеевич Волкенштейн был удостоен звания Героя Советского Союза, не он, конечно, один, но речь пойдет пока лишь о нем. Звезду Героя ему вручил командующий 1-м Украинским фронтом Иван Степанович Конев — в обход руководства артиллерией фронта.

Отчего же в обход-то?

А вот отчего. До войны, после многих приключений в своей жизни, Сергей Сергеевич Волкенштейн… возглавлял Киевское артиллерийское училище и ни сном ни духом не ведал, что сведет нас судьба — воистину Земля круглая!

Был в одном из подразделений, которым командовал еще в тридцатых годах недисциплинированный, зато нахрапистый и

ловкий офицер[205], которого начальник его не раз и не два наказывал за разгильдяйство, пьянство и наглость.

Определивший в Сибири (в Красноярске. — *Ю. Р.*) училище генерал Волкенштейн был отозван Ставкой и возглавлял штаб артиллерии на Волховском фронте… Затем генерал приступил к формированию крупного артиллерийского соединения, которое сам же и возглавил, которое зачал с артполков, бывших в «деле» на Волховском фронте, — так и началась 17-я дивизия, сформировав которую Волкенштейн ее и возглавил. И он это крупное артсоединение не просто сформировал и возглавил, но в процессе формирования провел модернизацию артиллерии. Многие орудия были «переставлены» со старого, тяжеловесного хода на новый, облегченный; наши «лайбы» (орудия. — *Ю. Р.*), например, с тракторной тяги были переведены на тягу автомашинную, на «студебеккеры», и вместо 13–15 километров бригада могла за ночь сделать бросок на 60–70 километров. Части дивизии сделались более маневренными, что и требовалось для будущих наступательных боев.

И вот могучая дивизия движется с боями вперед на запад, и никто, даже сам командир дивизии, не знает, что она одновременно приближается к большим, непредвиденным, нежданным испытаниям и даже бедам. Тот самый офицер, что был когда-то в подчинении Волкенштейна и терпел от него утеснения, очень ловкий карьерист, стремительно продвинулся в званиях и чинах — путных-то военачальников поистребляли, — оказался ни много ни мало, как начальником (командующим. — *Ю. Р.*) артиллерии (артиллерией. — *Ю. Р.*) 1-го Украинского фронта.

Далее я перескажу то, что с большой горестью и болью рассказал мне Сергей Сергеевич (Волкенштейн. — *Ю. Р.*).

«Начальник артиллерии фронта, знал я, артиллерист был слабый, зато карьерист оказался сильный — такой вот каламбур! Вместе с чинами и званиями росло чванство и самодурство злопамятного человека, но ума не прибавилось.

Решил он во что бы то ни стало отомстить мне за прошлые обиды и начал «подставлять» мою дивизию… в такие места, чтоб она погибла, а я чтоб головы не сносил. Но ведь «подставлял-то» он не абстрактную цифру семнадцать, не номер дивизии и не меня, наконец, а вас, дорогих моих бойцов, беззаветных, иначе и не скажешь, тружеников. Трижды, четырежды, до гробовой доски я буду виноват невольной виной перед вами, мои дорогие парнишечки, особенно гнетет вина перед погибшими, израненными и изувеченными. Бывает, соседняя наша дивизия, большинство частей которой оставалось на тракторном и даже

конном ходу, трюхает к фронту не торопясь, моя же дивизия, модернизированная, подвижная, уж навоюется досыта, и вы там, на передовой, ребятки мои, уже не раз умоетесь кровью. Соседу за «аккуратность» в потерях, за экономию горючего и снарядов — благодарность, мне за перерасходы — выволочка; соседям — ордена и отдых, моим бойцам марш, марш и не только награды, но и харчи в последнюю очередь. Однако главное было: воевать, победить врага, исполнить свой долг. После гибели Ватутина был Жуков командующим 1-м Украинским фронтом, затем Конев… Смена командующих как-то мне и помогала «спрятаться», приспосабливаться к обстановке, иметь дела непосредственно с действующими армиями, от них и с помощью их снабжаться, пополняться. Но корпус-то прорыва! Он, корпус, и, значит, дивизии — в непосредственном подчинении командования артиллерией фронта, хоть и числятся за эргэка (РГК. — *Ю. Р.*), но до Москвы далеко, до этого самого эргэка высоко, командование же артиллерии — вот оно, тянет к телефону, к рации и, не подбирая выражений, угрожает, кроет седого, потом обливающегося генерала. Все крупные прорывы, артподготовки планировались, подготавливались и утверждались в штабе фронта. Ах, как он, мой отец-генерал, обрадовался, возликовал, когда под Житомиром я «потерял» дивизию. Думал, видать: тут-то мне и конец, явственно видел меня на скамье перед военным трибуналом. Но в той обстановке массового отступления и неразберихи, сопутствующей любому драпу, я принял единственно правильное, считаю, решение: дал по рации приказ всем командирам полков и бригад действовать по своему усмотрению. Я знал свой народ, доверял своим командирам, и они, в большинстве своем, приняли тоже верные решения: свернули с Житомирского шоссе в направлении на Брусилов, потому как на Житомирском танки Роммеля в упор расстреливали сгрудившиеся колонны восемнадцатой армии, привыкшей к неторопливым боям «местного значения» на вспомогательном фронте. Сдерживая противника, не давая ему развивать наступление на фланге, в конце концов свежие части и мы тоже остановили его, хотя, конечно, и потрепаны были изрядно. Под командованием делового и строгого командира Дидыка ваша бригада проявила в боях особое упорство, пострадала, конечно, сильно побита была и угодила на переформировку в Святошино. Но именно нам, нашей дивизии, командующий фронтом присвоил и Верховный утвердил звание Житомирской. Киевско-Житомирская, многажды орденоносная. Горжусь! Все вынесли мои бойцы и победили! В числе других соединений, освобождавших Киев и Правобережную Украину,

золотом написан номер нашей дивизии и все ее звания на своде мемориала Победы в Старопетривцах; знамена дивизии хранятся в одном из почетнейших мест страны — в Ленинградском артиллерийском музее.

Ну а я? Начал воевать генерал-майором и закончил в том же звании. «Шеф» же мой, бог фронтовой артиллерии, начав войну с подполковника, стал генералом армии. Затем в Генштабе вроде был и маршалом, и не знаю, прибавлялось ли у него вместе с чинами и званиями ума, но вот самодурство росло неуклонно. После войны я начал преподавать в артиллерийской академии, достал и там меня мой «шеф», выжил из академии, загнал на пенсию, в домашний угол, а я ведь мог еще приносить пользу армии, народу, Родине…»[206]

Возможно, были трения между старыми знакомыми С.С. Варенцовым и С.С. Волкенштейном. Попробуем проанализировать и дать оценку вышеизложенному.

Во-первых, не мог командующий войсками 1-го Украинского фронта Звезду Героя С.С. Волкенштейну вручить, как пишет В. Астафьев, в обход руководства артиллерии фронта. Как известно, в армии принято, что все представления подаются по инстанции. Волкенштейн не мог быть представлен к званию Героя без согласия на то командующего артиллерией фронта. А то, что Звезду Героя вручал командующий войсками фронта, так это его прерогатива, другой вариант — вручение данной награды председателем Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калининым, но не командующим артиллерией фронта. Возможно, В. Астафьев имел в виду, что во время награждения С.С. Волкенштейна отсутствовал С.С. Варенцов. Так он мог в это время вручать награды в подчиненных ему артиллерийских соединениях.

Поэтому утверждения В. Астафьева, что звание Героя Волкенштейн получал в обход С.С. Варенцова, — безосновательны.

Во-вторых, как мог «недисциплинированный, зато нахрапистый и ловкий офицер, которого начальник (то есть имеется в виду С.С. Волкенштейн. — *Ю. Р.*) не раз и не два наказывал за разгильдяйство, пьянство и наглость» получить в награду золотые часы от наркома обороны С.К. Тимошенко за прекрасно подготовленную артиллерию дивизии? Как-то не верится, что такое возможно. Кто-то лжет. Либо Волкенштейн, либо Астафьев. За 1939–1940 годы командир дивизии генерал-майор Микушев написал на С.С. Варенцова прекрасную аттестацию (см. приложение 1). Примечательно, что командир стрелкового корпуса **и** командарм соглашаются с прекрасной

аттестацией на С.С. Варенцова. Думается, правильный вывод лежит на поверхности.

В-третьих, во время войны даже очень ловкие карьеристы не могли стремительно получать звания и чины. Потому что осуществлялся, если можно так выразиться, естественный отбор командиров, способных организовывать боевые действия и умело руководить подчиненными войсками в ходе операции (боя). Иного пути не было, все лишнее, не имеющее отношения к оценке личных качеств отбрасывалось в сторону. Старые заслуги, высокие звания, должности учитывались лишь до первого испытания в этой войне. Способен или не способен офицер справиться с возлагаемыми на него обязанностями? Только так ставился вопрос при рассмотрении кандидатуры для выдвижения на соответствующую должность.

Поэтому и утверждения «начальник артиллерии фронта, — якобы так говорил Волкенштейн, — артиллерист был слабый, зато карьерист оказался сильный… Вместе с чинами и званиями росло чванство и самодурство злопамятного человека, но ума не прибавилось», — просто не состоятельны. Ум у С.С. Варенцова был. Да еще какой! И как показала послевоенная деятельность военачальника — такой, что позволял ему конструктивно мыслить в масштабе не только рода войск, но и в масштабе вооруженных сил.

В-четвертых, командующий артиллерией фронта не «подставляет» артиллерийские дивизии прорыва, а стремится наиболее полно реализовать их возможности, то есть организовывать боевые действия так, чтобы были сведены к минимуму потери в личном составе, был наименьший расход боеприпасов, горючего и других материальных средств.

В-пятых, с трудом верится, что боевой генерал, Герой Советского Союза *С.С.* Волкенштейн рассказывал своему бывшему солдату, как он при смене командующих «прятался», «приспосабливался» к обстановке и т. д. 17-я артиллерийская дивизия под командованием С.С. Волкенштейна участвовала в осуществлении 30 прорывов обороны врага. Воины соединения получили 26 благодарностей Верховного главнокомандующего. Боевые знамена дивизии, ее бригад и полков украшены 39 орденами. Командир дивизии награжден 2 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, орденами Суворова II степени, Кутузова II степени, Александра Невского, медалями, иностранными наградами. Примечательно, что большая часть этих наград была получена Волкенштейном в период его службы под командованием С.С. Варенцова. Как мог командир дивизии после таких боевых заслуг утверждать, что он «прятался» от

командования фронта либо «приспосабливался» к новому командованию. Гнусная ложь В. Астафьева, показывающая в невыгодном свете С.С. Волкенштейна.

В-шестых, если артиллерийская дивизия получает почетное наименование Киевско-Житомирская, значит, она воевала более чем достойно при освобождении Украины. Вряд ли командир дивизии после таких боев будет твердить, что он «потерял» дивизию. Он будет гордиться своей дивизией. Что он и делал в послевоенное время.

В-седьмых, много неточностей в статье В. Астафьева. Командующего артиллерией он называет начальником. К слову, войну С.С. Волкенштейн начал полковником, а не генерал-майором, как утверждает В. Астафьев. С.С. Варенцов войну начал тоже полковником, а не подполковником, как твердит В. Астафьев. Закончил войну С.С. Варенцов генерал-полковником, а не генералом армии. В Генеральном штабе он никогда не служил и т. д. А раз так много неточностей допускает В. Астафьев, то возникают большие сомнения в достоверности его высказываний и суждений.

В-восьмых, допустим, в основе отношений между С.С. Варенцовым и С.С. Волкенштейном был антагонизм. Предположим, Варенцов вынашивал мысли о мести Волкенштейну. Тогда что мешало Волкенштейну решить эту проблему простым докладом представителям Ставки либо управления начальника артиллерии Красной армии? Мол, воевать хочу, но на другом фронте. В Красной армии было создано порядка 30 артиллерийских дивизий. Место нашлось бы. Кстати, Сталин очень внимательно относился к взаимоотношениям между командным составом. Например, ему доложили, что командарм И.Д. Черняховский «на ножах» с членом Военного совета армии А.И. Запорожцем. Запорожец пытался «подмять» молодого командующего армией, но у него ничего не вышло. Сталин с пониманием к этому отнесся и дал команду отправить Запорожца в другую армию.

По всей видимости, Волкенштейна все устраивало на 1-м Украинском фронте. На взгляд автора, С.С. Волкенштейн мог бы и гордиться тем, что когда-то участвовал в становлении крупного военачальника.

Есть и такие мнения: «Мы, артиллеристы, — пишет В. Астафьеву С.Е. Попов из Москвы, — знали С.С. Варенцова как крупного артиллерийского деятеля, знали мы и Волкенштейна как мелкого интригана… Мы, старые артиллеристы, помним генерала Варенцова довоенного, фронтового и послевоенного как трезвого, отзывчивого и глубоко мыслящего человека, а

Волкенштейна бывшие его однополчане не знают даже, где он похоронен»[207]. Согласитесь, довольно любопытное высказывание.

Впрочем, нельзя отрицать и того, что, может быть, никакого антагонизма и не было, а был он «надуман» стараниями В. Астафьева.

Пражская операция

В первых числах мая в Чехии вспыхнуло восстание. С особенной силой оно разгорелось в Праге. В Чехословакии была сосредоточена под командованием генерал-фельдмаршала Шернера группа армий «Центр» (до пятидесяти полнокровных дивизий и шесть боевых групп, сформированных из бывших дивизий). Эта внушительная группировка оказывала сопротивление войскам 1, 2 и 4-го Украинских фронтов. В Западной Чехословакии союзникам противостояла 7-я немецкая армия (пять дивизий), как раз в эти дни переданная в подчинение Шернеру.

Таким образом, Пражская операция отнюдь не носила символического характера, как это иногда пытаются изобразить на Западе. Советским войскам предстояла серьезная борьба с большой группировкой немецких войск, на которую делало ставку «правительство» Дёница, рассчитывая, что спасение этой группировки даст возможность хотя бы еще на какое-то время продлить существование Третьего рейха.

Шернер отдал своим войскам приказ: «Восстание в Праге должно быть подавлено всеми средствами». К Праге с трех сторон двинулись немецкие войска. Прага нуждалась в решительной помощи, и оказать эту помощь могли только советские войска.

Войска 1, 2 и 4-го Украинских фронтов занимали выгодное, охватывающее положение по отношению к группе армий Шернера. Удары по ее флангам — с юго-востока 2-м Украинским фронтом и с северо-запада 1-м Украинским — грозили ей окружением восточнее Праги и наглухо закрывали пути отхода на запад.

Но чтобы такая заманчивая возможность стала реальностью, войскам 1-го Украинского фронта предстояло преодолеть крупные горные массивы и глубокие, заблаговременно подготовленные оборонительные полосы немцев. Перед 1-м Украинским фронтом глубина главной полосы обороны противника местами достигала 18 километров.

«Наиболее мощные оборонительные сооружения, — вспоминал маршал И.С. Конев, — гитлеровцы создали восточнее Эльбы, в районе Герлица, где мы вели долгие и тяжелые бои с дрезденско-герлицкой группировкой. Значительно слабее выглядела у противника оборона северо-западнее Дрездена, где еще во время предыдущих боев фронт не приобрел стабильного положения. Самым слабым участком вражеской обороны был участок западнее Эльбы. Именно на этом направлении я и

сосредоточил главные силы для наступления на Прагу.

Правда, и тут, в глубине обороны противника, была полоса бетонированных укреплений, проходивших вдоль старой германо-чехословацкой границы. Если бы мы задержались, застряли здесь, эти укрепления в сочетании с горным рельефом местности оказались бы серьезным препятствием. Ведь тут простиралась цепь Рудных гор протяжением в полтораста километров и около пятидесяти километров в ширину»[208].

Местность была характерна тем, что начиная от Дрездена постоянно повышалась. В предгорье Рудных гор было много лесных массивов. От перевалов начинались крутые, змееобразные спуски, резкие повороты; движение по ним было возможно только одностороннее. Весь район был изрезан оврагами, мелкими речками и ручьями. На первый взгляд преодоление этого горного кряжа казалось задачей нереальной, особенно для танковой армии. Хотя сами по себе горы были невысоки — около 1250 метров, но узкие дороги и тропы вились над глубокими провалами. Малейшая неточность механиков-водителей грозила гибелью экипажам и машинам. Повсюду — заблаговременно подготовленные противником каменно-земляные завалы, опутанные колючей проволокой срубленные деревья, минные ловушки, устроенные на самых крутых поворотах, на склонах, перевалах, на узких карнизах над пропастью.

Поэтому командующего войсками 1-го Украинского фронта в эти дни очень беспокоило предполагаемое сопротивление мощной группировки противника, прочность его укреплений в сочетании с горным рельефом местности. Ведь операция была рассчитана на быстроту. Именно высокий темп наступления лежал в основе планирования операции, и надо было все предусмотреть, чтобы не задерживаться в горах. И.С. Конев прекрасно помнил нелегкий опыт Карпатско-Дуклинской операции и в последующем делал все, чтобы при малейшей возможности не забираться в горы, а прикрываться ими. Иван Степанович пришел к твердому убеждению, что боевые действия в горах могут быть вызваны только самой жесткой, железной необходимостью, когда иного пути — обхода или маневра — нет.

Но именно такое положение и создалось перед началом Пражской операции. Не оставалось ничего другого, как прорываться прямо через Рудные горы.

При планировании операции Ставка отводила главную роль 1-му Украинскому фронту. Это было связано не только с его нависающим по отношению к вражеской группировке положением, но и с наличием у него достаточно мощных соединений.

Исходя из общей обстановки и директивы Ставки, командующий фронтом принял решение создать на правом фланге северо-западнее Дрездена ударную группировку из трех общевойсковых армий Н.П. Пухова, В.Н. Гордова и А.С. Жадова, двух танковых армий П.С. Рыбалко и Д.Д. Лелюшенко, двух танковых корпусов и пяти артиллерийских дивизий. Этой группировке предстояло действовать в направлении главного удара Теплице — Шанов — Прага, несколько охватывая Прагу с запада и юго-запада.

Вспомогательный удар предпринимался из района Герлица. Его должна была осуществить вторая ударная группировка, включавшая 28-ю и 52-ю армии, один мехкорпус и одну артиллерийскую дивизию прорыва. Общее направление этого удара — Циттау — Млада-Болеслав — Прага.

Начиная Пражскую операцию, предстояло решить попутно еще одну немаловажную задачу: разделаться с войсками противника, оборонявшими Дрезден. Овладение Дрезденом возлагалось на 5-ю армию А.С. Жадова. Остальным же войскам главной ударной группировки предстояло сразу же двигаться на Прагу, не ввязываясь в бои за Дрезден.

Было решено также, что на главном направлении в наступление перейдут одновременно и общевойсковые, и танковые армии. Этим сразу обеспечивались максимальная мощь удара, стремительное сокрушение обороны противника и дальнейшее движение вперед без обычных затрат времени, необходимых на ввод танков в прорыв. Планирование Пражской операции было продиктовано как условиями, так и опытом наступательных операций, где широко использовались танковые армии.

«Но чтобы правильно использовать этот опыт, — утверждал И.С. Конев, — нельзя было забывать и другие слагаемые победы. Требовалось создать не только мощную танковую, но мощную артиллерийскую группировку»[209].

На первый взгляд для С.С. Варенцова и штаба артиллерии фронта применение артиллерии в горно-лесистой местности уже не было чем-то новым, непривычным. Однако следует заметить, что в Карпатско-Дуклинской операции из войск 1-го Украинского фронта участвовала только 38-я армия, которая совместно с войсками 4-го Украинского фронта действовала в условиях горно-лесистого района Карпат. Причем динамика развития боевых действий в полосе наступления 38-й армии была несколько иная, чем предполагалась в Пражской операции. В предстоящей операции артиллерии фронта предстояло действовать в горно-лесистой местности в условиях высоких темпов наступления

общевойсковых и танковых армий.

Сергей Сергеевич прекрасно понимал, что действия артиллерии, привлекавшейся к обеспечению действий ударных группировок, во многом зависели от времени ввода танковых армий. Если ввод в прорыв танковых армий осуществлялся в первый день операции, то эти условия в значительной мере облегчали действия артиллерии, так как она могла вести огонь с основных огневых позиций, находясь в прежней группировке. При этом огонь артиллерии производился в большинстве случаев по заранее разведанным целям в обороне противника. Огромное значение приобретало и то обстоятельство, что артиллерия могла использовать заранее подготовленную систему управления.

Если же танковые армии и подвижные группы войск вводились в прорыв значительно позже, то действия артиллерии заметно усложнялись. В этих случаях требовалась перегруппировка значительной части артиллерии, организация разведки и управления артиллерией и ее огнем, а также надежное взаимодействие артиллерии с войсками, вводимыми в прорыв.

В связи с тем, что наступление танковых армий и общевойсковых армий в этой операции планировалось осуществлять в высоком темпе, обходя узлы сопротивления, применение крупных масс артиллерии в данных условиях не могло быть целесообразным, так как для организации гибкого управления артиллерией требуется определенное время.

Поэтому было принято решение танковым армиям наступать в оперативных построениях общевойсковых армий, используя всю мощь артиллерии фронта на начальном этапе операции.

Огромную работу проделал штаб артиллерии фронта в распределении артиллерии РВГК между ударными группировками и что особенно важно — в организации перегруппировки этой артиллерии в заданные районы, с последующим контролем готовности артиллерийских соединений и частей к боевым действиям в условиях горно-лесистой местности.

Оперативность в работе командующего артиллерией фронта и его штаба не осталась вне поля зрения командующего фронтом И.С. Конева. В своих воспоминаниях он отметил: «Исключительную мобильность проявили в этой операции артиллеристы. Чтобы обеспечить задуманный план, нам пришлось за небывало короткий срок (с 4 по 6 мая) перебросить, в основном с берлинского направления, и сосредоточить на участке прорыва главной ударной группировки не только упоминавшиеся выше пять артиллерийских дивизий, но и еще около двадцати артиллерийских бригад, примерно столько же

отдельных артиллерийских и минометных полков, большое количество зенитной артиллерии. Всего за эти дни мы сосредоточили на главном направлении удара 5680 орудий и минометов. Плотность огня на участке прорыва 5-й гвардейской армии Жадова достигала двухсот и более стволов на километр.

…Но и на вспомогательном, у Лучинского и Коротеева, были сосредоточены немалые силы, в том числе 3700 орудий и минометов, около 300 танков и две артиллерийские дивизии прорыва»[210].

Недостаток времени, отводимого на подготовку операции, компенсировался четкой организацией работы командующих артиллерией и их штабов на всех уровнях управления. Приходилось одновременно осуществлять перегруппировку артиллерийских соединений и частей, сосредоточивать их в указанных районах, доводить задачи, обеспечивать всем необходимым, контролировать их готовность к ведению боевых действий в условиях горно-лесистой местности и оказывать необходимую практическую помощь.

Как только утром 6 мая передовые отряды армий перешли в наступление, сразу же обнаружились два очень существенных обстоятельства.

Во-первых, выяснилось, что противник занимает не сплошную оборону, а из отдельных узлов и очагов сопротивления и опорных пунктов. Всестороннюю разведку и проверку этих предположений провести не удалось.

Во-вторых (и это было особенно важно), передовые отряды сразу установили, что немецкое командование не обнаружило сосредоточения нашей ударной группировки на левом берегу Эльбы, к западу и к северо-западу от Дрездена.

Именно поэтому ее внезапный удар обещал дать хорошие результаты. Командующий фронтом решил развить успех передовых отрядов немедленным вводом главных сил.

В 14 часов после мощной артиллерийской подготовки перешли в наступление 28-я и 52-я армии. Сразу же вместе с ними, в их оперативном построении, двинулись танковые армии.

Войска ударной группировки смяли противника на рубеже Рудных гор, где он еще пытался зацепиться и оказать сопротивление, и перевалили через них. Одна за другой наши части вступали на территорию Чехословакии.

День 8 мая стал не только решающим днем наступления, но и решающим днем всей операции. В этот день 5-я гвардейская армия овладела Дрезденом и с ходу продвинулась еще на 25 километров.

В 20 часов командующий фронтом приказал передать по

радио обращение ко всем немецким войскам, находившимся на территории Западной Чехословакии, об их безоговорочной капитуляции. Одновременно с этим всем командармам 1-го Украинского фронта было дано указание: если через 3 часа, то есть к 23 часам 8 мая, немецкие войска не капитулируют, продолжать военные действия и, нанеся решительный удар по противнику, разгромить его до конца. Ответа от немецкого командования так и не последовало.

Ровно в 23 часа войска фронта в соответствии с приказом обрушили на немцев мощный огневой шквал и возобновили наступление. Вперед двинулись уже не только армии, входившие в главную и вспомогательные ударные группировки, но вообще все 12 армий фронта вплоть до крайней левофланговой. Они начали наступление в разное время, но к исходу дня продвижение семи армий центра и левого крыла фронта составило от 20 до 30 километров.

В ночь на 9 мая 4-я и 3-я гвардейские танковые армии совершили 80-километровый бросок, и на рассвете их передовые части вступили в Прагу, а вслед за ними утром 9 мая — передовые части 3-й гвардейской и 13-й армий. При активной поддержке населения советские войска к 10 часам полностью освободили Прагу от захватчиков. Кольцо вокруг отказавшейся сложить оружие чехословацкой группировки немцев было замкнуто. В этом очередном и теперь уже последнем гигантском котле оказалось более полумиллиона солдат и офицеров из дезорганизованных и потерявших управление войск группы армий Шернера. Теперь им не оставалось ничего другого, как сдаться.

Вкладом Сергея Сергеевича Варенцова в искусство боевого применения артиллерии является решительное массирование артиллерии фронта на направлении главного удара (сосредоточения основных усилий) в наступательных (оборонительных) операциях, основанное на широком маневре, создание высоких плотностей, непрерывная артиллерийская поддержка и сопровождение стрелковых, танковых подразделений и частей на всю глубину их боевых задач.

Многие разработки по применению артиллерии во фронтовых операциях, осуществленные под руководством С.С. Варенцова, вошли в учебники по военному искусству. Развиваемые им в годы войны положения об организации непрерывной и надежной артиллерийской разведки, массировании артиллерии на участках прорыва, широком осуществлении маневра «огнем и колесами», сосредоточении огня артиллерии в исключительно сжатые сроки на направлениях

контрударов противника, дополненные и проверенные боевым опытом артиллерийских командиров всех степеней нашли отражение в боевых уставах и наставлениях.

К сожалению, ни Сергей Сергеевич, ни один из его заместителей не оставили нам своих воспоминаний, из которых мы могли бы узнать подробно о рабочей обстановке в штабе артиллерии фронта при подготовке и в ходе боевых действий. Не исключено, что Яков Дмитриевич Скробов написал о С.С. Варенцове, с которым они готовили боевые действия артиллерии 1 — го Украинского фронта и успешно управляли ею в последних операциях Великой Отечественной войны. К. Симонов писал, что Я.Д. Скробов присылал ему для ознакомления рукопись под названием «Заметки о минувшем», где, по всей видимости, был материал и о С.С. Варенцове. Но до издания дело не дошло.

Поэтому для личности такого масштаба, как С.С. Варенцов, очень мало фактического материала, обобщенного на основе воспоминаний очевидцев, о взаимоотношениях его с вышестоящими начальниками, офицерами его штаба, с подчиненными артиллерийскими командирами и вообще о всех деталях нелегкой управленческой деятельности крупного военачальника.

Безусловно, замалчивание деятельности и заслуг С.С. Варенцова сделало, по сути дела, его неизвестным для нескольких поколений нашей страны.

В своих воспоминаниях маршал И.С. Конев в одной из глав охарактеризовал всех своих заместителей и командармов (по понятным причинам С.С. Варенцов в этот список не попал), и в заключение изложил требования к военачальникам:

«Главные боевые качества военачальника — это умение управлять войсками, постоянная готовность принять на себя ответственность и за то, что ты уже сделал, и за то, что собираешься сделать. Решимость нести ответственность за все действия войск, за все последствия отданных тобою приказов — чем бы это ни грозило и чем бы ни кончилось — вот первый и главный признак волевого начала в командире. Командующим армиями, фронтами в ходе войны приходилось брать на себя ответственность такого рода, причем в начале войны брать в самых тяжких условиях. И это было одним из самых важных факторов их роста как военачальников.

Война постепенно отодвигала от командных постов тех, кто однобоко, механически понимал ответственность за порученное дело, примитивно выполнял приказы и потому терпел неудачи.

Постепенно в ходе войны изживали себя начальники, считавшие, что чем больше пошлешь в бой пехоты, тем больше

она сможет взять. Война обнаружила их несостоятельность. Они не понимали, что в бою решает огонь, что надо прежде всего продвигать вперед огонь, а уже за ним пехоту. Конечно, число — важная вещь, но за числом всегда, как говорит старая истина, должно стоять и умение, искусство вождения войск, танков пехоты, артиллерии. И этому мы тоже учились в ходе войны. Учились на тяжелых ошибках, просчетах, неудачах. Учились на первых дорого давшихся успехах. Учились на первых победах, которые поначалу не всегда умели реализовать до конца.

…Если в какой-то мере обобщить те весьма крупные качественные перемены к лучшему, которые произошли в ходе войны у наших военных кадров в уровне их военного искусства, то коротко это можно выразить так: война сама выявляет и отбирает кадры.

И если перед войной при расстановке кадров в армии было допущено немало ошибок и эти ошибки сказались буквально в первые же месяцы войны, то постепенно война отодвинула в сторону эти кадры, не справившиеся со всей сложностью обстановки. И прежде всего, таких людей, которые оказались не способными совершить перелом в своей собственной психике и начать выполнять свои обязанности командующих фронтами и армиями так, как этого требовало ведение современной войны.

Достаточен в этом смысле хотя бы пример командующих фронтами. Фронтами командовали не те, кто был предназначен к этому в мирное время и кто оказался на этих постах в первые дни войны. Все командующие фронтами выявились в ходе войны; и может быть, эта формулировка покажется не совсем удачной, но я скажу, что они были порождены войной. Большинство людей, завершавших войну в качестве командующих фронтами и армиями, пришли к этому не в результате стечения случайностей, а в результате своих действий, благодаря своим способностям, знаниям, воле, в результате проявления всего того, что наиболее отчетливо обнаруживается именно на войне.

Так сложилась группа высших командиров, которая несла на себе тяжесть войны. Зная многих из них близко по войне и сталкиваясь с ними в мирное время, анализируя их дела, я прихожу к выводу, что в основе тех качеств, которые сделали их способными к вождению войск на поле боя в условиях современной войны, лежали большие и всесторонние знания, опыт долгой службы в армии — последовательно, ступенька за ступенькой, без перепрыгивания через несколько ступенек. Эти люди знали войска, знали природу солдата. Они еще в мирное время упорно учили войска тому, что потребуется на войне. Сами учились вместе с войсками и, добавлю, учились у войск. Все

лучшее, передовое, что давал тогдашний опыт, они брали от войск и аккумулировали в себе. И среди людей, выдвинувшихся во время войны в военачальники, я, как правило, в котором почти нет исключения, вижу тех, кто с большой любовью, самозабвенно работал в войсках еще в мирное время, кто, не почивая на лаврах былых заслуг, постоянно готовил себя к войне, не жил старым, не смотрел назад, а смотрел вперед, в будущее»[211].

Вне всякого сомнения, этими качествами в полной мере обладал командующий артиллерией 1-го Украинского фронта С.С. Варенцов. У И.С. Конева не было другого командующего артиллерией на 1-м Украинском фронте, кроме С.С. Варенцова. Есть твердое убеждение, что на примере боевой деятельности, в том числе и Сергея Сергеевича, были сделаны выводы маршала И.С. Конева о том, каким должен быть военачальник в современной войне. Вышесказанное подтверждается аттестацией, написанной маршалом И.С. Коневым.

«Аттестация[212]с октября 1942 г. по январь 1946 г.

Генерал-полковник артиллерии Варенцов С.С. — знающий артиллерист, с хорошим боевым опытом и учебно-методическими навыками.

Требователен к себе и подчиненным, скромен и честен. Обладает инициативой и организаторскими способностями.

Во Львовской, Берлинской и Пражской операциях генерал-полковник Варенцов С.С. проявил высокое мастерство и в использовании артиллерии по прорыву укрепленных оборонительных полос противника, в уничтожении его живой силы и техники. Правильно и умело использует накопленный опыт боевого применения артиллерии.

В бою смел и спокоен, в трудных условиях и в сложной обстановке не раз лично и непосредственно помогал подчиненным организовать правильное использование артиллерии, так, в течение 10 дней лично руководил артиллерийской группировкой, обеспечивая взятие Берлина.

Оперативная и общетехническая подготовка как командующего артиллерией группы достаточная. В сложной обстановке ориентируется быстро и правильно.

Пользуется авторитетом среди личного состава частей группы, и особенно артиллеристов.

Много занимается вопросами снабжения частей вооружением и боеприпасами, качественного состояния его и умелого использования. Большое внимание уделяет вопросам подбора, расстановки и воспитания артиллерийских кадров.

Занимаемой должности вполне соответствует.

Главнокомандующий Центральной группой войск Маршал

Советского Союза *И.С. КОНЕВ*

Член Военного совета Генерал-лейтенант *КРАЙНЮКОВ»*.

О С.С. Варенцове как фронтовом военачальнике-артиллеристе высоко отзывались А.М. Василевский, Н.Ф. Ватутин, Г.К. Жуков, И.С. Конев, П.И. Рыбалко, К.С. Москаленко, С.А. Красовский, И.И. Людников и многие другие генералы и офицеры, в том числе союзных войск.

Война открыла и отшлифовала полководческий талант С.С. Варенцова, дополнила его огромным боевым, организаторским опытом. Великую Отечественную войну командующий артиллерией фронта закончил признанным, авторитетным артиллерийским военачальником, награжденным четырнадцатью советскими и иностранными орденами. Неоднократно в приказах ВГК отмечались отличные действия артиллерии 1-го Украинского фронта (приложение 3).

Полководческие заслуги С.С. Варенцова не случайны. Природная одаренность сочеталась в нем с исключительной работоспособностью и ответственностью за порученное дело. Каждодневно, на протяжении 1418 дней и ночей тяжелейшей в истории войны, постепенно накапливался богатый опыт и совершенствовались его методы по управлению крупными массами артиллерии. А проявление личного мужества и героизма являлось естественным выражением его человеческих и командирских качеств.

В мае 1945 года С.С. Варенцову не исполнилось еще и сорока четырех лет. Не раз в боевой обстановке он рисковал жизнью, но судьба уберегла его. Война отняла у *С.С.* Варенцова старшую дочь, многих фронтовых товарищей, сослуживцев, но она закалила его характер, волю и еще больше укрепила веру в значение для военного человека и гражданина таких понятии, как самоотверженность, профессионализм, уважение к людям, бескомпромиссность в отстаивании интересов дела, которому служишь.

Боевой путь генерала С.С. Варенцова — военачальника, патриота — был примером беспредельной преданности Отечеству. Качества, приобретенные им на фронтах Великой Отечественной войны, стали надежным фундаментом, залогом дальнейшей плодотворной работы Сергея Сергеевича в послевоенный мирный период.

Глава 4. «Должности Командующего ракетными Войсками и артиллерией соответствует вполне»

Такой вывод был сделан Главкомом сухопутных войск Маршалом Советского Союза В.И. Чуйковым 14 декабря 1962 года в аттестации на С.С. Варенцова. С полным основанием заслуживал такую оценку С.С. Варенцов. Однако пройдет всего лишь три месяца, и, по словам самого Сергея Сергеевича, он в течение двух недель «был в повержен в прах, опозорен на всю Советскую армию, если не больше». 12 марта председатель Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнев подписал указы о снижении С.С. Варенцова в звании до генерал-майора и о лишении его звания Героя Советского Союза с формулировкой «за потерю политической бдительности и недостойные поступки». 13 марта приказом министра обороны С.С. Варенцов был уволен в отставку.

Но мы слишком забежали вперед. Будем последовательны и отдадим должное послевоенной деятельности прославленного военачальника.

10 июня 1945 года в соответствии с соглашениями, выработанными союзными державами для контроля за выполнением требований, вытекающих из Акта о капитуляции вооруженных сил фашистской Германии, была создана Центральная группа войск (ЦГВ). Основные силы ЦГВ размещались в советской зоне оккупации Австрии, а часть войск, предназначавшаяся для обеспечения ее коммуникаций, — на территории Венгрии. Управление ЦГВ было сформировано на базе полевого управления 1-го Украинского фронта. Сергей Сергеевич Варенцов назначается командующим артиллерией ЦГВ.

24 июня 1945 года на Красной площади состоялся исторический Парад Победы. В составе сводных полков, представляющих каждый фронт, торжественным маршем проходили доблестные воины-победители: солдаты, офицеры, генералы, адмиралы и маршалы. Они шли гордо, стройными шеренгами под боевыми знаменами, овеянными славой минувших сражений.

«В завершение торжественного марша воины-победители под барабанный бой бросили к подножию Мавзолея двести захваченных в боях знамен разгромленной немецко-фашистской армии. Этот символический акт навеки закрепил в памяти

народов великую, всемирно-историческую победу Советского социалистического государства и его Вооруженных Сил над фашистской Германией»[213].

После Парада Победы состоялся прием в Кремле. Когда был произнесен тост за славных советских артиллеристов, вместе с Главным маршалом артиллерии Н.Н. Вороновым вышли и представились все командующие артиллерией фронтов. Громом аплодисментов и бурными овациями сопровождались слова И.В. Сталина об огромных заслугах артиллеристов генерал-полковника С.С. Варенцова.

По приезде из Москвы Сергей Сергеевич посетил многие части, вручал награды, передавал артиллеристам поздравления правительства с Великой Победой.

В соответствии с решением правительства страны во второй половине июля началась демобилизация старших возрастов солдат и сержантов. Торжественные проводы ветеранов войны, трогательные минуты расставания с ними навсегда остались в памяти Сергея Сергеевича, а также у всех, кто оставался в армии или уезжал на родину.

Войска переводились на штаты мирного времени. Сокращалось количество артиллерийских соединений и частей. Ритм воинской службы перестраивался. Приходило новое пополнение, не познавшее суровых испытаний боевой службы военных лет. Одной из главных задач, стоящих перед командованием ЦГВ, была задача обобщения накопленного на войне опыта, чтобы сделать его достоянием науки, всемерно использовать в практике обучения и воспитания нового поколения артиллеристов.

Следует отметить, что еще в ходе войны опыт проведенных боев, сражений и операций обобщался в директивах Ставки Верховного главнокомандования, в сборниках и информационных бюллетенях Генерального штаба, штабов видов вооруженных сил и родов войск, а также в материалах штабов фронтов, армий и соединений, в периодической печати и сборниках трудов академий. Безусловно, все командующие артиллерией фронтов, в том числе и С.С. Варенцов, прекрасно понимали, что теперь, в мирные дни, представилась возможность глубже взглянуть на проведенные ранее фронтовые и армейские операции, выявить в них все полезное для теории и практики, вскрыть причины допущенных ошибок.

В начале 1947 года С.С. Варенцов, назначенный командующим артиллерией Прикарпатского военного округа, вернулся в хорошо знакомый ему Львов. Огромный фронтовой опыт, неизменное трудолюбие помогли ему на хорошем уровне

организовать боевую подготовку артиллерии округа. Округом в те годы командовал Герой Советского Союза генерал-полковник К.Н. Галицкий.

Вот как характеризовал служебную деятельность С.С. Варенцова командующий войсками округа: «Чувство ответственности за порученное дело развито высоко. Генерал Варенцов провел большую и плодотворную работу по подготовке офицерского состава артиллерии округа, а также частей и соединений. Опытный, хорошо подготовленный, всесторонне развитый и способный генерал. Много работает над совершенствованием своих знаний».

Командующий артиллерией Советской армии Главный маршал артиллерии Н.Н. Воронов нанес следующую резолюцию на аттестации, написанной К.Н. Галицким: «Согласен. Пользуется большим авторитетом. Много работает над собой и всегда старается выдвигать новые вопросы по боевому применению и подготовке артиллерии. Должности вполне соответствует»[214].

В 1950–1951 годах С.С. Варенцов в течение почти полутора лет учится на высших академических курсах при Военной академии Генерального штаба, возглавляет Главное артиллерийское управление. Трудно сказать, какие именно причины побудили опытного военачальника такого масштаба учиться на академических курсах. Чему могли научить преподаватели академии Генерального штаба командующего артиллерией фронта, прошедшего войну от начала и до ее завершения? Академией для С.С. Варенцова была война. И как совершенно справедливо утверждал бывший начальник Сергея Сергеевича маршал И.С. Конев: «Война сама выявляет и отбирает кадры»[215]. Уместно добавить — «и готовит кадры». По всей видимости, определяющее значение здесь имела формальная сторона, необходимая для дальнейшего карьерного роста. На взгляд автора, было бы логичнее, если бы сам Сергей Сергеевич читал слушателям Академии Генерального штаба лекции по боевому применению артиллерии фронта в операциях.

По окончании курсов С.С. Варенцов назначается командующим артиллерией Закавказского военного округа, но спустя три месяца возвращается в Москву, чтобы принять новое назначение, на этот раз на должность начальника Главного артиллерийского управления Советской армии.

В 1950 году было принято решение сменить командующего артиллерией Вооруженных сил СССР Н.Н. Воронова. Из Германии вызвали командующего артиллерией ГСВГ В.И. Казакова. «Три дня обрабатывали, пытаясь уговорить сменить Н.Н. Воронова (втайне от того), — вспоминает сын Василия Ивановича

Казакова. — Отец не согласился, во-первых, потому, что подобная постановка дела вообще была противна его характеру, во-вторых, они с Вороновым были настоящими старыми друзьями. В-третьих, отец не считал себя сильным в специфике работы центрального аппарата, который требует, как известно, совсем иных качеств, чем в войсках. Согласился М.И. Неделин»[216].

Не исключено, что эту должность предлагали и С.С. Варенцову и он поступил точно так же, как и В.И. Казаков.

С.С. Варенцов возглавил Главное артиллерийское управление (ГАУ) в сложный период в истории этого военного ведомства. В начале 1950-х годов началось зарождение ракетных войск, и ГАУ принимало активное участие в разработке первых образцов ракетного оружия для вооруженных сил. Многих усилий требовало внедрение нового зенитно-ракетного вооружения. На сотрудников ГАУ отрицательное влияние оказали репрессии против бывших руководителей ведомства маршала артиллерии Н.Д. Яковлева и генерал-полковника артиллерии И.И. Волкотрубенко. В 1951 году они были обвинены во вредительстве, выразившемся в принятии на вооружение якобы неудачного образца зенитного артиллерийского орудия[217].

В этих условиях новый руководитель ГАУ не растерялся. С.С. Варенцов сумел правильно направить работу большого коллектива на выполнение важных задач по обеспечению войск новыми видами вооружения. В этой работе С.С. Варенцову очень помогло умение найти контакт с людьми, завоевать их доверие и поддержку. Сергей Сергеевич работал с каждым офицером ГАУ. На листах ватмана он расписывал, кому что надо делать. Всегда внимательно выслушивал доводы и аргументы своих подчиненных. Если они были достаточно обоснованными, умел признать их правоту. Сергей Сергеевич находил общий язык не только с офицерами своего управления, но и с работниками государственных учреждений.

Вспоминает ветеран Главного ракетно-артиллерийского управления МО СССР Виктор Викторович Шматков:

«Вызывает меня С.С. Варенцов и сообщает:

— Сегодня мы с вами поедем в Госплан, к одному маленькому начальнику.

В госплановском кабинете удобно устроится в кресле или на стуле. Расскажет эпизод из фронтовой жизни, скажет что-то приятное о ведомстве, куда привели его дела. Пепельные волосы, генеральская форма, звезда Героя, доверительные интонации в голосе — все это располагало хозяина кабинета к посетителю. Работник Госплана соглашается на все, готов уже душу отдать генерал-полковнику.

— Вот тут прибавьте циферку… ну, вот спасибо, выручили.

Выходим из Госплана, С. Варенцов мне говорит:

— Ну, вот видите, все вышло, как мы хотели. А пошли бы к большому начальству — ничего не получили бы»[218].

Три года руководства ГАУ многое дали его начальнику: он накопил опыт службы в центральном военном аппарате, значительно расширил знания в области ракетно-артиллерийского вооружения и техники, стал признанным специалистом в этой области, приобрел большой авторитет у командования вооруженных сил.

Один из бывших подчиненных по службе в ГАУ пишет в своем письме:

«Уважаемый Сергей Сергеевич!

…Когда встречаемся на периферии с офицерами ракетных служб, военной приемки, баз и войсковой службы — все вспоминают период вашей работы в ГАУ как один из хороших этапов деятельности ГАУ и все выражают надежду, что придет время и горизонт снова развеется от тучек и работа пойдет так же дружно и с должным взаимопониманием, как это было в те времена.

Еще раз желаю вам успехов.

Прошу передать привет Екатерине Карповне.

С приветом (подпись неразборчива. — *Ю. Р.*).

15.02.62 г.»[219]

В марте 1955 года С.С. Варенцову присваивают звание маршала артиллерии и назначают на должность командующего артиллерией Советской армии.

«Отцу это не понравилось, — вспоминает сын В.И. Казакова, — ибо он был невысокого мнения о Варенцове и не считал его способным управлять артиллерией Советской армии в целом. Был его открытым и непримиримым противником.

Так, на одном из совещаний по поводу разбора учения произошел их публичный спор с Варенцовым в присутствии многих военачальников. Жукова тогда уже не было. Неделин в то время уже стал главнокомандующим ракетными войсками стратегического назначения. Все конечно же поддержали отца, в частности В.И. Чуйков и многие другие. Спор шел об отделении войск ПВО от артиллерии. Но ПВО все-таки выделили в отдельный род войск, и отцу пришлось стать их первым командующим, так как под началом Варенцова он служить не хотел»[220].

Вероятно, из-за давней неприязни у обоих военачальников при решении многих вопросов преобладали эмоции, никто не хотел уступать ни в чем, и, по всей видимости, даже тогда, когда

оппонент был прав и надо бы его поддержать, а приходилось поступать наоборот. Приходится сожалеть, что два самых прославленных артиллерийских военачальника не могли объединить свои усилия в деле совершенствования и дальнейшего развития рода войск. Однако надо отметить, что Василий Иванович Казаков глубоко заблуждался в отношении способностей С.С. Варенцова руководить прославленным родом войск. Трудно сказать, как бы происходило поступление на вооружение сухопутных войск ракетного оружия. Факты со всей очевидностью показали, что во многом благодаря Сергею Сергеевичу, его целеустремленности, организаторскому таланту и волевым качествам происходило становление качественно нового рода войск — ракетных войск и артиллерии. На это мы и обратим внимание в ходе дальнейшего повествования.

Как уже говорилось, в 1950-х годах интенсивно развивалось ракетное оружие различного назначения. Войска ПВО получили первые зенитные ракетные комплексы, ВМФ и ВВС — крылатые ракеты, сухопутные войска (СВ) — дальнобойные РСЗО, а за рубежом были разработаны первые противотанковые ракетные комплексы (ПТРК)[221]. Особое же внимание уделялось ракетно-ядерному оружию, и с его появлением в этот период завершилось формирование ракетных войск (РВ).

Коренные изменения во взглядах на характер будущей войны вызвали повышенные требования к вооружению ракетных войск. Считалось возможным применение ядерного оружия в военных действиях любого масштаба, и оно разделялось на стратегическое и тактическое. Стратегическим оружием оснащалась дальняя, тактическим — фронтовая авиация, но у них имелись существенные недостатки по его применению, в частности большое время реагирования от подачи заявки до нанесения удара.

К тактическим ядерным средствам относилась и так называемая атомная артиллерия. Отметим приоритет США: в 1950-х годах они создали 280-мм пушку, а затем 203-мм ядерные снаряды. В СССР опытные образцы атомной артиллерии (406-мм пушка и 420-мм миномет) были показаны в 1957 году на военном параде в Москве, но на вооружение они приняты не были. Ядерные боеприпасы наши артиллерия получила лишь в начале 1970-х годов[222].

Поэтому ракетные войска должны были стать главным ядерным средством в войне, операции и бою. Не исключалось участие их и в огневом поражении противника.

С.С. Варенцов одним из первых увидел необходимость появления в составе общевойсковых объединений и соединений

ракетных войск, смело поставил вопрос перед руководством МО СССР о практических мерах по их созданию. Именно на маршала артиллерии С.С. Варенцова руководство страны возложило ответственные обязанности по формированию первых соединений и частей оперативно-тактических и тактических ракет, обеспечению их необходимым вооружением и техникой.

Сергей Сергеевич с головой окунулся в новое и интересное для него дело. Внедрение и освоение сухопутными войсками ракетной техники стало ведущей стороной его служебной деятельности, главной причиной его тревог и переживаний, нередких конфликтов с высокими должностными лицами.

Как подтверждают документы, воспоминания ветеранов РВиА, в строительстве ракетных войск С.С. Варенцов уделял главное внимание четырем проблемам: подготовке офицерских кадров, созданию ракетного вооружения и боевой техники, совершенствованию организационно-штатной структуры ракетных частей и соединений, повышению эффективности их боевой учебы.

В 1958 году на основании директивы Генштаба ВС инженерные бригады РВГК[223] перешли в подчинение командующих группами войск и войсками военных округов и с этого времени стали именоваться ракетными бригадами.

Директивой ГШ ВС предписывалось в военных округах и группах войск с 1958 года начать поэтапное формирование армейских и фронтовых ракетных бригад. Во исполнение этой директивы маршал артиллерии С.С. Варенцов в марте 1958 года провел установочные сборы командующих артиллерией округов и групп войск при 233-й ракетной бригаде, которая обеспечивала эти сборы. Участникам сборов показали «живую» бригаду, ее ракетное вооружение, провели занятия по ракетной технике и ракетам, по организации бригады и ее боевым возможностям, особенностям ее жизни и быта.

При подведении итогов сборов С.С. Варенцов отдал указания о порядке и сроках поэтапного формирования армейских и фронтовых бригад.

По мнению ветеранов 233-й ракетной бригады, С.С. Варенцов «за короткое время обеспечил формирование фронтовых и армейских ракетных бригад. Командир и начальник штаба бригады много раз встречались с этим замечательным военачальником в период проведения Сборов командующих артиллерией военных округов при 233-й ракетной бригаде в марте 1958 года и в ГСВГ при неоднократном посещении им бригады»[224]. Ветераны ракетной бригады свидетельствуют: Сергей Сергеевич Варенцов «пользовался большим авторитетом в

войсках».

В эти годы С.С. Варенцов постоянно возглавляет Государственную комиссию по приему новых ракетных комплексов (РК) на вооружение. В значительной степени с его именем связан процесс оснащения вооруженных сил тактическими и оперативно-тактическими комплексами, первыми ПТУРСами, крылатыми ракетами двух модификаций, другим вооружением и техникой. Он хорошо знал и поддерживал постоянный контакт с конструкторами оборонных научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро: А.Н. Ганичевым, В.П. Макеевым, А.Д. Надирадзе, В.Н. Челомеем и др.

Первым в 1961 году на вооружение был принят РК «Луна» на базе плавающего танка (дальность 45 километров). Другие РК были созданы на колесной базе: тактический РК «Луна-М» (с 1964 года, дальность 67 километров), оперативно-тактический РК «Темп» (с 1962 года, дальность 300 километров), активно велись работы по разработке «Темпа-С» (принят на вооружение в 1966 году, дальность 900 километров). Данные ракетные комплексы превосходили зарубежные аналоги и оставались на вооружении по 20–30 лет.

С появлением ракетных формирований в сухопутных войсках появился качественно новый род войск — ракетные войска и артиллерия сухопутных войск как главное средство ядерного и огневого поражения противника в бою и операции. В этот род вошли армейские и фронтовые ракетные бригады военных округов и групп войск, ракетные дивизионы тактических ракет мотострелковых и танковых дивизий и артиллерия.

Свое название ракетные войска сухопутных войск получили летом 1960 года на первом стратегическом учении с их участием. В связи с этим с 1 января 1961 года изменилось название должности командующего артиллерией Советской армии. Он стал именоваться «командующий ракетными войсками и артиллерией сухопутных войск», а командующие артиллерией округов, групп войск, объединений и соединений — начальниками РВиА. 6 мая 1961 года С.С. Варенцову присваивается звание Главного маршала артиллерии. Таким образом, первым командующим ракетными войсками и артиллерией сухопутных войск стал Главный маршал артиллерии С.С. Варенцов.

С появлением ракетных бригад оперативно-тактического назначения сухопутных войск появилась необходимость создания для них учебного ракетного центра. Сергей Сергеевич добился, чтобы на Государственном центральном полигоне Министерства обороны Капустин Яр было выделено место (площадка 71). Ветераны 233-й ракетной бригады, которая положила начало

ракетным войскам сухопутных войск, вспоминали, что в июле 1960 года маршал артиллерии С.С. Варенцов сам забил кол и сказал, что здесь будет штаб учебного ракетного центра СВ[225]. Основной задачей учебного ракетного центра СВ была проверка готовности и допуск ракетных соединений оперативно-тактического назначения к учениям с пусками ракет, оценка учений и переподготовка офицеров на новой ракетной технике. Через учебный ракетный центр проходили много раз все фронтовые и армейские ракетные бригады СВ.

По инициативе С.С. Варенцова было принято решение о формировании в составе мотострелковых и танковых дивизий ракетных дивизионов тактических ракет. В этом решении чувствуется почерк С.С. Варенцова — делать все возможное для усиления огневой мощи общевойсковых соединений, в целях повышения их самостоятельности.

Таким образом, Сергей Сергеевич стоял у истоков зарождения и становления ракетных войск и артиллерии как нового рода войск, оснащенного ракетно-ядерным оружием. Несомненно, ракетные войска сухопутных войск — это детище С.С. Варенцова.

С.С. Варенцов на протяжении всей своей службы всегда очень внимательно относился к офицерским кадрам. «Берегите кадры, — наставлял он своих подчиненных, — и выращивайте молодые»[226]. Так, выпускник Ростовского высшего артиллерийского инженерного училища 1957 года выпуска лейтенант А. Г. Ташевский показал себя хорошим специалистом в области эксплуатации ракетного вооружения. Сергей Сергеевич сумел разглядеть в молодом военном инженере-ракетчике будущего ученого и порекомендовал направить его в адъюнктуру Военной артиллерийской академии. После окончания адъюнктуры и успешной защиты диссертации А. Г. Ташевский получил ученую степень кандидата технических наук, стал преподавателем, затем старшим преподавателем кафедры ракетного вооружения, получил ученое звание доцента, написал и защитил докторскую диссертацию, стал заместителем начальника кафедры, получил ученое звание профессора. После увольнения в запас он работал начальником научно-исследовательской лаборатории академии при кафедре ракетного вооружения. Полковник А.Г. Ташевский принимал участие в испытаниях ракетного вооружения и ракетной техники, на протяжении четырех лет был членом Государственной комиссии по испытаниям нескольких ракетных комплексов в качестве председателя комиссии по их боевому применению. В настоящее время доктор технических наук, профессор, академик Международной академии информатизации полковник в отставке

А.Г. Ташевский продолжает работать профессором Санкт-Петербургского института машиностроения[227].

«Не надо забывать, — писал С.С. Варенцов, — за каждой фамилией генерала и офицера есть еще личная жизнь. И некоторые не виноваты, если их не пустили на учебу своевременно, а они боевые, с большим опытом, здоровые, их хорошо аттестуют, и даже на продвижение некоторых, вот тут и нужно найти решение… Надо организовать академическую подготовку и заставить сдать за академию. Каково же им слышать: «Вы не пойдете на продвижение, так как у вас нет высшего образования»[228].

Несмотря на большие заслуги, звезды и регалии, С.С. Варенцов не превратился в высокомерного военного сановника, оставался всегда доступным, внимательным, простым в общении человеком. Модное начальственное «тыканье» командующий не признавал и обращался к генералам и офицерам только на «вы». Строгость в общении с подчиненными он всегда подкреплял доброжелательностью, доверием, заботой о них. Сергей Сергеевич не допускал необоснованного наказания подчиненных офицеров и генералов, разбирался в причинах недостатков, давал возможность подчиненным командирам устранить недочеты в работе. Как правило, вера С.С. Варенцова в человека оправдывалась. Стиль работы С.С. Варенцова с подчиненными раскрывает один характерный случай.

Одна из ракетных бригад ГСВГ, признанная в 1961 году лучшей в сухопутных войсках, неожиданно показала низкие результаты на учениях в 1962 году. По этому поводу С.С. Варенцов направил письма командующему РВиА ГСВГ, командиру бригады и начальнику РВиА армии генерал-майору артиллерии М.Д. Сидорову, которому он написал: «Вам необходимо резко повысить требовательность, обязать командира бригады, офицеров Вашего штаба лично проводить занятия, в частности по техническим темам. Рекомендую и Вам лично включиться в это дело. Я глубоко уверен, что перед Вами блестящая служебная перспектива. И то, как Вы сумеете поднять свою ракетную бригаду, должно быть важным показателем Вашей работы и Ваших возможностей. Я уверен, что эта задача Вам по плечу и вы с ней с честью справитесь. Что Вы делаете для этого — напишите мне»[229].

Написанные С.С. Варенцовым с большим уважением слова в адрес М.Д. Сидорова оказались пророческими. Этот военачальник вырос до генерал-полковника артиллерии, начальника штаба РВиА СВ, внес большой вклад в совершенствование своего рода войск. Впоследствии генерал-полковник в отставке М.Д. Сидоров

вспоминал: «С.С. Варенцов знал толк в технике, боевой подготовке, оперативном искусстве и в воспитательной работе. Ему принадлежит колоссальная заслуга в создании ракетных войск сухопутных войск. Не будь Варенцова, не было бы в сухопутных войсках ракетного вооружения».

Бережное, человеческое отношение С.С. Варенцова к людям — молодым и опытным кадрам — находило отклик со стороны подчиненных. Высокий профессионализм, деловитость командующего снискали ему большой авторитет. Многим запомнилась фраза, которую любил повторять С.С. Варенцов: *«Мы должны действовать в рамках офицерской чести и достоинства».* Живым примером именно такого честолюбивого, высоконравственного подхода **к** исполнению служебного долга являлся сам Сергей Сергеевич Варенцов.

Надо полагать, что С.С. Варенцова в эти годы не могла не тревожить одна проблема, решить которую он при всем своем желании не мог без непосредственного участия главнокомандующего С В и министра обороны.

Обратим внимание, что появление ракет с дальностями в десятки и сотни километров, с одной стороны, позволяло увеличить глубину огневого поражения противника, с другой — порождало другую проблему, без решения которой нельзя в полной мере реализовать заложенные в грозное ракетное оружие возможности. Проблема заключалась в следующем: кто надежно обеспечит разведку объектов поражения для ракетных комплексов?

Артиллерийская разведка по совокупным возможностям обеспечивает достаточную точность определения координат, приемлемую полноту разведывательных данных, но ограничена ее глубина. Расширить ее возможности по дальности значит включать в ее состав практически те же силы и средства, которые уже имеются или предполагается иметь в составе тактической, оперативной и частично стратегической разведки, но возможности большинства которых по точности определения координат целей (объектов) не удовлетворяют требованиям РВиА. Это направление по экономическим, организационным, управленческим и другим соображениям не могло быть приемлемым, поэтому и была предложена новая концепция: «Единая автоматизированная система разведки от дивизии до фронта».

Эту концепцию выработал старший преподаватель кафедры разведки Военной артиллерийской академии полковник Гордон Юрий Александрович и предложил в 1958 году при написании в артиллерийской академии труда «Проблемы развития

артиллерии и ее применение в современной войне». Труд разрабатывался под руководством начальника академии Главного маршала артиллерии Н.Н. Воронова.

Суть концепции — система должна обеспечивать всех потребителей в каждой войсковой инстанции из одного центра с учетом их специфических запросов, РВиА — с учетом их требований по достоверности и полноте разведывательных данных, срокам их выдачи и высокой точности координат вскрываемых объектов (целей).

Следует отметить, что самыми жесткими в сравнении с требованиями других родов войск, видов вооруженных сил и специальных войск, участвующих в операции, являются требования РВиА, что и закладывал в основу предлагаемой концепции Ю.А. Гордон. Каждый род войск, вид вооруженных сил традиционно имеет свои средства разведки, ведет разведку на себя и для себя. Не раз приходилось слышать, вспоминал Ю.А. Гордон: «Раз вам [РВиА] нужны такие разведывательные данные, о которых говорите, вот и добывайте сами», а иногда на некоторых конференциях в оскорбительной форме звучало: «Не вторгайтесь не в свои сферы»[230].

Заметим, что Главный маршал артиллерии Н.Н. Воронов (в то время начальник артиллерийской академии) с пониманием отнесся к этой концепции, одобрил ее, но сказал, что потребуется огромная работа по перестройке всей существующей разведки, ее техническому перевооружению и вряд ли возможно будет уложиться в 25–30 лет.

Однако в 1962 году в войска поступила директива Генерального штаба ВС СССР, в которой, кроме других вопросов, было указано, что командующие РВиА докладывают общевойсковому командиру (командующему) объекты для поражения ракетами с их координатами. Можно только представить себе меру ответственности командующих РВиА всех уровней, когда своих сил и средств для решения этих задач они не имеют, а другие виды разведки с необходимой полнотой и точностью для РВиА эти задачи также не способны выполнить. Есть все основания предполагать, что командующий РВиА СВ С.С. Варенцов был заинтересован в том, чтобы Ю.А. Гордону было предоставлено право выступить по проблеме разведывательного обеспечения РВиА и путям ее решения с 30-минутным докладом перед министрами обороны стран Варшавского договора на их сборах в июне 1962 года. И вероятно, приложил немало усилий, чтобы этот доклад состоялся. Сборы проходили в Прикарпатском военном округе. На сборах присутствовали также начальники Генеральных штабов и командующие РВиА вооруженных сил этих

государств. Кстати сказать, проблема надежного разведывательного обеспечения боевых действий РВиА актуальна и сегодня. Вот где было широкое поле деятельности для командующего РВиА СВ Главного маршала артиллерии С.С. Варенцова! Он это прекрасно понимал и непосредственно этим старался заниматься. Однако нельзя было оставлять без внимания и другие вопросы, связанные с дальнейшим развитием ракетных войск и артиллерии.

Несмотря на то что в эти годы основные усилия ученых-артиллеристов были сосредоточены на решении проблем, связанных с пусками ракет, нанесением ракетных ударов, оценкой и прогнозированием их результатов, С.С. Варенцов уделяет достаточное внимание проведению дальнейших научных исследований по совершенствованию стрельбы наземной артиллерии.

В связи с тем, что С.С. Варенцов в полной мере ощутил на себе все недостатки предвоенной подготовки артиллерийских командиров и начальников в области управления огнем крупными массами артиллерии, он, с присущей ему целеустремленностью, стремится разрешить проблему управления огнем артиллерии во всех звеньях. Для решения этой проблемы С.С. Варенцов, во-первых, организовывает разработку соответствующих уставных документов, во-вторых, создает систему приобретения практических навыков артиллерийскими командирами и начальниками в управлении огнем. С этой целью были изучены результаты успешных операций минувшей войны и установлены уровни эффективности поражения различных целей. Это позволило определить нормы расхода боеприпасов и решить другие важные практические вопросы.

Одновременно определялись и разграничивались функциональные обязанности командиров и штабов при управлении массированным огнем, вырабатывались способы целеуказания для сосредоточения огня любого количества артиллерии, устанавливались нормы привлечения артиллерии для решения различных огневых задач, определены были размеры участков огня, рекомендован порядок подачи команд для управления огнем и др.

В 1956 году издано первое в истории отечественной артиллерии «Наставление по управлению огнем наземной артиллерии». В пособии по изучению «Наставления», изданном в 1957 году, давались теоретические обоснования практических рекомендаций по управлению огнем.

Одновременно были переработаны и «Правила стрельбы наземной артиллерии». Первое послевоенное издание «Правил

стрельбы наземной артиллерии» вышло в свет в 1954 году (ПС-54).

Идея создания единых «Правил стрельбы» получила завершение в 1957 году изданием «Правил стрельбы наземной артиллерии» (ПСНА-57), в которые полностью вошли существовавшие отдельно правила стрельбы минометов, реактивной артиллерии, по надводным целям и прямой наводкой[231]. ПСНА-57 рассматривала полную подготовку как основной способ определения установок для стрельбы на поражение ненаблюдаемых целей и упрощала пристрелку по наблюдению знаков разрывов.

Сергей Сергеевич много работает над обобщением опыта применения артиллерии в годы Великой Отечественной войны (приложения 4, 5). В своих выступлениях и публикациях с убежденностью утверждает, что «массированное применение артиллерии и решающая роль ее огня повысили значение артиллерии в минувшей войне и превратили ее в фактор оперативного значения». При этом Сергей Сергеевич подчеркивает, что «в решении столь важного вопроса, как массирование артиллерийских средств на участках прорыва, важнейшее значение приобретало подлинное творчество командующих общевойсковыми соединениями, армиями и фронтами и их командующих артиллерией».

Под руководством Сергея Сергеевича развитие огневого поражения противника характерно изучением, осознанием опыта войны и дальнейшим совершенствованием приемов и способов его подготовки и ведения с целью повышения боевой эффективности рода войск. Так, в 1950-х годах благодаря высокому уровню профессиональной подготовки командиров и штабов на существовавших тогда средствах поражения, разведки и управления были достигнуты феноменальные результаты по управлению сосредоточенным и массированным огнем больших масс артиллерии. Например, сосредоточение огня артиллерийской группы на основе полной подготовки по любой цели осуществлялось за 50–55 секунд[232].

С.С. Варенцов часто бывал в Военной артиллерийской академии имени М.И. Калинина, в военных училищах РВиА. Со знанием дела он разбирался в постановке учебной и воспитательной работы в вузах, с большим удовольствием общался с преподавателями, слушателями и курсантами. На базе академии часто проводились показательные занятия для руководящего состава РВиА. Так, 13 декабря 1962 года ракетный полк академии под руководством полковника А.А. Носича провел показательное занятие на сборах начальников ракетных войск и

артиллерии военных округов и групп войск. Содержанием показательного занятия была подготовка по новой методике ракет при переводе ракетной бригады из постоянной в полную боевую готовность. Новая методика позволяла резко сократить перевод ракетной бригады в полную боевую готовность. Занятие высоко оценил С.С. Варенцов[233].

Накануне своей отставки 3 февраля 1963 года С.С. Варенцов указывал своим подчиненным: «Особое внимание надо уделять Академии и всем вузам. Академия за 1962 г. выполнила с полдесятка важных мероприятий, что ей позволило находиться на уровне современных задач. А наши занятия помогли двинуться вперед и… сделать первые наметки в нанесении первого атомного удара в начальном периоде войны. Надо всемерно вузы укреплять кадрами, стажировать преподавателей. Брать лучшие кадры для них из войск»[234].

Бывший заместитель начальника Военной артиллерийской академии имени М.И. Калинина генерал-лейтенант в отставке СЕ. Попов вспоминал: «С.С. Варенцов разбирался в людях. В его бытность был создан очень сильный аппарат управления командующего. Сергей Сергеевич знал свой предмет, по многим сложным вопросам мог выступать без подготовки. Внимательно осмысливал то, о чем говорили. И этим выгодно отличался от ряда других военачальников».

Многих усилий со стороны командующего и его управления потребовало формирование новых ракетных частей и соединений. Промышленность нередко не успевала производить запланированное количество пусковых установок, транспортных машин, топливозаправщиков, метеостанций и другой техники. В войсках сказывалась нехватка подготовленных офицерских кадров. К объективным трудностям добавлялись и причины субъективного характера. И главным здесь было непонимание места и роли ракетных войск в бою и операции со стороны отдельных высокопоставленных военных руководителей. Не раз случалось, что сложные организационные и технические вопросы развития ракетных войск подолгу не рассматривались руководством Министерства обороны. В таких ситуациях С.С. Варенцову приходилось обращаться непосредственно к министру обороны, в ЦК КПСС и лично к Н.С. Хрущеву, которого хорошо знал еще по 1-му Украинскому фронту, поддержкой и доверием которого пользовался. В декабре 1960 года С.С. Варенцов писал Н.С. Хрущеву: «Вызывает горечь и недоумение — насколько прочно старые понятия господствуют в умах некоторых больших военных руководителей. Достаточно сказать, что вопрос об организационных формах наших танковых и мотострелковых

дивизий, их боевой подготовки, жизни и быта разрешены в этом году во всех деталях, учтены все малейшие просьбы и пожелания… Когда же встает вопрос о ракетных войсках, то многие облеченные высокими полномочиями начальники пытаются уйти в сторону от острых проблем, подчас решают дело формально, приравнивая ракетные части чуть ли не к обычной ствольной артиллерии…»[235]

Вопросы развития ракетных войск С.С. Варенцов всегда принципиально и остро ставил на заседаниях Главного военного совета, Военного совета сухопутных войск, давая зачастую при этом нелицеприятную оценку деятельности военных органов, тормозивших внедрение ракетного оружия.

Конечно же столь настойчивая позиция командующего РВиА многим военачальникам, мягко говоря, не нравилась. Довольно натянутые по этой причине установились отношения С.С. Варенцова с начальником Генерального штаба Маршалом Советского Союза М.В. Захаровым, его заместителем В.Д. Ивановым. Но особенно не сложились взаимоотношения между С.С. Варенцовым и главкомом сухопутных войск Маршалом Советского Союза В.И. Чуйковым. Дважды Герой Советского Союза Василий Иванович Чуйков был признанным полководцем, видным военным деятелем. Однако В.И. Чуйков не мог терпеть от подчиненных возражений по многим вопросам, считая свое мнение истиной в последней инстанции. Единственным человеком в аппарате сухопутных войск, который мог спорить с В.И. Чуйковым и отстаивать свое мнение, был С.С. Варенцов. Суть была не только в сложных характерах обоих военачальников, но и в разном понимании меры соотношения ракетных войск и артиллерии в современной войне.

Сергею Сергеевичу претило нежелание облеченных большой властью военачальников глубоко вникать в существо новых проблем военного дела, возмущали их некомпетентность, поверхностный скептицизм, переоценка своих знаний и прошлых заслуг. А у него, образно выражаясь, болела душа за подчиненный ему род войск.

«Наши полководцы отстали, — считал С.С. Варенцов, — ракетное вооружение не изучают… не осознают всей сложности нового. Культ личности полководца у нас создан очень высокий, что ему не позволяет сесть за парту и учить ракетное оружие… У нас в Министерстве обороны пущена тов. Захаровым М.В. и принята к исполнению тов. Чуйковым В.И. крылатая фраза: «А вы там специалистов не слушайте, мало ли что они будут доказывать и говорить»[236].

Главный маршал артиллерии С.С. Варенцов, выступая на

Президиуме ЦК, резко говорил о необходимости омолаживать командный и начальствующий состав ракетных войск и артиллерии, садиться за парты.

— А кто не может — пусть не мешает![237]

Командующий РВиА ввел боевые офицерские расчеты. Безусловно, некоторые старшие офицеры и генералы возмущались: что, и мы станем бегать?! «Ничего, — говорил Главный маршал артиллерии, — это пригодится». А ведь был прав! Его правоту подтверждает в своих воспоминаниях маршал артиллерии В.М. Михалкин.

Во время ведения боевых действий ограниченным контингентом Советских войск на территории Республики Афганистан командующему РВиА СВ генерал-полковнику В.М. Михалкину часто приходилось там бывать в командировках. «Приведу эпизод, — вспоминает маршал артиллерии В.М. Михалкин, — который при своей казусности мог бы привести к тяжелым последствиям. Меня постоянно сопровождал полковник А. Козин — офицер нашего управления, который давно находился в группе генерала В. Варенникова, был отлично подготовлен и хорошо знал группировку артиллерии в Афганистане. Когда мы проезжали мимо бывшего городка ООН на окраине Кандагара, он предложил заглянуть на огневую позицию батареи 122-мм гаубиц мотострелковой бригады. У нас был запас времени, к тому же мне было интересно пообщаться с артиллеристами, заодно проверить их боевую готовность и обустройство. Батарея воевала надежно и была на хорошем счету. Но…

У шлагбаума часового не оказалось. Когда мы подъехали к огневой позиции, увидели такую картину: орудия находятся в окопах, приборы расставлены, боеприпасы разложены, но личного состава нет. Вышел из домика сержант (оказался старшим), доложил, что батарея на завтраке, команд на открытие огня не поступало. На мой вопрос, где офицеры, он ответил: «Старший офицер батареи вызван в штаб дивизиона, командир 2-го огневого взвода поехал в госпиталь, а старшина батареи убыл за продуктами».

Когда появился личный состав, полковник А. Козин скомандовал: «К бою», и мы начали проверять готовность огневых взводов. Вдруг с КНП батареи поступила команда на открытие огня. А, как известно, подготовка исчисленных установок, наводка и ведение огня осуществляется непосредственно на огневой позиции. И вот командующий ракетными войсками и артиллерией сухопутных войск генерал-полковник В. Михалкин вступает в должность старшего офицера на батарее, полковник А. Козин — в должность командира 2-го огневого взвода, а адъютант

майор Э. Желтов помогает вычислителю готовить исчисленные данные. Огонь мы открыли вовремя. Пришлось командовать до полного выполнения огневой задачи.

Примерно через час на огневую позицию батареи наехало много начальников, которым я доложил о выполнении боевой задачи, а затем провел с ними «разбор полетов». Артиллеристы действительно были подготовлены хорошо, и мне было легко и приятно ими командовать»[238].

Некоторые могут возразить:

— Это довольно редкий случай, когда должностному лицу высокого ранга пришлось выполнять обязанности командира взвода.

Возможно. Но люди военные всегда должны быть готовы воевать. Особенно это относится к подготовке офицеров РВиА, их взаимозаменяемости в ходе боевых действий. Поэтому требования С.С. Варенцова по введению боевых офицерских расчетов были вполне справедливы и обоснованны. И основывались эти требования на богатом фронтовом опыте.

Постоянный поиск и отстаивание нового в военном деле, непримиримость и настойчивость в решении принципиальных вопросов, способность взять ответственность на себя — эти качества военного профессионала С.С. Варенцов демонстрировал в своей повседневной работе, этого же требовал и от своих подчиненных. На одном из партийных собраний в Управлении начальника РВиА сухопутных войск он говорил: «Многие авторы указаний дорожат местом. Нам надо браться за дело, за глубокие убедительные доказательства. Нельзя признать нормальным, когда в результате того, что кто-то «цыкнул» на вас, вы сдались, а от этого страдает дело и нарушается боевая готовность»[239].

Не выпускал из поля зрения С.С. Варенцов и взаимоотношения начальников РВиА всех уровней с общевойсковыми органами управления. «В данное время, — с тревогой писал С.С. Варенцов в президиум ЦК КПСС, — в округах и армиях выросли молодые способные ракетчики-артиллеристы. Они, конечно, еще не все обладают высокими организаторскими способностями в масштабе армия — фронт, кроме того, у них нет еще и опыта в умении себя держать в общевойсковом штабе. А там специалисту надо иметь и положение и «громкий голос» и большую пробивную способность, иначе «забьют» и хорошее предложение не получит разрешения. Положение же начальника ракетных войск и артиллерии округа и армии пока остается обычным, оно существует на правах начальника службы, ведь у командующего войсками каких только зам и пом нет. Вот если наш начальник думает что-либо провести… с успехом для дела,

он должен обговорить с большинством из них, убедить малосведущих своих начальников в правоте и необходимости этого мероприятия, иначе он не гарантирован за провал самого хорошего предложения»[240].

В 1961 году на XXII съезде КПСС С.С. Варенцова избрали кандидатом в члены ЦК КПСС. За большой вклад в укрепление боевой готовности вооруженных сил он получил четвертый орден Ленина. Сергей Сергеевич вел депутатскую работу, являясь депутатом Верховного Совета РСФСР 4-го созыва, 5-го созыва и Верховного Совета СССР 6-го созыва.

Несмотря на определенные успехи, драматически для рода войск складывалось положение вокруг наземной артиллерии. В конце 1950-х — начале 1960-х годов она была значительно сокращена. В обращении к министру обороны С.С. Варенцов выступил против расформирования артиллерийских дивизий, бригад, пушечных артиллерийских полков. Р.Я. Малиновский отчасти согласился с командующим РВиА, однако никакого конкретного решения не принял, ограничился ничего не значащей резолюцией: «Всю артиллерию нельзя расформировать»[241].

Неоднократные повторные усилия со стороны командования РВиА привлечь внимание главкома сухопутных войск, министра обороны к вопросам развития артиллерии желаемых результатов не дали. Это произошло оттого, что в правительственных, военных органах возобладало мнение о том, что развивать ракетные войска сухопутных войск необходимо за счет значительного сокращения артиллерии. Когда же обнаружился явный просчет в боевых возможностях отечественной артиллерии в бою и операции, некоторые военные руководители, слабо знакомые с артиллерией, стали всячески пропагандировать лозунг, что танки — это те же артиллерийские орудия и они должны огнем с закрытых огневых позиций восполнять поражающие действия недостающей артиллерии.

Примечательно, что попытки обучить танкистов стрельбе с закрытых огневых позиций ни к чему не привели и особого стремления и желания научиться «стрельбе с ЗОП» (так танкисты ее называли) у них не было. Очень часто эту аббревиатуру танкисты произносили с другой первой буквой. Как правило, это происходило в тех случаях, когда они понимали тщетность своих усилий по овладению этой стрельбой. И дело не в том, что «умный в артиллерии». Причины проблемы обучения, на взгляд автора, находятся в области профессиональной психологии. Ведь не случайно даже артиллеристы, воевавшие (служившие) в противотанковой артиллерии, с немалым трудом на первых порах

выполняли огневые задачи с закрытых огневых позиций.

Когда появились гладкоствольные танковые пушки, проблема сама собой разрешилась, так как нецелесообразно было вести огонь с закрытых огневых позиций из гладкоствольных пушек из-за большого рассеивания снарядов.

Являясь противником принижения роли артиллерии, С.С. Варенцов в газетных и журнальных публикациях постоянно подчеркивал, что в современной войне артиллерия продолжает выполнять важные и присущие только ей задачи. Командующий считал, что ракетные войска необходимо развивать не в ущерб артиллерии, что дополнительные ассигнования для этой цели можно было изыскать путем более рационального расходования средств на развитие других родов войск. Такая позиция командующего РВиА вызвала отрицательную реакцию со стороны командующих (начальников) родами войск и не была ими поддержана.

В 1961–1962 годах С.С. Варенцов все чаще чувствовал отсутствие поддержки своих идей на заседаниях Коллегии МО СССР, Военного совета сухопутных войск. Ревниво относящийся ко всему, что касалось жизни и деятельности своего рода войск, *С.С.* Варенцов был уязвлен тем, что Главный штаб и Управление боевой подготовки сухопутных войск проверили ряд подчиненных ему частей и соединений, даже не поставив в известность командующего.

В марте 1962 года С.С. Варенцов поставил перед Военным советом сухопутных войск вопрос о недоверии к себе со стороны В.И. Чуйкова. Члены Военного совета А.С. Жадов, Р.О. Комаров, В.П. Маргелов, А.И. Прошляков и другие позицию Варенцова не поддержали — командующему РВиА указали на слишком развитое самомнение, недостаток самокритичности и даже неуважительное отношение к Военному совету[242]. С.С. Варенцов остро переживал участившиеся конфликты. Конечно же было задето его самолюбие, но много хуже, что все труднее решались важные служебные вопросы и страдало главное — дело.

Как отмечалось выше, у С.С. Варенцова были неплохие отношения с Н.С. Хрущевым. Однако известно и то, что первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета министров СССР Н.С. Хрущева военные и гражданские чиновники, мягко говоря, не любили. Он уничтожил Берию, развенчал культ личности Сталина, на миллион человек сократил армию, высылал из столицы поближе к житейским проблемам и для практической работы министерства и институты, грозил США и насаждал кукурузу.

Осудив культ личности Сталина, Н.С. Хрущев со временем

начал создавать новый. В его окружении все больше и больше появлялось людей, прославлявших Никиту Сергеевича. Поздравительные телеграммы и трудовые рапорты адресовались не только ЦК и Совмину, но и лично ему, очередную Звезду Героя ему вручал новый председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Брежнев. На фоне гимнотворцев и сладкозвучных речей уходили в тень те, кто думал о будущем государства. Уже был снят с должности министр обороны, символ Победы над Германией Георгий Константинович Жуков. И в армии, и на самом верху наступал расцвет рыбалки, охоты и обильных застолий. Главный маршал артиллерии С.С. Варенцов плохо вписывался в «новейшую систему» решения проблем. Одни обсуждали, как стрелять кабана или медведя, а Варенцов — как провести ракетные стрельбы на полигоне Капустин Яр.

— У него в голове — одни ракеты, — сокрушенно говорили о нем.

Варенцов жил исключительно интересами службы, дела. На одном из приемов на даче Н.С. Хрущева С.С. Варенцов услышал от Л.И. Брежнева:

— Сергей Сергеевич, ты какой-то неудобный, какой-то ты не наш.

Сказанные с шутливой улыбкой слова задели за живое. Вспомнились конфликты между Варенцовым и Брежневым на фронте, стычки с Леонидом Ильичом, когда тот работал в Главном политическом управлении. Знал С.С. Варенцов и о злопамятности Л.И. Брежнева. Позже, вспоминая об этом, Сергей Сергеевич отмечал: «Тогда я понял, что любая арбузная корка под моим каблуком может оказаться роковой»[243].

Вполне возможно, что такой «коркой» стал О. Пеньковский. Во всяком случае, показательно, что начальник ГРУ генерал армии Серов, который находился в еще более тесном служебном и личном общении с Пеньковским, отделался менее строгим наказанием — переводом на службу в Приволжский военный округ.

Всерьез могли быть восприняты номенклатурой и слова Хрущева, якобы сказанные в адрес С.С. Варенцова на одном из приемов, что «это — будущий министр обороны» (об этом рассказала дочь Варенцова)[244].

В конце 1962 года С.С. Варенцов выступил на пленуме ЦК, где открыто обвинил руководство сухопутных войск в неспособности обеспечить соответствие армии современному уровню развития военной науки и техники, что пагубно сказывается на обороне страны. Примечательно, что, несмотря на открытое недовольство деятельностью руководства сухопутных войск, С.С. Варенцов в

начале 1963 года был аттестован положительно. «Должности командующего ракетными войсками и артиллерией соответствует вполне», — написал главнокомандующий сухопутными войсками Маршал Советского Союза В.И. Чуйков в аттестации на С.С. Варенцова (приложение 6), тем самым как бы соглашаясь с теми обвинениями, которые предъявил ему Сергей Сергеевич на пленуме ЦК.

1 марта 1963 года (за два месяца до вынесения приговора подсудимым Пеньковскому и Винну) Варенцова вызвали на беседу с Брежневым, Козловым и Шелепиным. Маршала обвинили в том, что он воспитал предателя Родины и шпиона и потому должен понести суровое наказание. При этом Брежнев несколько подсластил пилюлю: мол, Хрущев приказал всех военнослужащих, проходящих по делу Пеньковского, разжаловать до рядовых, но Варенцова якобы по просьбе Леонида Ильича снизят в звании только до генерал-майора.

В 1963 году военачальник с огромным фронтовым опытом снимается с должности, понижается в воинском звании, лишается звания Героя Советского Союза. И причиной этого стало знакомство с О. Пеньковским, который оказался предателем и работал на спецслужбы иностранных государств. К слову сказать, в последние годы в средствах массовой информации предательство Пеньковского и его работа на спецслужбы США и Великобритании подвергаются сомнению.

С Пеньковским С.С. Варенцова связывало давнее — еще фронтовое — знакомство. Как указывалось ранее, они познакомились, когда оба лечились в госпитале после ранений. Впоследствии некоторое время Пеньковский был порученцем С.С. Варенцова. После войны их пути разошлись, но впечатление от боевого офицера, закончившего войну в должности командира противотанкового полка и награжденного 5 орденами и 8 медалями, у Сергея Сергеевича осталось положительное.

Поэтому новой встрече — на этот раз в Москве в 1950-х годах — С.С Варенцов был искренне рад. Приглашал бывшего сослуживца домой, вспоминал фронтовые годы. В 1956 году, когда Пеньковский был уволен из ГРУ, С.С. Варенцов помог ему получить должность в Военной академии имени Ф.Э. Дзержинского. Он же ходатайствовал о восстановлении Пеньковского в ГРУ уже при новом начальнике управления, бывшем председателе КГБ И. Серове.

Именно эти действия маршала и были поставлены ему в вину, что он «воспитал шпиона и предателя, нанесшего большой ущерб стране», «потерял политическую бдительность» и «не сумел разоблачить изменника».

Нельзя не отметить, что С.С Варенцов в деле Пеньковского проходил как свидетель, никакого обвинения ему не предъявлялось, подозреваемым он также не являлся. Не выносил суд и частного определения в отношении С.С. Варенцова (приложение 7).

Когда на самом высоком уровне судьба С.С. Варенцова была предрешена, в аппарате сухопутных войск началась «подготовка общественного мнения». Состоявшийся 2 марта 1963 года пленум партийного комитета Главного штаба и Управления главнокомандующего сухопутными войсками отметил: «Исключительное притупление бдительности, ротозейство и близорукость проявил коммунист Варенцов С.С, который длительное время находился в близкой дружественной связи с ныне разоблаченным шпионом Пеньковским, продвигал его по службе… Пользуясь близостью к тов. Варенцову С.С, Пеньковский часто посещал управление, пытался установить связи с более широким кругом офицеров и генералов. Однако многие коммунисты, в том числе руководящий состав, не задумывались над целями этих посещений, не придавали значения тому, что управление посещал человек, не имеющий никакого отношения к служебной деятельности офицеров и генералов»[245]. Пленум ходатайствовал об исключении С.С. Варенцова из кандидатов в члены КПСС, о лишении его полномочий депутата Верховного Совета СССР. 12 марта председатель Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнев подписал не подлежащие опубликованию указы о снижении *С.С.* Варенцова в звании до генерал-майора и о лишении его звания Героя Советского Союза «за потерю политической бдительности и недостойные поступки». 13 марта приказом министра обороны С.С. Варенцов был уволен в отставку. Прославленного военачальника лишили звания, должности, наград и честного имени без предъявления доказательств вины, без какого-либо разбирательства. Неприязнь лично к главному маршалу номенклатурных работников, высших военных чинов и самого Брежнева обусловила жесткость санкций.

Глава 5. Предписанное забвение

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Брежнев подписал указы о лишении С.С. Варенцова звания Главного маршала артиллерии и, что самое неожиданное, звания Героя Советского Союза. Уголовникам, попавшим после войны за решетку, оставляли боевые награды, а полководца, проходившего свидетелем по делу Пеньковского, лишили. В расписке, данной Сергею Сергеевичу, было указано: «В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР № 1106 и № 1107 от 12.03.1963 г. мною, начальником отдела Главного управления кадров генерал-майором т/в Лозовским А. Б., приняты от генерал-майора артиллерии Варенцова Сергея Сергеевича для последующего направления в Президиум Верховного Совета СССР: 1. орден Ленина № 39913, 2. медаль «Золотая Звезда» № 6578… 5. маршальская звезда… 7. грамота о присвоении воинского звания Главный маршал артиллерии…»[246]

— Вы не волнуйтесь, — сказал ему секретарь ЦК Ф. Козлов. — Через два месяца все вернем.

Но через два месяца ничего не вернули, а через два года Козлов умер.

Судебное заседание Военной коллегии Верховного Суда СССР по делу Пеньковского О.В. и Винна Г.М. проходило 7—11 мая 1963 года.

Якобы выполняя просьбу читателей, редакция газеты «Известия» обратилась к Главному военному прокурору генерал-лейтенанту юстиции А.Г. Горному, выступавшему на процессе Пеньковского и Винна в качестве государственного обвинителя.

29 мая 1963 года «Известия» опубликовали ответы А.Г. Горного на вопросы корреспондентов газеты В. Гольцева и В. Кассиса.

Вот один из них.

«Корреспонденты. Наших читателей интересует, понесут ли какое-либо наказание лица, близко общавшиеся с Пеньковским и знавшие о его аморальном и подозрительном поведении?

А. Горный. Пеньковский был связан со многими людьми по службе и в быту. Некоторые из них оказались ротозеями и болтунами, другие, пьянствуя с Пеньковским, способствовали его разложению.

…Что касается друзей и собутыльников Пеньковского, то они, как это было установлено на предварительном следствии и в судебном разбирательстве, не знали о шпионской деятельности Пеньковского, а потому и не могут нести ответственности в

уголовном порядке. Но их поведение заслуживает самого сурового общественного осуждения. Должен сказать, что все они подвергнуты строгим административным и партийным взысканиям. Так, например, бывший Главный маршал артиллерии С. Варенцов понижен в звании и должности за то, что, зная Пеньковского по фронту, доверился его «жалобам» на якобы незаконное отчисление из кадров Советской армии. С. Варенцов добился пересмотра отрицательной служебной аттестации Пеньковского и в конечном итоге содействовал его устройству на службу в Государственный комитет по координации научно-исследовательских работ СССР.

Близкие знакомые Пеньковского: генерал-майор А. Позовный, полковник В. Бузинов, бывший сотрудник Государственного комитета по координации научно-исследовательских работ СССР В. Петроченко, которые делились с Пеньковским в нарушение существующих положений служебными материалами, понесли строгие дисциплинарные наказания. Его собутыльники — В, Филькенштейн и И. Рудовский — также осуждены коллективами, в которых они работают.

Хочется надеяться, что эти люди исправятся, извлекут необходимые уроки и станут на правильный путь».

В действительности Пеньковского из армии не уволили. После Турции он работал в Минобороны, а затем снова в военной разведке[247].

В соответствии с логикой того времени не заставили себя ждать и другие последствия. Состоявшийся 21 июня 1963 года пленум ЦК КПСС вывел С.С. Варенцова из состава кандидатов в члены ЦК. В августе 1963 года бывший командующий РВиА сухопутных войск был лишен полномочий депутата Верховного Совета СССР. С этого момента и до конца жизни (умер он 1 марта 1971 года от сердечной недостаточности) для Сергея Сергеевича Варенцова наступила пора всеобщего и полного забвения. По словам внука С.С. Варенцова Александра Гончарова, ему в ГлавПУРе рассказали, что в 1964 году туда и в военную цензуру был звонок от Брежнева, который распорядился убрать имя и фотографии Варенцова откуда только можно и больше о нем не упоминать[248]. Что и было сделано. В том же году негласное распоряжение, последовавшее из недр ЦК КПСС, предписало вычеркнуть из готовившихся к изданию справочников, энциклопедий и мемуаров все упоминания о бывшем командующем артиллерией 1-го Украинского фронта. Приблизительно тогда же из Музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, а также из музеев Военной академии имени Ф.Э. Дзержинского и артиллерийских училищ были изъяты все

данные о С.С. Варенцове. На протяжении долгих лет в Михайловской военной артиллерийской академии (Военной артиллерийской академии имени М.И. Калинина) на стенде напротив читального зала, посвященном командующим артиллерией фронтов в годы Великой Отечественной войны, командующим артиллерией 1-го Украинского фронта был представлен генерал-лейтенант Н.Н. Семенов (заместитель С.С. Варенцова).

Между тем лишенный почти всего С.С. Варенцов, хотя и с серьезным партийным взысканием, был оставлен в партии. В 1965 году он обратился к Л.И Брежневу с письмом, в котором писал: «Знаю и убежден в том (и самом главном), что я не мог быть источником информации. Он [Пеньковский] не мог и не получил от меня сведений, составляющих государственную тайну… Прошу Вас поручить снова объективно разобраться в моем деле»[249]. Стоит ли говорить о том, что ответа на это письмо С.С. Варенцов не получил.

«После всего случившегося, — вспоминает младшая дочь С.С. Варенцова Наталья Сергеевна, — папа с мамой в течение двух лет выходили на улицу по ночам, гуляли, а потом он успокоился на даче»[250].

А где-то недалеко и тоже на даче коротал свой век свергнутый и опальный Хрущев. Его отправили в отставку с другой формулировкой: не «за недостойные поступки», а «в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья». Говорят, Хрущев размышлял о прошлом и во многом раскаивался. Думал ли он, за что он расправился над верными патриотами Родины и полководцами Г.К. Жуковым и С.С. Варенцовым и тем самым помог растоптать себя? Трудно сказать. Они оба умерли в 1971 году, друг за другом. В марте — С.С. Варенцов, в сентябре — Н.С. Хрущев. У обоих отказалось служить сердце. И последующая «их жизнь после смерти» сложилась сходно. Долгие годы их имена были под запретом, а похороны власть превратила в унизительную процедуру. Похоронить героя Великой Отечественной войны, великого артиллериста XX века С.С. Варенцова на Новодевичьем кладбище запретили. Просьба в приемную министра обороны встретила отказ. Однако с помощью друзей, Моссовета этот вопрос решить удалось. Все военно-учебные заведения отказались установить гроб с телом «отца ракетных войск и артиллерии». Только бронетанковая академия пошла навстречу. Некролог в газетах вышел лишь после похорон, чтобы люди не знали. Но они все равно пришли… Сергей Сергеевич Варенцов любил собирать статуэтки лошадей. А еще он любил часы с боем. Да заводил их так, чтобы они били друг за

другом. Может быть, и наступит день, когда часы возвестят своим боем о торжестве справедливости…

В полной мере ощутили на себе перемены в жизни С.С. Варенцова и его близкие. Так, зять Сергея Сергеевича, подполковник Л.Т. Гончаров, был отстранен от должности командира 16-го ордн 233-й ракетной бригады, дислоцировавшейся на территории ГДР, и направлен в СССР для прохождения военной службы на менее ответственной должности. Не раз члены семьи замечали за собой слежку, а также следы пребывания в их квартире неизвестных лиц. А двум близнецам-внукам приходилось кулаками защищать честь деда, когда они слышали от соседских мальчишек, что их дед — враг народа.

«Я поступала в МГПИ, — рассказывает Наталья Сергеевна. — Набрала четырнадцать баллов из пятнадцати». Не приняли. Но она все-таки окончила вуз, а в 1978 году защитила кандидатскую диссертацию, сейчас работает директором НОУ «Учебный центр имени Л.А. Венгера «Развитие». «Одиннадцатый класс я кончала, когда все уже произошло, — продолжает Наталья Сергеевна. — Учителя, не стесняясь, задавали вопросы. Хотела уйти из школы, но директор не отпустил»[251].

В то же время Варенцовы знали, что дело Пеньковского куда мягче по сравнению с ними отразилось на судьбе руководства ГРУ и даже семье Пеньковского.

После ареста Пеньковского его семья пользовалась поддержкой и покровительством со стороны государственных органов: им сменили фамилию на Гапонович, жена Пеньковского, которая раньше никогда не работала, была устроена редактором одного из издательств иностранной литературы, а дочь переведена в другую школу, которую закончила в том же году с золотой медалью. Потом без проблем поступила в университет на факультет иностранных языков и работала с иностранцами[252].

Анатолий Максимов в своей книге «Главная тайна ГРУ» пишет: «Родная дочь Пеньковского, после разоблачения отца, работала у нас в КГБ (?), в информационной службе. И начальник контрразведывательного главка госбезопасности генерал Грибанов, и председатель КГБ Семичастный говорят, что помогли ей устроиться на работу в Комитет. Если только из альтруистских побуждений, то могли бы устроить ее куда-либо еще. Это могло случиться, если Пеньковский поставил такое условие… Органы все же не благотворительная организация!»[253]

Вообще «дело Пеньковского» выходит за рамки данной книги. Но все же?! Вероятно, чтобы операция ГРУ и КГБ по «предательству» Пеньковского выглядела более правдоподобной, необходимо было опорочить С.С. Варенцова как информатора

Пеньковского и сохранять все втайне до сегодняшнего дня. Не случайно некто Фрэнк Джибни в 1965 году высказывался: «Важность работы Пеньковского подтверждается теми мерами, которые были приняты сразу после его ареста…» «Он имеет в виду, — пишет А. Максимов, — маршала Варенцова и руководителя ГРУ Серова». Возникает вопрос: неужели была такая уверенность, что спецслужбы США и Великобритании не узнают о том, что дочь Пеньковского стала работать в КГБ после суда над ее отцом? Ведь в таком случае рушатся все планы КГБ и ГРУ по дезинформации США и Великобритании относительно состояния ракетных войск стратегического назначения СССР через Пеньковского. Если было уже все равно — узнают или не узнают спецслужбы США и Великобритании о том, что их водили за нос, тогда верните честное имя С.С. Варенцову. Хватит держать в заложниках «дела Пеньковского» родных и близких Сергея Сергеевича! Всему есть предел!

Да, просто так не обойти данный вопрос в этой книге. Хотя автор изначально такой цели перед собой не ставил. По всей видимости, придется к этому вопросу еще вернуться.

После расправы над С.С. Варенцовым партийные и военные чиновники его «не забывали», в связи с чем очень трудно и даже невозможно понять логику их действий. В 1965 году с Сергея Сергеевича было снято партийное взыскание. Он удостоился даже трех юбилейных медалей, в том числе и такой, как «За воинскую доблесть. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина»[254].

Далее обратимся к статье Сергея Павленко, опубликованной в газете «Красная звезда» в 1997 году.

Виражи судьбы маршала Варенцова[255]

…ЧЕМ БЫЛО вызвано тотальное «вето», наложенное на фамилию Варенцова, явно превышавшее обычный в те годы уровень «предписанного забвения»? В чем дело?

Ответов на эти вопросы не было тогда. Нет и поныне. И при кажущейся однозначности происшедшего полной ясности в обстоятельствах крушения карьеры Сергея Сергеевича Варенцова все же нет.

В конце 1991 года известный московский адвокат Борис Кузнецов, уже шесть лет занимающийся сбором доказательств невиновности маршала, предпринял попытки отыскать документы, послужившие основой его обвинения. На соответствующий запрос в Министерство обороны был получен ответ начальника 5-го управления ГУКа генерал-майора Ю. Розова. «Сообщаю, — гласил он, — что материалами, раскрывающими причину лишения звания Героя Советского

Союза и снижения в воинском звании Главного маршала артиллерии тов. Варенцова С.С. до генерал-майора артиллерии не располагаем». И ниже: «По нашим запросам, интересующими материалами Центральный государственный архив Октябрьской революции и Центральный архив Министерства обороны СССР не располагают». Аналогичная информация содержится и в письме заместителя главного военного прокурора генерал-майора юстиции В. Фролова. «Варенцов С.С. фигурировал в деле (Пеньковского) только в качестве свидетеля, при этом никакого обвинения ему не предъявлялось, подозреваемым он также не являлся. В отношении Варенцова С.С. работниками Главной военной прокуратуры представления не вносилось. Военной коллегией Верховного суда СССР частного определения в адрес его также не выносилось. Из обвинительного заключения в отношении Пеньковского усматривается, что среди свидетелей, вызванных в судебное заседание по данному делу, Варенцова С.С. нет. В обвинительной речи прокурора сведения о Варенцове С.С. также отсутствуют».

К письму заместителя главного военного прокурора мы еще вернемся несколько ниже. Пока же постараемся уяснить основное. Получается: официальных документов, подтверждающих виновность маршала, вроде бы и нет. Парадокс? На первый взгляд — да. Однако здесь выясняется довольно интересная подробность. Под судом и следствием Варенцов не состоял. Более того: не вызывался ни на один допрос, лишь на приватную беседу с председателем КГБ Семичастным (кстати, в ходе этой беседы, услышав вопрос последнего — как же, мол, вы не разоблачили втершегося к вам в доверие шпиона, — маршал в сердцах бросил: «Разоблачениями пускай занимаются соответствующие организации, а я офицер-артиллерист»). Наказан же он не в уголовном, а всего-навсего… в дисциплинарном порядке. Если следовать букве закона, то и слово «реабилитация» к нему неприменимо: служебное взыскание — не приговор суда. Вместе с тем письмо генерал-майора юстиции В. Фролова сообщает следующее: «Решение в отношении Варенцова принималось не следственными органами КГБ при СМ СССР и не Главной военной прокуратурой… а высшими органами власти страны еще за два месяца до вынесения приговора подсудимому (Пеньковскому). Причем поддержание государственного обвинения по данному делу рекомендовано специальным постановлением ЦК КПСС».

Немало неясного и в самой истории крушения карьеры маршала. Прежде всего в ведении Варенцова находились оперативно-тактические ракетные комплексы, а «шпион трех разведок» специализировался в основном по ракетным войскам

стратегического назначения. Начальник ГРУ Иван Серов тоже пострадал, однако меньше Варенцова — хотя и был снижен в звании до генерал-майора, в кадрах армии все же остался. А ведь именно он внедрил Пеньковского в Госкомитет по науке и технике с более чем странным заданием под видом служащего управления внешних сношений войти в доверие московской агентуры американской или английской разведок (?). Наконец, полностью «вычислен» КГБ Пеньковский был в январе 1962 года, через девять месяцев после вербовки, но службе безопасности ГРУ дело не передали (хотя по логике именно так должны были поступить). Более того, арестовали Пеньковского лишь в октябре 1962-го, еще девять месяцев спустя. Кто несет ответственность за эту проволочку и чем она объясняется (при том, что двойной игры с участием Пеньковского не велось)?

…НАСКОЛЬКО соответствовало наказание маршала тяжести совершенного им проступка — близкого знакомства с человеком, ставшим впоследствии изменником Родины? Известно, что с «первым лицом» государства — Никитой Хрущевым у Сергея Сергеевича еще с войны сложились товарищеские отношения, что, кстати, позволяло Варенцову с легкостью обходить чиновничью иерархию в интересах дела. Не лишне будет вспомнить, что на одном из приемов Никита Сергеевич полушутливо-полусерьезно обронил в адрес Варенцова: вот, мол, почти готовый министр обороны…

В октябре 1962 г., после разоблачения Пеньковского, доклада об этом первому секретарю ЦК все изменилось. Никита Сергеевич не без оснований, конечно, заявил, что в вакууме шпион действовать не мог. «Всех связанных с этим делом разжаловать до рядовых», — в сердцах бросил он.

Варенцов, как и Серов, рядовым не стал. Потому к пособникам шпиона отнести его было никак нельзя. Думается, что он был наказан значительно строже, чем заслуживал. Сказался взрывной, часто непредсказуемый характер Хрущева, склонного в решениях к волюнтаризму. Ведь до разоблачения Пеньковского Хрущев даже благоволил к Варенцову…

В ходе единственной беседы Варенцова с председателем КГБ Семичастным речь шла исключительно о «воспитании им шпиона и предателя, нанесшего большой ущерб стране». Тем же мотивом ограничились и участники разговора в Кремле в начале марта 1963 г., о котором мы упоминали выше. Наконец, состоявшийся 2 марта 1963 г. пленум партийного комитета главного штаба сухопутных войск, рассматривая персональное дело Варенцова, также ограничился обвинениями в том, что маршал «не сумел разоблачить изменника». Ни в первом, ни во втором, ни в третьем

случае никаких иных аргументов, прямо или косвенно порочащих командующего ракетными войсками и артиллерией, приведено не было.

…С ТЕХ ПОР прошло почти тридцать пять лет. Уже не осталось в живых почти никого из непосредственных участников давней драмы: Хрущева, Пеньковского, Варенцова. Сегодня вольно или невольно возникает мысль: что ни говори, а близость с Пеньковским в биографии главного маршала артиллерии — пусть трагичный, но всего лишь эпизод. А фронтовая его работа, огненные дороги войны, боевые награды — это не эпизод. Это жизнь.

В конце концов, восстановление в должности умершему ни к чему. А вот восстановление в звании… и особенно возвращение боевых наград — дело другое. Есть ветераны, близко знавшие Варенцова. Есть люди, служившие под его командованием. Есть, наконец, родственники Сергея Сергеевича… Однако на протяжении более чем двух десятилетий все попытки добиться возвращения Варенцову орденов, которыми он был награжден в годы Великой Отечественной, наталкивались на непреодолимый барьер. «Рассмотрение данного вопроса признано нецелесообразным», — гласил ответ, исходивший из недр ЦК КПСС.

В конце 1991 года член Верховного Совета СССР Сергей Белозерцев и уже упоминавшийся выше московский адвокат Борис Кузнецов попытались добиться решения проблемы (приложение 7. — *Ю. Р.*). Однако… Возникают новые препоны. Комиссия по государственным наградам при Президенте РФ 27 мая 1992 года ответила отказом.

Процитирую еще один документ. Это письмо девяти бывших сослуживцев Варенцова, генералов и Героев Советского Союза, Президенту РФ. «Уважаемый Борис Николаевич!.. Обращаемся к Вам с просьбой в интересах справедливости и защиты прав человека рассмотреть «дело» бывшего главного маршала артиллерии, Героя Советского Союза Варенцова Сергея Сергеевича и вынести решение о его реабилитации, восстановлении его заслуг и возвращении русскому народу имени одного из талантливых военачальников». Среди подписавших — бывший первый заместитель командующего РВиА сухопутных войск генерал-полковник Л. Сапков, бывший первый заместитель начальника ГРАУ генерал-полковник В. Лебедев, бывший командующий РВиА МВО, Герой Советского Союза генерал-майор И. Купин, бывший заместитель начальника Военной академии имени Дзержинского, Герой Советского Союза генерал-майор К. Карсанов — люди, близко знавшие Варенцова, работавшие с ним

плечом к плечу.

Правда, ветераны, видимо, не догадываются, что восстановить справедливость в таких ситуациях особенно сложно. А может (и скорее всего), просто устали стучаться в разные инстанции и каждый раз слышать, что по таким-то и таким-то соображениям этот вопрос «не в нашей компетенции». А в чьей же?

Собственно говоря, де-факто реабилитация героя Великой Отечественной и видного российского артиллериста уже началась. В последние годы прорван, наконец, заговор молчания вокруг его имени (данная публикация, кстати, — еще одно тому подтверждение). Ну а де-юре?.. Ведь, в конце концов, имя, дела и награды бывшего командующего артиллерией 1-го Украинского фронта уже принадлежат истории…

Сергей Павленко, «Красная звезда»

Прошло еще тринадцать лет, «а воз и ныне там». Нереабилитированное имя прославленного военачальника полощется разного рода любителями исторических сенсаций, развившими бурное мифотворчество относительно многих, в том числе хорошо известных, событий и исторических деятелей. И имя Сергея Сергеевича будет полоскаться этими любителями до тех пор, пока не будет сказана правда. Время уже давно пришло! Скептикам рекомендую для начала прочитать книгу Анатолия Максимова «Главная тайна ГРУ». Поскольку в своей книге А. Максимов высказывает свое мнение о герое данной книги и при этом затрагивает интересы его родных и близких, автор оставляет за собой право прокомментировать некоторые выводы, сделанные Максимовым в отношении С.С. Варенцова.

Анатолий Максимов пишет:

«Сложнее нашей стороне пришлось с маршалом[256] — «источником» Пеньковского, которого в этом качестве знали на Западе и ценили — «агент» вышел на самые верхи командования. Маршал не был в курсе дела. По заданию и плану игры Пеньковский восстановил с ним контакт лишь после выхода на англичан и американцев — так посоветовали Пеньковскому в КГБ-ГРУ. «Наказание маршалу — понижение в должности и звании. Но это было частью игры, на что тот согласился, приняв «арест» своего в прошлом сослуживца якобы за чистую монету.

Маршал Варенцов и глава ГРУ Серов были из окружения Хрущева. Варенцова якобы Хрущев убедил лично как фронтового друга, попросив принести в жертву себя «публично». В отношении маршала был распространен слух, что, кроме болтовни «за рюмкой чая», никаких секретов маршал не раскрыл, но… Но все же — ротозей. Якобы так внешне снижался информационный

эффект от «предательства» Пеньковского. Как другу, Хрущев честно пояснил маршалу: нужны «стрелочники», и среди них — он и Серов. Фактически Хрущев «спасал» маршала от худшего: при расследовании «дела» военная прокуратура намеревалась привлечь маршала к уголовной ответственности за разглашение государственной и военной тайны. Прокуроры работали в этом «деле» «втемную», и маршалу грозил срок лишения свободы до десяти лет. Однако Хрущев друга в обиду не дал, приказав: «Публично наказать, но под суд не отдавать!»[257]

Автор не может согласиться с таким выводом по той простой причине, что «битый» жизнью Сергей Сергеевич Варенцов не мог дать согласие (даже Хрущеву) признать себя каким-то болтуном «за рюмкой чая». С.С. Варенцов не тот человек, который позволил бы себя шантажировать угрозой лишения свободы сроком на десять лет. Он не мог не дорожить своей репутацией. Следует отметить, что С.С. Варенцов вообще не встречался с Н.С. Хрущевым после ареста Пеньковского. Опорочить С.С. Варенцова — это цель, которую преследовали Брежнев и его окружение. А Хрущев оказался просто близоруким политиком в данной ситуации. Поскольку не исключался вариант, что Сергей Сергеевич может быть назначен министром обороны, а это не входило в планы Брежнева и его окружения, то с устранением С.С. Варенцова и И.А. Серова Хрущев оставался не только в полном политическом одиночестве, но и без поддержки силовых ведомств.

На взгляд автора, наиболее правильную оценку событий 1963–1964 годов дал в 2003 году Станислав Валерьевич Лекарев — вице-президент Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка. Вот его вывод: «Кремлевские группировки в борьбе за политическое влияние и контроль над спецслужбами не гнушались ничем… Если бы Пеньковского не было, то его следовало бы придумать».

Анатолий Максимов пишет: «Известно, что Пеньковский не был обижен памятью с детства. И позднее, например в Киевском артиллерийском училище, он знал таблицы расчетов стрельбы наизусть»[258].

Можно было и не обратить внимания на этот факт, но придется попросить прощения у читателей за отклонение от основной линии повествования и попутно воспрепятствовать распространению этого мифа. Дело в том, что такую «феноменальную память» может продемонстрировать любой курсант артиллерийского училища (института), не говоря уже об офицерах-артиллеристах. Трудно сказать, почему А. Максимов (в прошлом морской артиллерист) подчеркнул эту «чудо-

способность» Пеньковского. Возможно, на прицельных приспособлениях корабельных артиллерийских орудий нет нормализованных шкал с ценой деления 50 метров, а есть только шкалы в «тысячных». В прошлом молодые офицеры-артиллеристы любили продемонстрировать свою «исключительность» перед офицерами, окончившими общевойсковые, танковые и другие училища. Делали это таким образом. Давали в руки офицеру другого рода войск таблицу стрельбы, показывали колонку с дальностями до цели и просили озвучивать в любом порядке эти дальности. Озвучивалась дальность, следовал мгновенный ответ: «Прицел такой-то». Рядом с колонкой дальности до цели имеется колонка с прицелами. Офицеру-неартиллеристу это было нетрудно проверить. В результате овации и аплодисменты с одной стороны, а с другой: «Ничего себе! Таблицы стрельбы надо помнить наизусть. Да ну вас с вашей артиллерией!»

«Фокус» заключается в следующем. Например, дальность до цели 6000 метров. Необходимо сотую часть дальности (то есть 60) умножить на 2. Получается 120 (то есть прицел 120). Например, дальность 5200 (52 умножаем на 2). Получаем прицел 104. Можно применять другой способ: дальность делить на цену деления (50 метров). Но так сложнее вычислять прицел в уме.

В целом книга Анатолия Максимова актуальна, более того, написана достаточно убедительно профессионалом-разведчиком.

Первая попытка реабилитировать С.С. Варенцова относится к началу 1970-х годов. Жена, дети и внуки Сергея Сергеевича обратились к руководству страны с просьбой пересмотреть дело. В 1971 году офицер КГБ, впоследствии генерал в отставке, И.А. Ермолаев открыто заявил членам семьи С.С. Варенцова: «Ваш дед и отец — честный человек, он ни в чем не виноват, вы должны гордиться им, добивайтесь его реабилитации»[259]. Между тем дальше подобных устных заключений дело не пошло, официальной реабилитации родственники не добились.

Тем не менее есть люди, для которых небезразлична память о выдающемся военачальнике. Генерал-полковник в отставке В.Я. Лебедев, бывший первый заместитель начальника ГРАУ, вспоминал: «Я всегда поражался трудолюбию Сергея Сергеевича, преданности своей профессии, высокому профессионализму и стремлению к новому… История не терпит белых пятен. Это человек, который действительно внес огромный вклад и в военное время, и в послевоенное, тем более на переломном этапе развития Вооруженных сил. Страница истории РВиА, связанная с его именем, не должна быть вычеркнута. Надо сделать так, чтобы доброе имя Сергея Сергеевича было восстановлено»[260].

Вот ответ начальника управления реабилитации жертв

политических репрессий Главной военной прокуратуры генерал-майора юстиции В. Кондрашова на запрос семьи С.С. Варенцова: «Если бы Главный маршал артиллерии в свое время был привлечен к уголовной ответственности, мы взялись бы за рассмотрение этого дела. Но закон о реабилитации на случай с Варенцовым не распространяется. Следует обращаться в Министерство обороны и Комиссию при Президенте России по наградам. Может быть, там сочтут возможным вернуться к пересмотру так называемого «дела Варенцова»[261].

В 1995 и 2000 годах депутаты Государственной думы А. Муравьев и В. Гальченко, а также администрация Дмитровского района обращались с просьбами о пересмотре «дела Варенцова», но сразу же получили отказ.

В 2001 году глава района В. Гаврилов обратился к президенту В. Путину при личной встрече.

Следует отметить, что дмитровчане, надо отдать им должное, несмотря на запреты в отношении С.С. Варенцова, никогда его не забывали. С.С. Варенцов был признан «Лучшим дмитровчанином XX века». Дмитровчане свято чтут память С.С. Варенцова. Вот и на 50-летие Победы, несмотря на то что С.С. Варенцов был лишен звания Героя Советского Союза, увековечили его имя на мемориальной доске среди других земляков, удостоенных высшей государственной награды. Тем самым считая, что указ 1963 года о снятии Сергея Сергеевича с должности командующего РВиА СВ и лишении званий Главного маршала артиллерии и Героя Советского Союза — самая настоящая расправа.

В 2001 году впервые за многие годы в Дмитрове была проведена конференция, посвященная 100-летию со дня рождения С.С. Варенцова.

На конференции выступили помощник начальника Управления ракетных войск и артиллерии полковник Ю. Прытков, ветеран войны генерал-полковник М. Сидоров, подполковник Г. Демин, дочь С.С. Варенцова Эрлена Сергеевна, депутат областной Думы Н. Черкасов, заместитель главы района А. Поспелова. А доклад о боевом пути С. Варенцова сделал его внук Сергей Гончаров. В числе гостей конференции были: ветераны войны генерал-полковник В. Лебедев, генерал-лейтенант Е. Евстигнеев, дочь маршала Наталья Сергеевна.

Участники конференции приняли обращение к президенту России В. Путину с просьбой отменить указ 1963 года. Было предложено установить в сквере на улице Пушкинской памятную плиту. Ветеран войны А. Гусаренко предложил установить памятник полководцу.

Конференцию организовали администрация района, музей-

заповедник «Дмитровский кремль» и районная библиотека.

На конференции было принято решение.

«Решение конференции

1. Считать конференцию, посвященную 100-летию С.С. Варенцова, состоявшейся.

2. Поддержать обращение администрации Дмитровского района к Верховному Главнокомандующему ВС РФ о восстановлении доброго имени, наград и звания Главного маршала артиллерии С.С. Варенцова.

3. Издать материалы конференции отдельным сборником.

4. Направить документы конференции: Верховному Главнокомандующему Вооруженных Сил РФ, Президенту РФ В.В. Путину; в Государственную Думу РФ; в Генеральный штаб ВС РФ; в средства массовой информации Москвы и области.

5. Установить в сквере на улице Пушкинской, где родился С.С. Варенцов, мемориальный камень»[262].

В октябре 2008 года автором было отправлено обращение по вопросу о реабилитации С.С. Варенцова на имя Президента РФ по информационным системам общего пользования (на блог Президента РФ).

Довольно оперативно автор был уведомлен Администрацией Президента РФ о том, что обращение направлено на рассмотрение в Министерство обороны РФ. Незамедлительно пришел ответ и из Министерства обороны РФ с уведомлением: «Ваше обращение, поступившее в Управление по работе с обращениями граждан МО РФ из Администрации Президента РФ, направлено для рассмотрения и ответа по существу поставленных Вами в обращении вопросов в Главное управление кадров Министерства обороны Российской Федерации и Главное управление воспитательной работы Вооруженных Сил Российской Федерации».

Автором получены ответы и из этих инстанций (приложение 8).

С одной стороны, такая оперативность очень радует, но с другой — все повторилось и на этот раз ничего не изменилось.

Кроме того, Наталия Сергеевна Варенцова в 2010 году обратилась к президенту страны по вопросу возвращения государственных наград отца. Обращение было рассмотрено в Главном управлении кадров Министерства обороны Российской Федерации. Военные чиновники из Главного управления кадров МО РФ посоветовали Наталии Сергеевне (полный текст письма изложен в приложении 9) «обратиться в администрацию по месту жительства с заявлением, приложив копии своего паспорта, а также архивной справки о награждении, приговора и справки об

освобождении из мест лишения свободы С.С. Варенцова (?). При отсутствии документов о судимости в заявлении необходимо подробно указать, каким судом, за что был осужден С.С. Варенцов (?), когда отбывал наказание (?) и сведения о реабилитации».

Как говорится, комментарии излишни.

Таким образом, предписанное забвение Сергея Сергеевича Варенцова продолжается.

Автору лишь остается напомнить читателю, что 15 сентября 2011 года исполнится 110 лет со дня рождения Сергея Сергеевича Варенцова — человека, целиком и полностью посвятившего себя служению Отечеству.

Вечная Вам память и вечная вам слава, великий артиллерист XX века Сергей Сергеевич Варенцов!

Приложения

Приложение 1

Аттестация с марта 1939 года по ноябрь 1940 года на начальника артиллерии 41-й стрелковой дивизии полковника Варенцова Сергея Сергеевича[263]

…Волевой и решительный. В работе энергичный и требовательный к себе и подчиненным. Обладает хорошими организаторскими способностями и умением нацелить и заинтересовать подчиненных на выполнение задания.

Свое умение всегда обеспечивает и проводит в жизнь. Теоретическая подготовка как артиллериста высокая. Систематически следит за новинками техники и тактики артиллерийского дела.

Изучая опыт подготовки артиллерии в современных войнах, умело применяет его в практике боевой подготовки артиллерийских частей дивизии. В общетактических вопросах грамотный, в обстановке разбирается быстро. Сообразителен и инициативен.

Имея большой опыт подготовки частей артиллерии дивизии, делу боевой подготовки и боевому сколачиванию артчастей отдается с душой и энтузиазмом.

В руководстве боевой подготовки артчастей конкретен, работу организует планово и методически, применяя даже в самых низовых звеньях личный показ и пример. Одним из первых в дивизии сумел практически на деле перестроиться в обучении войск в духе требований наркома обороны. В вопросах контроля за ходом боевой подготовки частей настойчив. Умело производит подбор и расстановку кадров, следя за их ростом и воспитывая их в практике работы. Хороший методист, сочетающий теорию с большой практикой. В походах вынослив. Состояние здоровья удовлетворительное.

За подготовку артиллерии дивизии тов. Варенцов боролся настойчиво. В результате достигнуто: взвод па 244 сп занял 2-е место в РККА, 122-мм батарея 132 ап — 2-е место в округе, 76-мм батарея 132 ап — 1-е место в 6-й армии, 152-мм батарея 249 ran — 1-е место в 6-й армии, взвод ПТО 1170 ад — 1-е место в армии.

Боевые стрельбы выполнены: групповые гап и ап — отлично, дивизионные — хорошо, батарейные гап — хорошо, ап — посредственно, батарейные озад — хорошо, орудиями и взводами в стрелковых полках и оад — хорошо.

На смотровом учении дивизии, проводимом наркомом обороны Маршалом Советского Союза т. Тимошенко, за отличную организацию и проведение боевых стрельб артиллерии дивизии т.

Варенцов награжден наркомом обороны золотыми часами.

Штаб артиллерии дивизии сколочен. Тов. Варенцов растущий и любящий артиллерийское дело командир.

Вывод: 1. Должности начальника артиллерии дивизии вполне соответствует.

2. Достоин продвижения на должность начальника артиллерии корпуса во внеочередном порядке.

П.п. командир 41 сд генерал-майор *МИКУШЕВ*

29.11.40 г.

С аттестацией и выводом из нее согласен.

И.о. командира 6 ск генерал-майор *РИХТЕР*

30.11.40 г.

Подлежит продвижению на должность заместителя начальника артиллерии армии.

Командующий 6-й армией генерал-лейтенант *МУЗЫЧЕНКО*

Член Военного совета дивизионный комиссар *ПОПОВ*

С аттестацией и выводом согласен.

Зам. начальника артиллерии *КОВО* полковник *ГАВРИЛОВ*

Командующий войсками *КОВО* генерал-майор *ЯКОВЛЕВ*

Член Военного совета дивизионный комиссар *КАЩЕЕВ*

Приложение 2

«УТВЕРЖДАЮ»

КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ 1 УФ Маршал Советского Союза (КОНЕВ)

« апреля 1945 г.

ТОЛЬКО ДЛЯ КОМАНДУЮЩИХ АРТИЛЛЕРИЕЙ

3 гв., 13, 5 гв. и 52 АРМИЙ, Командиров 7 и 10 акп

Указания по маскировке[264]Подготовки артобеспечения операции

Для обеспечения маскировки мероприятий, проводимых в порядке подготовки артиллерийского обеспечения операции, руководствоваться следующим:

I. ОБЕСПЕЧЕНИЕ СКРЫТНОСТИ ПЕРЕГРУППИРОВКИ И ВЫВОДА АРТИЛЛЕРИИ В ПРЕДПОЗИЦИОННЫЕ РАЙОНЫ

1. Марш совершать только ночью, в период с 21.00 до 6.00, строго соблюдая меры светомаскировки. Автоколоннам следовать без света.

2. С наступлением рассвета марш приостанавливать и части располагать на дневку по возможности в лесах, обеспечивая тщательную маскировку с воздуха материальной части, автомашин и лошадей.

Всякое движение в районах дневок категорически запретить.

3. С боевых порядков части выводить мелкими подразделениями по двум-трем дорогам одновременно, строго соблюдая тишину.

При выводе из боевых порядков частей на тракторной тяге шум тракторов заглушать стрельбой методическим огнем на фронте, обеспечивающем шумомаскировку.

4. Марши по дорогам, идущим вдоль переднего края, запретить. Выходящие из боевых порядков части отводить в тыл, а подходящие к фронту выводить по дорогам, идущим с тыла.

5. Районы сосредоточения и предпозиционные районы назначать в лесах, преимущественно хвойных. В районах сосредоточения артиллерии и в предпозиционных районах соблюдать строжайшую маскировку. Всякое движение автотранспорта, людей, обоза в дневное время, разведение костров в дневное и ночное время запретить.

6. Цель марша, маршрут движения, район сосредоточения доводить только до старшего офицерского состава (до командира дивизиона), остальному офицерскому составу, сержантам и солдатам не доводить. Маршруты обозначать условными знаками.

7. Радиосвязь категорически запретить.

II. МАСКИРОВКА ПОДГОТОВКИ БОЕВЫХ ПОРЯДКОВ

1. Огневые позиции выбирать в одном месте на дивизион, а при благоприятной местности на полк. Оборудование огневых позиций и вырубку леса до занятия их не производить. Для пристрелочных орудий делать просек, обеспечивающим направление пристрелки, не изменяя прежних контуров леса. Наблюдательные вышки строить одновременно на всем фронте, а не только на участке прорыва.

Районы, порядок и время оборудования ОП и НП (в том числе и наблюдательных вышек) спланировать.

2. Работы по оборудованию ОП и НП (в том числе наблюдательные вышки) маскировать одинаково тщательно как на участке прорыва, так и на остальных участках фронта.

3. Огневые позиции в лесных массивах начинать оборудовать за 3 дня. Секторы обстрела расчищать не конусообразной формы, а в виде правильного квадрата, чтобы создавалось впечатление об обычной порубке леса.

Вырубленный лес в секторах обстрела использовать для оборудования ОП. Оставшийся лесоматериал и пни замаскировать хвоей.

Желательно на вырубленном лесном участке вершины срубленных деревьев поставить, что обеспечивает наиболее эффективную маскировку с воздуха.

4. Категорически запретить в районах ОП создавать густую сеть дорог. Составить план прокладки новых дорог и использования имеющихся.

III. ОБЕСПЕЧЕНИЕ СКРЫТНОСТИ РАЗВЕДКИ

1. Боевые порядки средств АИР тщательно маскировать. Мероприятия по артиллерийской разведке (аэрофотосъемку, визуальную разведку с самолета, визуальное наблюдение, а также рекогносцировку) проводить не только на участке прорыва, но и на других участках фронта.

2. Для того чтобы авиаразведка в ходе выполнения задания не обратила внимания противника, в конце разведки самолетом давать залп РС и имитировать штурмовку отдельного объекта, но с рабочих высот.

3. Рекогносцировку с целью изучения поля боя и разведки боевых порядков производить группами в 3–4 человека с соблюдением мер маскировки. Офицерскому составу категорически запретить брать планшеты, полевые сумки и другое снаряжение. Офицерский состав переодевать в солдатскую форму. Категорически запретить на местности, просматриваемой противником, вынимать карты и другие документы, могущие выдать противнику проводимую рекогносцировку.

4. Аэростаты воздушного наблюдения поднимать нерегулярно через 2–3 дня и попеременно: то в одном, то в другом районе.

5. Работы по привязке боевых порядков производить рано утром или вечером при пониженной видимости, соблюдая строгие меры маскировки; инструменты маскировать. С инструментом работать двум или одному.

6. Разведку бродов и мест переправ через реку производить одному человеку рано утром или вечером. Глубины промерять только ночью, соблюдать тишину.

7. На НП находиться строго ограниченному кругу лиц. Движение на НП и КП и просматриваемых участках днем категорически запретить. Отхожие месте сделать в траншеях, чтобы исключить хождение личного состава в район НП по естественным надобностям.

IV. ОБЕСПЕЧЕНИЕ СКРЫТНОСТИ ВЫХОДА АРТИЛЛЕРИИ НА БОЕВЫЕ ПОРЯДКИ И МАСКИРОВКА БОЕВЫХ ПОРЯДКОВ

1. На боевые порядки артиллерию выводить в следующие сроки:

а) за три дня до начала операции вывести пабр, тгабр и габр БМ и другую артиллерию, имеющую хорошо укрытые ОП от наземного и воздушного наблюдения;

б) за два дня вывести тминбр, набр и ап сд (последние только на закрытые);

в) за сутки вывести минометные и легкие артиллерийские полки;

г) в ночь на день наступления вывести всю полковую артиллерию и орудия прямой наводки.

2. На боевые порядки артиллерию выводить только в темное время, без света. Вывод должен быть спланирован строго по времени.

3. В целях обеспечения шумомаскировки двигаться на малых скоростях при приглушенных моторах. Орудия на тракторной тяге, за исключением БМ, выводить на автотяге или бесшумными тракторами. Орудия для стрельбы прямой наводкой на позиции выводить на руках. Крик и громкую подачу команд категорически запретить.

Вывод на боевые порядки заканчивать с таким расчетом, чтобы ставшая на ОП артиллерия имела время до рассвета для тщательной маскировки.

4. Артиллерию, ставшую на боевые порядки, тщательно маскировать как от наземного, так и от воздушного наблюдения. Маскировать не только орудия, но и весь район ОП, чтобы исключить возможность наблюдения сверху резко выделяющихся орудийных точек.

5. Связь на открытых местах наводить только ночью. Наводку связи в таких местах днем категорически запретить. Всю проводную связь в районах НП закопать. Запретить прокладку линий связи вдоль дорог.

6. На НП личный состав выводить в ночь на день наступления в ограниченном составе. Остальной состав взводов управления располагать в тылу НП.

V. МАСКИРОВКА ПРИСТРЕЛКИ

1. Пристрелку проводить заблаговременно методом кочующих орудий из районов огневых позиций дивизионов-полков в то же время, когда производится обычная стрельба, и с таким же расходом снарядов. Данные пристрелки должны передаваться тем командирам, подразделения которых будут становиться в данные районы.

2. Новые калибры пристрелку начинают в процессе артподготовки с началом методического огня на подавление и уничтожение. До артподготовки пристрелку новых калибров запретить.

3. Контроль пристрелки провести за день до начала наступления частью артиллерии утром, частью артиллерии вечером по одному-два выстрела от полка-дивизиона. В это же время и с таким же темпом проводить контроль на всем фронте.

4. Для того чтобы огонь дивизиона — полка по направлению был наиболее точен — по орудию, производившему контроль стрельбы, построить параллельный веер основных орудий, а по ним построить веера дивизионов, полков. Для этой же цели можно использовать буссоль огня пристрелочного орудия. Исправление дальности сделать по результатам контроля стрельбы.

VI. КОМЕНДАНТСКАЯ СЛУЖБА

1. Контроль соблюдения мероприятий скрытности и маскировки в ходе подготовки к артнаступлению полностью возложить на комендантскую службу.

2. Для обеспечения комендантской службы назначить ответственных и волевых офицеров, способных обеспечить надлежащий порядок. Создать сильные комендантские команды, нарядив в них достаточное количество людей и средств транспорта.

3. Разработать планы комендантской службы. С лицами комендантской службы провести инструктивные занятия.

4. К нарушителям маскировочной дисциплины принимать строгие меры, вплоть до предания суду Военного Трибунала.

5. РО штаба арт. фронта обеспечить контроль маскировки с воздуха.

п/п КОМАНДУЮЩИЙ АРТИЛЛЕРИЕЙ 1 УФ генерал-полковник артиллерии (ВАРЕНЦОВ)

Приложение 3

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО[265]

Генералу армии КОНЕВУ Генералу армии ВАТУТИНУ

Войска 2-го Украинского фронта, перейдя в наступление из района севернее Кировограда в западном направлении, и войска 1-го Украинского фронта — из района юго-восточнее Белой Церкви в восточном направлении, прорвали сильно укрепленную оборону немцев, продвинулись за пять дней наступательных боев навстречу друг другу на каждом направлении от 50 до 75 километров и расширили прорыв на каждом участке наступления до 160–175 километров по фронту.

В результате этих операций войска 2-го и 1-го Украинских фронтов соединились в районе Звенигородка, Шпола и тем самым замкнули кольцо окружения вокруг группировки противника, действующей севернее этой линии, в составе девяти пехотных и одной танковой дивизий.

В ходе наступления наши войска освободили более трехсот населенных пунктов, в том числе города Звенигородка, Шпола, Смела, Богуслав, Канев и крупные железнодорожные узлы Бобринская, Цветково, Мироновка.

В боях отличились войска генерал-лейтенанта Галанина, генерал-майора Рыжова, генерал-лейтенанта Жмаченко, генерал-лейтенанта Трофименко, генерал-лейтенанта Коротеева, генерал-майора Бирюкова, генерал-майора Акименко, генерал-майора Фоменко, генерал-майора Шмыго, генерал-майора Пузикова, кавалеристы генерал-майора Селиванова, танкисты генерал-полковника танковых войск Ротмистрова, генерал-лейтенанта танковых войск Кравченко, генерал-майора танковых войск Кириченко, генерал-майора танковых войск Полозкова, генерал-лейтенанта танковых войск Алексеева, генерал-лейтенанта танковых войск Волкова, *артиллеристы генерал-полковника артиллерии Варенцова* (выделено мной. — *Ю. Р.*), генерал-лейтенанта артиллерии Фомина, генерал-майора артиллерии Гусарова, генерал-майора артиллерии Фаустова, генерал-майора артиллерии Глебова, генерал-майора артиллерии Лебедева, полковника Зыкова и летчики генерал-лейтенанта авиации Красовского и генерал-лейтенанта авиации Горюнова.

В ознаменование одержанной победы наиболее отличившиеся в боях соединения и части обоих фронтов представить к присвоению наименования «Звенигородских» и к награждению орденами.

Сегодня, 3 февраля, в 20 часов столица нашей Родины Москва

от имени Родины салютует доблестным войскам 2-го и 1-го Украинских фронтов, прорвавшим оборону немцев и завершившим окружение крупной группировки врага, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность всем руководимым Вами войскам, осуществившим прорыв и участвовавшим в боях за Звенигородку, Шполу, Смелу, Богуслав и Канев.

Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий

Маршал Советского Союза *И. СТАЛИН*

3 февраля 1944 года [№ 68]

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО[266]

Маршалу Советского Союза ЖУКОВУ

Войска 1-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза Жукова, заменившего генерала армии Ватутина, вследствие болезни последнего, 4 марта, перейдя в наступление, прорвали сильную оборону немцев на фронте протяжением до 180 километров и за два дня наступательных боев продвинулись вперед от 25 до 50 километров.

В ходе наступления наши войска разбили четыре танковые и восемь пехотных дивизий немцев и овладели городом и крупной железнодорожной станцией Изяславль, городами Шумск, Ямполь и Острополь, заняли свыше 500 других населенных пунктов, среди которых крупные населенные пункты Катрынбург, Выжгрудек, Теофиполь, Базалия, Купель, Ляховцы, Белогородка, Антонины, Великие Мацевичи, Городище, и ведут бой на подступах к железнодорожной станции Волочиск.

В боях отличились войска генерал-лейтенанта Черняховского, генерал-полковника Гречко, генерал-лейтенанта Пухова, генерал-лейтенанта Журавлева, танкисты генерал-полковника Рыбалко, генерал-лейтенанта танковых войск Баданова, *артиллеристы генерал-полковника артиллерии Варенцова* (выделено мной. — *Ю. Р.*), генерал-лейтенанта артиллерии Королькова и летчики генерал-полковника авиации Красовского.

В ознаменование одержанной победы наиболее отличившиеся в боях соединения и части представить к присвоению наименований «Шумских», «Изяславльских», «Ямпольских» и «Остропольских» и к награждению орденами.

Сегодня, 5 марта, в 23 часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 1-го Украинского

фронта, прорвавшим оборону немцев, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность всем руководимым Вами войскам, участвовавшим в прорыве обороны немцев.

Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий

Маршал Советского Союза *И. СТАЛИН*

5 марта 1944 года [№ 79]

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО[267]

Маршалу Советского Союза ЖУКОВУ

Войска 1-го Украинского фронта, отбив все контратаки противника на участке Тарнополь, Проскуров и измотав в этих боях контратакующие здесь танковые и пехотные дивизии немцев, на днях внезапно для врага сами перешли в наступление и прорвали его фронт.

За четыре дня наступательных боев войска 1-го Украинского фронта продвинулись вперед от 60 до 100 километров, овладели городом и оперативно важным железнодорожным узлом Чертков, городом Гусятин, городом и железнодорожным узлом Залещики на реке Днестр и освободили более 400 других населенных пунктов.

В боях при осуществлении прорыва и за овладение городами Чертков, Гусятин и Залещики отличились войска генерал-полковника Черняховского, генерал-полковника Гречко, генерал-лейтенанта Журавлева, генерал-полковника Москаленко, генерал-лейтенанта Людникова, генерал-майора Чувакова, генерал-майора Замерцева, генерал-майора Лазько, генерал-майора Шмыго, танкисты генерал-лейтенанта танковых войск Катукова, генерал-полковника Рыбалко, генерал-лейтенанта Лелюшенко, генерал-лейтенанта танковых войск Гетмана, генерал-майора Дремова, генерал-лейтенанта танковых войск Панфилова, генерал-майора танковых войск Иванова, генерал-майора танковых войск Малыгина, генерал-лейтенанта танковых войск Полубоярова, *артиллеристы генерал-полковника артиллерии Варенцова* (выделено мной. — *Ю. Р.*), генерал-майора артиллерии Бриченка, генерал-майора артиллерии Лихачева, генерал-майора артиллерии Волчек, генерал-майора артиллерии Санько, полковника Разумовского и летчики генерал-полковника авиации Красовского, генерал-майора авиации Галунова, генерал-майора авиации Головни, генерал-майора авиации Каманина, полковника

Котельникова, полковника Юзеева, капитана Титоренко.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях при осуществлении прорыва и за освобождение городов Чертков, Гусятин и Залещики, представить к присвоению наименований «Чертковских», «Гусятинских», «Залещицких» и к награждению орденами.

Сегодня, 24 марта, в 22 часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 1-го Украинского фронта, прорвавшим оборону немцев на участке Тарнополь, Проскуров, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность всем руководимым Вами войскам, участвовавшим в прорыве обороны немцев.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий

Маршал Советского Союза *И. СТАЛИН*

24 марта 1944 года [№ 92]

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО[268]

Маршалу Советского Союза ЖУКОВУ

Войска 1-го Украинского фронта сегодня, 25 марта, после упорных боев штурмом овладели городом Проскуров — крупным железнодорожным узлом и сильным опорным пунктом обороны немцев.

В боях за овладение городом Проскуров отличились войска генерал-полковника Гречко, генерал-майора Гордеева, генерал-майора Шмыго, полковника Черного, танкисты генерал-полковника Рыбалко, генерал-майора танковых войск Малыгина, генерал-лейтенанта танковых войск Панфилова, *артиллеристы генерал-полковника артиллерии Варенцова* (выделено мной. — *Ю. Р.*), генерал-майора артиллерии Бриченка, генерал-майора артиллерии Волкенштейна, генерал-майора артиллерии Санько, летчики генерал-полковника авиации Красовского, генерал-майора авиации Головни, генерал-майора авиации Лакеева, полковника Котельникова, полковника Нечипоренко и саперы полковника Стонога.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за освобождение города Проскуров, представить к присвоению наименования «Проскуровских» и к награждению орденами.

Сегодня, 25 марта, в 21 час столица нашей Родины Москва от

имени Родины салютует доблестным войскам 1-го Украинского фронта, овладевшим городом Проскуров, двенадцатью артиллерийскими залпами из ста двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность всем руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за освобождение города Проскуров.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий

Маршал Советского Союза *И. СТАЛИН*

25 марта 1944 года [№ 93]

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО[269]

Маршалу Советского Союза КОНЕВУ

Войска 1-го Украинского фронта, перейдя в наступление, при поддержке массированных ударов артиллерии и авиации прорвали сильную, глубоко эшелонированную оборону немцев на львовском направлении и за три дня наступательных боев продвинулись в глубину до 50 километров, расширив прорыв до 200 километров по фронту.

В ходе наступления войска фронта овладели городами Порицк, Горохов, Радзехов, Броды, Золочев, Буек, Каменка, городом и крупным железнодорожным узлом Красное и заняли свыше 600 других населенных пунктов.

В боях при прорыве обороны противника отличились войска генерал-полковника Гордова, генерал-лейтенанта Пухова, генерал-полковника Курочкина, генерал-полковника Москаленко, генерал-майора Черокманова, генерал-майора Донскова, генерал-лейтенанта Глухова, генерал-майора Бедина, генерал-майора Захарова, генерал-майора Тертышного, генерал-майора Гордеева; кавалеристы генерал-лейтенанта Баранова, генерал-майора Мамсурова, полковника Аристова, полковника Борщева; *артиллеристы генерал-полковника артиллерии Варенцова* (выделено мной. — *Ю. Р.*), генерал-майора артиллерии Кубеева, генерал-майора артиллерии Кабатчикова, генерал-майора артиллерии Дзевульского, генерал-майора артиллерии Кофанова, генерал-майора артиллерии Волкенштейна, полковника Хусида, генерал-майора артиллерии Санько; танкисты генерал-лейтенанта танковых войск Новикова, генерал-лейтенанта танковых войск Полубоярова, генерал-майора танковых войск Аникушкина, генерал-майора танковых войск Королева, генерал-майора танковых войск Романова, полковника Садовского, полковника Беляева; летчики генерал-полковника авиации

Красовского, генерал-майора авиации Галунова, генерал-майора авиации Архангельского, генерал-майора авиации Головни, генерал-майора авиации Каманина, генерал-лейтенанта авиации Нанейшвили, генерал-майора авиации Утина, генерал-лейтенанта авиации Рязанова, генерал-лейтенанта авиации Аладинского, генерал-майора авиации Полбина, генерал-майора авиации Витрука, полковника Покрышкина; саперы генерал-лейтенанта инженерных войск Галицкого, генерал-майора инженерных войск Варваркина, генерал-майора инженерных войск Гусева, полковника Концевого, полковника Володина; связисты генерал-лейтенанта войск связи Булычева, генерал-майора войск связи Ахременко, полковника Нестерова, полковника Тарунина, подполковника Симховича.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях при прорыве обороны немцев, представить к награждению орденами.

Сегодня, 18 июля, в 23 часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 1-го Украинского фронта, прорвавшим оборону немцев на путях к Львову, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях при прорыве обороны противника.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий

Маршал Советского Союза *И. СТАЛИН*

18 июля 1944 года [№ 140]

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО[270]

Маршалу Советского Союза КОНЕВУ

Войска 1-го Украинского фронта в результате умелого обходного маневра танковых соединений и пехоты сегодня, 27 июля, после двухдневных боев, штурмом овладели важным хозяйственно-политическим центром и областным городом Украины Львов — крупным железнодорожным узлом и стратегически важным опорным пунктом обороны немцев, прикрывающим пути к южным районам Польши.

В боях за овладение городом Львов отличились танкисты генерал-полковника Рыбалко, генерал-полковника Лелюшенко, генерал-лейтенанта танковых войск Новикова, генерал-майора танковых войск Белова, генерал-лейтенанта Акимова, генерал-

майора танковых войск Митрофанова, генерал-лейтенанта танковых войск Сухова, полковника Доропея, подполковника Табелева, подполковника Богунова, подполковника Ильюшкина, полковника Гудимова, [подполковника] Пархоменко, полковника Смирнова, подполковника Любаря, подполковника Костина, майора Дрогунова; войска генерал-полковника Москаленко, генерал-полковника Курочки на, генерал-майора Григоровича, генерал-майора Озимина, генерал-лейтенанта Бондарева, генерал-майора Бушева, генерал-майора Шмыго, генерал-майора Кузовкова, генерал-майора Сараева, полковника Косолапова, полковника Кучеренко, генерал-майора Стенина, генерал-майора Зубова, полковника Федосенко, полковника Красавина, генерал-майора Мищенко, генерал-майора Гусева, полковника Елина, полковника Василевского, полковника Коркина, генерал-майора Киселева; *артиллеристы генерал-полковника артиллерии Варенцова* (выделено мной. — *Ю. Р.*), генерал-майора артиллерии Ярового, генерал-майора артиллерии Полосухина, полковника Ментюкова, генерал-майора артиллерии Кабатчикова, полковника Оганесяна, генерал-лейтенанта артиллерии Королькова, полковника Гинтовта, полковника Шевченко, полковника Чупрова, полковника Воробьева, полковника Добринского, полковника Пароваткина, полковника Борисова, генерал-майора артиллерии Волкенштейна, полковника Куликова, полковника Колесникова, полковника Кофанова, полковника Титенко, полковника Чеволы, полковника Борсоева, полковника Козлова; летчики генерал-полковника авиации Красовского, генерал-майора авиации Самохина, генерал-майора авиации Полбина, генерал-майора авиации Архангельского, генерал-майора авиации Галунова, генерал-майора авиации Утина, генерал-лейтенанта авиации Нанейшвили, генерал-майора авиации Головни, генерал-лейтенанта авиации Рязанова, полковника Чука, полковника Анисимова, полковника Семененко, подполковника Быстрова; саперы генерал-лейтенанта инженерных войск Галицкого, полковника Алексеева, полковника Серебрякова, полковника Ревякина, подполковника Бондарева; связисты генерал-лейтенанта войск связи Булычева, полковника Остренко, полковника Тарунина, майора Еремеева.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за овладение городом Львов, представить к присвоению наименования «Львовских» и к награждению орденами.

Сегодня, 27 июля, в 23 часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 1-го Украинского фронта, овладевшим городом Львов, двадцатью артиллерийскими

залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за освобождение города Львов.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий

Маршал Советского Союза *И. СТАЛИН*

27 июля 1944 года [№ 154]

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО[271]

Маршалу Советского Союза КОНЕВУ

Войска 1-го Украинского фронта, форсировав реку Висла в районе Сандомира, в результате упорных боев продвинулись вперед до 50 километров, расширили захваченный плацдарм на западном берегу Вислы до 120 километров по фронту и сегодня, 18 августа, штурмом овладели городом Сандомир — важным опорным пунктом обороны немцев на левом берегу Вислы.

В боях при форсировании Вислы и за овладение сандомирским плацдармом отличились войска генерал-лейтенанта Пухова, генерал-лейтенанта Жадова, генерал-полковника Гордова, генерал-майора Черокманова, генерал-майора Онуприенко, [генерал-лейтенанта] Родимцева, генерал-майора Маковчука, генерал-лейтенанта Лебеденко, генерал-майора Пузикова, генерал-майора Захарова, генерал-майора Вехина, полковника Беляева, генерал-майора Панкратова, генерал-майора Краснова, полковника Муратова, генерал-майора Гладкова, подполковника Мадатяна, полковника Самсонова, полковника Колобова, генерал-майора Трофимова, генерал-майора Бакланова, генерал-майора Олейникова, генерал-майора Мотова, полковника Скрыганова, генерал-майора Пичугина, генерал-майора Суханова, полковника Русакова, генерал-майора Анциферова; *артиллеристы генерал-полковника артиллерии Варенцова* (выделено мной. — *Ю. Р.*), генерал-майора артиллерии Ярового, генерал-майора артиллерии Полосухина, генерал-майора артиллерии Кубеева, генерал-майора артиллерии Дзевульского, генерал-майора артиллерии Полуэктова, полковника Хусида, подполковника Цесаря, подполковника Петруни, полковника Басова, [генерал-майора артиллерии] Добрянского, полковника Чеволы, подполковника Карозина, полковника Рукосуева, полковника Сусского, полковника Франченко; танкисты генерал-полковника танковых войск Новикова, генерал-лейтенанта танковых войск Гетмана, генерал-

лейтенанта танковых войск Сухова, генерал-майора Дремова, [генерал-майора] Новикова, генерал-майора танковых войск Митрофанова; летчики генерал-полковника авиации Красовского, генерал-лейтенанта авиации Рязанова, генерал-майора авиации Агальцова, генерал-майора авиации Баранчука, подполковника Фетисова, генерал-лейтенанта авиации Златоцветова, полковника Осадчего, полковника Курочкина, генерал-майора авиации Утина, полковника Покрышкина, полковника Мачина, полковника Гейбо, полковника Юзеева; саперы генерал-лейтенанта инженерных войск Галицкого, полковника Володина, полковника Соколова, полковника Кордюкова, полковника Шалахова, полковника Подолынного; связисты генерал-лейтенанта войск связи Булычева, генерал-майора войск связи Ахременко, полковника Богомолова, подполковника Костина.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях при форсировании Вислы и за овладение сандомирским плацдармом, представить к присвоению наименований «Сандомирских» и «Висленских» и к награждению орденами.

Сегодня, 18 августа, в 23 часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 1-го Украинского фронта, форсировавшим реку Висла и овладевшим сандомирским плацдармом, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность руководимым Вами войскам, форсировавшим Вислу и освободившим Сандомир.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий

Маршал Советского Союза *И. СТАЛИН*

18 августа 1944 года [№ 167]

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО[272]

Маршалу Советского Союза КОНЕВУ

Войска 1-го Украинского фронта, развивая наступление, сегодня, 23 августа, штурмом овладели городом Дембица — крупным центром авиационной промышленности и важным узлом коммуникаций на краковском направлении.

В боях за овладение городом Дембица отличились войска генерал-лейтенанта Жадова, генерал-полковника Курочкина, генерал-лейтенанта Лебеденко, генерал-майора Озимина, генерал-майора Тертышного, генерал-майора Пичугина, генерал-

майора Мотова, генерал-майора Метальникова, генерал-майора Зубова, генерал-майора Мищенко, полковника Скрыганова, полковника Кучеренко, полковника Петренко, полковника Гринвальд-Мухо; *артиллеристы генерал-полковника артиллерии Варенцова* (выделено мной. — *Ю. Р.*), генерал-майора артиллерии Полуэктова, генерал-майора артиллерии Кабатчикова; танкисты генерал-полковника танковых войск Новикова, генерал-майора танковых войск Чупрыгина, генерал-майора танковых войск Романова, генерал-лейтенанта танковых войск Полубоярова; летчики генерал-полковника авиации Красовского, генерал-майора авиации Каманина, генерал-майора авиации Галунова, генерал-майора авиации Архангельского, полковника Юзеева; саперы генерал-лейтенанта инженерных войск Галицкого, полковника Подолынного, полковника Концевого; связисты полковника Нестерова, полковника Богомолова.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за овладение городом Дембица, представить к присвоению наименования «Дембицких» и к награждению орденами.

Сегодня, 23 августа, в 24 часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 1-го Украинского фронта, овладевшим городом Дембица, двенадцатью артиллерийскими залпами из ста двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за освобождение Дембицы.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий

Маршал Советского Союза *И. СТАЛИН*

23 августа 1944 года [№ 172]

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО[273]

Командующему войсками 1 — го Украинского фронта Маршалу Советского Союза КОНЕВУ Начальнику штаба фронта Генералу армии СОКОЛОВСКОМУ

Войска 1-го Украинского фронта, прорвав оборону противника западнее и южнее города Оппельн, продвинулись вперед на 40 километров на каждом направлении и, соединившись в районе города Нойштадт, окружили и разгромили группу немецких войск юго-западнее Оппельна.

В результате боев войска фронта взяли в плен до 15 000 немецких солдат и офицеров, захватили 464 орудия и большое

количество другого вооружения и военного имущества.

В ходе наступления войска фронта овладели в немецкой Силезии городами Нойштадт, Козель, Штейнау, Зюльц, Краппитц, Обер-Глогау, Фалькенберг, а также с боями заняли более 400 других населенных пунктов.

В боях при прорыве обороны немцев и овладении названными городами отличились войска генерал-полковника Гусева, генерал-лейтенанта Коровникова, генерал-полковника Курочкина, генерал-полковника Жадова, генерал-лейтенанта Буховца, генерал-майора Ковальчука, генерал-майора Гончарова, генерал-майора Лямина, генерал-майора Наумова, генерал-майора Трубачева, генерал-майора Бакланова, генерал-майора Козачек, генерал-майора Шарабурко, генерал-майора Андреева, генерал-майора Озимина, генерал-лейтенанта Новосельского, генерал-майора Говорова, полковника Долгова, полковника Лысенко, генерал-майора Ястребова, полковника Зиновьева, полковника Сухарева, полковника Пыпырева, полковника Мурашова, генерал-майора Гришина, полковника Ефименко, полковника Ромашина, полковника Лаврова, полковника Никанорова, полковника Тимошенко, генерал-майора Родионова, полковника Кузьмина, генерал-майора Александрова, полковника Кучеренко, полковника Шаповалова, полковника Петренко, генерал-майора Русакова, генерал-майора Чиркова; танкисты генерал-полковника танковых войск Новикова, генерал-полковника Лелюшенко, генерал-майора танковых войск Стогния, генерал-майора танковых войск Упмана, генерал-лейтенанта танковых войск Белова, генерал-лейтенанта танковых войск Корчагина, генерал-лейтенанта танковых войск Полубоярова, генерал-майора танковых войск Кузнецова, полковника Орлова, полковника Волкова, полковника Шевченко, подполковника Зайцева, полковника Денисова, полковника Ефимова, подполковника Махно, подполковника Чурилова, полковника Маряхина, полковника Дежурова, полковника Дудка, полковника Грищенко, полковника Силова, подполковника Черных, подполковника Саенко, подполковника Барылова, подполковника Мельникова, полковника Чеснокова, подполковника Гуменчука, майора Лезикова; *артиллеристы генерал-полковника артиллерии Варенцова* (выделено мной. — *Ю. Р.*), генерал-лейтенанта артиллерии Ярового, генерал-майора артиллерии Полосухина, генерал-лейтенанта артиллерии Михалкина, генерал-майора артиллерии Дорофеева, генерал-майора артиллерии Ментюкова, генерал-майора артиллерии Кабатчикова, генерал-майора артиллерии Полуэкгова, генерал-лейтенанта артиллерии Королькова, генерал-лейтенанта артиллерии Кожухова, генерал-

майора артиллерии Волкенштейна, генерал-майора артиллерии Кофанова, генерал-майора артиллерии Санько, генерал-майора артиллерии Краснокутского, полковника Франченко, полковника Белова, подполковника Шилова, генерал-майора артиллерии Сонина, полковника Сычугова, полковника Кузнецова, полковника Чеволы, полковника Мишнина, полковника Коханенко, полковника Куликова, полковника Реутова, полковника Толмачева, полковника Воробьева, полковника Никонова, подполковника Кузьменко, подполковника Коленченко; летчики генерал-полковника авиации Красовского, генерал-майора авиации Пронина, генерал-лейтенанта авиации Рязанова, генерал-майора авиации Утина, генерал-майора авиации Горлаченко, генерал-майора авиации Баранчука, генерал-майора авиации Демидова, полковника Никишина, полковника Добыта, полковника Грибакина, полковника Шундрикова, подполковника Донченко, полковника Коломейцева, полковника Мачина, полковника Давидкова, полковника Нога, подполковника Горегляда, подполковника Крюкова, полковника Кожемякина, полковника Чумаченко, майора Батурина; саперы генерал-лейтенанта инженерных войск Галицкого, генерал-майора инженерных войск Концевого, полковника Громцева, полковника Булахова, полковника Полуэкгова, полковника Кордюкова, полковника Костенко, полковника Березина, полковника Бондарева; связисты генерал-лейтенанта войск связи Булычева, генерал-майора войск связи Яковлева, генерал-майора войск связи Нестерова, полковника Шеламытова, полковника Остренко, подполковника государственной безопасности Гриб.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях при прорыве обороны немцев и разгроме войск противника юго-западнее Оппельна, представить к награждению орденами.

Сегодня, 22 марта, в 21 час столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 1-го Украинского фронта, прорвавшим оборону немцев и разгромившим войска противника юго-западнее Оппельна, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях при прорыве обороны немцев и разгроме войск противника юго-западнее Оппельна.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий

Маршал Советского Союза *И. СТАЛИН*
22 марта 1945 года [№ 305]

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО[274]

Командующему войсками 1-го Украинского фронта Маршалу Советского Союза КОНЕВУ Начальнику штаба фронта Генералу армии ПЕТРОВУ

Войска 1-го Украинского фронта, перейдя в наступление, прорвали при поддержке массированных ударов артиллерии и авиации сильно укрепленную и глубоко эшелонированную оборону немцев на реке Нейсе, продвинулись вперед от 80 до 160 километров, овладели городами Котбус, Люббен, Цоссен, Беелитц, Лукенвальде, Тройен-бритцен, Цана, Мариенфельде, Треббин, Рангсдорф, Дидерсдорф, Тельтов и ворвались с юга в столицу Германии Берлин.

Одновременно на Дрезденском направлении войска фронта с боями заняли города Эссен, Кирххайн, Фалькенберг, Мюльберг, Пульснитц и вышли на реку Эльба северо-западнее Дрездена.

В боях при прорыве обороны немцев и за овладение названными городами отличились войска генерал-полковника Пухова, генерал-полковника Жадова, генерал-полковника Гордова, генерал-полковника Коротеева, 2-й польской армии генерал-лейтенанта Сверчевского, генерал-лейтенанта Маландина, генерал-майора Лямина, генерал-майора Коломинова, генерал-майора Санковского, генерал-майора Донскова, генерал-майора Яманова, генерал-лейтенанта Глухова, генерал-майора Пузикова, генерал-майора Черокманова, генерал-майора Онуприенко, генерал-лейтенанта Родимцева, генерал-майора Бакланова, генерал-лейтенанта Лебеденко, генерал-майора Мартиросяна, генерал-майора Рогозного, полковника Зелинского; кавалеристы генерал-лейтенанта Баранова; танкисты генерал-полковника Рыбалко, генерал-полковника Лелюшенко, генерал-полковника танковых войск Новикова, генерал-майора танковых войск Стогния, генерал-майора танковых войск Бахметьева, генерал-майора танковых войск Упмана, генерал-лейтенанта танковых войск Полу-боярова, генерал-лейтенанта танковых войск Белова, генерал-лейтенанта танковых войск Корчагина, генерал-лейтенанта танковых войск Сухова, генерал-майора танковых войск Митрофанова, [генерал-майора] Новикова, генерал-майора танковых войск Ермакова, генерал-майора танковых войск Фоминых, полковника Корецкого; *артиллеристы генерал-полковника артиллерии Варенцова* (выделено мной. — *Ю. Р.*), генерал-лейтенанта артиллерии Ярового, генерал-майора артиллерии Полосухина, генерал-

майора артиллерии Дзевульского, генерал-лейтенанта артиллерии Кубеева, генерал-майора артиллерии Фаустова, генерал-майора артиллерии Полуэктова, генерал-майора артиллерии Ментюкова, генерал-майора танковых войск Никулина, генерал-лейтенанта артиллерии Королькова, генерал-лейтенанта артиллерии Кожухова, генерал-майора артиллерии Хусида, генерал-майора артиллерии Санько, генерал-майора артиллерии Колесова, генерал-майора артиллерии Волкенштейна, генерал-майора артиллерии Краснокутского, генерал-майора артиллерии Битюцкого; летчики генерал-полковника авиации Красовского, генерал-майора авиации Горлаченко, генерал-майора авиации Архангельского, генерал-майора авиации Слюсарева, генерал-майора авиации Мачина, генерал-лейтенанта авиации Утина, генерал-лейтенанта авиации Рязанова, генерал-майора авиации Забалуева, полковника Никишина; саперы генерал-полковника инженерных войск Галицкого, генерал-майора инженерных войск Гусева, генерал-майора инженерных войск Варваркина, генерал-майора инженерных войск Соколова, полковника Глезера, полковника Подолынного, полковника Берзина, полковника Каменчука, полковника Вершинина, полковника Полуэктова, подполковника Разумеева; связисты генерал-лейтенанта войск связи Булычева, генерал-майора войск связи Ахременко, полковника Симховича, полковника Богомолова, полковника Остренко, полковника Борисова, подполковника Доленко.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях при прорыве обороны немцев и за овладение поименованными городами, представить к награждению орденами.

Сегодня, 23 апреля, в 22 часа 30 минут столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 1-го Украинского фронта, в том числе 2-й польской армии генерал-лейтенанта Сверчевского, прорвавшимся к Берлину и вышедшим на реку Эльба, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях при прорыве обороны немцев и за овладение названными городами.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий

Маршал Советского Союза *И. СТАЛИН*

23 апреля 1945 года [№ 340]

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО[275]

Командующему войсками 1-го Белорусского фронта Маршалу Советского Союза ЖУКОВУ Начальнику штаба фронта Генерал-полковнику МАЛИНИНУ

Командующему войсками 1-го Украинского фронта Маршалу Советского Союза КОНЕВУ Начальнику штаба фронта Генералу армии ПЕТРОВУ

Войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов завершили ликвидацию группы немецких войск, окруженной юго-восточнее Берлина.

За время боев с 24 апреля по 2 мая в этом районе наши войска захватили в плен более 120 000 немецких солдат и офицеров.

В боях при ликвидации группы немецких войск юго-восточнее Берлина отличились войска генерал-полковника Колпакчи, генерал-полковника Цветаева, генерал-полковника Горбатова, генерал-полковника Гордова, генерал-полковника Пухова, генерал-лейтенанта Лучинского, генерал-майора Владимирского, генерал-майора Орлеанского, генерал-лейтенанта Ивашечкина, генерал-лейтенанта Маландина, генерал-майора Рогачевского, полковника Зелинского, генерал-майора Труфанова, генерал-лейтенанта Григорьевского, генерал-лейтенанта Волкова, генерал-майора Онуприенко, генерал-лейтенанта Добровольского, генерал-лейтенанта Глухова, генерал-лейтенанта Воробьева, генерал-майора Донскова, генерал-майора Никитина, генерал-майора Яманова, генерал-лейтенанта Урбановича, генерал-майора Батицкого, генерал-лейтенанта Кузнецова, генерал-майора Александрова, генерал-майора Шульги, генерал-майора Колобова, генерал-майора Моисеевского, генерал-майора Владычанского, генерал-майора Мухина, генерал-майора Самсонова, генерал-майора Аскалепова, генерал-майора Василенко, генерал-майора Коберидзе, генерал-майора Орлова, генерал-майора Стенина, генерал-майора Даниловского, генерал-майора Василенко, полковника Гавилевского, генерал-майора Рыжкова, генерал-майора Артемьева, полковника Красовского, генерал-майора Маслова, полковника Эпина, полковника Жиденко, полковника Абашева, генерал-майора Еншина, генерал-майора Данилова, [генерал-майора] Телкова, полковника Шацкова, генерал-майора Коновалова, генерал-майора Кузнецова, полковника Кривенцова, генерал-майора Лященко, генерал-майора Абилова, полковника Попова, полковника Корусевича, генерал-майора Волковича, полковника Грекова, полковника Вязниковцева, генерал-майора Михалицина, генерал-майора

Веревкина, полковника Романенко; *артиллеристы генерал-полковника артиллерии Варенцова* (выделено мной. — *Ю. Р.*), генерал-лейтенанта артиллерии Кубеева, генерал-майора артиллерии Дзевульского, генерал-майора артиллерии Петропавловского, генерал-майора артиллерии Ментюкова, генерал-майора артиллерии Волкенштейна, генерал-майора артиллерии Хусида, генерал-лейтенанта артиллерии Бодрова, генерал-майора артиллерии Владимирова, полковника Миронова, полковника Печорина, генерал-майора артиллерии Зражевского, полковника Чеволы, полковника Басова, полковника Иванова, полковника Козуба, полковника Скоробогатова, полковника Кальниченко, полковника Ефимова, полковника Подольского, полковника Ламина, полковника Ушакова, полковника Палыиина, полковника Петруни, полковника Жагалы, подполковника Вилинского; танкисты генерал-полковника танковых войск Новикова, генерал-полковника Лелюшенко, генерал-лейтенанта танковых войск Белова, генерал-майора танковых войск Стогния, генерал-майора танковых войск Упмана, генерал-майора танковых войск Ермакова, полковника Дергунова, [генерал-майора танковых войск] Вахрушева, полковника Опарина, полковника Кислицына, полковника Садовского, полковника Хмылова, полковника Буслаева, полковника Носкова, полковника Борисенко, подполковника Зайцева, подполковника Бордюкова, подполковника Когг, подполковника Красника, подполковника Барабаша, подполковника Крившука, подполковника Видехина, подполковника Зирки; летчики генерал-полковника авиации Красовского, генерал-лейтенанта авиации Рязанова, генерал-лейтенанта авиации Утина, генерал-майора авиации Пронина, генерал-майора авиации Сиднева, генерал-майора авиации Крупского, генерал-майора авиации Архангельского, генерал-майора авиации Слюсарева, генерал-майора авиации Осадчего, генерал-майора авиации Курочкина, полковника Беркаля, полковника Юзеева, подполковника Наконечникова, полковника Александровича, полковника Анисимова, полковника Коломейцева, подполковника Горегляда; саперы генерал-полковника инженерных войск Галицкого, генерал-майора технических войск Шапиро, генерал-майора инженерных войск Савелова, генерал-майора инженерных войск Жилина, генерал-майора инженерных войск Гусева, генерал-майора инженерных войск Жирова, генерал-майора инженерных войск Варваркина, полковника Полуэктова, полковника Рапопорта, полковника Замуллы, [подполковника] Марченко, полковника Куницына, полковника Новикова, подполковника Шаруды, подполковника Лесина, подполковника Шредера, подполковника Чистова,

подполковника Федорчука; связисты генерал-лейтенанта войск связи Булычева, генерал-майора войск связи Мишина, генерал-майора войск связи Ахременко, полковника Макарова, полковника Максимова, полковника Симховича, полковника Плоткина, полковника Остренко, подполковника Куртукова, подполковника государственной безопасности Гриб.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях при ликвидации окруженной группы противника, представить к награждению орденами.

Сегодня, 2 мая, в 21 час столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, завершившим ликвидацию группы немецких войск, окруженной юго-восточнее Берлина, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях по окружению и ликвидации группы немецких войск юго-восточнее Берлина.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий

Маршал Советского Союза *И. СТАЛИН*

2 мая 1945 года [№ 357]

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО[276]

По войскам Красной армии и Военно-Морскому Флоту

Войска 1-го Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза Жукова при содействии войск 1-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза Конева после упорных уличных боев завершили разгром берлинской группы немецких войск и сегодня, 2 мая, полностью овладели столицей Германии городом Берлин — центром немецкого империализма и очагом немецкой агрессии.

Берлинский гарнизон, оборонявший город, во главе с начальником обороны Берлина генералом от артиллерии Вейдлингом и его штабом сегодня, в 15 часов, прекратил сопротивление, сложил оружие и сдался в плен.

2 мая к 21 часу нашими войсками взято в плен в городе Берлине более 70 000 немецких солдат и офицеров.

В боях за овладение Берлином отличились войска генерала армии Соколовского, генерал-полковника Кузнецова, генерал-полковника Чуйкова, генерал-полковника Берзарина, генерал-лейтенанта Лучинского, генерал-лейтенанта Перхоровича, генерал-лейтенанта Лукьянченко, генерал-полковника

Черевиченко, генерал-лейтенанта Казанкина, генерал-лейтенанта Глазунова, генерал-лейтенанта Рыжова, генерал-лейтенанта Жеребина, генерал-лейтенанта Рослого, генерал-лейтенанта Терешкова, генерал-лейтенанта Андреева, генерал-майора Букштыновича, генерал-майора Белявского, генерал-майора Кущева, генерал-майора Баринова, генерал-майора Переверткина, генерал-майора Рогачевского, генерал-майора Батицкого, генерал-майора Шварева, генерал-майора Фирсова, генерал-майора артиллерии Хетагурова, генерал-майора Шатилова, генерал-майора Шафаренко, генерал-майора Смирнова, генерал-майора Козина, генерал-майора Карапетяна, генерал-майора Красильникова, генерал-майора Шугаева, генерал-майора Зализюка, генерал-майора Станкевского, генерал-майора Панкова, генерал-майора Глебова, генерал-майора Баканова, генерал-майора Дуки, генерал-майора Серюгина, генерал-майора Гаспаряна, генерал-майора Соколова, генерал-майора Дорофеева, генерал-майора Сызранова, генерал-майора Галая, генерал-майора Шкрылева, генерал-майора Сафаряна, генерал-майора Выдригана, генерал-майора Бевзюка, генерал-майора Мышкина, генерал-майора Корчикова, генерал-майора Турчинского, генерал-майора Вехина, полковника Антонова, полковника Иванова, полковника Гервасиева, полковника Соловьева, полковника Шишкова, генерал-майора Фомиченко, полковника Смолина, полковника Воробьева, полковника Марченко, полковника Негоды, полковника Асафова, полковника Шацкого, полковника Рыбалки; танкисты генерал-полковника танковых войск Богданова, генерал-полковника танковых войск Катукова, генерал-полковника Рыбалко, генерал-полковника Лелюшенко, генерал-полковника танковых войск Новикова, генерал-лейтенанта танковых войск Орла, генерал-лейтенанта Радзиевского, генерал-лейтенанта танковых войск Кривошеина, генерал-лейтенанта танковых войск Сухова, генерал-лейтенанта танковых войск Белова, генерал-лейтенанта Шалина, генерал-майора танковых войск Бахметьева, генерал-майора танковых войск Упмана, генерал-майора танковых войск Салминова, генерал-майора танковых войск Стогния, генерал-майора Дремова, генерал-лейтенанта танковых войск Кириченко, генерал-майора танковых войск Ющука, генерал-майора танковых войск Митрофанова, генерал-майора танковых войск Вайнруба, генерал-майора танковых войск Аниси-мова, полковника Николаева, полковника Бабаджаняна; артиллеристы генерал-полковника артиллерии Казакова, *генерал-полковника артиллерии Варенцова* (выделено мной. — *Ю. Р.*), генерал-лейтенанта артиллерии Шамшина, генерал-лейтенанта артиллерии

Пожарского, генерал-лейтенанта артиллерии Игнатова, генерал-лейтенанта артиллерии Ро-жановича, генерал-лейтенанта артиллерии Кожухова, генерал-майора артиллерии Морозова, генерал-майора артиллерии Косенко, генерал-майора артиллерии Пласкова, генерал-майора артиллерии Фролова, генерал-майора артиллерии Лихачева, генерал-майора артиллерии Снегурова, генерал-майора артиллерии Лебедовского, генерал-майора артиллерии Кознова, генерал-майора артиллерии Брюханова, генерал-майора артиллерии Шлепина, генерал-майора артиллерии Богдана, генерал-майора артиллерии Середина, генерал-майора артиллерии Каменского, генерал-майора артиллерии Полосухина, генерал-майора артиллерии Петропавловского, генерал-майора артиллерии Никольского, генерал-майора артиллерии Ментюкова, генерал-майора артиллерии Добринского, генерал-майора артиллерии Краснокутского, полковника Фанталова, полковника Пасько, полковника Корчагина, полковника Оверченко, полковника Любимова; корабли и части Краснознаменной Днепровской флотилии контр-адмирала Григорьева, капитана 1-го ранга Лялько; летчики главного маршала авиации Новикова, главного маршала авиации Голованова, генерал-полковника авиации Руденко, генерал-полковника авиации Красовского, генерал-лейтенанта авиации Савицкого, генерал-лейтенанта авиации Белецкого, генерал-лейтенанта авиации Туликова, генерал-лейтенанта авиации Логинова, генерал-лейтенанта авиации Счетчикова, генерал-лейтенанта авиации Нестерцева, генерал-лейтенанта авиации Рязанова, генерал-лейтенанта авиации Утина, генерал-майора авиации Токарева, генерал-майора авиации Крупского, генерал-майора авиации Каравацкого, генерал-майора авиации Скока, генерал-майора авиации Сиднева, генерал-майора авиации Дзусова, генерал-майора авиации Слюсарева, генерал-майора авиации Забалуева, генерал-майора авиации Архангельского, полковника Никишина, полковника Сталина, полковника Покрышкина, генерал-майора авиации Комарова, полковника Александровича; саперы генерал-полковника инженерных войск Прошлякова, генерал-полковника инженерных войск Галицкого, генерал-майора инженерных войск Марьина, генерал-майора инженерных войск Ткаченко, генерал-майора инженерных войск Фурсы, генерал-майора инженерных войск Харчевина, генерал-майора инженерных войск Жирова, полковника Вельского, полковника Каменчука, полковника Полуэктова; связисты генерал-лейтенанта войск связи Максименко, генерал-лейтенанта войск связи Булычева, генерал-майора войск связи Акимова, полковника Черкасова, полковника

Фалина, полковника Смолия, полковника Захарова, полковника Плоткина, полковника Борисова, полковника Остренко, подполковника государственной безопасности Вакиша, подполковника государственной безопасности Гриб.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за овладение Берлином, представить к присвоению наименования «Берлинских» и к награждению орденами.

Сегодня, 2 мая, в 23 часа 30 минут в честь исторического события — взятия Берлина советскими войсками — столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трехсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность войскам 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, участвовавшим в боях за овладение Берлином.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий

Маршал Советского Союза *И. СТАЛИН*

2 мая 1945 года [№ 359]

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО[277]

Командующему войсками 1-го Украинского фронта Маршалу Советского Союза КОНЕВУ Начальнику штаба фронта Генералу армии ПЕТРОВУ

Войска 1-го Украинского фронта после двухдневных боев сломили сопротивление противника и сегодня, 8 мая, овладели городом Дрезден — важным узлом дорог и мощным опорным пунктом обороны немцев в Саксонии.

В боях за овладение городом Дрезден отличились войска генерал-полковника Жадова, генерал-полковника Гордова, генерал-майора Лямина, генерал-лейтенанта Родимцева, генерал-лейтенанта Лебеденко, генерал-майора Бакланова, генерал-майора Донскова, генерал-майора Чиркова, генерал-майора Русакова, полковника Зелинского, полковника Голуба, полковника Сикорского, генерал-майора Суханова, полковника Комарова, генерал-майора Олейникова, полковника Гарана, генерал-майора Трофимова, генерал-майора Василенко, генерал-майора Даниловского; танкисты генерал-полковника Рыбалко, генерал-полковника танковых войск Новикова, генерал-майора танковых войск Бахметьева, генерал-лейтенанта танковых войск

По-лубоярова, генерал-майора танковых войск Митрофанова, генерал-майора танковых войск Новикова, генерал-майора танковых войск Чупрыгина, полковника Шевченко, полковника Душака, подполковника Куркоткина, полковника Скиданова, полковника Леонова, полковника Якунина, подполковника Куриста, генерал-майора танковых войск Архипова, подполковника Шаповалова, полковника Коробейникова, подполковника Худенко; *артиллеристы генерал-полковника артиллерии Варенцова* (выделено мной. — *Ю. Р.*), генерал-майора артиллерии Полуэктова, генерал-лейтенанта артиллерии Королькова, генерал-майора артиллерии Хусида, генерал-майора артиллерии Санько, генерал-майора артиллерии Краснокутского, подполковника Кузьмина, полковника Базыленко, генерал-майора артиллерии Колесникова; летчики генерал-полковника авиации Красовского, генерал-майора авиации Пронина, полковника Никитина, генерал-майора авиации Архангельского, генерал-майора авиации Слюсарева, генерал-майора авиации Забалуева, полковника Добыта, полковника Александровича, полковника Анисимова, полковника Коломейцева, генерал-майора авиации Курочкина, полковника Быстрова, подполковника Звонцова; саперы генерал-полковника инженерных войск Галицкого, генерал-майора инженерных войск Соколова, полковника Слюнина, полковника Подолынного, полковника Новикова, полковника Берзина, полковника Чекалина; связисты генерал-лейтенанта войск связи Булычева, полковника Богомолова, полковника Ростова, полковника Денисенко.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за овладение городом Дрезден, представить к присвоению наименования «Дрезденских» и к награждению орденами.

Сегодня, 8 мая, в 21 час столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 1-го Украинского фронта, овладевшим городом Дрезден, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за овладение Дрезденом.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий

Маршал Советского Союза *И. СТАЛИН*

8 мая 1945 года [№ 366]

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО[278]

Командующему войсками 1-го Украинского фронта Маршалу Советского Союза КОНЕВУ Начальнику штаба фронта Генералу армии ПЕТРОВУ

Войска 1-го Украинского фронта в результате стремительного ночного маневра танковых соединений и пехоты сломили сопротивление противника и сегодня, 9 мая, в 4 часа утра освободили от немецких захватчиков столицу союзной нам Чехословакии город Прага.

В боях за освобождение Праги отличились войска генерал-полковника Гордова, генерал-полковника Пухова, генерал-полковника Жадова, генерал-лейтенанта Маландина, генерал-майора Лямина, полковника Зелинского, генерал-лейтенанта Черокманова, генерал-лейтенанта Пузикова, генерал-майора Бакланова, полковника Иванова, генерал-майора Орлова, генерал-майора Даниловского, генерал-майора Волковича, генерал-майора Краснова; танкисты генерал-полковника Лелюшенко, генерал-полковника Рыбалко, генерал-полковника танковых войск Новикова, генерал-майора танковых войск Упмана, генерал-майора танковых войск Бахметьева, генерал-лейтенанта танковых войск Белова, генерал-майора танковых войск Ермакова, полковника Пушкарева, полковника Хмылова, генерал-майора танковых войск Митрофанова, генерал-майора танковых войск Новикова, генерал-лейтенанта танковых войск Сухова, подполковника Корнюшкина, подполковника Щербака, полковника Селиванчика, полковника Туркина; *артиллеристы генерал-полковника артиллерии Варенцова* (выделено мной. — *Ю. Р.*), генерал-лейтенанта артиллерии Кожухова, генерал-майора артиллерии Добринского, генерал-майора артиллерии Краснокутского, генерал-майора артиллерии Ментюкова, генерал-майора артиллерии Никольского, генерал-лейтенанта артиллерии Кубеева, генерал-майора артиллерии Полуэктова, генерал-майора артиллерии Дзевульского; летчики генерал-полковника авиации Красовского, генерал-лейтенанта авиации Рязанова, полковника Никишина, генерал-майора авиации Архангельского, генерал-майора авиации Забалуева, генерал-майора авиации Слюсарева, генерал-лейтенанта авиации Утина; саперы генерал-полковника инженерных войск Галицкого, полковника Полуэктова, полковника Каменчука, полковника Кордюкова, подполковника Скорохода, подполковника Соболева; связисты генерал-лейтенанта войск связи Булычева, генерал-майора войск связи Ахременко, полковника Остренко, полковника Борисова, полковника Симховича, полковника Богомолова.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за освобождение Праги, представить к присвоению наименования «Пражских» и к награждению орденами.

Сегодня, 9 мая, в 20 часов столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 1-го Украинского фронта, освободившим столицу союзной нам Чехословакии Прагу, двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трехсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за освобождение Праги.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины и Чехословацкой республики!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий

Маршал Советского Союза *И. СТАЛИН*

9 мая 1945 года [№ 368]

Приложение 4

Советская артиллерия в наступательных операциях Великой Отечественной войны (1943–1945 гг.)

Маршал артиллерии С. ВАРЕНЦОВ[279]

Великая Отечественная война показала, что успех в современном бою и операции может быть достигнут только объединенными усилиями всех родов войск при их согласованном применении. Опыт войны учит, что успех боевых действий в значительной мере определяется созданием огневого превосходства над противником и более решительным маневром войск на поле боя.

Известно, что из всех наземных родов войск артиллерия обладает наибольшей мощностью и дальностью огня, а также способностью быстро маневрировать на поле боя. Эти особенности артиллерии во многом определили ее роль и значение в ходе минувшей войны, привели к огромному ее росту и всестороннему совершенствованию. За время Великой Отечественной войны артиллерия Советской армии выросла более чем в пять раз.

Увеличение количества различных видов артиллерии было неравномерным. Оно находилось в прямой зависимости от изменения способов и форм ведения войны. Применение немецко-фашистской армией огромного количества бронетанковых войск и крупных сил авиации привело к резкому росту истребительно-противотанковой и зенитной артиллерии, как войсковой, так и находившейся в резерве Верховного Главнокомандования Советской армии. В ходе войны рост отдельных видов артиллерии и ее организационные формы претерпели значительные изменения. За годы войны получила широкое развитие и совершенствование истребительно-противотанковая, реактивная и самоходная артиллерия.

Особенно большие изменения произошли в советской артиллерии к лету 1943 года. Огромный количественный рост, качественное совершенствование материальной части, появление новых видов боеприпасов, а также новые организационные формы превратили артиллерию в главную огневую ударную силу наших войск, расширили рамки ее боевого применения, превратили артиллерию в оперативный фактор, оказывавший серьезное влияние на характер и развитие наступательных операций.

Развитие отечественной артиллерии к началу перехода Советской армии в наступление летом 1943 года проходило в обстановке возросшего экономического и политического

могущества Советского государства, в условиях коренного перелома в ходе войны в его пользу. К этому времени немецко-фашистская армия потерпела тяжелое поражение в районе Сталинграда, а затем под Курском, что означало крах гитлеровской наступательной стратегии. Вместе с тем военно-экономический потенциал нашего государства неуклонно увеличивался. Непрерывный рост советской экономики являлся той материальной основой, на базе которой происходило дальнейшее увеличение боевой мощи и технической оснащенности Советской армии и в том числе ее главной огневой ударной силы — артиллерии.

Наша промышленность поставляла армии танки, самолеты, артиллерийские орудия, боеприпасы и другие средства вооружения. На полях сражений появились танковые армии и крупные артиллерийские соединения, которые позволяли развертывать наступательные операции на огромных фронтах и проводить их на значительную глубину. В успешном проведении наступательных операций, развернувшихся летом и осенью 1943 года, наряду с другими родами войск огромную роль сыграла наша артиллерия, получившая к тому времени всестороннее развитие.

К лету 1943 года на вооружение советской артиллерии были приняты более совершенные образцы противотанковых орудий (57-мм и 76-мм калибра, а позже и 100-мм калибра) и более мощные боеприпасы к ним. Качественные изменения и огромный рост противотанковой артиллерии оказали весьма положительное влияние на противотанковую оборону наших войск, на решительный характер борьбы с немецкими танками.

Однако к тому времени стало очевидным, что рост противотанковой артиллерии еще не решает вопроса борьбы с танками. Наличие в Советской армии истребительно-противотанковой артиллерии, организационно сведенной в полки, не обеспечивало в полной мере быстрого сосредоточения значительного количества артиллерии для борьбы с крупными массами танков на важнейших направлениях и не создавало необходимых условий для централизованного управления ими. Поэтому возникла необходимость в организационных изменениях истребительно-противотанковой артиллерии.

Располагая к тому времени значительным количеством материальной части артиллерии и личным составом, получившим большой боевой опыт, советское военное командование разработало новые организационные формы истребительно-противотанковой артиллерии, в наибольшей мере отвечавшие характеру и требованиям ведения войны. Были

созданы мощные, высокоманевренные истребительно-противотанковые артиллерийские соединения Резерва Верховного Главнокомандования. Такие соединения в значительной мере облегчили использование истребительно-противотанковой артиллерии в качестве армейских и фронтовых подвижных противотанковых резервов для отражения массированных танковых ударов противника как в обороне, так и в ходе наступления наших войск.

Серьезные качественные изменения советской артиллерии были обусловлены также интенсивным развитием самоходной артиллерии. Наряду с имевшимися к тому времени самоходно-артиллерийскими установками СУ-76 на вооружение артиллерии стали поступать новые, более мощные самоходно-артиллерийские установки — 85- и 152-мм калибра, а позднее и 100-мм калибра. По своим тактико-техническим данным, по силе огня, скорости передвижения и маневренности они не уступали нашим танкам. Пехота и танки получили мощное огневое и высокоманевренное средство, обеспечивавшее их успешное продвижение на поле боя.

Опыт последующих наступательных операций показал, что самоходная артиллерия в ходе боевых действий прочно определила свое место в боевых порядках наступавших войск и показала свои высокие боевые свойства, К этому же времени развитие реактивной артиллерии, обладавшей мощными снарядами улучшенной кучности, привело к резкому увеличению плотности огня. Развитие реактивной артиллерии шло по пути увеличения фугасного действия снарядов, кучности и дальности стрельбы, а также совершенствования боевых установок. Основными боевыми свойствами полевой реактивной артиллерии, в полной мере проявившимися в наступательных операциях, являлось массирование огня, а также высокая оперативно-тактическая подвижность.

Таким образом, 1943 год был переломным периодом в развитии советской артиллерии, в количественном росте артиллерии РВГК, в повышении ее роли в бою и операции. В этот же период отмечается рост и совершенствование войсковой артиллерии. Ее развитие шло главным образом по пути значительного увеличения самостоятельности общевойсковых соединений и объединений в бою и операции. Это позволило общевойсковым начальникам решительнее влиять на ход боя и операции огнем штатной артиллерии. Несомненно, что развитие артиллерийско-минометных средств общевойсковых соединений повысило наступательные возможности и повлияло на увеличение темпов продвижения войск в общевойсковом бою.

Новые организационные формы, количественный рост

артиллерии общевойсковых соединений, наличие артиллерийских штабов и опытных кадров в них создали более благоприятные условия для управления огнем и непрерывного и тесного взаимодействия штатной артиллерии и артиллерии усиления с пехотой и танками на всех этапах наступательной операции. Все это расширило возможности организации противотанковой и противовоздушной обороны войск как в период подготовки, так и в ходе наступательной операции.

Развитие отечественной артиллерии шло не только по линии увеличения количества и совершенствования артиллерийских орудий. Параллельно с этим осуществлялся целый комплекс технических усовершенствований в области средств связи, наблюдения и управления огнем, разработки новых, более совершенных артиллерийских снарядов и мин. Вместе с тем для роста мощи артиллерии не менее важное значение имело развитие наиболее рациональных и соответствующих характеру и способам ведения боевых действий организационных форм артиллерийских частей и соединений, а также методов и способов боевого применения артиллерии в бою и операции.

Летом 1943 года после разгрома гитлеровских армий под Курском Советская армия, перейдя в контрнаступление на орловском и белгородско-харьковском направлениях, осуществляла прорыв вражеской обороны в несколько иных условиях, чем это было прежде. К этому времени немецко-фашистские войска перешли к глубокой, сплошной по фронту обороне с применением системы траншей и ходов сообщения, глубина главной полосы их обороны значительно возросла. Для прорыва такой обороны Советская армия стала применять новую, более глубокую форму оперативного построения и более глубокое построение боевых порядков наступавших войск. Вместе с тем возросшее в Советской армии количество средств подавления внесло значительные изменения в их использование.

Перед советским командованием встала необходимость резко увеличить количество артиллерии более крупных калибров, предназначавшихся для прорыва позиционной обороны. В связи с этим наибольшее количественное развитие получила гаубичная и дальнобойная пушечная артиллерия.

Следует отметить, что к лету 1943 года, когда Советская армия захватила инициативу и развернула наступательные действия на огромном фронте, истребительно-противотанковая артиллерия, являясь важнейшим средством борьбы с танками противника, уже достигла весьма высокого уровня развития. Не уменьшая значения важности борьбы с танками, советское командование поставило перед всей артиллерией как одну из

основных задач — обеспечение прорыва вражеской обороны на значительную глубину при сохранении способности истребительно-противотанковой артиллерии к обеспечению последующих широких наступательных действий Советской армии.

К началу 1943 года в Советской армии было создано большое количество отдельных частей РВГК, что приводило в ходе их применения к возникновению своего рода противоречий. Все возраставшее количество артиллерийских частей РВГК, с одной стороны, благоприятно сказывалось на массировании артиллерии, а с другой — заметно усложняло и затрудняло централизованное управление артиллерией и ее огнем.

В результате развития организации артиллерии был сделан новый шаг в области выбора форм высокоманевренных артиллерийских резервов Верховного Главнокомандования, наиболее отвечающих изменившимся условиям ведения боя, операции и войны в целом. Это новое в развитии организационных форм артиллерии характеризовалось отказом от создания многочисленных отдельных частей различных видов артиллерии и переходом к крупным артиллерийским соединениям.

Верховное Главнокомандование, решая стратегические задачи ведения войны, руководило важнейшими фронтовыми операциями. Естественно, что для решения этих задач оно располагало и мощными ударными средствами. Одним из важных элементов этих ударных средств являлись крупные артиллерийские соединения.

Наступательные операции, проводившиеся Советской армией одновременно на нескольких фронтах, требовали быстрых и организованных перегруппировок, в том числе и крупных артиллерийских масс, не только внутри фронтов, но и между фронтами. Безусловно, что такие перегруппировки было более удобно совершать артиллерийскими соединениями с их сколоченными и организованными штабами, нежели десятками отдельных артиллерийских частей. Правильное разрешение организационных вопросов артиллерии в значительной мере способствовало широкому маневру ею как в период подготовки, так и в ходе операции.

Создание крупных артиллерийских соединений полевой, зенитной и реактивной артиллерии в конце 1942 и в начале 1943 годов было шагом вперед в разработке организационных форм артиллерийских резервов Верховного Главнокомандования. Наличие артиллерийских частей и соединений в распоряжении Резерва Верховного Главнокомандования в последующих

наступательных операциях полностью оправдывалось и удовлетворяло принципу массирования артиллерии на избранных направлениях.

Размах наступательных операций потребовал привлечения больших масс артиллерии, что можно было достигнуть не только путем маневра артиллерийских частей и соединений Резерва Верховного Главнокомандования, но также и путем маневра с других участков фронта. Поэтому маневр артиллерийскими средствами осуществлялся не только распоряжением Ставки, но большей частью распоряжением командующих фронтами и армиями.

Оперативный маневр артиллерийскими средствами осуществлялся внутри фронтов и армий в интересах организуемой ими наступательной операции. Так, например, в период подготовки Киевской наступательной операции, чтобы создать мощную артиллерийскую группировку в полосе наступления 38-й армии, наносившей главный удар, крупные артиллерийские соединения генералов Королькова П.М., Волкенштейна С.С. и Краснокутского Д.М. были переброшены к участку прорыва в условиях сложной обстановки и в короткие сроки. В ходе маневра эти артиллерийские соединения совершили одну переправу через Днепр в районе Переяславской излучины, затем прошли форсированным маршем около 150–180 км в условиях огневого воздействия авиации противника, а на ряде участков и его артиллерии, и, произведя вторую переправу через Десну и Днепр, вышли в район сосредоточения в назначенный срок. В результате этого маневра на направлении главного удара фронта была создана мощная артиллерийская группировка, оказавшая огромное влияние на успешный прорыв немецкой обороны.

В период подготовки наступательной операции 1-го Белорусского фронта на модлинском направлении в июле 1944 года для усиления 8-й гвардейской армии, осуществлявшей прорыв обороны немецко-фашистских войск на направлении главного удара, по решению Ставки Верховного Главнокомандования в течение короткого времени было сосредоточено несколько артиллерийских соединений. Безусловно, что только наличие артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования, включавшей и артиллерийские соединения, позволило в короткие сроки усилить 8-ю гвардейскую армию артиллерией, а также создать мощную группировку артиллерии для прорыва обороны немецко-фашистских войск.

Оперативный маневр артиллерийскими средствами производился, как правило, распоряжением командования

фронтов и армий, а маневр стратегическими артиллерийскими резервами — распоряжением Ставки Верховного Главнокомандования. Маневр артиллерийскими соединениями осуществлялся путем перебрасывания их как по железной дороге, так и походным порядком на сотни и даже тысячи километров. Так, артиллерийское соединение генерала Павлова А.Ф. было переброшено по железной дороге с 3-го Украинского фронта в ограниченные сроки на расстояние свыше 2000 км для усиления артиллерии, привлекавшейся для прорыва на одном из участков Карельского фронта. После прорыва обороны противника это же артиллерийское соединение было вновь переброшено на 3-й Украинский фронт и приняло участие в Ясско-Кишиневской операции.

В ходе многих наступательных операций крупные артиллерийские соединения совершали оперативный маневр на многие сотни километров в ограниченные сроки, усиливали создаваемые мощные артиллерийские группировки и оказывали решающее влияние на развитие наступательных операций.

Серьезным затруднением в осуществлении маневра артиллерийскими средствами являлось состояние средств тяги в артиллерии, в ряде случаев не отвечавших маневренному характеру операций.

В наступательных операциях в 1944 году резко возросло количество артиллерийских частей и соединений, маневр которыми осуществлялся внутри армий и фронтов в интересах армейских и фронтовой операций. В этих случаях количество артиллерийских средств Резерва Верховного Главнокомандования, участвовавших в маневре, несколько снижалось, так как значительная часть артиллерийских средств, совершавших маневр, входила в состав армий и фронтов. Важно отметить, что оперативный маневр осуществлялся не только в подготовительный период, но и в ходе наступательных операций.

Можно привести много примеров, когда крупные артиллерийские соединения совершали оперативный маневр в ходе операции и тем самым оказывали решающее влияние на ее успех. Так, в Белорусской наступательной операции только решением командующего 1-м Белорусским фронтом с 5 по 18 июля 1944 года был осуществлен оперативный маневр более чем двадцатью артиллерийскими частями и соединениями с бобруйского на ковельское направление. В течение десяти дней отдельные части и крупные артиллерийские соединения, в том числе соединения генерала Игнатова Н.В., искусно произвели оперативный маневр на расстояние до 600 км, оказав существенное влияние на развитие наступательной операции на

ковельском направлении.

Заслуживает внимания маневр артиллерийскими средствами в период проведения Берлинской операции. С выходом 3-й гвардейской танковой армии непосредственно на подступы к Берлину для форсирования канала Тельтов необходимо было в кратчайшее время значительно усилить армию артиллерией. Только создав сильную артиллерийскую группировку, можно было рассчитывать на подавление обороны противника на этом направлении, а следовательно, и успешное развитие наступления танковой армии. В течение нескольких часов решением командования фронта на это направление было переброшено крупное артиллерийское соединение генерала Кожухова Л.И., действовавшего до этого в полосе одной из армий 1-го Украинского фронта и совершившего в сложных условиях марш на расстояние более 150 км. В результате успешного маневра была создана мощная артиллерийская группировка, насчитывавшая несколько тысяч артиллерийских орудий, минометов и боевых установок реактивной артиллерии. Создание мощной группировки артиллерии на указанном направлении обеспечило надежное и своевременное подавление обороны противника и содействовало успешному наступлению наших войск.

Возросшие маневренные возможности Советской армии обусловливались не только тем, что она механизировалась, но и тем, — а это имело решающее значение, — что были созданы значительные резервы всех родов войск, и особенно танков и артиллерии. Наличие таких резервов позволяло советскому командованию создавать значительное превосходство в силах на решающих направлениях.

Однако необходимо подчеркнуть, что в 1943 и в первой половине 1944 года имелись и значительные трудности в материально-техническом обеспечении наступательных операций. Некоторые фронты испытывали серьезные затруднения в создании превосходства над противником в артиллерии. В первой половине 1944 года качественный состав артиллерии, привлекавшейся к прорыву сильной обороны немецко-фашистских войск, не всегда соответствовал выдвигавшимся задачам.

Так было, например, в Белорусской операции, проводившейся летом 1944 года силами 1-го Прибалтийского, 3, 2 и 1-го Белорусских фронтов, когда количественный и качественный состав артиллерии не в полной мере отвечал задачам прорыва мощной и глубокоэшелонированной обороны противника. Наличие артиллерии калибра свыше 100 мм в составе этих

фронтов не превышало 40 проц., что приводило к значительным затруднениям в создании мощных артиллерийских группировок для нанесения первого, решающего удара по основным объектам тактической зоны обороны противника, не говоря уже о поражении объектов в глубине его обороны.

Вместе с тем развитие наступательных операций на важнейших стратегических направлениях, требовавших огромного количества боеприпасов, создавало известные трудности в обеспечении боеприпасами менее активных фронтов.

Однако в ходе наступательных операций советское командование умело осуществляло решительный маневр как стратегическими, так и оперативными средствами, в том числе артиллерийскими, добиваясь этим создания такого превосходства над противником, которое обеспечивало бы в необходимый момент хотя бы временное, но решительное поражение врага и создавало условия для последующего полного его разгрома наступавшими войсками. Могущество артиллерийского огня, его огромное моральное воздействие на обороняющегося проявлялось в наибольшей мере только при умелом сосредоточении артиллерии на участках прорыва и решительном массировании ее огня по важнейшим объектам обороны противника.

Массирование артиллерии на важнейших направлениях, как показал опыт многих наступательных операций Советской армии, значительно превышало нормы конца Первой мировой войны и первого периода Великой Отечественной войны. Такие масштабы массирования артиллерии стали возможными в результате все возраставшего оснащения Советской армии артиллерийским вооружением. Рост дальнобойности артиллерии, гибкость ее огня, перевод артиллерии на механическую тягу, наличие средств артиллерийской инструментальной разведки и воздушного наблюдения позволяли в ходе наступательных операций производить скрытно от противника подготовку массированного огня по важнейшим объектам и внезапно поражать их.

В ходе наступательных операций группировки артиллерии, связанные единством цели и действий, создавались из артиллерийских соединений легче и быстрее, чем из отдельных, органически не связанных частей. Следовательно, наличие крупных артиллерийских соединений в Советской армии в значительной мере облегчало быстрое создание необходимых мощных артиллерийских группировок, а также улучшало управление массированным огнем артиллерии.

В ходе Великой Отечественной войны наступательные операции Советской армии, как правило, начинались прорывом подготовленной обороны в условиях непосредственного

соприкосновения с противником. Поэтому прорыв позиционной обороны немецко-фашистских войск являлся типичной формой первого этапа каждой наступательной операции и начинался обычно после сильного и относительно продолжительного воздействия артиллерии и авиации.

Безусловно, что наилучших результатов при прорыве обороны противника можно было достичь только при условии решительного массирования артиллерии на участках прорыва. Управление массированным артиллерийским огнем и маневром в ходе боя и операции становилось непрерывным и осуществлялось сверху донизу. Внутри артиллерийских соединений управление огнем велось с таким расчетом, что любая часть артиллерийского соединения, независимо от своего подчинения, в любой момент в интересах боя и операции могла быть непосредственно подчинена командиру артиллерийского соединения. Таким образом, централизованное управление огнем артиллерии сохранялось в ходе всего боя и операции, что оказывало огромное влияние на их развитие.

Необходимо отметить, что в ходе Великой Отечественной войны удельный вес артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования по отношению к войсковой артиллерии постоянно повышался. Количественный рост артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования за счет создания артиллерийских частей и соединений оказывал существенное влияние и на использование людских резервов, привлекавшихся для укомплектования артиллерийских частей. Так, например, число обслуживающего состава на одно орудие в частях РВГК к концу 1943 года уменьшилось по сравнению с началом Великой Отечественной войны почти в два раза. Таким образом, новые организационные формы артиллерии, возникшие, проверенные и утвердившиеся в ходе войны, показали не только большие организационные, оперативные, но и экономические преимущества.

Новые формы организации артиллерии соответствовали происшедшим к этому времени некоторым изменениям способов боевого применения артиллерии, особенно при прорыве позиционной обороны противника.

В многочисленных наступательных операциях Советской армии важнейшим условием успешного прорыва обороны немецко-фашистских войск являлось умелое и всякий раз творчески разрабатываемое использование огня крупных артиллерийских масс. Так, в период проведения войсками 1-го Украинского фронта наступательной операции по освобождению Киева в октябре — ноябре 1943 года особое внимание уделялось

организации массированного огня артиллерии, и главным образом огня артиллерийских соединений. В ходе этой операции в период прорыва обороны противника по важнейшим объектам обороны немецко-фашистских войск сосредоточивался огонь до 500–600 артиллерийских орудий. Вместе с тем в ходе наступательной операции было достигнуто полное взаимодействие огня артиллерии и бомбардировочной авиации при нанесении ударов не только по целям, находившимся в тактической зоне обороны, но и по целям, которые располагались в глубине обороны противника. При таком использовании артиллерии достигалось решительное подавление обороны противника и создавались необходимые условия для успешного ее преодоления танками и пехотой с наименьшими потерями.

В ходе Киевской операции утром 3 ноября 1943 года на фронте 60-й и 38-й армий с началом артиллерийской подготовки немецкая артиллерия была полностью подавлена, управление войсками нарушено. Пехота и танки после 40-минутной мощной артиллерийской подготовки, сопровождаемые все нарастающим артиллерийским огнем по оборонительным объектам в ближайшей тактической глубине, пошли в атаку, уничтожая на пути уцелевшие очаги немецкой обороны. Ближайшая тактическая глубина вражеской обороны была настолько обработана массированным огнем нашей артиллерии, что пехота и танки без особых усилий и потерь захватили первую линию траншей противника и неудержимо продвигались в глубь его обороны. Массированным огнем с большим мастерством управляли артиллеристы генерал-майора Лихачева В.М., действовавшие на направлении главного удара. Находившиеся на наблюдательном пункте 38-й армии в период артиллерийской подготовки командующий войсками фронта генерал армии Ватутин Н.Ф. и член Военного совета фронта генерал-лейтенант Н.С. Хрущев дали высокую оценку действиям артиллерии.

Наступательные операции многих фронтов показали, что наибольшая плотность подавления вражеской обороны достигалась только там, где командование применяло артиллерию массированно на ограниченных участках прорыва, где усилия артиллерии направлялись на подавление важнейших объектов обороны противника.

Опыт войны также показал, что создание необходимой плотности артиллерии на участках прорыва является весьма сложной задачей, требующей творческого решения. Сосредоточение артиллерии на направлении главного удара не должно было ставить под угрозу те участки, с которых снималось значительное количество артиллерии. Решение этого вопроса

достигалось в результате глубокого знания обстановки, предвидения возможного ее изменения как по направлениям, так и по времени. Создание крупных группировок войск, и в том числе артиллерийских, на решающих направлениях, достигалось в результате сложных мероприятий и требовало искусства и твердой воли командующих фронтами и армиями.

Массированное использование артиллерии на участках прорыва армий и фронтов всякий раз требовало умелого распределения задач, поставленных перед артиллерией, тщательной разработки вопросов, связанных с ее маневром и огнем не только в период прорыва, но и в ходе наступления. При этом вся деятельность артиллерии направлялась в тесном взаимодействии с другими родами войск, осуществлявших прорыв. В ряде наступательных операций Советской армии создавалась довольно высокая плотность артиллерии на участках прорыва. Рост плотности артиллерии создавал условия для одновременного подавления обороны немецко-фашистских войск на значительно большую глубину, чем это было в начальный период войны. Вместе с тем на участках прорыва возрастала и плотность подавления, усиливалось моральное воздействие на обороняющиеся войска. Кроме того, массирование артиллерии на участках прорыва обеспечивало внезапность поражения вражеской обороны артиллерийским огнем. Создавалась возможность путем увеличения количества артиллерии, сосредоточиваемой на участке прорыва, а также наиболее разумного распределения ее огневых задач сокращать продолжительность артиллерийской подготовки, что для развития и успеха наступления имело огромное значение.

Продолжительность артиллерийской подготовки всякий раз определялась исходя из характера обороны противника, состояния обороняющихся войск, плотности артиллерии на участках прорыва, а также обеспеченности боеприпасами.

Опыт некоторых наступательных операций минувшей войны показал, что длительная артиллерийская подготовка не обеспечивала успеха наступления, так как противник разгадывал замысел наступающего, успевал подвести сильные резервы к участку прорыва, создавал превосходство в силах и решительными контратаками ликвидировал угрозу прорыва. Поэтому в наступательных операциях 1944 и 1945 годов советские войска путем увеличения плотности артиллерии на участках прорыва и наиболее целесообразного использования артиллерии постепенно сокращали продолжительность артиллерийской подготовки. Безусловно, что сосредоточение крупных масс артиллерии при прорыве вражеской обороны имело

решающее значение. Оно находилось в прямой зависимости не только от количества артиллерии непосредственно в войсковых соединениях, но и от артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования. К этому времени Советская армия располагала уже значительным артиллерийским парком. Известно, что наша промышленность, начиная со второго года минувшей войны, выпускала до 120 тыс. артиллерийских орудий, 100 тыс. минометов. С 1944 года промышленность производила 240 млн снарядов, мин и бомб ежегодно.

В решении столь важного вопроса, как массирование артиллерийских средств на участках прорыва, важнейшее значение приобретало подлинное творчество командующих общевойсковыми соединениями, армиями и фронтами и их командующих артиллерией.

В результате решительного оперативного маневра артиллерийскими средствами командование фронтов и армий в ряде наступательных операций создавало в сравнительно короткие сроки на участках прорыва необходимую плотность артиллерии, которая во много раз превышала плотность артиллерии на второстепенных направлениях. Так, например, в Львовско-Сандомирской операции, проведенной войсками 1-го Украинского фронта, путем оперативного маневра артиллерийскими средствами на направлении главного удара была создана плотность, почти в 30 раз превосходившая плотность артиллерии на второстепенных направлениях. Развитие принципа массирования артиллерии на направлении главного удара наглядно проявилось в ходе наступательных операций Советской армии. Если в первый период минувшей войны на участках прорыва создавалась плотность артиллерии 70–80 орудий и минометов, то во втором периоде войны она увеличилась уже до 130–200, а в последующем возросла до 250 и более орудий и минометов на 1 км фронта участка прорыва. Такой рост плотности артиллерии определялся в первую очередь тем, что фронт получал во все возрастающих размерах артиллерийское вооружение. Вместе с тем плотность артиллерии на участках прорыва увеличивалась не механически, а определялась всякий раз в зависимости от построения и характера обороны немецко-фашистских войск, а также от наличия артиллерии, привлекавшейся к прорыву. Большое значение приобретало также искусство командиров и штабов в управлении огнем крупных масс артиллерии.

После разгрома немецко-фашистских войск на Курской дуге наши взгляды на применение артиллерии получили дальнейшее свое развитие. К этому времени артиллерийские штабы армий и

фронтов настолько выросли и приобрели большой опыт, что под руководством своих командующих не только подготавливали артиллерию к участию в операции, но и успешно осуществляли гибкое управление крупными массами артиллерии в сложных условиях боевой обстановки.

Опыт наступательных операций показал, что во второй половине 1944 и начале 1945 года при значительно возросших плотностях артиллерии обеспечивалось более надежное подавление обороны противника. При таком подавлении вражеской обороны создавались благоприятные условия для увеличения темпов наступления наших войск и быстрого преодоления главной полосы обороны противника. Безусловно, что возросшая плотность подавления обороны немецко-фашистских войск, осуществлявшаяся в более короткие сроки, чем это было прежде, явилась тем благоприятным условием, при котором наступавшие войска несли значительно меньше потерь в живой силе и соевой технике.

Многочисленные наступательные операции показали, что если ранее при установившихся плотностях в 130–150 орудий и минометов на 1 км фронта существовавшие методы управления и группировки артиллерии удовлетворяли нас, то рост плотности артиллерии в последующих наступательных операциях потребовал существенного изменения методов управления и определение новых принципов группировки артиллерии.

Привлечение крупных артиллерийских масс к прорыву и обеспечению наступательной операции показало необходимость создания стройной организации и гибкости в управлении, которая обеспечивала бы способность к быстрому реагированию на резкие изменения обстановки в ходе боя и операции. Это обстоятельство привело к созданию сильных артиллерийских групп.

В условиях возросшего значения артиллерии и ее массированного применения в обеспечении боевых действий пехоты и танков на всю глубину наступательной операции роль командующего армией в организации прорыва обороны противника значительно возросла. Артиллерийское наступление осуществлялось по единому плану как непрерывный процесс взаимодействия артиллерийского огня и маневра с ударом и маневром других родов войск, участвующих в наступлении.

Изыскание новых, наиболее эффективных путей и способов боевого применения артиллерии, главным образом на участках прорыва, привело к более высокому развитию искусства в использовании артиллерийского огня. Артиллерия многих армий в ходе артиллерийской подготовки достигала незаметного для

противника перехода от завершения артиллерийской подготовки к началу поддержки атаки. В ряде операций немецкое фашистское командование обнаруживало начало атаки со значительным опозданием, что приводило к успешному прорыву обороны противника и к более эффективному развитию наступления.

Свидетельством высокого уровня мастерства наших командиров-артиллеристов и штабов является их умение определить наилучшие методы артиллерийского обеспечения боевых действий войск в зависимости от характера обороны противника, количества артиллерии, боеприпасов и других условий. Артиллерийская поддержка атаки пехоты и танков осуществлялась в зависимости от обстановки методом последовательного сосредоточения огня, огневого вала, а в раде случаев и методом двойного огневого вала. Например, 24 июня 1944 года артиллерия армий 1-го Белорусского фронта (65-й и 28-й) впервые в ходе Великой Отечественной войны поддерживала атаку пехоты и танков двойным огневым валом, что свидетельствовало о высоком военном мастерстве наших командиров-артиллеристов и штабов.

В последующих наступательных операциях этот метод поддержки атаки получил дальнейшее совершенствование и осуществлялся на значительно большую глубину. Так было в Висло-Одерской, Берлинской, а также в ряде других наступательных операций.

Скрытное сосредоточение крупных масс танков, пехоты и артиллерии к участку прорыва и организация прорыва являлись выражением высокого уровня советского военного искусства. Однако главное состояло не только в скрытном сосредоточении крупных масс войск, в том числе и артиллерии, на участке прорыва, а в наибольшем умении распределить задачи артиллерии на подавление обороны противника на возможно большую ее глубину, чтобы организация управления артиллерией, ее огнем и маневром находились бы в точном соответствии с задачами, поставленными перед наступающими войсками. Успешное осуществление прорыва позиционной обороны немецко-фашистских войск в ходе многочисленных наступательных операций свидетельствует о том, что командование и штабы правильно решали эти сложные оперативные задачи.

В ходе войны в Советской армии выросли опытные командиры-артиллеристы, такие как Главный Маршал артиллерии Н.Н. Воронов, генерал-полковник артиллерии Ф.А. Самсонов, генерал-полковник артиллерии, ныне Маршал артиллерии В.И. Казаков, генерал-полковник артиллерии Н.С.

Фомин, генерал-полковник артиллерии Н.М. Хлебников, генерал-полковник артиллерии, ныне Маршал артиллерии, М.И. Неделин, генерал-полковник артиллерии Г.С. Кариофилли, генерал-полковник артиллерии Г.Ф. Одинцов, генерал-полковник артиллерии М.П.Дмитриев, Маршал артиллерии М.Н. Чистяков, генерал-полковник артиллерии М.М. Барсуков и многие другие.

В наступательных операциях возрастало не только массирование артиллерии, но и количество участвующих в них танков, авиации и других технических средств борьбы. Такое огромное количество боевой техники значительно усложняло планирование боевого применения артиллерии, постановку и распределение огневых задач, а также организацию взаимодействия и поддержания его с другими родами войск в ходе операции. В этих условиях боевое применение артиллерии привлекало к себе все большее внимание не только командующих артиллерией и их штабов, но и командующих войсками фронтов и командующих армиями, организующих и осуществляющих операцию.

Массированное применение артиллерии в наступательных операциях потребовало более тщательно организовывать артиллерийское наступление, выбирать наиболее рациональные методы решения огневых задач артиллерией, планировать ее огонь с таким расчетом, чтобы оборона противника подавлялась в более короткое время и на возможно большую глубину.

Минувшая война показала, что изменившийся характер наступательных операций потребовал применения артиллерии усиления в составе армий не только в период прорыва, но и в ходе всей операции. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры боевого применения артиллерии РВГК в наступательных операциях, в ходе которых она использовалась на нескольких направлениях в зависимости от складывавшейся обстановки. Например, артиллерийское соединение генерала Королькова П.М. в период проведения Львовско-Сандомирской операции последовательно обеспечивало наступательные действия 38-й, а затем 60-й армий.

Артиллерийские соединения Резерва Верховного Главнокомандования являлись в руках командующих фронтами и армиями мощным средством, обеспечивающим не только успех прорыва тактической зоны обороны противника, но и действия войск в оперативной глубине.

В успешном использовании большого количества артиллерийских частей и соединений особое значение приобретало планирование оперативного маневра артиллерийскими соединениями Резерва Верховного

Главнокомандования на всю глубину наступательных операций. Такое планирование осуществлялось в первую очередь в масштабе фронтов и в ряде операций имело решающее значение.

В ходе войны развивались и совершенствовались методы артиллерийского обеспечения боя и операции. Они базировались на разработанных советским военным искусством положениях об артиллерийском наступлении. Развитие наступательных операций и необходимость артиллерийского обеспечения ввода в прорыв танковых армий и подвижных групп войск потребовали от артиллерии решительного массирования огня для подавления обороны противника как перед фронтом, так и на флангах и сопровождения подвижных войск массированным огнем на большую глубину.

Действия артиллерии, привлекавшейся к обеспечению подвижных групп войск, во многом зависели от времени ввода подвижных групп. Если ввод в прорыв подвижных групп осуществлялся в первый день операции, то эти условия в значительной мере облегчали действия артиллерии, так как она могла вести огонь с основных огневых позиций, находясь в прежней группировке. Вместе с тем огонь артиллерии производился в большинстве случаев по заранее разведанным целям в обороне противника. Огромное значение приобретало и то обстоятельство, что артиллерия могла использовать заранее подготовленную систему управления.

Если же танковые армии и подвижные группы войск вводились в прорыв значительно позже, то действия артиллерии заметно усложнялись. В этих случаях требовались перегруппировка значительной части артиллерии, организация разведки и управления артиллерией и ее огнем, а также надежное взаимодействие артиллерии с войсками, вводимыми в прорыв.

В связи с тем, что наступление танковых армий и подвижных групп войск проходило в большинстве операций в высоком темпе, особое значение приобретали гибкость в управлении артиллерией и надежная связь. Опыт многих наступательных операций показал, что при переподчинении артиллерийских средств подвижным соединениям в оперативной глубине не исключалась возможность массирования огня значительного количества артиллерии.

При боевых действиях в оперативной глубине противника советским войскам часто приходилось отражать сильные контрудары. В этих случаях операции характеризовались крупными перегруппировками войск, главным образом артиллерии. Ярким примером в этом отношении может служить Корсунь-Шевченковская операция. В феврале 1944 года, когда

немецко-фашистское командование наращивало силу удара, стремясь любой ценой прорвать кольцо окружения и освободить свою группировку, в распоряжении 1-го Украинского фронта сил и средств в полосе активных действий противника было явно недостаточно. Перегруппировки артиллерии внутри армии на корсунь-шевченковском направлении не обеспечивали в полной мере выполнение задач, стоявших перед войсками. В этой сложной обстановке было принято решение в кратчайшие сроки перебросить с центрального участка фронта на угрожаемое направление более 25 артиллерийских и минометных полков. Решительные меры, предпринятые советским командованием, позволили в кратчайшее время, несмотря на сильную весеннюю распутицу, создать значительное превосходство в силах над противником, что обеспечило последующий разгром окруженных немецко-фашистских войск.

Еще больших масштабов достигла перегруппировка и маневр артиллерии в ходе отражения сильных контрударов немецко-фашистских войск в Будапештской операции. В результате решительного маневра артиллерией, главным образом истребительно-противотанковой, было создано превосходство над противником, что позволило успешно отразить сильные удары танков и пехоты врага.

Одним из наиболее ярких примеров умелого и стремительного маневра артиллерии являются действия одного из соединений истребительно-противотанковой артиллерии (командир полковник Антонов Ф.А.), которое совершило за четверо суток в трудных условиях местности и погоды беспримерный маневр на расстояние более 1300 км, преодолев на своем пути три заснеженных горных перевала и дважды переправившись через Дунай.

Широкий маневр артиллерией при отражении сильных контрударов противника применялся и в других наступательных операциях Советской армии. Большая роль в отражении контрударов немецко-фашистских войск принадлежала бронетанковым и механизированным войскам. Вместе с тем во всех случаях успех достигался только в результате объединенных усилий всех родов войск, а также авиации. Однако артиллерия при отражении контрударов, в которых, как правило, участвовали значительные силы танков противника, играла важную, а в ряде случаев и решающую роль.

Как показал опыт минувшей войны, успешные действия артиллерии и отражении сильных контрударов противника достигались массированным применением ее огня на направлении контрударов противника, а также маневром

артиллерийскими частями и соединениями на наиболее танкоопасные направления. В ходе отражения контрударов особое внимание уделялось ведению всех видов разведки, организации и поддержанию тесного взаимодействия всех родов войск, участвовавших в отражении контрудара. Наличие в распоряжении командующих фронтами мощных артиллерийских группировок, умелое построение противотанковой обороны войск и разумное использование артиллерийско-противотанковых резервов создавали необходимые условия для разгрома контрударных группировок противника.

Минувшая война изменила характер проводимых операций, определила место и роль в них каждого рода войск, в том числе и артиллерии.

Количественный рост и качественное совершенствование отечественной артиллерии в ходе войны, рост ее боевого могущества расширили рамки ее боевого применения и превратили в фактор оперативного значения. Все это привело к коренному изменению не только технического оснащения артиллерии, но и ее организационных форм, а также методов ее боевого применения в бою и операции. Боевые действия артиллерии, протекавшие в тесном взаимодействии с другими родами войск в интересах достижения оперативных целей, в значительной мере предопределяли исход не только боев, но и крупных наступательных операций.

В многочисленных операциях Великой Отечественной войны советская артиллерия доказала свое полное превосходство над артиллерией гитлеровской Германии и империалистической Японии как по количеству орудий, минометов и боевых машин, участвовавших в обеспечении операций, так и по искусству массирования и управления артиллерийским огнем.

В развитии отечественной артиллерии решающая роль принадлежит Коммунистической партии Советского Союза. Усилиями партии и народа была создана первоклассная артиллерии. Партия вырастила и воспитала многочисленные кадры наших артиллеристов, показавших в многочисленных боях и операциях беспримерное мужество, героизм и высокое искусство в боевом применении крупных масс артиллерии.

К победоносному завершению Великой Отечественной войны советская артиллерия пришла со стройной организацией и огромным боевым опытом обеспечения наступательных операций. Этот опыт, накопленный всеми фронтами и армиями, оказал большое влияние и на послевоенное развитие артиллерии.

В послевоенный период артиллерийское вооружение Советской армии серьезно изменилось. Развитие артиллерийской

техники в эти годы шло по иному пути, коренным образом отличающемуся от того, по которому шло развитие артиллерии в годы Великой Отечественной войны. Ныне наши Вооруженные Силы располагают великолепной боевой реактивной техникой, наиболее отвечающей современным требованиям ведения боевых действий.

Приложение 5

Из опыта боевого использования артиллерии во Второй мировой войне

Маршал артиллерии С. ВАРЕНЦОВ[280]

Артиллерия является одним из старейших и испытанных родов войск, и тем не менее перед Второй мировой войной среди западных военных теоретиков господствовало мнение, что с появлением авиации и танков ее роль в современной войне значительно принизится. Опыт Второй мировой войны опроверг эти предсказания.

Артиллерия развивалась так же быстро, как авиация и танковые войска, и сохранила за собой в ходе войны место главной огневой ударной силы полевых войск. Именно под влиянием развития этих родов войск выросла в могучую силу зенитная, противотанковая и самоходная артиллерия. Распространенное на Западе мнение, что авиация и танки будут решать вместо артиллерии большую часть задач в бою, не подтвердилось опытом войны. Наоборот, как объем, так и характер задач артиллерии расширились и усложнились. Уже перед началом нападения фашистской Германии на СССР в немецкой пехотной дивизии насчитывалось 70–80 противотанковых орудий. Удельный вес противотанковых пушек в общем числе артиллерийских орудий нашей стрелковой дивизии превышал 40 проц. В составе артиллерии РВГК появились специальные противотанковые соединения (бригады у нас) и части (дивизионы САУ) в Германии. Кроме того, в танковых частях и соединениях потребовалась своя штатная артиллерия. Перед началом войны штатное количество орудий и минометов в нашей танковой дивизии составляло почти 30 проц. такого же вооружения стрелковой дивизии. В ходе войны артиллерийские части включались в штаты танковых корпусов и армий.

Артиллерийское вооружение получило новое широкое развитие в авиации и в военно-морском флоте, на вооружение танков вводились орудия все более крупных калибров. Повсеместное развитие получило минометное вооружение. Не только хорошая эффективность огня минометов и легкость их транспортировки, но и простота, а также сравнительная дешевизна промышленного производства давали им большие преимущества при развертывании массовых армий. По числу стволов минометы во всех главнейших армиях составляли почти половину огневых артиллерийских средств. Наконец, Вторая мировая война впервые вызвала к жизни массовое применение

реактивной артиллерии.

Все эти явления роста артиллерии в общем ходе Второй мировой войны носили закономерный характер, но не во всех армиях эта закономерность проявлялась в одинаковой степени.

Наиболее ярко она выявилась в развитии Вооруженных Сил Советского Союза. В армиях капиталистических стран процесс роста артиллерии шел тернистым путем, преимущественно под воздействием тяжелых, а порой и роковых уроков войны. Преувеличение роли авиации и танков в современной войне и принижение роли артиллерии как главного источника огневого могущества сухопутных армий — основной порок, присущий почти всем армиям капиталистических стран, участвовавших во Второй мировой войне.

Для армий панской Польши и Франции, например, слабость артиллерии имела тяжелые последствия, так как та и другая оказались почти беззащитными от действий немецких бронетанковых дивизий.

Английская и американская армии, где основные военные затраты в предвоенные годы шли на развитие морских и воздушных сил, в артиллерийском отношении были еще слабее французской армии. Известно, в частности, что в 1939 году для укомплектования частей тяжелой артиллерии английской армии были использованы старые орудия, хранившиеся на складах с 1918 года. Только под влиянием опыта войны на советско-германском фронте английское правительство вынуждено было форсировать производство артиллерийского вооружения. С 1941 по 1944 год англичане разработали и приняли на вооружение армии 17 образцов орудий и минометов. Общий объем производства артиллерийского вооружения за годы Второй мировой войны по всей Британской империи составлял около 250 тыс. орудий и минометов, т. е. почти в 10 раз больше по сравнению с производством Первой мировой войны. Примерно в таком же положении находилась артиллерия армии США. Здесь из 39 основных образцов орудий и минометов, находившихся на вооружении армии (в том числе зенитных и танковых пушек), только 8 образцов поступили до 1939 года включительно, остальные были приняты на вооружение в 1941–1944 годах. Всего за время Второй мировой войны в США, поданным печати, произведено более 358 тыс. орудий и минометов, не считая более 180 тыс. зенитных пушек. Таким образом, артиллерия английской и американской армий, по существу, почти заново создавалась в ходе войны.

Немецко-фашистская армия имела наиболее сильную артиллерию среди армий капиталистических стран. Готовясь ко

Второй мировой войне и всемерно развивая авиацию и бронетанковые войска, германское командование приложило немало усилий для увеличения мощи своей артиллерии. Работы в этой области исподволь начались с 1926 года, а с 1934 года, через год после прихода к власти фашистов, на вооружение немецкой армии один за другим начали поступать новые образцы артиллерийских орудий и минометов.

К моменту нападения на Советский Союз общая численность полевой артиллерии немецко-фашистской армии составляла более 43 тыс. орудий и минометов[281], не считая зенитной артиллерии, 50-мм минометов, а также трофейного вооружения артиллерии польской, чехословацкой и французской армий. Однако по сравнению с другими главнейшими родами войск в общей системе вооруженных сил фашистской Германии артиллерия была самым слабым звеном.

Операции немецко-фашистских войск на Западе в 1940 году несколько притупили внимание военных руководителей Германии к развитию артиллерии. Только слабость обороны противостоявших противников позволила немцам достичь больших успехов массированными ударами бронетанковых и военно-воздушных сил без существенных усилий артиллерии, которая за всю «западную кампанию» (с 10 мая по 20 июня 1940 года) израсходовала немногим более 3 млн снарядов преимущественно легких калибров и 81-мм мин. Это был феноменально малый расход артиллерийских боеприпасов. То же получилось раньше в Норвегии и позже на Балканах.

Основываясь на опыте войны в Европе, немецко-фашистское руководство непосредственно перед нападением на СССР пошло на сокращение производства снарядов, а из-за нехватки транспортных средств, особенно тягачей, оно решило даже сократить численность артиллерии РГК. Правда, в то же время гитлеровское командование значительно усиливало свою противотанковую и зенитную артиллерию и приступило к формированию (впервые) частей шестиствольных реактивных минометов и самоходной артиллерии. Однако первые из указанных мероприятий все же остаются убедительным симптомом грубых просчетов и недооценки роли артиллерии. Губительные последствия этого стали очевидны с первых же дней войны против Советского Союза.

Промышленность Германии оказалась не в состоянии выполнить все растущие потребности фронта в области артиллерии. Общий объем производства артиллерийского вооружения в Германии за 1941–1944 годы составлял около 267 тыс. орудий и минометов полевой и зенитной артиллерии.

Этого количества не хватало даже для того, чтобы восстановить боевые потери и убыль вследствие естественного износа орудий. Численность немецкой артиллерии неуклонно сокращалась.

Развитие Вооруженных Сил Советского Союза, шедшее по пути, начертанному передовой советской военной наукой, оказалось свободным от подобных грубых просчетов и ошибок. Всемерно развивая авиационную и танковую промышленность, наша партия и правительство вместе с тем не ослабляли усилий по расширению промышленной базы артиллерийского производства. Одновременно был развернут широкий фронт конструкторских работ по разработке новейших образцов артиллерийского вооружения. В результате этого во второй половине тридцатых годов мы уже имели возможность полностью отказаться от выпуска модернизированных орудий и приступить к программе перевооружения артиллерии новейшими образцами.

В то время как на Западе, главным образом в Германии, шла бешеная гонка в накоплении авиационных и бронетанковых средств вооружения, а артиллерия оставалась на втором плане, в СССР темпы роста артиллерийского производства в предвоенные годы не только не отставали от авиационного и танкового производства, но даже несколько опережали его.

Своевременно развернутые производственная база и фронт конструкторских работ в области артиллерии позволили нам справиться и с огромными задачами военного времени. Особенно большие трудности пришлось преодолеть в начале войны, когда значительная часть предприятий, производивших артиллерийское вооружение, вынуждена была эвакуироваться в глубокий тыл или оказалась в зоне боевых действий, а потребность в орудиях и минометах резко возросла. Нужно было обеспечить вооружением мобилизационное развертывание армии и восполнять потери, понесенные на фронте. В 1941 году были месяцы, когда наша артиллерийская промышленность производила орудий и минометов меньше, чем мы теряли их на фронте. Трудности усугублялись еще и тем, что война застала артиллерию, как и другие роды войск, в стадии перевооружения, которое еще далеко не было закончено. К моменту нападения фашистской Германии на СССР артиллерия стрелковых дивизий была перевооружена новой техникой только на 40 проц., артиллерия РВГК — на 80 процентов.

Благодаря огромной организаторской работе нашей Коммунистической партии и поистине героическому труду советского народа все эти трудности были успешно преодолены. Уже в начале 1942 года темпы роста артиллерийского производства начали быстро нарастать. Артиллерийские части

стали вооружаться не только новыми образцами орудий и минометов, предусмотренных программой перевооружения предвоенного времени; но и новейшими образцами, вводимыми на вооружение в ходе войны. В течение этого года войска получили превосходную 76-мм дивизионную пушку, известную под индексом «ЗИС-3». Вслед за тем появилась не имевшая себе равных в других армиях 57-мм противотанковая пушка и 76-мм полковая пушка обр. 1943 года. На вооружение минометных частей был принят мощный 160-мм миномет. В 1943 году также начался массовый выпуск орудий самоходной артиллерии. На следующий год войска стали получать новейшие пушки 85-мм и 100-мм калибров.

В ходе первого периода Великой Отечественной войны была осуществлена программа значительного усиления войсковой зенитной артиллерии. Война застала этот вид артиллерии в стадии становления. В то время по штату положено было содержать по одному отдельному зенитному дивизиону в корпусах и дивизиях, но фактически они имелись только в корпусах и далеко не во всех дивизиях. В артиллерии РВГК зенитные части вообще отсутствовали. Однако уже летом 1942 года в составе РВГК начали формироваться зенитные артиллерийские полки, а осенью того же года — зенитные артиллерийские дивизии, вооруженные первоклассными орудиями и сложнейшими современными приборами управления огнем. В последующие годы войны численность частей и соединений зенитной артиллерии быстро увеличивалась. Во взаимодействии с истребительной авиацией она надежно прикрывала наземные войска и способствовала завоеванию господства в воздухе нашей авиацией.

В годы войны в Советских Вооруженных Силах быстро развивался совершенно новый вид артиллерии — полевая реактивная артиллерия. Менее чем за сутки до начала войны было принято постановление правительства о введении на вооружение армии боевых установок и реактивных снарядов полевой реактивной артиллерии. Но уже в июле 1941 года на фронте действовало несколько батарей, в августе было сформировано 14 полков полевой реактивной артиллерии. В последующие годы войны этот вид артиллерии все более совершенствовался и рос численно, занимая важное место в огневых ресурсах армии.

В целом за время Великой Отечественной войны артиллерия Советской армии по числу орудий увеличилась в 5 раз. Значительно повысилось качество артиллерийского вооружения, и произошли глубокие изменения в ее организации.

Численный рост артиллерии шел преимущественно по линии увеличения оперативных артиллерийских резервов в виде артиллерии РВГК. Что же касается артиллерии стрелковых дивизий, составлявших подавляющую массу орудий и минометов войсковой артиллерии, то ее штатный состав остался примерно таким же, каким он был в начале войны, а количественный рост шел вместе с ростом числа дивизий в армии в целом.

Перед войной в частях артиллерии РВГК у нас насчитывалось около 12 проц. всех орудий армии. С началом войны артиллерия РВГК по своему развитию обогнала войсковую артиллерию, и к 1944 году ее удельный вес достиг примерно 50 проц. общей массы полевой артиллерии. Это был наиболее разумный и рациональный путь развития, поскольку дальнейшее увеличение штатной численности артиллерии стрелковых дивизий, во-первых, утяжелило бы дивизии и снизило их мобильность, а во-вторых, это неизбежно привело бы к «замораживанию» огромных артиллерийских средств, так как далеко не все дивизии действуют в операциях одновременно.

Количественный рост артиллерии РВГК давал Верховному Главнокомандованию большие преимущества в наиболее рациональном использовании огромных огневых ресурсов на важнейших участках боевых действий войск. В обороне эти резервы способствовали быстрой ликвидации огневого превосходства наступающего противника, в наступлении создавали огневое превосходство над обороняющейся стороной.

Крупные массы артиллерии, сосредоточенные в артиллерии РВГК, вызвали необходимость соответствующей войсковой организации, без чего они не смогли бы быть полноценно использованы. Были созданы крупные артиллерийские соединения: бригады, дивизии, корпуса. К концу войны у нас имелись сотни различных артиллерийских соединений и частей. Во многих крупных наступательных и оборонительных операциях маневр артиллерийскими оперативными резервами распоряжением командующих фронтами и Ставкой Верховного Главнокомандования по своему объему (в полковом исчислении) намного превышал маневр всеми другими родами войск.

В ходе войны произошли существенные изменения и в органическом составе артиллерии РВГК. До войны в ней находились только пушечные и гаубичные полки тяжелых калибров. Это указывает на то, что артиллерия РВГК рассматривалась как средство качественного огневого усилия войсковой артиллерии. Однако уже в самом начале войны появилась острая необходимость иметь в ее составе большое количество противотанковой, зенитной и самоходной

артиллерии. В штатной организации артиллерийских дивизий имелись легкие артиллерийские, минометные и гаубичные бригады, вооруженные орудиями средних калибров. В силу этого артиллерия РВГК стала не только средством качественного, но и количественного усиления войсковой артиллерии.

Из всех армий, принимавших участие во Второй мировой войне, Советская армия явилась пионером в создании крупных противотанковых артиллерийских резервов. Формирование десяти противотанковых артиллерийских бригад было начато у нас в апреле 1941 года. И хотя этих бригад оказалось недостаточно для огромного фронта, простирающегося от Варенцова до Черного моря, они все же сыграли важную роль в критические месяцы начального периода войны. В последующем число этих бригад неуклонно росло, а их роль в борьбе с бронетанковыми частями и соединениями немецко-фашистской армии, как мощного и высокоманевренного огневого средства в руках командования армий и фронтов, все более повышалась.

Разумеется, из всего сказанного не следует делать вывод, что в развитии нашей артиллерии в ходе войны не было недостатков. Они были и оказывали отрицательное влияние на ход боевых действий войск, особенно в начальном периоде, протекавшем в крайне тяжелых условиях для нас. В начале войны мы, например, имели весьма слабую войсковую зенитную артиллерию, которая не могла обеспечить надежного прикрытия боевых порядков войск от нападения с воздуха. Не была решена до конца проблема механической тяги в артиллерии. Основную массу артиллерийских тягачей в начале войны составляли мобилизованные из народного хозяйства тихоходные сельскохозяйственные тракторы, которые не отвечали требованиям маневренной войны. Правда, на вооружении артиллерии имелись и специальные артиллерийские тягачи, но их было мало, а производственная база для их изготовления в необходимом количестве не была развернута. В ходе войн эту проблему пришлось решать переводом основной массы артиллерии на автомобильную тягу, которая хорошо себя зарекомендовала при оперативных перебросках артиллерии, но не удовлетворяла требованиям тактической подвижности частей непосредственно на поле боя.

Опыт боевого применения артиллерии в различных армиях, принимавших участие во Второй мировой войне, по ряду причин далеко не равнозначен. У наших бывших союзников он носил ограниченный характер, поскольку они более или менее крупные наступательные операции сухопутных войск проводили тогда, когда силы гитлеровской Германии были уже значительно

подорваны на советско-германском фронте, а сама война приближалась к концу. По той же причине опыт ведения оборонительных операций у них оказался незначительным. Наш бывший главный противник — фашистская Германия — прошел все стадии войны, но у него артиллерия в составе вооруженных сил занимала иное положение, чем у нас. Наиболее полный и разносторонний опыт в этом отношении получила Советская армия, вынесшая основную тяжесть борьбы с сильным противником и сыгравшая главную роль в ее разгроме.

Если говорить о проблемах обороны войск, то нужно сказать, что наибольшее развитие за годы войны получили вопросы организации противотанковой обороны.

Как только в Первой мировой войне был получен первый опыт борьбы с танками, многие высказывали мнение о том, что главным врагом наступающих танков является артиллерия обороны. Но какая именно артиллерия? В этом вопросе не было единства взглядов. Немцы, например, считали, что основной враг танка — специальное противотанковое орудие. Не случайно поэтому к началу войны с СССР они увеличили штат противотанковой артиллерии пехотной дивизии до 70–80 противотанковых пушек. Немецкие армии в своем составе имели по одному отдельному противотанковому дивизиону каждая, и несколько таких дивизионов находилось в артиллерии РГК.

Французы, верившие в неприступность линии Мажино и все еще не отрешившиеся от доктрины «позиционной оборонительной войны», преувеличивали роль заградительного огня артиллерии в борьбе с танками и недооценивали важности противотанковой артиллерии. В результате французская пехотная дивизия имела очень слабую противотанковую артиллерию — всего двадцать семь 25-мм противотанковых пушек и дивизион 47-мм пушек, введенный в штат дивизии перед самым началом войны. То же можно сказать и об английской пехотной бригаде, насчитывавшей всего лишь двенадцать 40-мм противотанковых пушек.

Маломощным было в армиях капиталистических стран непосредственно перед войной и вооружение противотанковых батарей и дивизионов: во французской армии — 25-мм пушка, в немецкой — 37-мм и английской — далеко не совершенная 40-мм пушка. Только перед тем как напасть на СССР, немцы приступили к замене 37-мм пушки 50-миллиметровой.

Имели место серьезные недостатки и в самой организации противотанковой обороны, являвшиеся причиной недооценки ударной мощи танковых соединений. В то время как танковые войска применялись массированно, в составе крупных

соединений, и выросли в серьезный оперативный фактор, организация противотанковой обороны ограничивалась узкими тактическими рамками пехотной дивизии, которая считалась высшей инстанцией, организующей борьбу с танками артиллерийскими средствами. Глубокое эшелонирование противотанковых средств не предусматривалось, артиллерийско-противотанковые резервы создавались только в дивизиях.

Разумеется, слабость противотанковой обороны не единственная, но существенная причина тяжелых поражений многих армий Запада в начале Второй мировой войны.

Советская армия, военная доктрина которой более реально решала проблемы современной войны вообще, в том числе и противотанковой обороны, избежала многих из отмеченных ошибок. Считалось, что костяком противотанковой обороны является артиллерия, используемая для стрельбы по танкам прямой наводкой и с закрытых позиций. Поэтому, всемерно развивая противотанковую артиллерию, наше командование большое внимание уделяло совершенствованию искусства стрельбы по танкам всеми другими видами артиллерии. Напомним, что и в 1940 году до 15 проц. времени, отводимого в программах обучения на огневую подготовку, тратили на тренировку в стрельбе прямой наводкой по танкам не только в дивизионной, но и в корпусной артиллерии и артиллерии РВГК. Даже зенитные батареи хорошо владели способами стрельбы по танкам. К борьбе с танками готовилась штурмовая авиация, не без успеха применяла пехота для этих целей ручные противотанковые гранаты, а в начале войны и противотанковые ружья.

Как известно, для нападения на СССР немецко-фашистское командование сосредоточило в числе сухопутных войск, развернутых на Восточном фронте, 19 танковых и 14 моторизованных дивизий. Чтобы отразить или хотя бы сдержать удар такой силы, нужна была заранее подготовленная оборона войск в приграничных округах. Однако по ряду причин наши войска не были своевременно развернуты и подготовлены к отражению нападения и потому вынуждены были отходить под ударами крупных сил противника.

Отступление советских войск проходило в тяжелых и сложных условиях. Многие артиллерийские части, находившиеся в момент нападения фашистских войск в лагерях или на учениях, вынуждены были действовать в отрыве от войсковых соединений, в штат которых они входили. Тем самым нарушался один из важнейших принципов ведения боя — взаимодействие.

Недостаточно защищенными оказались войска летом 1941 года и против авиации. Войсковая зенитная артиллерия была

весьма слабой, а истребительная авиация не смогла выделить на прикрытие сухопутных войск необходимые силы.

В то время как противотанковая оборона стала важнейшей проблемой жизнеспособности наших войск, артиллерия не смогла проявить в полной мере свои боевые качества в борьбе против танковых частей противника; ее огневые возможности в трудных условиях летне-осенней кампании 1941 года ограничивались слабой подвижностью и недостатком соответствующих средств в резерве Верховного Главнокомандования. Последнее вынуждено было пойти на крутые меры, чтобы улучшить положение с резервами. Пришлось осуществить резкое сокращение

дивизионной артиллерии, исключив из ее состава один из двух дивизионных артиллерийских полков и зенитные пушки. Так высвободились некоторые ресурсы для усиления резервов противотанковой артиллерии и дальнейшего ее развития в составе артиллерии РВГК.

Уже к моменту сражения под Москвой, осенью 1941 года, Ставка Верховного Главнокомандования смогла накопить относительно сильные артиллерийские резервы, которые были использованы на западном направлении. Примерно половина всей артиллерии усиления Западного фронта состояла из противотанковых полков. Командование фронта сумело из этих средств создать труднопреодолимый для противника барьер вдоль основных шоссейных дорог, являвшихся осью действий танковых войск врага. С этой же целью широко применялись пушки полковой и дивизионной артиллерии.

Вместе с усилением огневой мощи совершенствовались и формы построения противотанковой обороны войск. В оборонительном сражении под Москвой впервые были созданы на решающих участках боев прочные очаги противотанковой обороны в виде противотанковых опорных пунктов и районов на всю глубину обороны войск. Выделялись артиллерийско-противотанковые резервы в армиях и некоторых дивизиях. Заметно возросшее усиление наших войск огневыми резервами сыграло важную роль в разгроме немецко-фашистских армий под Москвой.

В летне-осенней кампании 1942 года нашим Вооруженным Силам вновь пришлось отражать крупное наступление врага.

Под Сталинградом в начале оборонительного сражения в районе большой излучины Дона наступавшие немецкие войска почти в два раза превосходили нас в танках, примерно в полтора раза в артиллерии и людях. На их стороне был перевес и в

авиации. Каждая из советских армий, оборонявшаяся на главном направлении, имела широкую полосу обороны (до 100 км), вследствие чего плотности артиллерии были еще относительно низкими — 8—10 орудий и минометов на 1 км фронта, в том числе 2–4 орудия противотанковых. Однако эта сравнительно низкая плотность артиллерии в значительной мере компенсировалась сильными артиллерийско-противотанковыми резервами. Нередки были случаи, когда армии, действовавшие на главном направлении, усиливались 10–12 противотанковыми артиллерийскими полками. В ходе сражения, несмотря на сильное воздействие авиации противника, командование Сталинградским фронтом своевременно противопоставляло маневру танковых войск врага свой маневр танками и противотанковой артиллерией; массированным танковым атакам противника — массированный огонь артиллерии.

К оборонительному сражению под Курском оснащенность сухопутных войск артиллерией возросла по сравнению с концом оборонительного сражения под Сталинградом примерно в 1,5 раза, а противотанковой и зенитной артиллерией — почти вдвое.

На Центральном и Воронежском фронтах число артиллерийских полков в полтора раза превышало число стрелковых полков, причем более 75 проц. артиллерийских полков приходилось на артиллерию РВГК (в числе последних большую часть составляли противотанковые и зенитные). Для борьбы с танками противника привлекались почти все виды артиллерии, вплоть до гаубичных полков и частей реактивной артиллерии. Огонь артиллерии тесно увязывался с огнем пехоты, бомбовыми и штурмовыми ударами авиации, с контрударами танков.

Битва под Курском явилась важным этапом в развитии противотанковой обороны. Ее не без основания можно считать для того времени классической. Здесь были и высокая насыщенность войск артиллерийскими средствами, и заблаговременно подготовленная оборона с широко разветвленной сетью инженерных сооружений; оборона обеспечивалась единой системой артиллерийского огня во всей полосе, где развернулась борьба с наступавшим противником, и на всю тактическую глубину расположения войск; здесь мы имели большую глубину оперативного построения войск с мощными танковыми и противотанковыми резервами, умело организованную систему управления войсками. Каждая дивизия, каждая армия и каждый фронт располагали сильными артиллерийско-противотанковыми резервами, обладавшими высокой способностью к маневру. Они использовались для

наращивания силы, артиллерийского противотанкового огня на любом новом направлении удара противника, выявлявшемся в ходе сражения.

Массированные огневые удары артиллерии распространялись на всю глубину боевых порядков первого эшелона ударной группировки противника, на его артиллерию, органы управления и подходящие резервы. Такие удары были особенно эффективными, если они наносились непосредственно перед атакой противника. Например, на Курской дуге в результате мощной артиллерийской контрподготовки с нашей стороны противнику был нанесен существенный урон. В результате этого он вынужден был несколько оттянуть начало наступления, чтобы привести подвергшиеся огневому удару части в порядок и восстановить нарушенную систему управления войсками.

В последующих крупных оборонительных сражениях (на киевском направлении в ноябре — декабре 1943 года, в районе озера Балатон в январе — марте 1945 года) огневые и маневренные возможности советской артиллерии возрастали, совершенствовалось искусство управления артиллерийскими массами.

Система противотанкового артиллерийского огня в оборонительных операциях Советской армии достигла высокого совершенства. Главная роль в ней принадлежала артиллерии, группируемой в противотанковых опорных пунктах и районах, связанных между собой огневым взаимодействием. В эту систему включались также и районы огневых позиций батарей дивизионной артиллерии и артиллерии усиления, вплоть до зенитных батарей.

Вся глубоко развернутая взаимодействующая сеть опорных пунктов поддерживалась массированным огнем артиллерии с закрытых огневых позиций. Эта часть артиллерии наносила частичное поражение атакующим танкам, расстраивала их боевые порядки, отсекала от них пехоту и подавляла наиболее эффективно действовавшие артиллерийские батареи противника. Зенитная артиллерия отражала удары авиации противника, а с выходом танков противника в район ее огневых позиций включалась в борьбу с ними.

Стрелковые подразделения, располагавшиеся непосредственно в боевых порядках противотанковых опорных пунктов, огнем своего оружия поражали танковые десанты автоматчиков, отрывая их от танков и не позволяя им проникать на огневые позиции противотанковых орудий. Инженерные заграждения и препятствия замедляли темп движения танков, частично нанося им поражение минно-взрывными средствами, и

тем самым обеспечивали более уверенную и меткую стрельбу орудий по танкам.

Опираясь на упорство и стойкость обороны гарнизонов противотанковых опорных пунктов и районов, вторые эшелоны дивизий и корпусов, танковые резервы армий и фронтов контратаками и контрударами довершали разгром ослабленных и задерживаемых системой противотанкового огня первых эшелонов противника и не допускали организованного взаимодействия их с подводимыми наступающим противником резервами.

Таким образом, борьба с танковыми и механизированными частями и дивизиями врага велась всеми основными родами сухопутных войск и авиацией, которая громила танки врага на марше, в районах сосредоточения, на исходных позициях. Она была тем успешнее, чем теснее и согласованнее удавалось наладить взаимодействие между этими родами войск. В нанесении решительного поражения танкам главную роль играли огневые средства, а среди них полевая артиллерия, обладавшая наибольшей мощью огня.

Опыт почти четырехлетней вооруженной борьбы показал огромную роль артиллерии в успешном проведении оборонительных сражений. Она была той силой, которая позволяла сухопутным войскам сдерживать атаки танковых войск, наносить им огромные потери и подготавливать их разгром последующими контрударами и переходом в контрнаступление. Артиллерия вела эффективную борьбу с авиацией противника, наносившей удары по войскам, органам управления, тылам; вместе с авиацией участвовала в упорной борьбе за господство в воздухе. Она наносила поражение артиллерии и пехоте противника, ослабляя силу их удара и ломая настойчивость и упорство войск противника в наступлении.

В ходе оборонительных сражений и боев Второй мировой войны были разработаны более совершенные способы боевого использования артиллерии и управления крупными ее массами в оборонительном сражении, новые приемы и методы борьбы, в первую очередь в организации отпора наступающим танковым массам противника, поддерживаемым крупными силами авиации. Особенно велик и многообразен этот опыт у Советской армии, обладавшей самой могущественной и совершенной артиллерией.

Вопреки некоторым ошибочным предположениям Вторая мировая война подтвердила решающее для того времени значение огня артиллерии и при прорыве укрепленных полос современной обороны. Правда, успешный ход кампаний немецко-фашистских войск в Польше, Франции, а также в северных

странах Европы и на Балканах, казалось, утверждал правильность положения, что сухопутные войска не следует обременять таким громоздким и дорогостоящим родом войск, как артиллерия, особенно тяжелая. Известно, что танковые войска, поддерживаемые авиацией, успешно преодолевали оборону противостоящего противника, прорыв осуществлялся быстро, темпы наступления были высокими. Но так развивались события до войны с Советским Союзом. Уже в боях под Лугой, Смоленском и Киевом продвижение танковых немецких дивизий стало встречать значительные трудности. Все чаще противник вынужден был изменять свои оперативные планы, маневрировать войсками вдоль фронта, подтягивать резервы. Темпы наступления немецких дивизий стали заметно снижаться. Но это были только симптомы назревавшего кризиса немецкого наступления. В полной мере он разразился, как известно, в сражении под Москвой.

С этого времени противнику каждое наступление приходилось начинать с прорыва заблаговременно подготовленной обороны. При этом прорыв уже не мог осуществляться без сильной артиллерии, и поэтому немецкое командование вынуждено было срочно усиливать ее. К началу летнего наступления 1942 года мощь немецкой артиллерии на Восточном фронте была увеличена примерно в полтора раза против июня 1941 года (по числу орудий и минометов). Например, в группе армий «Юг», выполнявшей главную роль в летнем наступлении 1942 года, число орудий возросло с 9,7 тыс. до 14,8 тыс., то есть более чем в 1,6 раза.

Подобная же тенденция была четко выражена в ходе Второй мировой войны, независимо от того, какой артиллерией располагала та или иная армия — сильной или слабой.

Советская армия обладала самой мощной артиллерией среди других армий мира, и тем не менее ее артиллерийские ресурсы неуклонно росли на протяжении всей войны. В главнейших наступательных операциях второго периода войны стало обычным, когда число артиллерийских полков стало превышать число стрелковых полков в армиях, действовавших на ударных направлениях. В контрнаступлении под Сталинградом в таких армиях количество артиллерийских полков было в 2,1–4,3 раза больше, чем стрелковых. В контрнаступлении под Курском это соотношение возросло до 3,3–5,4. В Висло-Одерской наступательной операции, например в 5-й ударной армии, на один стрелковый полк приходилось 7 артиллерийских полков.

Сосредоточение крупных артиллерийских масс к участкам прорыва сильно укрепленной оборонительной полосы не было

новым явлением. Оно широко практиковалось еще в позиционный период Первой мировой войны. Но теперь использование этих масс осуществлялось иными способами. В Первую мировую войну проводились многодневные артиллерийские подготовки, рассчитываемые на полное уничтожение противостоящего противника. Например, под Верденом в августе 1917 года артиллерийская подготовка длилась 7 дней, в течение которых немцы выпустили 4 млн снарядов на 17-километровом фронте. В том же месяце во Фландрии английская артиллерия обстреливала противника в течение 24 дней. Выбрасывались миллионы снарядов, но это не давало ожидаемого эффекта, так как противник успевал отводить свои войска из зоны обстрела и сохранял их для отражения атаки на втором рубеже. Вредные последствия длительной артиллерийской подготовки заключались не только в бесцельной затрате огромного количества снарядов, но и в потере элемента внезапности наступления.

Во Второй мировой войне отказ от неосуществимой задачи полного уничтожения средств и сил обороны и перенесение центра тяжести огневой работы артиллерии на подавление обороны позволили максимально сократить длительность артиллерийской подготовки не в ущерб эффективности ее огня. Тем самым усилился элемент внезапности наступления.

Возросшая дальнобойность орудий обеспечила возможность одновременного подавления обороны артиллерийским огнем на большую глубину, а увеличение скорострельности значительно повысило плотность артиллерийского огня, придав ему новые качества.

В Первую мировую войну неплохо умели массировать артиллерийские средства на участках прорыва, но не могли массировать их огонь.

Тогда, видимо, еще не понимали, что решающую роль в результатах артиллерийского огня играет не общее количество израсходованных снарядов, а плотность огня. Например, под Верденом, когда за 7 дней было выпущено 4 млн снарядов, фактическая плотность огня составляла примерно 56 снарядов в 1 минуту на 1 км фронта прорыва, а в Висло-Одерской операции наша артиллерия за время артиллерийской подготовки выпустила втрое меньше снарядов, но плотность ее огня равнялась 608 снарядам в 1 минуту на 1 км, то есть в 11 раз больше.

Самым важным следствием многократного увеличения плотности артиллерийского огня явилось значительное повышение надежности поражения живой силы и огневых средств противника, причем в кратчайшие сроки. Уже при плотностях

артиллерии 200–250 орудий и минометов на 1 км фронта прорыва происходило взаимное перекрытие эллипсов рассеивания снарядов соседних батарей, что увеличивало вероятность и надежность поражения обстреливаемых целей. Имели место многократные случаи разрушения и уничтожения тех целей, которые планом огня предусматривалось лишь подавить. Так возникли новые возможности к еще большему сокращению времени на артиллерийскую подготовку, тем более что подавление противника массированным артиллерийским огнем продолжалось и в ходе атаки.

Однако крупные массы артиллерии могут сыграть решающую роль лишь в том случае, когда осуществляется твердое управление ими, а массированный огонь артиллерии органически связан с ударом и маневром стрелковых и танковых частей. Если эти требования соблюдались не только в начальный момент атаки, но и в ходе наступления, то успех прорыва обороны противника обеспечивался в достаточно высоком темпе и ввод подвижных войск в прорыв осуществлялся до подхода оперативных резервов противника.

В этой связи необходимо вспомнить известные указания Ставки ВГК об артиллерийском наступлении, отданные в начале 1942 года, в которых рекомендовался ряд мероприятий, обеспечивающих непрерывное взаимодействие между артиллерией и пехотой (танками). Общий смысл указаний сводился к тому, чтобы заострить внимание всех командующих армиями и фронтами на таких основных вопросах современного наступления, как: обязательность применения массированного огня артиллерии в районе действий ударной группы войск; необходимость изыскания всех возможностей для максимального сосредоточения артиллерии на направлении главного удара; выполнение обязательного требования непрерывного взаимодействия массированного огня артиллерии с наступлением пехоты на всю глубину прорыва обороны противника.

В указаниях особое значение придавалось развитию активного характера действий артиллерии, сопровождающей наступление войск огнем и колесами. Это было вызвано, в частности, тем, что в ходе зимней кампании 1941/42 года встречались неоднократные случаи, когда артиллерийский огонь тщательно планировался лишь на время артиллерийской подготовки атаки, с началом же последней огонь резко ослабевал, в результате чего атака нередко затухала в самом ее начале, требовалось повторное проведение артиллерийской подготовки атаки в импровизированном, укороченном варианте, которая также проходила подчас безуспешно. Видимо, для того, чтобы

подчеркнуть необходимость активного характера действий артиллерии в наступлении, в указаниях Ставки был употреблен необычный термин «артиллерийское наступление».

Не анализируя вопроса о соответствии термина «артиллерийское наступление» объективному содержанию боевых действий артиллерии при прорыве обороны противника, надо отметить большую роль самих указаний Ставки, повысивших ответственность и побудивших общевойсковых и артиллерийских командиров и командующих к активному изысканию наиболее эффективных способов, к дальнейшему развитию передовых методов боевого применения артиллерии.

Сосредоточение крупных масс артиллерии на ударных направлениях обеспечивало возможность усилить мощь огневого удара и увеличить глубину одновременного поражения противника по крайней мере до тыловых границ главной полосы обороны. Внезапность огневого удара неизбежно повышала число потерь в рядах противника, морально потрясала его и ослабляла способность к сопротивлению, а распространение огня на большую глубину сужало возможность маневрирования резервами для противодействия начавшейся атаке. Тем самым обеспечивались надежность подавления и наиболее благоприятные условия для штурма обороны.

Одной из положительных сторон артиллерийского наступления явилось сохранение взаимодействия огня артиллерии и ее маневра с ударом и маневром пехоты и танков от начала атаки и до завершения прорыва обороны противника. Необходимость такого взаимодействия понимали и до войны, однако в полной мере не учитывали того, что это взаимодействие должно быть непрерывным. Иначе воспринималось и само понятие «непрерывность взаимодействия». Переоценивалась длительность подавления противника в результате артиллерийского обстрела. Полагали, например, что противник во время артиллерийской подготовки атаки выходит из строя на длительное время, которое и используется пехотой и танками для завершающего удара. Однако опыт войны показал, что подавленная огнем живая сила противника восстанавливает способность к сопротивлению в течение довольно короткого времени, то есть через 5—10 минут после прекращения огня. Отсюда более жесткие требования к организации огневой поддержки наступающей пехоты или танков: никакого разрыва во времени между концом артиллерийской подготовки и началом броска в атаку; сама атака превращается в неразрывное движение вперед массы артиллерийского огня и атакующих цепей пехоты и танков.

Под влиянием этих требований развивались новые и совершенствовались старые способы огневой поддержки атаки. Наиболее эффективными из них оказались огневой вал (одинарный или двойной), впервые примененный нашей артиллерией в советско-финляндской войне 1939–1940 годов, и последовательное сосредоточение огня или, в зависимости от обстановки, сочетание этих способов вместе. В дополнение к этим видам огня широко применялся огонь орудий непосредственной поддержки пехоты и танков, следовавших в боевых порядках атакующих частей. Контрбатарейные артиллерийские группы непрерывно подавляли артиллерию противника.

Требование непрерывной поддержки наступления на всю глубину обороны противника повлекло за собой глубокие изменения в методах централизованного управления массированным огнем артиллерии. Пришлось пересмотреть принцип формирования артиллерийских групп. От их формирования по принципу решаемых во время артиллерийской подготовки огневых задач перешли к формированию групп по тактическому принципу поддержки боя на всю глубину наступления. Стали создавать артиллерийские группы общевойскового командования от стрелкового полка до армии включительно. Имея такую подручную артиллерию, каждый общевойсковой командир получил возможность непосредственно воздействовать огнем на ход боя подчиненных войск.

Советская артиллерия, ускоряя взлом заблаговременно подготовленной обороны, приближала момент ввода подвижных войск для расширения тактического прорыва в оперативный в темпах, препятствующих оборонявшемуся противнику своевременно подвести резервы к полю боя. Подвижные артиллерийские части, действуя совместно с танковыми и механизированными соединениями в оперативной глубине противника, сообщали войскам большую пробивную способность при прорыве промежуточных и тыловых рубежей обороны, способствуя повышению темпов наступления и увеличению общего размаха наступательных операций.

Массированное применение артиллерии и решающая роль ее огня повысили значение артиллерии в минувшей войне и превратили ее в фактор оперативного значения.

Говоря о больших заслугах советской артиллерии в Великой Отечественной войне, нельзя не сказать о ее людях, вписавших немало ярких страниц в боевую историю Вооруженных Сил Советского государства. Опыт войны показал, что наша артиллерия, как и вся Советская армия, обладала превосходными кадрами рядового и командного состава. Воспитанные

Коммунистической партией на основе великих революционных идей марксизма-ленинизма, генералы и офицеры советской артиллерии показали себя бесстрашными, волевыми и инициативными командирами частей и соединений, непревзойденными мастерами в управлении массами артиллерийских средств. В ходе войны около 1800 артиллеристов было удостоено высшей награды нашей Родины — звания Героя Советского Союза.

Сотни артиллерийских частей и соединений награждены орденами. Многие из них получили почетное право называться гвардейскими. Эти цифры являются ярким свидетельством доблести и боевого мастерства, проявленных советскими артиллеристами в боях с врагами нашей любимой Родины.

Как бы ни был различен опыт армий, участвовавших во Второй мировой войне, он подтвердил решающую роль артиллерийского огня в обороне и наступлении.

Боевая техника артиллерии весьма разнообразна не только по ее конструктивным особенностям, но и по боевому назначению, породившему целый ряд специфических видов артиллерии. Одни из них постепенно отмирают, другие развиваются быстрыми темпами, как это происходит, например, сейчас во всех крупных армиях мира с ракетной артиллерией. Бурное развитие современной науки и техники ускоряет процесс вытеснения старого новым и производит революцию в вооружении армий. Артиллерия, претерпевая глубокие качественные изменения, остается одним из первостепенных факторов вооруженной борьбы.

Приложение 6

Аттестация За период с ноября 1959 г. по декабрь 1962 г.

На командующего ракетными войсками и артиллерией (указывается должность, наименование воинской части, соединения, вуза или учреждения).

Главного маршала артиллерии ВАРЕНЦОВА Сергея Сергеевича (воинское звание, фамилия, имя и отчество, личный номер)

Год рождения 1901 партийность и стаж член КПСС с 1941 г.

Национальность русский стаж службы в СА и ВМФ с марта 1919 г.

Стаж в должности с марта 1955 г. Дата присвоения звания 6 мая 1961 г.

Общее образование 7 классов высшего начального училища в 1917 г.

Военное образование Командные курсы артиллерии в 1921 г., сдал экстерном за нормальную арт. школу в 1926 г., АКУКС в 1930 г… ВАК при ВА ГШ в 1951 г.

I. ТЕКСТ АТТЕСТАЦИИ

Главный маршал артиллерии ВАРЕНЦОВ С.С. имеет большой опыт руководящей командной работы в войсках и центральном аппарате. Кандидат в члены ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР. Активный участник Великой Отечественной войны. Приобрел опыт по использованию больших масс артиллерии во всех видах боя и операции. Имеет достаточную подготовку в оперативно-тактическом отношении.

После войны был командующим артиллерией округа, а с 1952 года — в центральном аппарате Министерства обороны на должностях начальника Главного артиллерийского управления и командующего ракетными войсками и артиллерией.

Обладая разносторонним жизненным опытом, хорошими организаторскими способностями, трудолюбием, тов. ВАРЕНЦОВ С.С. проделал большую и плодотворную работу по формированию и обучению ракетных частей и соединений сухопутных войск.

Трехлетнее пребывание в должности начальника Главного артиллерийского управления позволяет ему правильно, со знанием дела решать вопросы, связанные с созданием новых образцов вооружения и внедрения его в войска.

Ракетные части и соединения оперативно-тактического назначения улучшили полевую выучку, добились повышения маневренности и способности к нанесению ракетных ударов в короткие сроки. Достигнуты положительные результаты в

выполнении боевых стрельб, управлении огнем и сокращении времени на подготовку ракет к пуску.

Ракетные дивизионы дивизий в основном освоили боевую технику, повысили маневренность и овладели ускоренными методами подготовки данных для стрельбы. Несколько улучшилась полевая выучка частей и подразделений наземной артиллерии. Вместе с тем ракетные части и соединения недостаточно отработали быстрое развертывание с марша в неподготовленных районах и нанесение ударов в ограниченные сроки. Не полностью решены вопросы ракетно-технического обеспечения ракетных частей. Желает лучшего выучка полковой и батальонной артиллерии. На устранение этих недостатков тов. ВАРЕНЦОВУ С.С. следует направить работу подчиненных командиров и их штабов.

Тов. ВАРЕНЦОВ часто бывает в войсках, оказывая им практическую помощь. Пользуется авторитетом в войсках и аппарате Министерства обороны. Подчиненными управлениями руководит уверенно и целеустремленно, однако еще имеются трения во взаимоотношениях с начальником Главного ракетно-артиллерийского управления и его подчиненными.

Много занимается расстановкой руководящих кадров ракетных войск и артиллерии, но иногда увлекается частой перестановкой их.

По характеру общителен, вежлив. Доступен для подчиненных. Заботлив об их нуждах и запросах. В то же время болезненно реагирует на критические замечания старших и даже Военного Совета в целом.

Активен в партийно-политической и общественной жизни. Систематически выступает на собраниях и партийных активах, поднимая важные и актуальные вопросы.

Состояние здоровья удовлетворительное.

ВЫВОД: Должности командующего ракетными войсками и артиллерией соответствует вполне.

Главнокомандующий сухопутными войсками Маршал Советского Союза *В. ЧУЙКОВ*

«14» декабря 1962 года

Приложение 7

Члену Верховного Совета СССР товарищу Белозерцеву С.В. г. Москва, Охотный Ряд, 7, гостиница «Москва» 16 декабря 1991 г.

Уважаемый Сергей Владимирович!

Ваше письмо по вопросу лишения звания Героя Советского Союза бывшего Главного маршала артиллерии Варенцова Сергея Сергеевича, адресованное министру обороны СССР, находится на рассмотрении в Главном управлении кадров Министерства обороны СССР.

По поручению сообщаю, что материалами, раскрывающими причину лишения звания Героя Советского Союза и снижения в воинском звании главного маршала артиллерии Варенцова С.С. до генерал-майора артиллерии, не располагаем.

По нашим учетным данным, тов. Варенцову С.С. звание Героя Советского Союза присвоено Указом Президиума Верховного Совета от 29 мая 1945 г.

Лишен звания Героя Советского Союза Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 марта 1963 г. и приказом министра обороны № 70 от 13 марта 1963 г. снижен в воинском звании до генерал-майора артиллерии.

По нашим запросам интересующими материалами Центральный государственный архив Октябрьской революции и Центральный архив Министерства обороны СССР не располагают.

По запросу в Главную военную прокуратуру нам сообщено, что 22 ноября 1991 г. Вам направлен необходимый материал.

Начальник 5-го управления ГУК МО СССР генерал-майор *Ю. РОЗОВ*

Члену Верховного Совета СССР товарищу Белозерцеву СВ. 103159, г. Москва, Охотный Ряд, 7, гостиница «Москва», № 944-А 18 декабря 1991 г. № 3-6735-91

Уважаемый Сергей Владимирович!

Сообщаю Вам, что 22 октября 1962 года возбуждено уголовное дело в отношении Пеньковского О.В., которое расследовалось в Следственном отделе КГБ при Совете Министров СССР, где и было окончено составлением обвинительного заключения.

Варенцов С.С. фигурировал в деле только в качестве свидетеля, при этом никакого обвинения ему не предъявлялось, подозреваемым он также не являлся. В отношении Варенцова С.С. работниками Главной военной прокуратуры представления не вносилось. Военной коллегией Верховного суда СССР частного

определения в адрес его также не выносилось. Из обвинительного заключения в отношении Пеньковского и Винна[282] усматривается, что среди свидетелей, вызванных в судебное заседание по данному делу, Варенцова С.С. нет. В обвинительной речи прокурора сведения о Варенцове С.С. также отсутствуют.

С точки зрения закона противоправные действия могут быть различными, в том числе и не подпадающие под статьи Уголовного кодекса, но влекущие за собой другие виды ответственности, в том числе дисциплинарную. В данной конкретной обстановке начала 60-х годов решение в отношении тов. Варенцова С.С. принималось не следственными органами КГБ при СМ СССР и не Главной военной прокуратурой, осуществлявшей прокурорский надзор только за расследованием уголовного дела Пеньковского и Винна, а высшими органами власти страны еще за два месяца до вынесения приговора подсудимым (приговор Военной коллегии Верховного суда СССР вынесен 11 мая 1963 г.). Причем поддержание государственного обвинения Главным военным прокурором по данному делу рекомендовано специальным постановлением ЦК КПСС. Этим же постановлением рекомендовалось вынесение судом и частного определения в отношении сотрудников иностранных посольств, а также и другие мероприятия по организации и проведению судебного процесса.

В связи с изложенным сообщаю, что в данном конкретном случае вопрос о снижении в воинском звании Варенцова С.С. и лишения его звания Героя Советского Союза не входит в компетенцию Главной военной прокуратуры.

Предыдущий ответ Вам давался исходя из фактических данных, имевшихся в уголовном деле Пеньковского и Винна. Такое же сообщение нами направлено и в Главное управление кадров Министерства обороны СССР по их запросу.

Заместитель Главного военного прокурора генерал-майор юстиции *В.С. ФРОЛОВ*

Приложение 8

Рипенко Юрию Борисовичу город Санкт-Петербург

Уважаемый Юрий Борисович!

Ваше обращение по вопросу о реабилитации С.С. Варенцова направлено в Главное управление кадров Министерства обороны Российской Федерации.

Врио начальника Направления (по делам Российского организационного комитета «Победа» и работе с ветеранами)

Л. Балясников

467

РИПЕНКО Ю.Б. г. Санкт-Петербург

Уважаемый Юрий Борисович!

Ваше обращение к Президенту Российской Федерации по вопросам восстановления Варенцова С.С. в звании Героя Советского Союза, в воинском звании Главного маршала артиллерии и возвращении государственных наград по поручению рассмотрено.

По данным картотеки Героев Советского Союза Главного управления кадров Министерства обороны Российской Федерации значится, что Варенцов С.С. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 марта 1963 года лишен звания Героя Советского Союза и приказом Министра обороны СССР от 13 марта 1963 года № 70 снижен в воинском звании с Главного маршала артиллерии до генерал-майора артиллерии.

В приказе Министра обороны СССР от 13 марта 1963 года № 0340 (находящемся на хранении в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации) о снятии генерал-майора артиллерии Варенцова С.С. с должности командующего ракетными войсками и артиллерией сухопутных войск и увольнении его с военной службы в отставку имеется ссылка на решение Президиума ЦК КПСС от 7 марта 1963 года. Приказа Министра обороны СССР от 13 марта 1963 года № 70 на хранении в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации не имеется.

Сведениями о лишении Президиумом Верховного Совета СССР Варенцова С.С. других государственных наград, материалами и сведениями, раскрывающими причины лишения Президиумом Верховного Совета СССР Варенцова С.С. звания Героя Советского Союза и снижения его в воинском звании с Главного маршала артиллерии до генерал-майора артиллерии, а также материалами решений Президиума ЦК КПСС по данному

вопросу Главное управление кадров Министерства обороны Российской Федерации не располагает.

Начальник 3-го управления *А. Ильин*

Приложение 9

Варенцовой Наталии Сергеевне

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (МИНОБОРОНЫ РОССИИ)

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАДРОВ

г. Москва, 119160

13 августа 2010 г. № 173/3/2303п

Уважаемая Наталия Сергеевна!

Ваше обращение к Президенту Российской Федерации Д.А. Медведеву по вопросу возвращения государственных наград Вашего отца С.С. Варенцова по поручению рассмотрено в Главном управлении кадров Министерства обороны Российской Федерации.

Согласно действующему законодательству Российской Федерации ордена и медали могут быть возвращены гражданину только после его восстановления в правах на государственные награды. В соответствии с Положением о государственных наградах Российской Федерации гражданин может быть восстановлен в правах на государственные награды в случае его реабилитации или если совершенное награжденным деяние, за которое он был лишен государственных наград, потеряло характер общественно опасного.

Комиссия по государственным наградам при Президенте Российской Федерации рассматривает вопросы восстановления граждан в правах на государственные награды на основании ходатайств органов местного самоуправления и администраций субъектов Российской Федерации.

Учитывая изложенное, Вам необходимо обратиться в администрацию по месту жительства с заявлением, приложив копии своего паспорта, а также архивной справки о награждении, приговора и справки об освобождении из мест лишения свободы *С.С.* Варенцова (?). При отсутствии документов о судимости в заявлении необходимо подробно указать, каким судом, за что был осужден С.С. Варенцов (?), когда отбывал наказание (?) и сведения о реабилитации.

ВрИО начальника 3-го управления /подпись/ *А. Руг*

Приложение 10

Основные даты жизни и деятельности С.С. Варенцова

1901, 15 сентября. Родился в подмосковном г. Дмитрове в семье разнорабочего Сергея Александровича Варенцова и его жены Вассы Васильевны.

— Учился в Дмитровском городском начальном училище.

— Учился на бухгалтерских курсах.

— Начало трудовой деятельности в должности счетовода.

1919, 10 марта. Добровольно вступил в Красную армию.

1919—? Воевал в составе перевязочного отряда 15-й стрелковой дивизии Южного фронта против войск Деникина.

? Проходил службу в г. Дмитрове.

1921. Окончил Детскосельские командные курсы тяжелой артиллерии.

16–17 марта. Участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа.

1921–1924. Командир взвода в Высшей артиллерийской школе в городе Луга.

1924–1925. Начальник связи батареи дивизиона тяжелой артиллерии особого назначения (ТАОН) Высшей артшколы.

1925–1926. Начальник связи и разведки батареи в учебном артиллерийском полку Артиллерийских курсов усовершенствования командного состава (АКУКС).

1926–1927. Начальник разведки дивизиона в учебном артиллерийском полку АКУКС.

1926. Экстерном сдал экзамены за полный курс Первой артиллерийской школы.

1927–1934. Начальник полковой артиллерийской школы 25-го артиллерийского полка 25-й стрелковой дивизии Киевского военного округа.

1927. Награжден именным револьвером от Кременчугского облисполкома.

1930. Окончил Артиллерийские курсы усовершенствования командного состава.

1934–1937. Помощник командира 41-го артиллерийского полка 41-й стрелковой дивизии по строевой части в Харьковском военном округе.

1937–1939. Исполняющий обязанности командира 41-го артиллерийского полка 41-й стрелковой дивизии.

1939, март. Назначен начальником артиллерии 41-й стрелковой дивизии.

1940, ноябрь. Назначен заместителем начальника артиллерии

6-й армии Киевского Особого военного округа.

1940, 28 декабря. Награжден золотыми часами с дарственной надписью наркома обороны С.К. Тимошенко.

1941, март. Назначен начальником артиллерии 6-го стрелкового корпуса Киевского Особого военного округа.

22 июня — август. Руководит артиллерией 6-го стрелкового корпуса в оборонительных сражениях войск Юго-Западного фронта.

Август. Назначен начальником артиллерии 40-й армии.

16 ноября. Награжден орденом Ленина.

Декабрь. Руководит артиллерией 40-й армии в оборонительных сражениях на рубежах рек Десна и Тим.

1942, январь — февраль. Руководит артиллерией 40-й армии на Курском и Белгородском направлениях.

28 июня — 24 июля. Руководит артиллерией 40-й армии в Воронежско-Ворошиловградской операции.

Сентябрь. Назначен начальником артиллерии 60-й армии.

Октябрь. Назначен командующим артиллерией Воронежского фронта (в октябре 1943 года переименован в 1-й Украинский фронт).

16–30 декабря. Руководит артиллерией Воронежского фронта в Среднедонской наступательной операции.

1943, 13–27 января. Руководит артиллерией Воронежского фронта в Острогожско-Россошанской операции.

24 января — 2 февраля. Руководит артиллерией Воронежского фронта в Воронежско-Касторненской операции.

1943, 8 февраля. За успешное руководство артиллерией в ходе Воронежско-Касторненской операции награжден орденом Кутузова I степени.

14 февраля. Награжден орденом Красной Звезды,

5—23 июля. Руководит артиллерией Воронежского фронта в оборонительной операции на Курской дуге.

3—23 августа. Руководит артиллерией Воронежского фронта в Белгородско-Харьковской наступательной операции.

1943, 27 августа. Награжден орденом Красного Знамени.

1943, Присвоено воинское звание генерал-полковник артиллерии.

1944, 10 января. Награжден орденом Суворова I степени.

25 августа. Награжден вторым орденом Кутузова I степени.

Сентябрь. Ранен в ходе Карпатско-Дуклинской операции.

3 ноября. Награжден вторым орденом Красного Знамени.

1945, 21 февраля. Награжден вторым орденом Ленина.

20 мая. Награжден третьим орденом Ленина.

29 мая. Присвоено звание Героя Советского Союза.

10 июня. Назначен командующим артиллерией Центральной группы войск.

24 июня. Участвует в историческом Параде Победы на Красной площади.

1947, январь. Назначен командующим артиллерией Прикарпатского военного округа.

1949, 20 июня. Награжден третьим орденом Красного Знамени.

1950–1951. Учится на Высших академических курсах при Военной академии Генерального штаба.

1951, октябрь. Назначен командующим артиллерией Закавказского военного округа.

1952, январь. Назначен начальником Главного артиллерийского управления (ГАУ), заместителем командующего артиллерией Советской армии.

1953, май. Назначен начальником ГАУ.

1955, март. Назначен командующим артиллерией Советской армии.

1961, январь — 1963, март. Командующий ракетными войсками и артиллерией сухопутных войск.

1963, 12 марта. Указом Президиума Верховного Совета СССР освобожден от должности командующего ракетными войсками и артиллерией сухопутных войск, понижен в воинском звании до генерал-майора артиллерии и уволен в отставку. Лишен звания Героя Советского Союза, ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

21 июня. Пленум ЦК КПСС вывел С.С. Варенцова из состава кандидатов в члены ЦК КПСС «за потерю политической бдительности и недостойные поступки».

1977, 7 *марта.* Кончина Сергея Сергеевича Варенцова.

Литература

1. *Артиллерия* в наступательных операциях второго и третьего периодов войны (19 ноября 1942 г. — 9 мая 1945 г.). Кн. 2. М., 1965.

2. *Артиллерия* в наступательных операциях первого периода войны (22 июня 1941 г. — 18 ноября 1942 г.). Кн. 1. М., 1964.

3. *Артиллерия* в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. 1. М., 1958.

4. *Артиллерия* в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. 2. М., 1961.

5. *Баграмян И.Х.* Так начиналась война. М., 1971.

6. БУП-42. Ч. 2. М., 1942.

7. *Василевский А.М.* Дело всей жизни. 5-е изд. М., 1984.

8. *Великая* Отечественная война Советского Союза. М., 1970.

9. *Винцер Бруно.* Солдат трех армий. М., 2010.

10. Военная мысль. 1959. № 5.

11. Военная мысль. 1961. № 1.

12. Военно-исторический журнал. 1959. № 4.

13. Военно-исторический журнал. 1986. № 6.

14. Военно-исторический журнал. 1986. № 7.

15. Военно-исторический журнал. 2008. № 5.

16. Военно-исторический журнал. 2008. № 3.

17. *Фесенко Н.* Маршал, который стал… генералом. Белгородские известия. 2001. 11–13 июля.

18. Правда. 1943. 24 августа.

19. Красная звезда. 1997. 29 января.

20. *Дело* маршала Варенцова // Труд. 2001. 5 апреля.

21. *Федоров Н.* К 100-летию со дня рождения С.С. Варенцова. Полководец // Дмитровский вестник. № 114. 2001.

22. *Федоров Н.* К 100-летию со дня рождения С.С. Варенцова. Полководец // Дмитровский вестник. № 116. 2001.

23. *Федоров Н.* К 100-летию со дня рождения С.С. Варенцова. Полководец // Дмитровский вестник. № 118. 2001. 22 сентября.

24. *Галицкий И.П.* Дорогу открывали саперы. М., 1983.

25. *Гот Г., Гудериан Г.* Танковые операции, «Танки вперед!». Смоленск, 1999.

26. *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. Смоленск, 1998.

27. *Долматовский ЕЛ.* Зеленая брама: Документальная легенда об одном из первых сражений Великой Отечественной войны. М., 1985.

28. *Жуков Г.К* Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1969.

29. Швейцарское военное обозрение. № 8.

30. *Иринархов Р.С.* У Днепровских круч… М., 2006.
31. *Исаев А.В.* Берлин 45-го года. Сражение в логове зверя. М., 2007.
32. *История* военной связи Российской армии. Т. 5. СПб.: ВУС, 1999.
33. *Казаков В.И.* На переломе. М., 1962.
34. *Казаков К.П.* Артиллерийский гром. М., 1978.
35. *Казаков К.П.* Всегда с пехотой, всегда с танками. М., 1973.
36. *Казакова Т.В.* Маршал артиллерии Казаков Василий Иванович: Фотоальбом. СПб.: Институт социологии, 2005.
37. *Катуков М.Е.* На острие главного удара. М., 1974.
38. *Конев И.С.* Записки командующего фронтом, 1943—
1945. Киев, 1987.
39. *Конев И.С.* Сорок пятый. М., 1966.
40. *Красовский С.А.* Жизнь в авиации. М., 1968.
41. *Крайнюков КВ.* Оружие особого рода. М., 1984.
42. *Крайнюков К.В.* От Днепра до Вислы. М., 1971.
43. *Кулинкин СП.* Генерал Ватутин. «Ни шагу назад!». М., 2007.
44. *Максимов А.Б.* Главная тайна ГРУ. М., 2010.
45. *Мерецков К.А.* На службе народу. М., 1983.
46. *Меллентин Ф.* Бронированный кулак вермахта. Смоленск, 1999.
47. *Миддельдорф Эйке.* Русская кампания: тактика и вооружение. М., 2000.
48. *Михалкин В.М.* Маршальский жезл в солдатском ранце: Воспоминания о службе военной. М., 2003.
49. *Москаленко К.С.* На Юго-Западном направлении. 1943–1945. Воспоминания командарма. Кн. II. М., 1973.
50. *Москаленко К.С.* На Юго-Западном направлении. Воспоминания командарма. Кн. I. М., 1969.
51. *Мощанский И.Б.* Взятие Берлина. Последний рывок. 16 апреля — 8 мая 1945 года. М., 2010.
52. *Надысев Г.С.* На службе штабной. М., 1976.
53. *Надысев Г.С.* На службе штабной. Рига, 1972.
54. Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1). М., 1993.
55. *Михайловец.* СПб.: МВАУ, 2008. № 15.
56. *О ракетах,* ракетных формированиях и 233-й ракетной бригаде. Военно-исторический очерк. СПб.: МВАА, 2005.
57. *Отечественная* артиллерия. 600 лет. М., 1986.
58. *Оценка* эффективности огневого поражения ударами ракет и огнем артиллерии. Военно-теоретический труд. СПб., 2006.

59. *Панферов М.Н.* Артиллерия 1-го Украинского фронта в Берлинской операции 1945 года: Приложение к диссертации на соискание ученой степени кандидата военных наук. Л., 1955.

60. *Пересыпкин И.Т.* Связь в начальный период войны. М", 1960.

61. *Полководцы* и военачальники Великой Отечественной. Сб.: М., 1970.

62. *Португальский Р.* Маршал Конев. Мастер окружений. М., 2007.

63. *Португальский Р.М.* Маршал Тимошенко. «Поставьте меня на опасный участок…». М., 2007.

64. *Прытков Ю.А.* …И свергнут властною рукой // Военно-исторический журнал. 1992. № 4–8.

65. *Рендулин Л.* Фатальные ошибки вермахта. Почему Германия проиграла войну. М., 2006.

66. *Семейный* архив дочери С.С. Варенцова Э.С. Гончаровой.

67. *Сандалов Л.М.* Первые дни войны: боевые действия 4-й армии 22 июня — 10 июля 1941 года.

68. *Сборник* боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 5. 1947.

69. *Сборник* боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 33.

70. *Скробов Я.Д.* За 69-й параллелью: Воспоминания артиллериста. Мурманск, 1986. С. 84.

71. *Советская* артиллерия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1960.

72. *Советская* военная энциклопедия. Т. 2. М., 1976.

73. *Статюк И.* Оборона Западной Украины 1941. М., 2006.

74. *Тайны* и уроки зимней войны, 1939–1940. СПб., 2002.

75. *Тухачевский М.Н.* Избранные произведения. Т. 2. М., 1964.

76. *Шарипов А.А.* Черняховский. М., 1980.

77. *Шлиффен А.* Канны. М., 1936.

78. *Яковлев Н.Д.* Об артиллерии и немного о себе. М., 1981.

79. http://ww2doc.50megs.com/Issue04/Issue04_24.html

80. http://frol96.narod.ru/library/astafiev/publicism/pre-budet.htm

81. http://grachey62.narod.ru/stalin/orders/chapt068.htm

82. http://grachev62.narod.ru/stalin/orders/chapt079.htm

83. http://grachev62.narod.ru/stalin/orders/chapt092.htm

84. http://grachev62.narod.ru/stalin/orders/chapt093.htm

85. http://grachev62.narod.ru/stalin/orders/chapt140.htm

86. http://grachev62.narod.ru/stalin/orders/chapt154.htm

87. http://grachev62.narod.ru/stalin/orders/chapt167.htm

88. http://grachev62.narod.ru/stalin/orders/chapt172.htm

89. http://grachev62.narod.ru/stalin/orders/chapt305.htm
90. http://grachev62.narod.ru/stalin/orders/chapt340.htm
91. http://grachev62.narod.ru/stalin/orders/chapt357.htm
92. http://grachev62.narod.ru/stalin/orders/chapt359.htm
93. http://grachev62.narod.ru/stalin/orders/chapt366.htm
94. http://grachev62.narod.ru/stalin/orders/chapt368.htm

Иллюстрации

Маршал артиллерии. Герой Советского Союза, командующий артиллерией Сухопутных войск Советской армии С.С. Варенцов. 1959 г

В.И.Ленин с выпускниками первых курсов тяжелой артиллерии Красной армии. В составе этого выпуска был красноармеец С.С. Варенцов. 1921 г.

Начальник полковой школы 25-го артиллерийского полка. 25-й стрелковой дивизии Киевскою военного округа С.С. Варенцов. 1932 г.

Майор С.С. Варенцов. 1937 г.

Начальник артиллерии 40-й армии Юго-Западного фронта генерал-майор С.С. Варенцов. Январь 1942 г.

В штабе Юго-Западного фронта. В центре — генерал-майор артиллерии С.С. Варенцов. 1941 г.

Приезд на фронт к С.С. Варенцову жены Екатерины Карповны и дочери Эрлены. 1942 г.

Генерал-майор артиллерии С.С. Варенцов с дочерью Эрленой и женой Екатериной Карповной у блиндажа в расположении 40-й армии. 1942 г.

Дочь С.С. Варенцова Эрлена докладывает родителям об окончании 1-го класса. Львов, май 1941 г.

Старшая дочь С.С. Варенцова Нинель. Фото 1942 г. Погибла в 1944 г.

Генерал-майор артиллерии С.С. Варенцов. Воронежский фронт. Январь 1942 г.

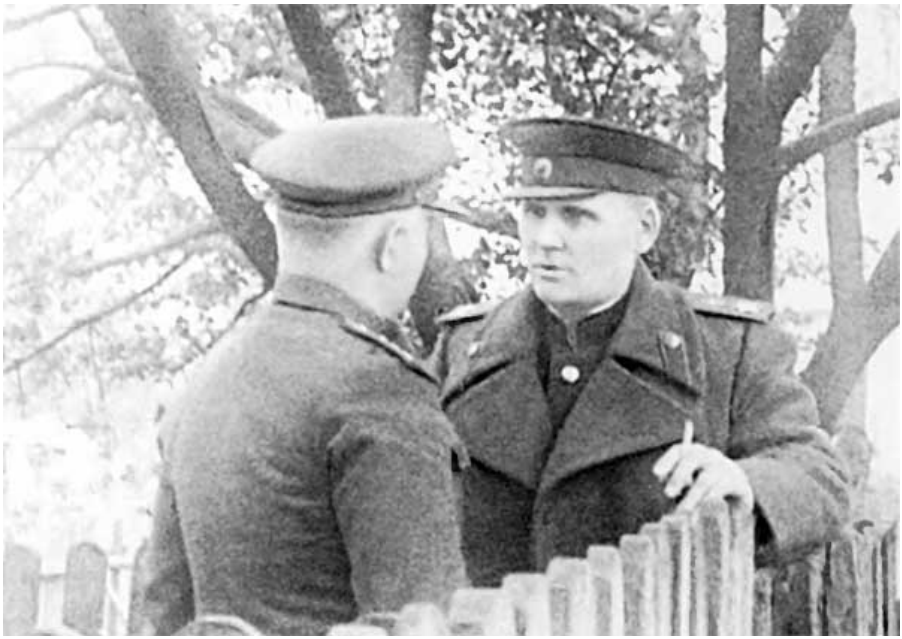
С.С. Варенцов с наградой — орденом Ленина. 1942 г.

Командующий артиллерией Воронежскою фронта генерал-лейтенант артиллерии С.С. Варенцов. 1943 г.

На передовом наблюдательном пункте. Воронежский фронт. 1943 г.

После заседания Военного совета Воронежского фронта: командующий артиллерией фронта генерал-полковник С.С. Варенцов, впереди — командующий фронтом Н.Ф. Ватутин с представителем Ставки Верховного командования. 1943 г.

Генерал-полковник артиллерии С.С. Варенцов с членом Военного совета 60-й армии генерал-майором В.М. Олениным на наблюдательном пункте 60-й армии. Август 1944 г.



Командующий войсками 1-го Украинского фронта Маршал Советского Союза И.С. Конев беседует со своим заместителем — командующим артиллерией фронта генерал-полковником С.С. Варенцовым

Генерал-полковник артиллерии С.С. Варенцов на докладе у

командующего 1-м Украинским фронтом Маршала Советского Союза И.С. Конева. 1944 г.

Высший командный состав 1-го Украинского фронта. Крайний справа сидит С.С. Варенцов, в центре — член Военного совета фронта Н.С. Хрущев

Выезд на наблюдательный пункт на подступах к Берлину. 1945 г.

Прием доклада командира 1-й гвардейской артиллерийской дивизии. 1945 г.

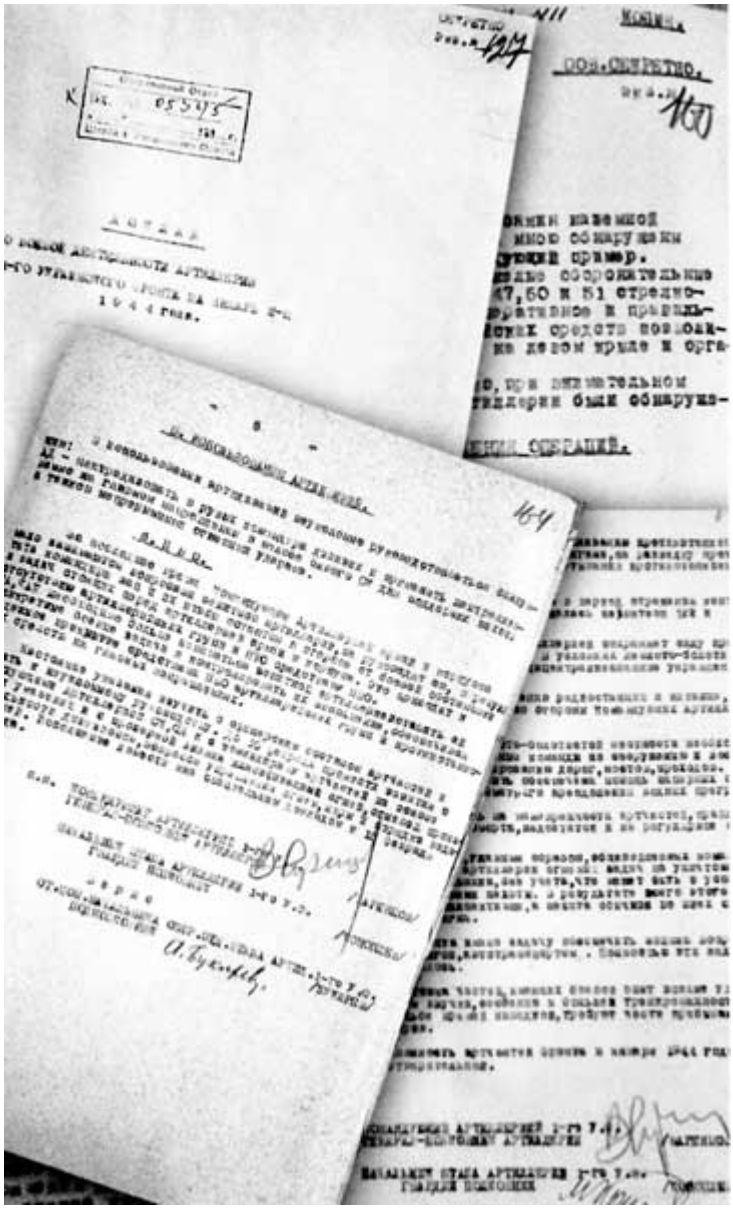
Встреча с союзниками 15 мая 1945 г. Тост произносит командующий 12-и группой армий США генерал Омар Брэдли. Второй смена — генерал-полковник артиллерии С.С. Варенцов

Тост за Победу с союзниками по антигитлеровской коалиции. Май 1945 г.

Поверженный Рейхстаг. 1945 г.

Генерал-полковник артиллерии С.С. Варенцов среди Героев Советского Союза — артиллеристов. Второй слева — легендарный противотанкист В.С. Петров, четвертый И.В. Купин, пятый — Н.С. Чевола

На параде гвардейского соединения, в честь вручения ему правительственной награды. 1945 г.



Доклад С.С. Варенцова о боевой деятельности артиллерии 1-го Украинского фронта за январь 1944 г.

Огонь ведет батарея противотанковых орудий

Расчет 76-мм пушки ведет огонь по врагу. Польша, осень 1944 г.

Марш-бросок советской артиллерии на Бреслау. 1945 г.

Расчет 152-мм батареи полка РВГК готов открыть огонь. 1945 г.

Батарея 122-мм гаубиц ведет огонь по врагу. 1945 г.

Расчет 122-мм гаубицы на улицах Берлина. 1945 г.

Батарея 122-мм гаубиц ведет огонь по предместьям Берлина. Апрель 1945 г.

Советские артиллеристы на улицах Берлина. Апрель 1945 г.

Зачехленная советская 122-мм гаубица на берлинской улице. Победа!

На Параде Победы. Третий справа — командующий артиллерией 1-го Украинского фронта генерал-полковник артиллерии С.С. Варенцов. Москва, 24 июня 1945 г.

Генерал-полковник артиллерии С.С. Варенцов с рядовым и сержантским составом. 1945 г.

Генерал-полковник артиллерии С. С. Варенцов в расположении 9-й гвардейской пушечной артиллерийской бригады в предместьях г. Веспрем, Венгрия, 1946 г.

С.С. Варенцов на приеме в Кремле по случаю присвоения ему звания маршала рода войск. 1955 г.

Вручение маршальских звезд. Сидят слева направо: И.Х. Баграмян, Н.Г. Кузнецов, Н.М. Пегов, К.Е. Ворошилов, В.И. Чуйков, А.И. Еременко; стоят: С.И. Руденко, В.И. Казаков, В. А. Судец, С.С. Варенцов, К.С. Москаленко, И.С. Исаков. Москва, Кремль. 1955 г.

С командирами артиллерийских соединений. Слева от маршала артиллерии С.С. Варенцова — Герой Советского Союза генерал-майор артиллерии И.В. Купин, справа — генерал И.Г. Гоффе. 1960 г

Главный маршал артиллерии С.С. Варенцов с генералом армии И. И. Якубовским и генералом армии А.С. Жадовым. 1962 г.

С.С. Варенцов на отдыхе с Маршалом Советского Союза Н.Х. Баграмяном, г. Бад-Эльстер, ГДР. 1958 г.

Эрлена Сергеевна Гончарова (Варенцова) с сыновьями Сергеем и Александром — курсантами Коломенского высшего артиллерийского командного училища

Наталья Сергеевна Варенцова — дочь С.С. Варенцова, кандидат педагогических наук, лауреат Государственной премии Правительства РФ в области образования

Герой Советского Союза, Главный маршал артиллерии С.С. Варенцов, командующий ракетными войсками и артиллерией Советской армии. 1962 г.

notes

Примечания

1

Военно-исторический журнал. 1992. № 4–5. С. 51.

2

Военно-исторический журнал. 1992. № 4–5. С. 54.

3

ТАОН — тяжелая артиллерия особого назначения.

4

АКУКС — артиллерийские курсы усовершенствования командного состава.

5

Военно-исторический журнал. 1992. № 4–5. С. 54–55.

6

Военно-исторический журнал. 1992. № 4–5. С. 52.

Военно-исторический журнал. 1992. № 4–5. С. 53.

8

Военно-исторический журнал. 1992. № 4–5. С. 53

9

Военно-исторический журнал. 1992. № 4–5. С. 53.

10

Военно-исторический журнал. 1992. № 4–5. С. 53.

11

Военно-исторический журнал. 1992. № 4–5. С. 54.

12

Военно-исторический журнал. 1992. № 4–5. С. 54

13

Боевой устав артиллерии, часть II, 1937, ст. 25.

14

Артиллерия в наступательных операциях первого периода войны (22 июня 1941 г. — 18 ноября 1942 г.). Кн. 1. М: Воениздат, 1964. С. 20.

15

Сандалов Л.М. Первые дни войны: боевые действия 4-й армии 22 июня — 10 июля 1941 года. М.: Воениздат, 1989. С. 38–39.

16

Миддельдорф Э. Русская кампания: тактика и вооружение. СПб.: Полигон; М.: АСТ, 2000. С. 152.

17

Первый период войны — с 22.06.1941 по 18.11.1942.

18

Накануне войны: Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1). М.: ТЕРРА, 1993. С. 38.

19

Артиллерия в наступательных операциях первого периода войны (22 июня 1941 г. — 18 ноября 1942 г.). Кн. 1. М.: Воениздат, 1964. С. 73.

20

Тайны и уроки зимней войны, 1939–1940. СПб.: Полигон, 2002 С. 353.

21

Военно-исторический журнал. 1959. № 4. С. 61

22

Цит. по: Долматовский Е.А. Зеленая брама: Документальная легенда об одном из первых сражений Великой Отечественной войны. М: Политиздат, 1985. С. 75.

23

Долматовский Е.А. Зеленая брама: Документальная легенда об одном из первых сражений Великой Отечественной войны. М.: Политиздат, 1985. С. 156.

24

Корольченко А.Ф. Маршал Рокоссовский. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. С. 28.

25

Португальский Р.М. Маршал Тимошенко. «Поставьте меня на опасный участок…». М.: Яуза; Эксмо, 2007. С. 137.

26

Гальдер Франц. Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск. 1939–1942 гг. Т. 3. М.: Воениздат, 1971. С. 34.

Яковлев Н.Д. Об артиллерии и немного о себе. М.: Воениздат, 1981. С. 56.

28

Рунов В.А. Жуков против Гальдера. Схватка военных гениев. М.: Яуза; Эксмо, 2010. С. 186.

29

Казаков К.П. Всегда с пехотой, всегда с танками. М.: Воениздат, 1973. С. 12–13.

30

Надысев Г.С. На службе штабной. Рига: Лиесма, 1972. С. 22–23.

31

Военно-исторический журнал. 1986. № 7. С. 43.

32

Военно-исторический журнал. 1992. № 6–7. С. 49.

Там же. 1986. № 7. С. 43.

Там же. 1992. № 6–7. С. 49.

Статюк И. Оборона Западной Украины в 1941 г. М.: Издательский центр «Экспринт», 2006. С. 11.

Иринархов Р.С. У Днепровских круч… М.: АСТ; Минск: Харвест, 2006. С. 69.

37

Баграмян И.Х. Так начиналась война. М.: Воениздат, 1971. С. 227

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. 1. М.: Воениздат, 1958. С. 73.

39

Пересыпкин И.Т. Связь в начальный период войны. М.: Воениздат, 1960. С. 45.

Мерецков К.Л. На службе народу. М.: Воениздат. 1983. С. 172.

Мерецков К.А. На службе народу. М.: Воениздат. 1983. С. 173.

42

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 33. С. 251.

43

Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск: Русич, 1998. С. 282.

Баграмян И.Х. Так начиналась война. М: Воениздат, 1971. С. 333.

45

Цит. по: Иринархов Р.С. У Днепровских круч… М: АСТ; Минск: Харвест, 2006. С. 551

46

Семейный архив дочери С.С. Варенцова Э.С. Гончаровой.

Военно-исторический журнал. 1992. № 4–5. С. 50.

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. 1. М.: Воениздат, 1958. С. 125.

49

Василевский А.М. Дело всей жизни. 5-е изд. М.: Воениздат, 1984 С. 101.

Военно-исторический журнал. 1992. № 6–7. С. 52.

51

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. 1. М.: Воениздат, 1958. С. 293.

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. 1. М.: Воениздат, 1958. С. 419.

53

Шарипов А.А. Черняховский. М.: Молодая гвардия, 1980. С. 108.

Надысев Г.С. На службе штабной. М.: Воениздат, 1976. С. 54–56.

55

Немцы сформировали и впервые применили артиллерийскую дивизию под Киевом осенью 1943 г.

Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1960. С. 184.

Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. Воспоминания командарма. Кн. 1. М.: Наука, 1969. С. 378.

Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. 1943–1945. Воспоминания командарма. Кн. 1. М.: Наука, 1969. С 390.

Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. 1943–1945. Воспоминания командарма. Кн. 1. М.: Наука, 1969. С. 391.

60

Цит. по: Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. 1943–1945. Воспоминания командарма. Кн. 1. М.: Наука, 1969. С. 392.

61

Военно-исторический журнал. 1992. № 4–5. С. 51.

http://www.litru.ru/?book=51473&page=12

http://www.litru.ru/?book=51473&page=11

64

Семейный архив дочери С.С. Варенцова Эрлены Сергеевны Гончаровой.

65

Семейный архив дочери С.С. Варенцова Эрлены Сергеевны Гончаровой.

http://www.litru.ru/?book=51473&page=10

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. 2. М.: Воениздат, 1961. С. 117.

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. 2. М.: Воениздат, 1961. С. 119.

69

Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1960. С. 208.

Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1960. С. 208.

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. 2. М.: Воениздат, 1961. С. 214.

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. 2. М.: Воениздат, 1961. С. 136.

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. 2. М.: Воениздат, 1961. С. 137.

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. 2. М.: Воениздат, 1961. С. 138.

Шлиффен А. Канны. М: Воениздат, 1936. С. 26.

Василевский А.М. Дело всей жизни. М.: Воениздат, 1984. С. 279.

77

Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1960. С. 224.

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. 2. М: Воениздат, 1961. С. 180.

Казаков К.П. Артиллерийский гром. М.: Молодая гвардия, 1978. С. 153.

Гот Г., Гудериан Г. Танковые операции, «Танки вперед!». Смоленск: Русич, 1999. С. 422.

81

Военная мысль. № 5. 1959. С. 56–69. В полном объеме статья представлена в приложении 4.

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. 2. М.: Воениздат, 1961. С. 220.

83

Куличкин С.П. Генерал Ватутин. «Ни шагу назад!». М.: Яуза; Эксмо, 2007. С. 373.

Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск: Русич, 1999. С. 431.

Фесенко Н. «Маршал, который стал… генералом» // Белгородские известия. 2001. 11–13 июля

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1969. С. 495.

87

Все выдержки из директивного письма Ставки ВГК № 03 от 10 января 1942 г. даются по тексту «Сборника боевых документов Великой Отечественной войны», вып. 5, 1947. С. 8—10.

Казаков К.П. Артиллерийский гром. М.: Молодая гвардия, 1978. С. 142–143.

БУП-42. Ч. 2. М., 1942. С. 144.

Артиллерия в наступательных операциях Великой Отечественной войны. Кн. 2. М.: Воениздат, 1965. С. 175–176.

91

Артиллерия в наступательных операциях Великой Отечественной войны. Кн. 2. М.: Воениздат, 1965. С. 176.

Швейцарское военное обозрение. № 8. 1954.

93

Катуков М.Е. На острие главного удара. М.: Воениздат, 1974. С. 244.

Куличкин С.П. Генерал Ватутин. «Ни шагу назад!». М.: Яуза; Эксмо, 2007. С. 376.

95

Правда. 1943. 24 августа.

Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1960. С. 250.

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. 2. М.: Воениздат, 1961. С. 224.

Цит. по: Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1960. С. 295.

99

Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1960. С. 291.

100

Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. 1943–1945. Воспоминания командарма. Кн. II. М.: Наука, 1973. С. 162.

101

Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1960. С. 292.

102

Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1960. С. 293–294.

103

Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. 1943–1945. Воспоминания командарма. Кн. II. М.: Наука, 1973. С. 167.

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. 2. М… Воениздат, 1961. С. 227.

105

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. 2. М.: Воениздат, 1961. С. 244.

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. 2. М.: Воениздат, 1961. С. 259–260.

107

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. 2. М.: Воениздат, 1961. С. 285.

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. 2. М.: Воениздат, 1961. С. 287.

109

Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. 1943–1945. Воспоминания командарма. Кн. II. М.: Наука, 1973. С. 200–201.

Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. 1943–1945. Воспоминания командарма. Кн. II. М.: Наука, 1973. С. 219.

111

Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 271.

Куличкин С.П. Генерал Ватутин. «Ни шагу назад!». М.: Яуза, Эксмо, 2007. С.

113

Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 271.

Военно-исторический журнал. 1967. № 2. С. 15.

115

Москаленко К.С На Юго-Западном направлении. 1943–1945. Воспоминания командарма. Кн. II. М.: Наука, 1973. С. 223–225.

Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. 1943–1945. Воспоминания командарма. Кн. II. М.: Наука, 1973. С. 227.

117

Крайнюков К.В. От Днепра до Вислы. М.: Воениздат, 1971. С. 117.

118

Военно-исторический журнал. 1967. № 2. С. 18.

119

Винцер Бруно. Солдат трех армий. М.: Вече, 2010. С. 229–230.

Рендулич Л. Фатальные ошибки вермахта. Почему Германия проиграла войну. М.: Яуза; Эксмо, 2006. С. 93.

121

Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. 1943–1945. Воспоминания командарма. Кн. II. М.: Наука, 1973. С. 231.

122

Меллентин Ф. Бронированный кулак вермахта. Смоленск: Русич, 1999. С. 396.

123

Военно-исторический журнал. 2006. № 5. С. 32.

Военная мысль. 1961. № 1. С. 67.

125

Казакова Т.В. Маршал артиллерии Казаков Василий Иванович: Фотоальбом. СПб.: Институт социологии, 2005. С. 32.

126

Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1960. С. 346.

127

Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1960. С. 354.

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. 2. М.: Воениздат, 1961. С. 357.

129

Тухачевский М.Н. Избранные произведения. Т. 2. М.: Воениздат, 1964. С. 82.

Крайнюков К.В. От Днепра до Вислы. М.: Воениздат, 1971. С. 210.

131

Красовский С.А. Жизнь в авиации. М.: Воениздат, 1968. С. 258.

Полководцы и военачальники Великой Отечественной: Сборник. М.: Молодая гвардия, 1970. С. 74–75.

133

Куличкин С.П. Генерал Ватутин. «Ни шагу назад!». М: Яуза; Эксмо, 2007. С. 37.

Крайнюков К. В. Оружие особого рода. М: Мысль, 1984. С. 139–140.

135

Галицкий И.П. Дорогу открывали саперы. М.: Воениздат, 1983. С. 175.

http://ww2doc.50megs.com/Issue04/Issue04_24.html

137

Галицкий И.П. Дорогу открывали саперы. М: Воениздат, 1983. С. 179.

В полной мере это относится и к 1-му Украинскому (до октября 1943 г. — Воронежский) фронту.

139

Надысев Г.С. На службе штабной. Рига: Лиесма, 1972. С. 168.

Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. 1943–1945. Воспоминания командарма. Кн. II. М.: Наука, 1973. С. 346.

141

Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. 1943–1945. Воспоминания командарма. Кн. II. М: Наука, 1973. С. 361–362.

142

Конев И.С. Записки командующего фронтом, 1943–1945. Киев: Политиздат Украины, 1987. С. 254.

143

Конев И.С. Записки командующего фронтом, 1943–1945. Киев: Политиздат Украины, 1987. С. 255.

Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941 1945 гг. М.: Воениздат, 1960. С. 472.

На первый и второй периоды артиллерийского наступления состав групп был еще большим, то есть 6–8 дивизионов.

Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1960. С. 477.

147

Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1960. С. 477.

148

Конев И.С. Записки командующего фронтом, 1943–1945. Киев: Политиздат Украины, 1987. С. 255.

149

Конев И.С. Записки командующего фронтом, 1943–1945. Киев: Политиздат Украины, 1987. С. 265.

150

Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1960. С. 487.

http://www.mil.ru/940/37814/37810/index.shtml

152

Конев И.С. Записки командующего фронтом, 1943–1945. Киев: Политиздат Украины, 1987. С. 304.

153

Надысев Г.С. На службе штабной. Рига: Лиесма, 1972. С. 197–198.

http://www.litm.ru/?book=51473&page=12

155

Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. Т. 12. М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. С. 116–117.

156

Конев И.С. Записки командующего фронтом, 1943–1945. Киев: Политиздат Украины, 1987. С. 306.

http://www.mil.ru/940/37814/37810/index.shtml

158

Советская военная энциклопедия. Т. 2. М: Воениздат, 1976. С. 376.

159

Конев И.С. Записки командующего фронтом, 1943–1945. Киев: Политиздат Украины, 1987. С. 324.

Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: Воениздат, 1963. С. 142.

161

Сборник материалов по изучению опыта войны. № 23 (март — июнь 1946 г.). М.: Воениздат, 1947. С. 4.

162

Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: Воениздат, 1963. С. 144.

163

Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. 1943–1945. Воспоминания командарма. Кн. II. М.: Наука, 1973. С. 434.

164

Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941 1945 гг. М.: Воениздат, 1960. С. 534.

165

Конев И.С. Записки командующего фронтом, 1943–1945. Киев: Политиздат Украины, 1987. С. 328.

166

Семейный архив дочери С.С. Варенцова Э.С. Гончаровой.

167

Семейный архив дочери С.С. Варенцова Э.С. Гончаровой.

168

Семейный архив дочери С.С. Варенцова Э.С. Гончаровой.

169

Семейный архив дочери С.С. Варенцова Э.С. Гончаровой.

170

Семейный архив дочери С.С. Варенцова Э.С. Гончаровой.

Дмитровский вестник. 2001. № 114.

Конев И.С. Сорок пятый. М.: Воениздат, 1966. С. 10

173

Симонов К.М. Разные дни войны. Дневник писателя. Т. 1. 1941. М.: Известия, 1981. С. 419–421.

Соколов В.Ф. На правом фланге фронта. М.: Воениздат, 1985. С. 50–51.

175

Скробов Я.Д. За 69-й параллелью: Воспоминания артиллериста. Мурманск: Кн. изд-во, 1986. С. 84.

176

Симонов К.М. Разные дни войны. Дневник писателя. Т. I. 1941. М.: Известия, 1981. С. 441–442.

177

Артиллерия в наступательных операциях второго и третьего периодов войны (19 ноября 1942 г. — 9 мая 1945 г.). Кн. 2. М.: Воениздат, 1965. С. 615.

178

Артиллерия в наступательных операциях второго и третьего периодов войны (19 ноября 1942 г. — 9 мая 1945 г.). Кн. 2. М.: Воениздат, 1965. С. 579.

179

Артиллерия в наступательных операциях второго и третьего периодов войны (19 ноября 1942 г. — 9 мая 1945 г.). Кн. 2. М.: Воениздат, 1965. С. 580.

180

Конев И.С. Записки командующего фронтом, 1943–1945. Киев: Политиздат Украины, 1987. С. 416.

181

Конев И,С. Записки командующего фронтом, 1943–1945. Киев: Политиздат Украины, 1987. С. 428.

182

Советская военная энциклопедия. Т. 2. М: Воениздат, 1976. С. 112.

183

Исаев А.В. Берлин 45-го года. Сражение в логове зверя. М.: Яуза; Эксмо, 2007. С. 217.

184

Конев И.С. Записки командующего фронтом, 1943–1945. Киев: Политиздат Украины, 1987. С. 441.

185

Португальский Р. Маршал Конев. Мастер окружений. М.: Яуза; Эксмо, 2007. С. 170.

186

Конев И.С. Записки командующего фронтом, 1943–1945. Киев: Политиздат Украины, 1987. С. 452.

187

Панферов М.Н. Артиллерия 1-го Украинского фронта в Берлинской операции 1945 года // Диссертация на соискание ученой степени кандидата военных наук. Л.: Артакадемия, 1955. С. 49–50.

188

Артиллерия в наступательных операциях второго и третьего периодов войны (19 ноября 1942 г. — 9 мая 1945 г.). Кн. 2. М.: Воениздат, 1965. С. 639.

189

Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1960. С. 621.

190

Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1960. С. 621.

191

Португальский Р. Маршал Конев. Мастер окружений. М.: Яуза; Эксмо, 2007. С. 174.

Конев И.С Сорок пятый. М.: Воениздат, 1966. С. 100.

193

История военной связи Российской армии. Т. 5. СПб.: ВУС, 1999. С. 246.

194

Конев И.С. Записки командующего фронтом, 1943–1945. Киев: Политиздат Украины, 1987. С. 456–457.

195

Мощанский И.Б. Взятие Берлина. Последний рывок. 16 апреля — 8 мая 1945 года. М.: Вече, 2010. С. 162.

196

Конев И.С. Записки командующего фронтом, 1943–1945. Киев: Политиздат Украины, 1987. С. 457.

197

Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941 1945 гг. М: Воениздат, 1960. С. 699.

198

Панферов М.Н. Артиллерия 1-го Украинского фронта в Берлинской операции 1945 года // Диссертация на соискание ученой степени кандидата военных наук. Л.: ВАКА, 1955. С. 184.

199

Конев И.С. Записки командующего фронтом, 1943–1945. Киев: Политиздат Украины, 1987. С. 483.

Конев И.С. Сорок пятый. М.: Воениздат, 1966. С. 139.

201

Отечественная артиллерия. 600 лет. М.: Воениздат, 1986. С. 296

Конев И.С. Сорок пятый. М.: Воениздат, 1966. С. 149

203

Конев И.С. Записки командующего фронтом, 1943–1945. Киев: Политиздат Украины, 1987. С. 502.

Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М: Воениздат, 1960. С. 707.

205

Этот безымянный офицер — С.С. Варенцов. Далее В. Астафьев об этом скажет.

http://www.litru.ru/?book=51473&page=6

http://www.litru.ru/?book=51473&page=11

Конев И.С. Сорок пятый. М.: Воениздат, 1966. С. 228.

Конев И.С. Сорок пятый. М.: Воениздат, 1966. С. 231.

210

Конев И.С. Записки командующего фронтом, 1943–1945. Киев: Политиздат Украины, 1987. С. 578.

211

Конев И.С. Записки командующего фронтом, 1943–1945. Киев Политиздат Украины, 1987. С. 620–622.

212

Военно-исторический журнал. 1992. № 6–7. С. 52

213

Великая Отечественная война Советского Союза. М., 1970. С. 515

214

Семейный архив дочери С.С. Варенцова Э.С. Гончаровой.

215

Конев И.С. Записки командующего фронтом, 1943–1945. Киев: Политиздат Украины, 1987. С. 621.

Казакова Т.В. Маршал артиллерии Казаков Василий Иванович: Фотоальбом. СПб.: Институт социологии, 2005. С. 76.

217

Военно-исторический журнал. 1992. № 8. С. 66.

218

Семейный архив дочери С.С. Варенцова Э.С. Гончаровой.

219

Семейный архив дочери С.С. Варенцова Э.С. Гончаровой.

Казакова ТВ. Маршал артиллерии Казаков Василий Иванович: Фотоальбом. СПб.: Институт социологии, 2005. С. 76.

221

Первые ПТРК появились: в 1945 г. в Германии, в 1955 г. — во Франции, в 1960 г. — в СССР. Военная энциклопедия. Т. 7. М.: Воениздат, 2003. С. 62.

Военно-исторический журнал. 2008. № 3. С. 11.

223

В марте 1953 г. все ракетные бригады были переименованы в инженерные бригады РВГК.

О ракетах, ракетных формированиях и 233-й ракетной бригаде: Военно-исторический очерк. СПб.: МВАА, 2005. С. 65.

225

О ракетах, ракетных формированиях и 233-й ракетной бригаде: Военно-исторический очерк. СПб.: МВАА, 2005. С. 53.

226

Семейный архив дочери С.С. Варенцова Э.С. Гончаровой.

227

О ракетах, ракетных формированиях и 233-й ракетной бригаде: Военно-исторический очерк. СПб.: МВАА, 2005. С. 72.

228

Семейный архив дочери С.С. Варенцова Э.С. Гончаровой.

229

Семейный архив дочери С.С. Варенцова Э.С. Гончаровой.

Михайловец. СПб.: МВАУ, 2008. № 15. С. 84.

231

Отечественная артиллерия. 600 Лет. М.: Воениздат, 1986. С. 341.

Оценка эффективности огневого поражения ударами ракет и огнем артиллерии. СПб.: Галлея Принт, 2006. С. 16.

Михайловская военная артиллерийская академия (1820–2005 гг.): Исторический очерк. СПб.: МВАА, 2005. С. 117.

234

Семейный архив дочери С.С. Варенцова Э.С. Гончаровой.

235

Семейный архив дочери С.С. Варенцова Э.С. Гончаровой.

236

Семейный архив дочери С.С. Варенцова Э.С. Гончаровой.

Дмитровский вестник. № 117. 2001. 20 сентября.

238

Михалкин В.М. Маршальский жезл в солдатском ранце: Воспоминания о службе военной. М.: Книга и бизнес, 2003. С. 172–174.

239

Семейный архив дочери С.С. Варенцова Э.С. Гончаровой.

240

Семейный архив дочери С.С. Варенцова Э.С. Гончаровой.

241

Военно-исторический журнал. 1992. № 8. С. 68.

Военно-исторический журнал. 1992. № 8. С. 68.

Дело маршала Варенцова // Труд. 2001. 5 апреля.

Коммерсантъ. № 186 (904). 1995. 7 октября.

245

Военно-исторический журнал. 1992. № 8. С. 69

http://www.mosoblpress.ru/dmit_r/show.shtml?d_id=373

Максимов А.Б. Главная тайна ГРУ. М.: Яуза; Эксмо, 2010. С. 287.

Коммерсантъ. № 186 (904). 1995. 7 октября.

249

Военно-исторический журнал. 1992. № 8. С. 70.

250

Федоров Н. К 100-летию со дня рождения С.С. Варенцова. Полководец //Дмитровский вестник. № 118. 2001. 22 сентября.

251

Дмитровский вестник. № 118. 2001. 22 сентября.

http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=119196

Максимов А.Б. Главная тайна ГРУ. М.: Яуза; Эксмо, 2010. С. 228.

Военно-исторический журнал. 1992. № 8. С. 70.

Красная звезда. 1997. 29 января. С. 4.

256

В то время С.С. Варенцов был Главным маршалом артиллерии. Звание маршала артиллерии предшествует званию Главного маршала артиллерии. Всего в Советской армии был четыре Главных маршала артиллерии: Н.Н. Воронов (1944), М.И. Неделин (1959), С.С. Варенцов (1961) и В.Ф. Толубко (1983).

Максимов А.Б. Главная тайна ГРУ. М.: Яуза; Эксмо, 2010. С. 286–287.

Максимов А.Б. Главная тайна ГРУ. М.: Яуза; Эксмо, 2010. С. 289.

Независимая газета. 1992. 9 января.

260

Семейный архив дочери С.С. Варенцова Э.С. Гончаровой.

Фесенко Н. Маршал, который стал… генералом // Белгородские известия. 2001. 11–13 июля.

Дмитровский вестник. 2001. № 114.

263

Военно-исторический журнал. 1992. № 4–5. С. 55–56.

264

Панферов М.Н. Артиллерия 1-го Украинского фронта в Берлинской операции 1945 года: Приложение к диссертации на соискание ученой степени кандидата военных наук. Л.: ВАКА, 1955. С. 8—14.

http://grachev62.narod.ru/stalin/orders/chapt068.htm

http://grachev62.narod.ru/stalin/orders/chapt079.htm

http://grachev62.narod.ru/stalin/orders/chapt092.htm

http://grachev62.narod.ru/stalin/orders/chapt093.htm

http://grachev62.narod.ru/stalin/orders/chapt140.htm

http://grachev62.narod.ru/stalin/orders/chapt154.htm

http://grachev62.narod.ru/stalin/orders/chapt167.htm

http://grachev62.narod.ru/stalin/orders/chapt172.htm

http://grachev62.narod.ru/stalin/orders/chapt305.htm

http://grachev62.narod.ru/stalin/orders/chapt340.htm

http://grachev62.narod.ru/stalin/orders/chapt357.htm

http://grachev62.narod.ru/stalin/orders/chapt359.htm

http://grachev62.narod.ru/stalin/orders/chapt366.htm

http://grachev62.narod.ru/stalin/orders/chapt368.htm

Военная мысль. 1959. № 5. С. 56—69

Военная мысль. 1961. № 1. С. 67.

281

Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. Издательство иностранной литературы, 1958. Т. II. С. 125, 147.

282

Винн — английский гражданин, проходивший по делу Пеньковского.